Проф. М. Н. Петровъ.
(† 23 янв. 1887) г.

ЛЕКЦІИ
по
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ТОМЪ IV.

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВѢКОВЪ
(ОТЪ ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА ДО КОНВЕНТА)

въ обработкѣ
Проф. В. П. Бузескула.

ИЗДАНІЕ 2-Е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Первое изданіе было удостоено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія большой преміи Петра Великаго.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ. Колокольная, № 14.
1905.

Проф. М. Н. Петровъ.
(† 23 янв. 1887) г.

ЛЕКЦІИ
по
ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ТОМЪ IV.

ИСТОРІЯ НОВЫХЪ ВѢКОВЪ
(ОТЪ ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА ДО КОНВЕНТА)

ВЪ ОБРАБОТКѢ
Проф. В. П. Бузескула.

ИЗДАНІЕ 2-Е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

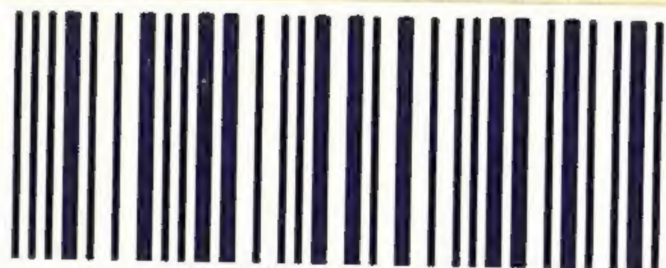
Первое изданіе было удостоено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія большой преміи Петра Великаго.

Издалъ В. Березовскій
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ. Колокольная, № 14.
1905.

1701

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 5 лин., 28.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Лекціи» проф. М. Н. Петрова, сохранившіяся въ литографированныхъ запискахъ и теперь выходящія въ свѣтъ вторымъ изданіемъ, заканчиваются законодательнымъ собраніемъ. По дальнѣйшей исторіи революціи въ бумагахъ покойнаго ничего не оказалось, кромѣ краткаго конспекта, и я не счелъ возможнымъ взять на себя составленіе продолженія. При обработкѣ этого (IV-го) тома я придерживался тѣхъ же правилъ, что и при редактированіи предыдущаго. Въ настоящемъ (второмъ) изданіи, кромѣ болѣе или менѣе краткихъ добавленій въ библіографическихъ указаніяхъ, пришлось сдѣлать и довольно значительныя вставки въ текстѣ въ обзорѣ «Литературы по исторіи революціи»: характеристика трудовъ Сореля и Олара (стр. 148—155), равно какъ и русскихъ работъ, касающихся исторіи французской революціи (стр. 157 — 162), написана мною вновь.

В. Бузескулъ.

Харьковъ.
1905 г., 6-го февраля.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ II.

Французская революція (до конвента).

ДОБАВЛЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Т. III.

Стр. 6. Baudrillart, „Église catholique, le Renaissance, le Protestantisme". 1904.

Стр. 16. — Rocholl. „Bessarion. Studie zur Geschichte d. Renaissance". Leipz

Стр. 6. – Статья Л. Ю. Шепелевича объ Эразмѣ въ болѣе полномъ видѣ помѣщена теперь въ его „Историко-литературныхъ этюдахъ". Спб. 1904.

Стр. 34—35. — A. O. Meyer. „Studien zur Vorgeschichte d. Reformation" („Histor Bibi"). München-Berlin. 1903; Denifle, „Luther und Luthertum in der ersten Entwicklung". I. B. Mainz. 1904 (подобно труду Янсена, сочиненіе это вызвало страстную полемику и взволновало протестантовъ).

Стр. 36—37. — W. Köhler, „Dokumente zum Ablasstreit von 1517" („Sammlung ausgewählter Kirchen-und dogmengeschichtlicher Quellenschriften, als Grundlage für Seminarübungen, hrsg. von G. Krüger. Tübingen. 1902): Brieger, „Die neuesten Ablass-Studien" (Preuss. Jahrb.", 1904, juni).

Стр. 68. — Mentz, „Johann-Friedrich der Grossmütige. 1503—1554". I. B. Jena. 1903.

Стр. 75. — Mackinnon, The Growth and Decline of the French Monarchy". Lond., N.-York, Bombay. 1902. — По исторіи Франціи въ XVII—XVIII ст. см. также популярные „Очерки" г-жи Быковой.

Стр. 116. — Gairdner, „The English church in the sikteenth century".

Стр. 137. — Miss Stone, „The history of Mary I,. Queen of England". Lond. 1901.

Стр. 138. — По исторіи Шотландіи — Brown, „History of Scotland". V. II. Cambr. 1902; Lang, „History of Scotland from the Roman occupation". Edinb. 1902.

Стр. 141—142. — „Papal negociations with Mary, queen of Scots, during her reign in Scotland, 1561—1567" („Scottish history Society"). Edinb, 1901. Henderson опубликовалъ текстъ инкриминируемыхъ документовъ по наиболѣе древнимъ копіямъ и съ варіантами. — О Маріи Стюартъ см. еще соч. Skelton (1893) и Fleming (1897).

Стр. 145. — Corbett, „Drake and the Tudor Navy". 1898. 2 v.; его-же, „The successors of Drake". 1900.

Стр. 147. — „The letters and speeches of Oliver Cromwell, with elucidations by Thomas Carlyle; edited with notes, supplement and enlarged index, by S. C. Lomas (здѣсь г-жа Lomas опубликовала 149 новыхъ писемъ и рѣчей Кромвелля); Merriman, „Life and letters of Thomas Cromwell". Oxf. 1902. 2 v.

Стр. 148. — C. H. Firth, „Clarendon and History of the Rebellion" („The Engl. histor. Review", 1904).

Стр. 177. — Рус. пер. соч. Филиппсона, „Религіозн. контръ-революція въ XVI в.".

Стр. 211. — Philippi, „Der Westphälische Friede". Münster. 1898.

Стр. 219. — Очерки польской литературы въ эпоху гуманизма и реформаціи — Брикнера (на польск. яз.)

Т. IV.

Стр. 21. — Вышелъ III т. „Souvenirs sur M-me de Maintenon", par d'Haussonville et Hantaux; см. еще Haussonville, „M-me de Maintenon et M-me de Caylus" („Rev. des Deux Mondes". 1904, 1 mai).

Стр. 27. — Le Roy, „Gallicanisme au XVIII siècle". 1892.

Стр. 130. — Въ заглавіи вм. „Французская революція и имперія", слѣдуетъ „Французская революція (до конвента).

Стр. 153. — Пропущено заглавіе на поляхъ: „Оларъ".

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОТЪ ВЕСТФАЛЬСКАГО МИРА ДО ВѢНСКАГО КОНГРЕССА.

ОТДѢЛЪ I.

ДО НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Курсъ новой исторіи доведенъ былъ нами до половины XVII столѣтія, т.-е. представлено обозрѣніе главнѣйшихъ явленій западно-европейской жизни въ ея реформаціонномъ періодѣ. Заключенъ онъ былъ изложеніемъ Тридцатилѣтней войны, закончившейся Вестфальскими международными договорами, которыми и установлено было первое status quo государствъ Запада.

Дѣленіе втораго періода новой исторіи.

Теперь намъ предстоитъ обратиться къ изложенію событій слѣдующаго періода новой исторіи, ближайшаго къ намъ и обнимающаго время отъ Вестфальскаго мира до Вѣнскаго конгресса. Періодъ этотъ естественно распадается на два отдѣла:

1) отъ Вестфальскаго мира до начала французской революціи,

2) время Великой французской революціи.

Литература вопроса.

Изъ общихъ пособій, относящихся къ этому періоду новой исторіи, слѣдуетъ указать на извѣстную „Исторію XVIII в.“ Шлоссера, имѣющуюся и въ русскомъ переводѣ [1]), затѣмъ на сочиненіе

---

[1]) „Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи“. Перев. съ 4-го изд. Изд. 2-е. 8 т. Спб. 1868 сл. Въ подлинникѣ трудъ Шлоссера началъ появляться съ 20-хъ годовъ и закончёнъ въ 1848. *Б.*

Франке (Francke) на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Vorlesungen aus der Geschichte des XVIII Jahrhunderts", и на нѣмецкомъ же языкѣ „Europäische Geschichte im XVIII Jahrh". Карла Hоордена, а на французскомъ—„Исторію новаго времени" Лакуръ-Гайе.

Сочиненіе Шлоссера—до сихъ поръ почти единственный полный курсъ не только исторіи XVIII в., но также исхода XVII и начала XIX, курсъ, который, конечно, очень устарѣлъ (со времени его окончанія прошло болѣе полувѣка), но который все-же не замѣненъ еще другимъ. Трудъ этотъ рекомендуетъ себя вопервыхъ подробностью и богатствомъ своего матеріала. Долголѣтняя жизнь [1]) и обширныя литературныя и другія связи знаменитаго автора, въ юности своей бывшаго очевидцемъ многихъ событій, которыя онъ описалъ, громадный матеріалъ, имъ собранный въ теченіе 85-лѣтней жизни, замѣчательный литературный талантъ,—все это придаетъ курсу Шлоссера большую цѣну, такъ-что, какъ сборникъ матеріала для исторіи этого времени и какъ личныя записки самого Шлоссера, онъ никогда не потеряетъ своего значенія. Но за-то въ научномъ отношеніи сочиненіе это оказалось даже въ свое время довольно несостоятельнымъ. Въ нѣмецкой исторіографіи Шлоссеръ стоитъ особнякомъ. Онъ не принадлежалъ къ господствовавшей тамъ „исторической школѣ", основателями и корифеями которой были Нибуръ, Савиньи и Ранке. То объективное отношеніе къ историческому матеріалу, которое характеризуетъ труды этой школы, Шлоссеру было совершенно чуждо, да онъ и не считалъ его за нужное: объ объективной точкѣ зрѣнія, Objectivität, онъ отзывается съ презрѣніемъ. Онъ усвоилъ себѣ на исторію какой-то личный взглядъ и не создалъ ни ученія, ни школы, и, за исключеніемъ Гервинуса, отчасти Гейссера и нѣкоторыхъ другихъ, не имѣлъ учениковъ. Своеобразный взглядъ и отношеніе къ исторіи, которые характеризуютъ всѣ сочиненія Шлоссера заключаются въ томъ, что онъ смотрѣлъ на исторію, какъ на трибуналъ, произносящій приговоръ надъ событіями и лицами не только по ихъ общественному, но и нравственному значенію. Поэтому во всѣхъ его сочиненіяхъ, въ особенности въ „Исторіи XVIII в.", разлита какая-то скорбь о томъ, что, изучая исторію, онъ никогда не находилъ возвышеннаго ума и дарованій въ связи съ безукоризненною нравственностью, и напротивъ—чѣмъ выше были умъ и дарованія

[1]) Шлоссеръ родился въ 1776 г., а умеръ въ 1861. *Б.*

историческихъ дѣятелей, тѣмъ предосудительнѣе ихъ нравственная сторона. Такое отношеніе къ исторіи нельзя назвать строго-научнымъ. Задача исторіи состоитъ не въ томъ, чтобы судить дѣятелей и событія минувшаго времени, а въ томъ, чтобы уразумѣть и генетически объяснить ихъ или, другими словами, чтобы научно и художественно воспроизвесть прошедшее. Такова цѣль господствующей и въ настоящее время исторической школы въ Германіи. Шлоссеръ, напротивъ, становится по отношенію ко времени, которое онъ описывалъ, въ роль не только судьи, но часто и порицателя. Оттого сочиненіе его имѣетъ скорѣе характеръ личныхъ мемуаровъ, нежели настоящей объективной исторіи. Это XVIII в., какъ понималъ его Шлоссеръ, но не такъ, какъ онъ былъ прожитъ и какъ онъ протекалъ дѣйствительно. Вотъ почему общественное мнѣніе относилось къ Шлоссеру чѣмъ дальше, тѣмъ холоднѣе, что̀ выразилось въ особенности по случаю его смерти, когда естественно подняты были толки о его дѣятельности и произносилась надъ нею оцѣнка. Даже лучшій ученикъ его, Гервинусъ, авторъ извѣстной „Исторіи XIX вѣка", служащей продолженіемъ труда Шлоссера, почтившій своего учителя обширнымъ некрологомъ, не скрываетъ того, что старикъ, не смотря на свою когда-то громкую извѣстность, забытъ былъ при жизни.

Что касается сочиненія Франке, вышедшаго въ 1865 и, значитъ, тоже устарѣлаго, то это рядъ отрывочныхъ лекцій, которыя авторъ читалъ когда-то публично. Самостоятельнаго научнаго значенія лекціи эти не имѣли вовсе. Единственная заслуга ихъ состояла въ большей или меньшей новости матеріала для того времени; ибо авторъ пользовался всѣми новѣйшими монографіями, отчего курсъ его свѣжѣе и современнѣе Шлоссерова, но съ другой стороны, недостатокъ Франке состоитъ въ томъ, что онъ, какъ истый нѣмецъ, интересуется преимущественно исторіей нѣмецкихъ государствъ, Австріи и Пруссіи. За-то „Исторія XVIII вѣка" Ноордена, составленная, главнымъ образомъ, по архивнымъ документамъ и, слѣдовательно, заключающая много новыхъ и интересныхъ данныхъ, представляетъ всѣ признаки серьезнаго научнаго труда. [Но за смертью автора трудъ этотъ, задуманный въ чрезвычайно обширныхъ размѣрахъ, остался неоконченнымъ, и вышедшіе 3 тома его (1870 — 1882) обнимаютъ собою только время войны за Испанское наслѣдство, да и то лишь до 1711 г. „Исторія новаго времени" Лакуръ-Гайе, имѣющаяся и въ русскомъ переводѣ (Спб. 1894), касается періода съ 1610 г. до

1789 г. Она входитъ въ составъ коллекціи: „Lectures historiques" и есть въ сущности сборникъ или хрестоматія, гдѣ въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ собраны отрывки изъ источниковъ и новѣйшихъ сочиненій. Но это очень полезное пособіе.

Наконецъ въ числѣ общихъ пособій можно указать на соотвѣтственную часть „Allgemeine Geschichte" Георга Вебера (XII—XIII т.), которая переведена и на русскій языкъ [1]), и вообще на тѣ общія сочиненія, которыя были упомянуты въ III т., въ томъ числѣ на „Histoire générale", вышедшую подъ редакціею Лависса и Рамбо, на „Исторію Западной Европы" Н. И. Карѣева (т. II—III) и его-же] „Введеніе въ исторію новѣйшаго времени" (1882), представляющее хотя и краткое, но удачное философское обобщеніе событій Новой исторіи, [на II т. „Лекцій по новой исторіи" проф. В. В. Бауера (Спб. 1888), на „Учебникъ исторіи" проф. А. С. Трачевскаго], да на извѣстныя историческія хрестоматіи Овсянникова и Я. Г. Гуревича.

Характеристика этого періода.

Обращаясь теперь къ самому изложенію исторіи предстоящаго нашему изученію періода, мы должны прежде всего присвоить ему названіе, соотвѣтствующее его дѣйствительному значенію. По роду господствующихъ въ это время явленій естественнѣе всего назвать его—періодомъ господства династическихъ интересовъ и началъ политическаго равновѣсія въ Западной Европѣ. Но если мы обратимъ вниманіе на другую сторону тогдашняго историческаго движенія, на литературу и вообще умственную жизнь, то, по ихъ направленію, періодъ этотъ многими не безъ основанія называется философскимъ вѣкомъ, такъ какъ тогдашняя литература, о чемъ бы она ни трактовала, носила отвлеченный или философскій характеръ. Начало же этого времени, т.-е. вторая половина XVII в. и первые годы XVIII ст., можетъ еще спеціально быть названо вѣкомъ Людовика XIV, такъ какъ Франція играла тогда въ Западной Европѣ первую роль не только въ политическомъ, но и въ культурномъ отношеніи. Вотъ почему и намъ придется начать наше изложеніе эпохой Людовика XIV.

Отличіе его отъ періода реформаціоннаго.

Но прежде мы должны составить понятіе о характерныхъ особенностяхъ всего этого времени, такихъ особенностяхъ, которыми оно отличается отъ предшествовавшаго реформаціоннаго періода.

Каждая эпоха, какъ выразился нѣкогда одинъ изъ основате-

[1]) И на учебникъ Maréchal'я: „Hist. de l'Europe et particulièrement de la France de 1610 à 1789" (нѣсколько изданій). *Б.*

лей исторической школы, Савиньи, есть сынъ своего прошедшаго и отецъ будущаго. Въ данномъ случаѣ, значитъ, время о которомъ мы говоримъ, есть прямой результатъ того движенія, которое совершилось на Западѣ въ реформаціонный періодъ. Посмотримъ же, къ чему привело это движеніе и какіе интересы, формы и задачи завѣщало оно слѣдующему времени, т.-е. второй половинѣ XVII и XVIII вѣку, и характеристическія особенности этого послѣдняго періода, какъ отличіе его отъ предшествовавшаго, прослѣдимъ въ различныхъ сторонахъ исторической дѣятельности — въ сферѣ общественно-политической жизни, въ области международныхъ отношеній и затѣмъ въ кругу понятій, идей и вѣрованій, какъ онѣ выразились въ литературѣ эпохи. Укажемъ, конечно, только на самыя крупныя черты.

а) въ области общественно-политической жизни.

Итакъ, во-первыхъ, что касается общественно-политической жизни европейскаго Запада, то господствующее явленіе въ этой области есть почти повсемѣстное торжество абсолютной государственной власти надъ остатками средневѣковыхъ вольностей; такъ-что многими учеными и весь періодъ этотъ называется вѣкомъ абсолютныхъ монархій, хотя названіе это, какъ характеризующее только тогдашнюю общественную жизнь и, стало быть, какъ слишкомъ частное, не исчерпываетъ всего содержанія тогдашняго историческаго движенія. Усиленію монархической власти въ XVI и XVII в. способствовали многія обстоятельства: совершившееся объединеніе государственныхъ территорій, окончательное образованіе большихъ европейскихъ національностей, потребовавшихъ и особаго органа для своего выраженія, затѣмъ — упадокъ феодальнаго дворянства въ борьбѣ съ короной и среднимъ сословіемъ, далѣе — господство античныхъ представленій о всемогуществѣ и всезначеніи государства, которое вызвано было „Возрожденіемъ“, и наконецъ самая реформа Западной церкви, которая усилила монархическую власть не только въ протестантскихъ земляхъ, гдѣ она сосредоточила въ рукахъ правительства, кромѣ свѣтскаго авторитета, еще и управленіе церковными дѣлами, но даже и въ католическихъ, гдѣ реформа дала государямъ въ руки множество новыхъ орудій для ихъ полновластія — инквизицію, цензуру и проч., — орудій которыми они сначала пользовались для борьбы съ еретиками, но которыя потомъ послужили имъ и для подавленія ихъ политическихъ враговъ. Въ XVI и XVII вв. монархическій институтъ достигаетъ полнаго своего развитія и вступаетъ въ изслѣдуемое нами время въ полномъ своемъ всеоружіи и здѣсь-то, такъ ска-

зать, на порогѣ этихъ двухъ эпохъ, въ системѣ Людовика XIV, достигаетъ — сначала во Франціи, а потомъ во всей Европѣ — своего апогея. — Такимъ образомъ одной изъ задачъ нашихъ будетъ прослѣдить тѣ фазисы, тѣ видоизмѣненія абсолютно-монархическаго института, которые онъ проходилъ въ это время въ своемъ развитіи.

b) въ области международныхъ отношеній.

Во-вторыхъ, что касается области **международныхъ отношеній**, то руководящимъ началомъ этихъ отношеній въ XVI и XVII вв. была идея **равновѣсія политическихъ силъ**. Система политическаго равновѣсія получила свое начало еще въ средніе вѣка и первыя явленія ея мы встрѣчаемъ въ XIV и XV ст. въ Италіи, гдѣ политическая раздробленность края и его сравнительно высокая и ранняя культура обусловили возможность подобныхъ отношеній между отдѣльными государствами полуострова. Въ теченіе XVI в. явленіе это распространяется затѣмъ на всю континентальную Западную Европу, сначала когда, вслѣдствіе попытокъ французскихъ королей—Карла VIII, Людовика XII и Франсуа — усилить свое могущество завоеваніемъ Италіи, вся остальная Европа, а особенно Испанія и Германія, должна была противодѣйствовать этимъ завѣтнымъ стремленіямъ Франціи, а потомъ въ половинѣ этого вѣка система эта получила развитіе и примѣненіе, когда вслѣдствіе универсальныхъ плановъ Карла V и его чрезмѣрнаго могущества, опаснаго для другихъ государствъ, опять Европа въ лицѣ Франсуа I должна была отстаивать свою независимость въ виду преобладающей силы Габсбургскаго дома, представителемъ котораго тогда былъ Карлъ V. Наконецъ, въ первой половинѣ XVII в. опять преобладающее и грозное могущество Габсбургскаго дома вызвало противъ него коалицію Европы, выразившуюся въ Тридцатилѣтней войнѣ, въ которой религіозные интересы и побужденія играли уже второстепенную роль. Такъ какъ Тридцатилѣтняя война была первою обще-европейскою войною, въ которой, за исключеніемъ Англіи и Восточной Европы, приняли участіе всѣ западные державы, то идея равновѣсія, руководившая ими въ этой войнѣ, получила еще болѣе широкое примѣненіе и впервые создала нормальный международный порядокъ, санкціонированный на Вестфальскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ принципъ этотъ, унаслѣдованный отъ XVI и XVII вв., переходитъ и въ занимающее насъ время, съ тѣмъ различіемъ, что теперь цѣлью европейской политики дѣлается ослабленіе непомѣрно усилившейся Франціи и что идея политическаго равновѣсія принимаетъ особый характеръ: преобладающее значеніе въ

ней получаютъ теперь династическіе интересы, тогда какъ нѣтъ еще и помину о правахъ народностей, государственное значеніе которыхъ въ принципѣ признано было только гораздо позже, — именно со времени революціи XVIII вѣка. — Оттого и всѣ почти войны XVIII вѣка ведутся главнымъ образомъ изъ-за династическихъ интересовъ: за Испанское, Польское, Австрійское, Баварское наслѣдства.

Наконецъ, въ-третьихъ, намъ остается указать еще на ту перемѣну, которая въ XVII и XVIII вв. совершилась въ умственной жизни Западной Европы, какъ она выразилась въ тогдашней литературѣ. Борьба новыхъ церквей со старымъ католицизмомъ, наполняющая собою весь XVI в. и первую половину XVII, кончилась торжествомъ религіозной терпимости, которая во Франціи формально признана была Нантскимъ эдиктомъ, а въ Германіи—Вестфальскими договорами, а вмѣстѣ съ торжествомъ терпимости ослабѣли и отодвинулись на второй планъ религіозные интересы, занимавшіе въ реформаціонное время умы и совѣсти. Но духъ сомнѣнія, критики и свободнаго изслѣдованія, разъ пробужденный религіозной контроверзой предшествовавшаго времени, уже не могъ успокоиться и исчезнуть; только теперь онъ сталъ искать новаго поприща; только теперь вмѣсто церковно-религіозныхъ вопросовъ онъ обратился къ изслѣдованію и разрѣшенію задачъ и вопросовъ общественныхъ, имѣвшихъ непосредственное примѣненіе въ практической жизни. Поэтому и литература изъ церковно-богословской, какою она была въ реформаціонную эпоху, дѣлается въ XVIII в. философско-общественною, храня однако надъ умами ту же власть и воспитательное вліяніе, какія она имѣла въ XVI и XVII вв., и даже еще въ большей степени, такъ-что къ концу періода, который мы разсматриваемъ, именно во второй половинѣ XVIII ст., литература эта получаетъ въ Западной Европѣ характеръ несокрушимой силы. Вотъ почему и въ нашемъ изложеніи намъ придется обратить особенное вниманіе на литературное движеніе времени, въ особенности на литературу передовыхъ народовъ тогдашняго Запада—Англіи и Франціи. с) въ сферѣ литературы.

I. Вѣкъ Людовика XIV.

Въ новой исторіи Западной Европы—и именно во второй половинѣ XVII и въ теченіе XVIII в. — передовыми культурными націями являются французы, англичане и нѣмцы, такъ-что всѣ

другія западныя страны представляются только какъ-бы культурными провинціями этихъ трехъ главныхъ очаговъ европейской цивилизаціи. Поэтому и наше вниманіе должно быть сосредоточено въ это время преимущественно на исторіи Франціи, Англіи и Германіи.

Первенствующая роль Франціи.

Но и въ кругу даже этихъ трехъ передовыхъ западныхъ странъ первенствующая роль все-таки принадлежала тогда Франціи.

Много причинъ способствовало такой роли. Ранѣе другихъ странъ континента Франція сложилась въ большое сильное государство и ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо возникла тамъ свѣтская культура (провансальская). Нигдѣ такъ послѣдовательно и стройно не развились феодальныя учрежденія, но за-то нигдѣ и государственное начало не достигло такого ранняго и сильнаго роста. Освобожденіе городовъ тоже совершилось здѣсь ранѣе и полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, а въ XVI столѣтіи Франція явилась продолжательницей Италіи въ дѣлѣ возрожденія наукъ и искусствъ. Неудивительно послѣ этого, что уже въ XVII стол. французскій языкъ и литература, французскіе нравы и учрежденія сдѣлались на Западѣ господствующими и модными, сама же Франція стала образцовой страной для всего континента. И дѣйствительно, ея исторія совершилась чрезвычайно просто и ясно, безъ тѣхъ осложненій, какія испытывало развитіе другихъ странъ Европы, безъ запутаннаго и сложнаго вопроса о государственномъ объединеніи, который такъ долго задерживалъ естественный ростъ Германіи и Италіи, безъ вопроса національнаго, съ которымъ и понынѣ еще борется Австрія. А при такихъ условіяхъ Франціи легко было достигнуть ранѣе другихъ своей естественной силы и сдѣлаться образцомъ для всего Запада. Людовикъ же XIV былъ только счастливымъ наслѣдникомъ этой долгой и благопріятной исторической подготовки своей страны и народа, хотя и сообщилъ всему этому времени свое имя, но сообщилъ просто, какъ фирму, которою оно обыкновенно обозначается,—Siècle de Louis XIV.

Пособія и источники по исторіи эпохи Людовика XIV.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни французская, ни нѣмецкая ученая литература не представила ни одного сочиненія, которое бы съ должнымъ вниманіемъ всесторонне разсмотрѣло это время, такъ какъ нельзя же считать серьезными трудами по этому вопросу „Siècle de Louis XIV" Вольтера, оффиціальный панегирикъ, написанный имъ по заказу двора, и сочиненіе Капфига (Capefigue „Louis XIV, son gouvernement et relations diplomatiques avec l'Europe"), появившееся въ 40-хъ годахъ и страдающее общими недостатками всѣхъ работъ этого плодовитаго автора—поверхностностью и отсутствіемъ критики. [Правда, въ по-

слѣднее время появилось нѣсколько трудовъ, посвященныхъ исторіи вѣка Людовика XIV; таковы: Bonnemère, „La France sous Louis XIV. 1643—1715“ (Paris. 1864—5. 2 v.); Gaillardin, „Histoire du règne de Louis XIV“ (Paris. 1874—6. 6 v.); Philippson, „Das Zeitalter Ludwigs XIV“ (въ сборникѣ Онкена); но ихъ нельзя назвать вполнѣ удовлетворительными. Такъ, трудъ Gaillardin'а, при всей своей обширности, страдаетъ нѣкоторою односторонностью и ультрамонтанскою точкою зрѣнія, а работа Philippson'а—въ сущности популярная компиляція [1]). Есть еще книга Emile Bourgeois, подъ заглавіемъ „Le Grand Siècle. Louis XIV. Les Arts, les Idées“ (1896); но это роскошное изданіе, съ многочисленными рисунками, хотя и можетъ служить полезнымъ пособіемъ, но на самостоятельность не претендуетъ: текстъ составленъ, какъ это обозначено и на заглавномъ листѣ, по Вольтеру, Сенъ-Симону, Спангейму, Данжо, Севинье и друг., и представляетъ большею частью дословныя выдержки]. Такимъ образомъ, остаются сочиненія, спеціально касающіяся той или другой личности, того или другаго вопроса, той или другой стороны въ исторіи этого времени, сочиненія, иногда чрезвычайно важныя [2]). Впрочемъ, —и одно общее, которое нельзя тутъ никоимъ образомъ пройти молчаніемъ, хотя оно и не посвящено спеціально Людовику XIV; это—извѣстный трудъ Ранке: „Französische Geschichte, vornehmlich in XVI und XVII Jahrhund.“ Хотя сочиненіе это преимущественно посвящено французской исторіи XVI и XVII в., но авторъ въ общихъ картинахъ слѣдитъ также и за слѣдующимъ развитіемъ французской жизни до самой революціи.

Изъ источниковъ же вопроса на первомъ планѣ стоятъ, разумѣется, законодательные памятники эпохи, обработка которыхъ и систематическое изложеніе принадлежитъ французскому ученому Лемонте (Lemontey). Трудъ его называется „Опытъ о монархическихъ учрежденіяхъ Людовика XIV“ [3]). Затѣмъ открывается [рядъ реляцій венеціанскихъ и другихъ пословъ [4]), дипломатическихъ документовъ [5]), писемъ и корреспонден-

[1]) На русск. яз. см. лекцію Я. Г. Гуревича „Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности“ (Спб. 1886), и статью А. С. Трачевскаго, „Международная политика въ эпоху Людовика XIV“ („Ж. М. Н. Пр.“, 1888, № 1 сл.). *Б.*

[2]) См. ниже, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. *Б.*

[3]) „Essai sur l'établissement monarchique de Louis XIV“. Paris. 1818. *Б.*

[4]) Напр. Бранденбургскаго уполномоченнаго Spanheim'а („Relation de la cour de France en 1690 par Ezechiel Spanheim envoyé extraordinaire de Brandenbourg, publiée pour la Société de l'histoire de France par M. Ch. Schefer“. Paris. 1882; новѣйшее изданіе этой реляціи—Ém. Bourgeois, 1900). *Б.*

[5]) См. напр. замѣчательное изданіе Mignet, „Négotiations relatives à la succession d'Espagne sous Louis XIV“. Paris.1835. 4 v. (въ Collection de documents

цій [1]) и] почти необозримая масса современныхъ эпохѣ мемуаровъ [придворныхъ, министровъ, маршаловъ и даже самого короля [2]), мемуаровъ], въ которыхъ и выразился взглядъ тогдашнихъ поколѣній на совершающіяся событія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ мемуарамъ Сенъ-Симона; мемуары чрезвычайно обширные, состоящіе изъ 20 томовъ (въ изд. 1874 г.) и обнимающіе время отъ осады Намюра въ 1692 г. до смерти регента Филиппа Орлеанскаго въ 1723 г. Въ первый разъ они изданы были во Франціи въ 1829 г., но такъ какъ это изданіе неполное и невѣрное, то въ 1856 г. извѣстный французскій ученый Шерюэль предпринялъ новое изданіе. Новѣйшее, еще болѣе копитальное изданіе ихъ принадлежитъ Boislisle: текстъ мемуаровъ здѣсь сопровождается обширными примѣчаніями—комментаріями и экскурсами]. По признанію знатоковъ, записки Сенъ-Симона драгоцѣнны, какъ лучшее и живое изображеніе времени. Правда, что Сенъ-Симонъ рисуетъ почти исключительно дворъ великаго короля, но рисуетъ его такъ живо, что, читая его записки, вы чувствуете себя среди Версальской жизни и дышете тѣми страстями и интересами, которыми жили тѣ поколѣнія. Къ тому-же, такъ какъ жизнь тогдашняго высшаго французскаго общества [3]) сосредоточивалась во дворѣ, то записки эти имѣютъ важное значеніе для изученія всей эпохи; нужно только читать и пользоваться ими съ нѣкоторыми предосторожностями. Прежде всего

inédits“); а также „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution francaise“. 1884 сл. и друг. *Б.*

[1]) Таковы; корреспонденціи Кольбера („Lettres, instructions er mémoires de Colbert“, par Clément. Paris, 1862—73. 7 v., въ „Collect. de documents inédits pour l'hist. de France“), Ментенонъ („Correspondance génèrale de Mad. de Maintenon“, publiée par Theoph. Lavallée. Paris 1865—6. 4 v.), пфальцграфини Елизаветы Шарлотты, герцогини Орлеанской (изд. Holland, Stuttgart, 1867 sq.; см. также у Ranke. „Franz. Gesch.“, VI, [4-te Aufl.]), д'Аркура (Hippeau, „Avénement des Bourbons au trone d'Espagne, correspondance inédite du marquis d'Harcourt“. Paris. 1875. 2 v.), корреспонденція Людовика XIV съ Филиппомъ V (Baudrillart, въ „Archives des missions scientifiques et littéraires“, t. XV, и отдѣльно), „ Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV“, par Depping. Paris. 1855. 4 v. (въ „Collection de documents inédits“), переписка герцога Бургундскаго съ герцогомъ де Бовилье (De Vogüe „Le duc de Bourgogne et le duc de Beauvilliers. Lettes inédites 1700 — 1708“, P. 1900, и другія, о которыхъ см. ниже въ своемъ мѣстѣ. *Б.*

[2]) Мемуары Людовика XIV (Charles Dreuss, „Mémoires de Louis XIV pour l'instruction du Dauphin“. Paris. 1860. 2 v.; о степени ихъ подлинности и достовѣрности см. между прочимъ: Chéruel, „Valeur historique des Mémoires de Louis XIV“, въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques“, t. XXVI, 1886, déc.), Лувуа, Вильяра (новое изд. De Vogüé), Бервика, Люксембурга, Катина, Торси, Лувиля, Ноайля, Данжо и т. д. *Б.*

[3]) Характеристику французскаго общества можно найти въ соч. Du Bled, „La société francaise dn XVI au XX siècle (нѣсколько серій; XVII в. посвящена 3-я серія, 1902). *Б.*

не нужно упускать изъ виду, что Сенъ-Симонъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ дворомъ и королемъ, что онъ при этомъ дворѣ игралъ какъ-бы опальную роль, былъ ненавистникомъ всесильной Ментенонъ и личнымъ другомъ Филиппа Орлеанскаго, вокругъ котораго сосредоточивалась вся оппозиція. Затѣмъ нужно помнить, что Сенъ-Симонъ—родовитый французскій аристократъ, герцогъ и перъ Франціи, что всѣ его чувства и симпатіи принадлежатъ аристократіи [1]).

Личность Людовика въ характеристикѣ Ранке.

Послѣ этихъ замѣчаній, мы прямо познакомимся съ личностью „великаго короля", который наложилъ такую могущественную печать не только на Францію, но и на остальную Европу; мы познакомимся съ нею главнымъ образомъ словами Ранке [2]). „Воспитаніе Людовика XIV", говоритъ этотъ историкъ, „было чисто практическое [3]). Оно состояло въ наставленіяхъ Мазарини, въ раннемъ участіи въ государственныхъ дѣлахъ и въ той скудной теоретической наукѣ, которую онъ пріобрѣлъ отъ своихъ гувернеровъ, такъ-что солиднымъ образованіемъ онъ не отличался никогда. Еще съ ранней юности замѣтили въ немъ преданность католической церкви, страсть къ военному дѣлу и высокое понятіе о правахъ королевской власти, замѣтили также и его способности и его рѣдкую красоту, но никто не ожидалъ, чтобы онъ обнаружилъ такую неусыпную дѣятельность и такое твердое сознаніе долга. Политическія впечатлѣнія его юности представляли мало отраднаго. То были грустныя воспоминанія Фронды. Онъ помнилъ, какъ фрондеры возстали противъ лично объявленной имъ воли короля въ торжественномъ засѣданіи парламента (lit de justice); онъ помнилъ, какъ однажды еще ребенкомъ онъ долженъ былъ оставить столицу, какъ въ другой разъ крамольники ворвались ночью во дворецъ, раздвинули занавѣски его кровати, чтобы убѣдиться въ его присутствіи; какъ мать повела его смотрѣть на битву, происходившую у воротъ Парижа, какъ онъ самъ во время

---

[1]) О Сенъ-Симонѣ — небольшая, но прекрасная книжка Gaston Boissier (1892, въ коллекціи „Les grands écrivains francais"); въ частности, о его мемуарахъ и степени ихъ достовѣрности см. напр.: Cheruel, „Saint-Simon, considéré comme historien de Louis XIV". Paris. 1765; Baschet, „Le duc de Saint-Simon, son cabinet et l'historique de ses manuscrits". Paris. 1874; Wallon, „Les mémoires de Saint-Simon" („Journal des Savants", 1889, janv.), Ranke, V, 251 sq. (4-te Aufl.); Rob. Arnold „Saint-Simon und Dangeau" („Hist. Zeitschr.", 1886, 5-es Heft; о политическихъ идеяхъ Сенъ-Симона—ст. Sée въ „Revue histor.", 1900, mai—juin; ср. ст. Liard, „Saint-Simon et les Etats-généraux" (ibid., 1901, mars—avr.). Для характеристики политическихъ воззрѣній Сенъ-Симона важны его другія сочиненія, собранныя Faugère подъ общимъ заглавіемъ: „Ecrits inédits de Saint-Simon". *Б.*

[2]) III, 194 sq. (слова Ранке приводятся въ нѣсколько сокращенномъ и измѣненномъ видѣ). *Б.*

[3]) Ср. Lacour-Gayet, „L'éducation politiqe de Louis XIV", P. 1898. *Б.*

Испанской войны, спасая свой законный авторитетъ, долженъ былъ у мятежнаго принца Кондѐ отвоевывать городъ за городомъ. Что могло быть ближе и священнѣе для Людовика, какъ, вступивши во власть, продолжать эту, такъ сказать, личную борьбу до полнаго низложенія своихъ враговъ? Счастіе ему благопріятствовало. Сами французы послѣ стольких неурядицъ желали, какъ спасенія, крѣпкаго правительства. Вмѣсто люберальныхъ ученій Фронды распространилась теперь теорія о страдательномъ повиновеніи верховной власти даже и тогда, когда она переходитъ за границы закона и справедливости, ибо гражданскія войны еще гибельнѣе, чѣмъ сама тираннія. Нельзя же изсушить потокъ изъ-за того, что онъ иногда выходитъ изъ береговъ! Юнаго государя одушевляла, кромѣ того, глубокая антипатія къ временщикамъ. Мазарини оставилъ онъ власть изъ уваженія и благодарности, но подъ конецъ сталъ тяготиться имъ. Кардиналъ умеръ во-время. Тогда Людовикъ рѣшился самъ быть государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова; казаться и быть дѣйствительно полнымъ самодержцемъ сдѣлалось цѣлью его честолюбія. Зрѣло обдумывать рѣшенія, не довѣрять льстецамъ, не говорить никогда лишняго, необдуманнаго слова — сдѣлалось постояннымъ его правиломъ. И дѣйствительно, онъ до такой степени умѣлъ овладѣть собою, что даже въ самыхъ интимныхъ связяхъ ни на минуту не забывалъ, что онъ король, и въ самыхъ обыденныхъ мелочахъ жизни умѣлъ сохранить достоинство и величіе. Вся фигура его дышала энергіей и сознаніемъ власти“...

Вотъ мастерская характеристика, принадлежащая такому опытному и талантливому историку, какъ Ранке. Однако нужно замѣтить, что Ранке прямо приписываетъ зарожденіе въ душѣ короля возвышенныхъ понятій о власти государя вліянію скорбныхъ воспоминаній о смутахъ Фронды, которыми ознаменовано было его малолѣтство. Но на развитіе этихъ идей въ Людовикѣ XIV не меньшее вліяніе имѣли также и другія современныя событія и болѣе всего общественная революція въ сосѣдней странѣ,—въ Англіи. Что англійскіе перевороты не прошли для него даромъ и оставили глубокіе слѣды въ политическихъ убѣжденіяхъ короля,—это доказываютъ собственные мемуары Людовика XIV, которые написаны были имъ въ назиданіе дофину, т.-е. наслѣднику французскаго престола. Въ мемуарахъ этихъ по случаю предполагавшейся войны съ Карломъ II Англійскимъ, Людовикъ XIV входитъ въ слѣдующія размышленія о бѣдственномъ положеніи государя, ограниченнаго въ своей власти народнымъ представительствомъ. „Несомнѣнно“, говоритъ онъ, „что подчиненіе, которое ставитъ

Политическія убѣжденія Людовика.

государя въ необходимость получать законы отъ своихъ подданныхъ, есть послѣдняя крайность, въ которую можетъ впасть человѣкъ нашего сана. Ибо, что̀ составляетъ величіе и достоинство монарховъ? Это не столько самый скипетръ, сколько способъ владѣть имъ. Главѣ только принадлежитъ право разсуждать и рѣшать, тогда какъ обязанность всѣхъ другихъ членовъ общества состоитъ въ точномъ исполненіи приказаній, которыя имъ даютъ". Далѣе король говоритъ дофину, что „какъ ни предосудительно для государя подчиняться вліянію своихъ министровъ, все же это положеніе сноснѣе, чѣмъ зависимость отъ представительнаго собранія, потому что министры нами созданы и всѣмъ обязаны намъ. Но совсѣмъ другое дѣло съ властью, которую народъ себѣ присвоиваетъ: чѣмъ больше вы ему предоставляете, тѣмъ большаго онъ домогается, и, если уже разъ овладѣлъ чѣмъ-нибудь, то пріобрѣтенное удерживается такимъ множествомъ рукъ, что нельзя уже вырвать его безъ крайняго насилія. Изъ множества лицъ, которыя составляютъ обыкновенно эти собранія, наименѣе покорными являются тѣ, которыя позволяютъ себѣ наибольшія вольности. Какъ только вы имъ уступите въ одномъ случаѣ, они тотчасъ воображаютъ себя въ правѣ всегда управлять вашими планами по своей фантазіи, такъ-что государь, который желаетъ обезпечить спокойствіе своему народу и оставить неприкосновеннымъ свое достоинство преемнику, долженъ употребить всѣ усилія, чтобы смирить ихъ мятежную дерзость. Впрочемъ, слишкомъ долго было бы останавливаться на размышленіяхъ, которыя повидимому для васъ излишни и которыя могутъ имѣть значеніе развѣ для того, чтобы познать все несчастіе нашихъ сосѣдей—англичанъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ государствѣ, въ которомъ вы призваны управлять послѣ меня, вы не встрѣтите власти, которая не гордилась бы тѣмъ, что отъ васъ заимствовала свой авторитетъ и достоинство". Далѣе Людовикъ развиваетъ мысль, что государства должны подчиняться одному законному повелителю, „такъ какъ нельзя не согласиться, что ничто не обезпечиваетъ такъ счастія и спокойствія государства, какъ соединеніе всякой власти въ одной особѣ монарха, надъ которымъ судья только Богъ". Наконецъ, онъ доказываетъ необходимость выслушивать мнѣнія другихъ, но рѣшать все не иначе, какъ самому, давать министрамъ постоянно чувствовать руку и глазъ государя, обуздывать своеволіе чиновниковъ, независимость судовъ, въ особенности же предупреждать всякія притязанія парламентовъ. Относительно этихъ послѣднихъ король говоритъ: „парламенты вообще были гибельны для госу-

дарства во время моего малолѣтства. Надобно было подавить ихъ не столько ради зла, которое они сдѣлали, сколько ради того, которое они могутъ сдѣлать въ будущемъ, ибо спокойствіе подданныхъ обезпечивается только ихъ повиновеніемъ, и для общества гораздо опаснѣе и гибельнѣе контролировать правительство, чѣмъ даже переносить его злоупотребленія". Вотъ характерные отрывки изъ этихъ мемуаровъ, которые собственно рисуютъ намъ образъ мыслей и складъ убѣжденій короля и въ которыхъ выражается его теорія абсолютной монархіи.

Подавленіе послѣднихъ остатковъ народныхъ вольностей и преобразованіе всѣхъ учрежденій въ абсолютно-монархическомъ духѣ.

Руководимый такими идеями, Людовикъ XIV вступилъ во власть по смерти Мазарини въ 1661 г. и тотчасъ направилъ свою дѣятельность къ подавленію послѣднихъ остатковъ народныхъ вольностей, которые уцѣлѣли еще къ этому времени во Франціи [1]).

Двумъ кардиналамъ, управлявшимъ судьбою страны въ теченіе почти полувѣка, удалось сдѣлать въ этомъ отношеніи многое, но далеко не все. Еще дворянство и принцы крови, какъ это показала Фронда, полны были самыхъ заносчивыхъ притязаній; парижскій парламентъ силился присвоить себѣ нѣкоторыя права народнаго представительства; духовенство или церковь держали себя какъ независимая корпорація; областныя привилегіи на каждомъ шагу сталкивались съ видами и правами центральной власти. До какой степени королевская власть была еще стѣснена и не увѣрена въ своихъ правахъ даже по отношенію къ собственнымъ министрамъ, показываетъ дѣло Николая Фукэ [2]), генеральнаго прокурора парижскаго парламента и оберъ-интенданта, т.-е. главноуправляющаго финансами. Человѣкъ этотъ сомнительнымъ путемъ составилъ себѣ громадное состояніе, покровительствуя вредной для государства системѣ займовъ, позволяя себѣ злоупотребленія и лихоимство, входя въ сдѣлки съ откупщиками и сборщиками податей (partisans). Живя съ княжескою пышностью и распоряжаясь государственными финансами почти безотчетно, онъ естественно нажилъ себѣ враговъ, которые при вступленіи молодого короля въ управленіе дѣлами постарались подставить ему ногу. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Людовика XIV было удаленіе этого временщика. Но надо читать въ современныхъ мемуарахъ о тѣхъ предосторожностяхъ и страхѣ, съ которыми при-

---

[1]) См. между прочимъ П. Н. Ардашевъ, „Абсолютная монархія на Западѣ". Спб. 1902 (въ коллекціи: „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ"). *Б.*

[2]) Chéruel, „Mémoires sur la vie publique et privée de Fouquet". Paris. 1865. 2 v.; Lair, „Nicolas Foucquet". 1890. 2 v. (защита Фукэ). *Б.*

ступлено было къ его аресту, чтобы понять всю шаткость тогдашняго французскаго самодержавія.

Людовикъ, слѣдуя своей программѣ, началъ съ того, что отмѣнилъ должность перваго министра, какимъ были въ прежнее время Ришелье и Мазарини, а также санъ великаго коннетабля и адмирала, и обязанности эти сосредоточилъ въ своей особѣ; министерство же свое образовалъ только изъ трехъ вполнѣ ему преданныхъ лицъ: Ле-Телье — для юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, де-Ліонна—для дѣлъ иностранныхъ, управленіе же финансами поручилъ Кольбéру, который мало-помалу сосредоточилъ въ своихъ рукахъ и всѣ другія отрасли экономической администраціи, промышленность, торговлю, флотъ, колоніи, пути сообщенія, публичныя зданія и даже народное просвѣщеніе. Къ этимъ тремъ лицамъ впослѣдствіи былъ еще присоединенъ Лувуа, какъ военный министръ. Все это были люди даровитые, но незнатнаго рода, беззавѣтно преданные королю. Да и самъ Людовикъ XIV смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ домашнихъ секретарей.

Затѣмъ началось преобразованіе всѣхъ почти государственныхъ учрежденій въ абсолютно-монархическомъ смыслѣ. Самое чувствительное противодѣйствіе полновластію короны могли представлять въ это время права или привилегіи парламентовъ и, особенно, парижскаго парламента, который давалъ тонъ всѣмъ другимъ [1]).

Парижскій парламентъ образовался изъ старинныхъ собраній перовъ средневѣковой Франціи, которыя еще до возникновенія государственныхъ сеймовъ (въ началѣ XIV ст.) морально ограничивали полновластіе престола, составляя какъ-бы придворный совѣтъ короля. Совѣтъ этотъ, кромѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ, имѣлъ также и высшую судебную власть въ государствѣ. Когда же со времени Филиппа IV Красиваго, кромѣ дворянства и духовенства, къ участію въ этихъ собраніяхъ впервые приглашены были и депутаты третьяго сословія, т.-е. горожанъ, то они превратились въ общесословные сеймы, которые назывались États généraux, и стали съ того времени созываться правительствомъ для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ; но въ виду усложнившихся теперь занятій этихъ представительныхъ собраній, Парламенты.

[1]) Glasson, „Le parlement de Paris. Son rôle politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la révolution". P. 1901. Ducoudray, „Les origines du parlement de Paris et la justice aux XIII et XIV siècle". P. 1902; Langlois, „Les origines du Parlement de Paris" („Rev. hist.", 1890, janv.—févr.); Merilhou, „Hist. des Parlements"; de Bastard, „Les parlaments de France". 1858. 2 v. *Б.*

судебная власть прежнихъ совѣтовъ формально была отдѣлена отъ нихъ и передана особой постоянной комиссіи, которая и стала собственно называться парламентомъ. Сначала былъ одинъ парламентъ въ Парижѣ; но послѣ, съ распространеніемъ государственной области, возникли еще провинціальные парламенты, число которыхъ въ XVIII ст. простиралось уже до 15. Всѣ они были солидарны между собою и одушевлены одинаковымъ корпоративнымъ и независимымъ духомъ. Пока созывались États généraux значеніе парламентовъ было только судебное; но въ началѣ XVII в. общесословные сеймы выходятъ изъ употребленія и États généraux 1614 года были послѣднимъ такимъ собраніемъ передъ революціею. Когда, такимъ образомъ, съ начала XVII ст. Франція осталась безъ всякихъ формъ народнаго представительства, то парламенты вспомнили свое происхожденіе отъ совѣта перовъ и отъ États généraux и стали присвоивать себѣ нѣкоторыя права этого представительства, а именно: контроль финансовъ, обсужденіе важнѣйшихъ дѣлъ и даже участіе въ законодательной власти. Сами короли, начиная съ Карла VII, много содѣйствовали этимъ притязаніямъ, такъ какъ для того, чтобы придать больше силы своимъ эдиктамъ и ордоннансамъ, они предлагали ихъ парламенту для внесенія въ его протоколы или реэстры (enregistrement), что̀ потомъ превратилось въ обычай, и въ XVII ст. парижскій парламентъ смотрѣлъ уже на это какъ на свое неотъемлемое право соглашаться или не соглашаться на королевскіе указы, внося или не внося ихъ въ свои протоколы. Современемъ же парламентъ присвоилъ даже себѣ право дѣлать правительству представленія, такъ называемыя remontrances, въ случаѣ какихъ-нибудь неправящихся ему распоряженій. Корпоративный духъ, развившійся вслѣдствіе этого въ парламентахъ, усилился еще болѣе, когда со времени Франсуа I мѣста членовъ парламента стали продаваться, а съ Генриха IV сдѣлались наслѣдственными въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ.

Ришелье первый нанесъ ударъ парижскому парламенту, введши въ обычай экстренныя засѣданія парламента, такъ называемыя Lits de justice, въ которыхъ король имѣлъ право лично приказать парламенту внести свое повелѣніе въ парламентскіе реэстры. Но во время Фронды парламентъ, соединившись съ вельможами, опять выступилъ съ своими притязаніями и Мазарини долженъ былъ хотя отчасти признать ихъ для того, чтобы возстановить спокойствіе и обезоружить вельможъ, находившихъ въ немъ опору.

Въ такомъ видѣ засталъ парламенты Людовикъ XIV. Мы

видѣли, какъ ему ненавистна была самая идея народнаго представительства. Съ его понятіями, конечно, не могло быть и рѣчи о государственныхъ сеймахъ, но даже и тѣ ограниченныя политическія права, которыя имѣлъ парламентъ, были ему глубоко антипатичны. И вотъ, по поводу противорѣчія парижскаго парламента одному королевскому эдикту, онъ вмѣсто торжественнаго Lit de justice просто явился въ засѣданіе, говорятъ, въ охотничьемъ костюмѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ [1]), разбранилъ членовъ и вслѣдъ затѣмъ совершенно преобразовалъ самое устройство парламента. [Указомъ 1673 г. уничтожены были политическія права его: парламенту повелѣно вносить безпрекословно въ свои реэстры распоряженія короля]. Парламентъ разбитъ былъ теперь на 3 отдѣльныя камеры (grande chambre, tournelle, chambre des enquêtes et des requêtes) и каждой поручены извѣстные судебные процессы. Общихъ собраній парламента съ этого времени уже вовсе не было, съ чѣмъ вмѣстѣ подавленъ окончательно и тотъ независимый духъ, который искони присущъ былъ этому учрежденію. Только впослѣдствіи, послѣ смерти „великаго короля“, уже во время регентства и въ правленіе Людовика XV, парламентъ сталъ дѣлать попытки возвратить свое прежнее политическое значеніе.

Бюрократія.

Послѣ устраненія этой, хотя слабой, но единственной формы народнаго представительства, оставалась еще бюрократія, которая тоже пользовалась извѣстными привилегіями и нѣкоторою независимостью. Въ первые годы самостоятельнаго правленія Людовика XIV замѣчается стремленіе къ ограниченію продажи должностей, но все-таки во Франціи и тогда считалось 45 тыс. чиновничьихъ мѣстъ, которыя продавались, составляя одну изъ видныхъ статей казеннаго дохода и представляя въ сложности громадную цѣнность въ 400 мил. Въ началѣ же XVIII в., именно въ 1709 г., стало быть, за 6 лѣтъ до смерти короля, истощенная казна, застигнутая крайними затрудненіями и близкая къ банкротству, для увеличенія своихъ рессурсовъ, создала и распродала еще 40 тыс. новыхъ должностей. Установлена была такса: за мѣсто сборщика податей взималось 150 тыс., парламентскаго совѣтника—100 тыс. и т. д. Понятно, что люди, затратившіе значительный капиталъ на покупку той или другой должности, пользовались затѣмъ своимъ оффиціальнымъ положеніемъ для того, чтобы путемъ лихоимства и другихъ вымогательствъ воротить затраченную сумму или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себѣ хорошій процентъ съ нея. Такъ, чиновникъ,

---

[1]) Достовѣрность этого анекдота подвержена сомнѣнію. Б.

заплатившій, напр., за мѣсто президента въ какой-нибудь финансовой или судебной части 400 тыс., долженъ былъ собирать ежегодно по меньшей мѣрѣ 25 тыс. для того, чтобы получить приличный доходъ съ затраченнаго имъ капитала. Разумѣется, что всѣ эти поборы ложились тяжелымъ бременемъ на народъ тѣмъ болѣе, что ради увеличенія доходовъ истощенной казны появилось теперь множество вовсе ненужныхъ должностей, какъ, напр., инспекторовъ вина, пива, меду, муки, устрицъ, снѣгу и льду, надзирателей за парикмахерами и проч. Такое покупное или продажное чиновничество нерѣдко было въ полнѣйшей зависимости отъ правительства и дѣлалось слѣпымъ орудіемъ его воли.

Впрочемъ, кромѣ этой обыкновенной магистратуры, Людовикъ XIV, для усиленія непосредственной власти правительства, создалъ еще рядъ особыхъ учрежденій и чиновниковъ, прямо зависѣвшихъ отъ короля [1]). Это—такъ называемыя коммиссіи, которыхъ въ мемуарахъ герц. Ришелье, не вполнѣ, впрочемъ, достовѣрныхъ, насчитывается до 9. Вліятельнѣйшими изъ нихъ были: коммиссія судопроизводства; это были временные трибуналы, учреждавшіеся королемъ для того или другаго случая (въ особенности по дѣламъ политическимъ), которые уже естественно рѣшали поручаемыя имъ дѣла не согласно съ существующими законами, а съ желаніемъ и видами правительства; затѣмъ коммиссія финансовъ, которая разсылала по всему королевству своихъ агентовъ съ обязанностью наблюдать за ходомъ финансоваго управленія и обо всемъ замѣченномъ доносить королю; далѣе, комиссія военныхъ дѣлъ, слѣдившая посредствомъ такихъ же агентовъ за дѣйствіями военныхъ властей и полководцевъ; коммиссія иностранныхъ дѣлъ, содержавшая шпіоновъ при заграничныхъ дворахъ, чтобы слѣдить за поведеніемъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ; коммиссія инквизиціи въ Парижѣ, на обязанности которой лежало наблюденіе за настроеніемъ умовъ въ столицѣ и предупрежденіе возможныхъ общественныхъ волненій; наконецъ, были еще коммиссія почтъ, на

---

[1]) Въ провинціяхъ главными органами королевской власти, со времени Ришелье, являются интенданты. Depping, „Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV", 1850—5. 4 v.; de Boislisle, „Correspondance des contrôleurs généraux des finances avec les intendants des provinces". 1874—83, 2 v., и „Mémoires des intendants sur l'état des généralités dressés pour l'instruction du duc de Bourgogne". 1881; Godard, „Les pouvoirs des intendants sous Louis XIV". 1902; Marchand, „Un intendant sous Louis XIV". 1889; Dareste de la Chavanne, „Histoire de l'administration en France.... jusqu'à la mort de Louis XIV". 1848. 2 v.; Chéruel, „Hist. de l'administration en France... jusqu'à la mort de Louis XIV" 1855. 2 v.—Объ интендантахъ на русск. яз. есть обширное изслѣдованіе П. Н. Ардашева, „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядква 1774—1789. Провинціальные интенданты", I. Спб. 1900. Б.

которой лежала обязанность слѣдить за частной корреспонденціей— распечатывать письма и читать ихъ, и коммиссія книгопечатанія и цензуры, наблюдавшая за движеніемъ литературы и останавливавшая появленіе неудобныхъ для правительства сочиненій.

Сословія

Послѣ этого оставалось еще отмѣнить права и привилегіи сословій, для того, чтобы все уже французское общество привести къ одному монархическому знаменателю. Рука Людовика коснулась и ихъ.

а) дворянство;

Такъ, дворянство ко времени Людовика XIV пользовалось еще значительною независимостью: имѣло право наслѣдственныхъ губернаторствъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, затѣмъ пользовалось значительными преимуществами въ военной и гражданской службѣ, не говоря уже о его феодальныхъ правахъ надъ подвластнымъ ему сельскимъ населеніемъ. Только этой послѣдней привилегіи не коснулась преобразовательная дѣятельность Людовика; всѣ же другія привилегіи этого сословія были отмѣнены или ограничены имъ. Король, очевидно, не довѣрялъ аристократіи и потому на вліятельные посты государственной службы выдвигалъ обыкновенно людей незнатнаго рода: Кольбера, Ле-Телье и др. Но чѣмъ, въ особенности, подорвано было теперь значеніе дворянства, такъ это разорительною роскошью, которой оно должно было слѣдовать по примѣру двора, и тѣмъ раболѣпнымъ духомъ, который распространился въ кругу этого сословія, благодаря безчисленнымъ мелочамъ придворнаго этикета, такъ-что и самое его честолюбіе направлено было теперь въ другую сторону: вмѣсто власти и значенія, какъ прежде, оно стремилось теперь къ пріобрѣтенію милостей и личнаго вниманія короля. Съ этой цѣлью учрежденъ былъ также орденъ Св. Людовика, который сдѣлался предметомъ искательствъ для самыхъ гордыхъ представителей французской знати, считавшихъ теперь особенною почестью, если комулибо изъ нихъ разрѣшалось носить любимые цвѣта короля. Наконецъ, введена была ежедневная обязательная явка ко двору на поклонъ королю, причемъ считалось высшею милостью, если камердинеръ въ читаемомъ ежедневно спискѣ упоминалъ то или другое лицо, которому предоставлялся въ то утро входъ въ королевскій кабинетъ или спальню.

b) городское.

Что касается затѣмъ городскаго сословія, то и здѣсь произведены были не менѣе важныя перемѣны, такъ какъ уничтожены были почти всѣ средневѣковыя вольности французскихъ городовъ,—выборная магистратура и городское самоуправленіе.

c) и сельское населеніе. Только положеніе сельскаго населенія осталось прежнее. Подавленное феодальнымъ гнетомъ привилегированныхъ классовъ, оно не могло быть опаснымъ для полновластія короны, которая и при Людовикѣ XIV видѣла въ немъ попрежнему лишь рабочую силу, обязанную кормить дворянство и духовенство [1]). Участь его поэтому не была облегчена Людовикомъ, какъ и вообще абсолютная монархія на Западѣ до XVIII в., т.-е. до временъ господства просвѣтительной литературы и ея гуманитарныхъ идей, мало заботилась о судьбѣ низшихъ классовъ общества, отымая у дворянства только его политическое значеніе, но нисколько не касаясь его феодальныхъ правъ надъ крестьянами, какъ не только безвредныхъ для короны, но даже полезныхъ для ея видовъ и цѣлей.

Церковь. Наконецъ, на очередь стала и церковь съ своимъ дотолѣ еще довольно независимымъ положеніемъ. Здѣсь предстояло не столько подчинить ее королевской власти, сколько устранить послѣднее вліяніе на нее папы или римской куріи. Власть эта весьма ограничена была уже прагматическими санкціями Людовика IX (1269) и Карла VII (1438) и конкордатомъ, заключеннымъ въ 1516 г. между Франсуа I и Львомъ X; но такъ какъ послѣдній договоръ далеко не опредѣлилъ всѣхъ отношеній французской церкви къ папскому правительству, то по поводу вопроса о регаліяхъ, т.-е. о правѣ короны пользоваться доходами съ вакантныхъ бенефицій, между Людовикомъ XIV и папою Иннокентіемъ IX возникъ споръ [2]), для рѣшенія котораго король

Боссюэтовскій актъ. въ 1682 г. созвалъ національный соборъ. Соборомъ этимъ, главнымъ дѣятелемъ котораго явился Боссюэтъ [3]), и установлены были на будущее время отношенія французской церкви къ римскому престолу слѣдующими 4 знаменитыми статьями: 1) вселенскій соборъ выше папы; 2) ни папа, ни вселенскій соборъ не властны надъ свѣтскими распоряженіями правительства; 3) власть папы даже въ церковныхъ дѣлахъ должна быть ограничена канонами, и Его Святѣйшество не можетъ постановить ничего такого, что было бы несогласно съ началами, утвержденными соборами и съ привилегіями Галликанской церкви, и 4) хотя папа имѣетъ главный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, но его опредѣленія не могутъ считаться

---

[1]) Литературныя указанія см. ниже. Б.

[2]) Michaud, „Louis XIV et Innocent XI“; Phillips, „Das Regalienrecht in Frankreich“. Halle. 1873. Б.

[3]) Reaume, „Bossuet“. Paris. 1869—70. 3 v.; Lanson, „Bossuet“. 1892; Rébelliau, „Bossuet“. 1900 (въ коллекціи „Les grands écrivains français“). Б.

дѣйствительными безъ согласія и одобренія вселенской церкви. Постановленія эти, редактированныя Боссюэтомъ, были приняты большинствомъ собора 1682 года; члены же, не согласившіеся съ этими новыми началами и ихъ единомышленники, по своимъ убѣжденіямъ преданные старымъ церковнымъ идеямъ и порядкамъ, отдѣлились теперь отъ большинства французскаго духовенства и составили партію ультрамонтанъ, т.-е. людей, признававшихъ чуждую, иностранную власть надъ французской церковію, власть, находившуюся „за альпійскими горами".

Боссюэтовскій актъ, какъ нельзя лучше, совпадалъ съ монархическими стремленіями короля, желавшаго подчинить своему высшему авторитету всѣ отдѣльныя явленія и силы французскаго общества.

Отмѣна Нантскаго эдикта.

Когда такимъ образомъ и церковь, пользовавшаяся до того времени въ странѣ наибольшею самостоятельностью, подчинена была всецѣло государству, а стало быть, и королю, то во Франціи оставалась одна еще сила, которая не подходила подъ программу Людовика XIV; это—гугеноты. Гугеноты еще съ конца XVI ст., т.-е. со времени Нантскаго эдикта 1598 г., пользовались сначала особыми политическими правами, а потомъ со времени Ришелье, по крайней мѣрѣ, — полною церковною независимостью, такъ какъ имъ предоставлена была неограниченная свобода вѣроисповѣданія. Подобное явленіе, какъ существованіе какой-то особой церкви во Франціи рядомъ съ господствующей, узкому уму Людовика XIV представлялось совершенной аномаліей. И вотъ главная причина, заставившая его уничтожить въ 1685 г. Нантскій эдиктъ, т.-е. отмѣтить тѣ права и ту свободу совѣсти, которыя предоставлены были французскимъ протестантамъ этимъ государственнымъ актомъ. Изъ этого уже явствуетъ ошибочность или, по крайней мѣрѣ, односторонность того нѣкогда распространеннаго мнѣнія, будто отмѣна Нантскаго эдикта была дѣломъ всесильной Ментенонъ [1]), мнѣніе, пущенное въ ходъ мемуарами Сенъ-Симона.

[1]) De-Noailles, „Histoire de M-me de Maintenon et des principaux événements du règne de Louis XIV". 1848—58. 4 v.; Geffroy, „Madame de Maintenon, d'après sa correspondance authentique". Paris. 1886; Read, „La petite fille d'Agrippa d'Aubigné devant la légende et l'histoire" („Société de l'histoire du protestantisme français". 1887); Lavallée, „La famille d'Aubigné et l'enfance de M-me de Maintenon". „M-me de Maintenon et la maison royale de Saint-Cyr"; Bonhomme, „Mad. de Maintenon et sa famille; lettres et documents inédits". Paris. 1863; Comte d'Haussonville et Hanotaux, „Souvenirs sur M-me de Maintenon: Mémoires et lettres inédites de M-lle d'Aumale". P. 1902—3. 2 v. О корреспонденціи Ментенонъ, изданной Lavallée, упомянуто уже выше (стр. 10, прим. 1). Изъ предшественницъ Ментенонъ извѣстны Ла-Вальеръ и Монтеспанъ. Houssaye, „M-lle de Vallière et M-me de Montespan". Paris. 1860; Clement, „M-me Montespan et Louis XIV". 1868; Lair, „Louise de La Vallière et la jeunesse de Louis XVI". Б.

Новѣйшія изслѣдованія объ этомъ вопросѣ не только французскихъ историковъ реформаціи, но и нѣмецкихъ ученыхъ [1]) несомнѣнно доказали, что Ментенонъ въ этомъ дѣлѣ играла весьма второстепенную роль. Изучая законодательные памятники временъ Людовика XIV, Гольстъ, напр., пришелъ къ полнѣйшему убѣжденію, что Людовикъ возъимѣлъ мысль уничтожить терпимость, дарованную гугенотамъ Генрихомъ IV, въ первый же годъ своего самостоятельнаго правленія, что уже за 10 лѣтъ до 1685 года, т.-е. въ 1675 г., начались постепенныя и ужъ систематическія стѣсненія церковныхъ вольностей гугенотовъ и что, стало быть, начались они тогда, когда при дворѣ еще не было и рѣчи о Ментенонъ [2]), наконецъ, что сама Ментенонъ происходя отъ гугенотскихъ родителей [3]), не могла относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя посыпались на ея бывшихъ единовѣрцевъ: она охотно бы осталась въ сторонѣ и лишь изъ страха и властолюбія, скорѣе пассивно, одобряла преслѣдованія ихъ. Собственно говоря, уничтоженіе гугенотской церкви, какъ отдѣльной корпораціи, совершенно совпадало съ общимъ планомъ абсолютно-монархической дѣятельности короля, и потому, когда французское духовенство стало настаивать на этомъ распоряженіи, то Людовикъ съ радостію на него согласился. Такимъ образомъ, самая система Людовика XIV и подстрекательства духовенства—вотъ главныя причины отмѣны Нантскаго эдикта.

---

[1]) Кромѣ упомянутыхъ въ III т. (стр. 76) трудовъ, спеціальныя изслѣдованія и монографіи: Rulhières, „Eclaircissements historiques sur les causes de la révocation de l'édit de Nantes". 1788. 2 v.; Holst, „Ludwig XIV und die Hugenotten" („Hist. Zeitschrift", XV B. 1866); Weiss, „Histoire des refugiés de France". Paris. 1841. 2 v.; Lièvre, „Du rôle que le clergé a joué dans la révocation de l'édit de Nantes". Strasbourg. 1853. 200-лѣтняя годовщина отмѣны Нантскаго эдикта вызвала цѣлый рядъ изслѣдованій и изданій памятниковъ. Таковы: Schott, „Die Aufhebung des Edicts von Nantes." 1886; Puaux et Sabatier, „Etudes sur la révocation de l'édit de Nantes". 1886; Puaux, „La responsabilité de la révocation de l'édit de Nantes" („Revue historique" 1885, VI), „La dernière requête adressée par les protestants français à Louis XIV, en jenvier 1685" („Revue hist.", 1885, I); Puaux-же вновь издалъ въ 1885 году извѣстное сочиненіе, приписываемое протестанту Клоду (Claude) и появившееся въ апрѣлѣ 1686 г.: „Les plaintes des protestants cruellement opprimez dans le royauem de France"; Reuss, „Louis XIV et l'église protestante en Strasbourg au moment de la révocation de l'édit de Nantes (1685—86)". Paris. 1887; новѣйшее сочиненіе объ отмѣнѣ Нантскаго эдикта—Douen, „Hist. de la Révocation de l'édit de Nantes". 1894. **Б.**

[2]) Полное ея вліяніе начинается съ 1680 г. **Б.**

[3]) Она была внукой извѣстнаго современника и сподвижника Генриха IV, историка Агриппы д'Обинье. Gelin (въ статьѣ, помѣщенной въ „Société de l'histoire du protestantisme français. Bulletin histor. et littéraire", 1900, № 4) доказываетъ, что Ментенонъ никогда не была гугеноткой, что она была крещена по католическому обряду 28 ноября 1635, причемъ онъ даетъ и facsimile самаго акта крещенія **Б.**

Первыя стѣсненія гугенотовъ или ограниченія ихъ правъ начались еще съ 1664 г., т.-е. на 3-мъ году самостоятельнаго правленія короля; но особенно усилились они съ 1675 г., когда духовенство согласилось дать королю субсидію въ 4$^{1}/_{2}$ мил. и вмѣстѣ съ тѣмъ поднесло ему „articles concernant la réligion“, гдѣ требовало полнаго искорененія ереси. Сначала стали различными толкованіями Нантскаго эдикта мало-по-малу стѣснять гугенотовъ. Такъ, напр., въ эдиктѣ сказано было, что для разбора тяжбъ между послѣдователями обѣихъ религій при французскихъ парламентахъ учреждаются смѣшанныя камеры, — chambres de mis partie, — причемъ прибавлено, что впослѣдствіи, вѣроятно, эти камеры окажутся излишними. Ясно, что законодатель разумѣлъ здѣсь время, когда обѣ религіи сблизятся настолько, что такой смѣшанный судъ окажется ненужнымъ. Правительство же истолковало это мѣсто въ томъ смыслѣ, что самъ Генрихъ IV имѣлъ уже въ виду будущую отмѣну камеръ, и на этомъ основаніи онѣ были уничтожены. Далѣе, въ актѣ говорится, что нынѣ дарованныя права должны простираться и на „будущихъ гугенотовъ“. Правительство воспользовалось и этимъ темнымъ мѣстомъ для того, чтобы истолковать его въ смыслѣ, невыгодномъ для еретиковъ, именно, что тутъ разумѣлись только дѣти протестантскихъ родителей, и на этомъ основаніи воспретило новые переходы изъ католической церкви въ гугенотство. Затѣмъ начался рядъ другихъ стѣсненій, еще болѣе тяжелыхъ. Воспрещено было гугенотамъ строить новыя церкви, школы и богадѣльни и посвящать новыхъ пасторовъ; воспрещено имъ заниматься нѣкоторыми выгодными промыслами и профессіями, напр., быть адвокатами, врачами, повивальными бабками и пр. Наконецъ дошло до того, что даже католическимъ медикамъ воспрещено подавать помощь больнымъ и умирающимъ гугенотамъ; а гугенотскимъ дѣтямъ, начиная съ 7-лѣтняго возраста, предоставлено право по своему усмотрѣнію выбирать религію. Стоило теперь заявить, что гугенотскій ребенокъ выразилъ желаніе перейти въ католицизмъ, чтобы обращеніе его считалось законнымъ. Не довольствуясь этими мѣрами, правительство прибѣгало и къ насиліямъ. По совѣту военнаго министра, Лувуа, въ гугенотскіе города и села ставились вооруженные отряды драгуновъ (dragonades), которые безконтрольно хозяйничали на своихъ стоянкахъ и разными притѣсненіями принуждали гугенотовъ къ переходу въ католическую церковь. Спасаясь отъ такихъ преслѣдованій, гугеноты толпами бѣжали за границу; но для того, чтобы пресѣчь эту эмиграцію, правительство и тутъ

назначило строгія кары — галеры и даже смертную казнь—какъ за попытку къ бѣгству, такъ и за содѣйствіе бѣглецамъ. Зато, кто донесетъ о выселеніи гугенотовъ, тому обѣщана половина имущества эмигранта. Цѣлыя 10 лѣтъ продолжались эти насильственныя мѣры, прежде чѣмъ Людовикъ въ 1685 г. рѣшился формально отмѣнить Нантскій эдиктъ въ полномъ его составѣ, надѣясь, что стоитъ только объявить рѣшительно королевскую волю, чтобы подѣйствовать и на малое число остальныхъ упорныхъ.

Спрашивается, какимъ образомъ подобныя насилія могли совершаться въ сравнительно просвѣщенной странѣ, среди общества, все-таки еще помнившаго свои прежнія вольности и права? Но тутъ нужно припомнить, что гугеноты во Франціи всегда оставались въ незначительномъ меньшинствѣ, что въ самое цвѣтущее время своего развитія церковь эта имѣла немного болѣе 2 мил. послѣдователей, что они были разсѣяны, безъ связи, безъ политическаго центра, безъ вождей и что самая религіозная партія эта по своему характеру и ученіямъ была въ высшей степени антипатична огромному большинству французскаго народа. Поэтому и неудивительно, что при такомъ почти общемъ настроеніи умовъ, когда уничтоженія гугенотовъ желало и духовенство господствующей церкви, и дворъ, и самое общество,—правительство могло позволить себѣ столько вопіющихъ насилій, простиравшихся до того, что въ годъ самаго яраго преслѣдованія насчитывали до 844 закрытыхъ или разрушенныхъ протестантскихъ церквей, 1400 изгнанныхъ гугенотскихъ пасторовъ, $1^1/_2$ мил. насильно обращенныхъ и 500 тыс. бѣжавшихъ за границу. Если мы вспомнимъ, что гугеноты представляли во Франціи самую дѣятельную экономическую силу, что, благодаря ихъ честности, бережливости, трудолюбію и умѣнью, въ ихъ рукахъ находилась значительная часть богатствъ страны, что имъ собственно принадлежала мануфактура, фабрики, внутренняя и внѣшняя торговля, то легко поймемъ, какую невознаградимую потерю благосостояніе Франціи должно было понести отъ выселенія этой лучшей части народонаселенія въ сосѣднія страны—въ Голландію, Англію и Германію. Но кромѣ промышленнаго ущерба, отозвавшагося весьма гибельно и на государственныхъ финансахъ, Франція поплатилась впослѣдствіи за это еще и другими бѣдствіями: она наводнила теперь всю Европу своими врагами, возбудивъ противъ себя ненависть не только гонимыхъ гугенотовъ (refugiés), сражав-

шихся потомъ подъ всѣми возможными знаменами [1]), но и всѣхъ протестантскихъ державъ, особенно Голландіи и Англіи, что и отозвалось столь фатально на всей дальнѣйшей внѣшней политикѣ короля. А протестантская секта въ долинахъ Севеннъ, такъ называемые камизарды (camise—рубаха), въ отвѣтъ на преслѣдованія, въ началѣ XVIII ст. подняла возстаніе подъ предводительствомъ Кавалье (Cavalier) и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (1702—1707) съ мужествомъ фанатизма и отчаянія боролась съ ужаснымъ Монтревелемъ и съ королевскими войсками, предводимыми маршалами Вильяромъ и Бервикомъ.

«Государство—это я».

Тѣмъ не менѣе монархическая программа Людовика XIV теперь была вполнѣ довершена. Послѣ уничтоженія этой силы, онъ уже съ полнымъ основаніемъ и правомъ могъ высказать свой горделивый принципъ: „государство—это я“ („L'état c'est moi“). Правда, что въ лучшіе свои годы подъ этимъ тщеславнымъ девизомъ онъ разумѣлъ не столько безграничный произволъ правителя, сколько, такъ сказать, сосредоточіе всѣхъ государственныхъ интересовъ, всѣхъ силъ страны и всего ея государственнаго разума въ одной особѣ монарха. Въ лучшіе годы своего правленія Людовикъ еще далекъ былъ отъ деспотизма; онъ исполненъ былъ высокаго сознанія долга. Министрамъ своимъ онъ говорилъ нерѣдко, что если онъ когда-нибудь подпадетъ вліянію женщины, то они должны тотчасъ ему это замѣтить, и тогда онъ, король, обязуется въ 24 часа прервать вредную для государства связь, хотя бы даже съ любимѣйшей изъ женщинъ. Но какъ легокъ и возможенъ переходъ отъ подобнаго пониманія власти къ безграничному произволу,—доказываютъ послѣдніе годы дѣятельности и правленія короля, полные несчастій и униженій для Франціи.

Янсенизмъ.

Уничтоженіе гугенотской церкви во Франціи не могло однако подавить ту свободную мысль, тотъ духъ изслѣдованія и критики въ дѣлахъ вѣры, представителемъ котораго до сихъ поръ были гугеноты. И вотъ этотъ духъ, подавляемый въ лицѣ гугенотовъ, воскресъ подъ конецъ правленія Людовика XIV въ формѣ новаго явленія, развившагося въ нѣдрахъ самой католической церкви французской,—въ образѣ янсенизма.

Основателемъ этого ученія былъ Корнелій Отто Янсенъ, епископъ иперискій въ Голландіи, умершій въ 1638 году. Богословъ этотъ оставилъ нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главнымъ трудомъ его считается „Augustinus“. Здѣсь Янсенъ

[1]) Во время войны за Испанское наслѣдство въ войскахъ коалиціи было 760 одннхъ гугенотскихъ офицеровъ; между ними извѣстный маршалъ Шомбергъ. П.

представляетъ Августиново ученіе о благодати и спасеніи, какъ единственно вѣрное, отвергаетъ участіе разума въ дѣлахъ вѣры и называетъ Аристотелеву философію „матерью ересей". Въ яркихъ краскахъ рисуетъ онъ затѣмъ испорченность человѣческой природы и безсиліе человѣка въ дѣлѣ спасенія, единственнымъ путемъ котораго признаетъ врачующую благодать Христа. Таковы догматическія основы ученія Янсена, которыя такимъ образомъ совпадаютъ значительно со взглядами протестантовъ, тѣмъ болѣе, что имъ усвоено также и Августинское ученіе о предопредѣленіи. Оставаясь въ лонѣ католической церкви, Янсенъ такимъ образомъ все-таки примыкалъ по своимъ догматическимъ убѣжденіямъ къ протестантизму и въ свое время имѣлъ много послѣдователей. Ученіе это проникло и во Францію, и здѣсь, въ средѣ французскаго духовенства [и въ болѣе образованной части свѣтскаго общества] нашло приверженцевъ, число которыхъ особенно усилилось со времени подавленія гугенотства. Проповѣдниками янсенизма во Франціи явились Дюверже-де Горанъ, аббатъ Сенъ-Сиранскій, и нѣсколько позже—Кенель, извѣстный французскій переводчикъ и комментаторъ Новаго Завѣта. Центромъ же и метрополіей янсенизма сдѣлался женскій монастырь Портъ-Роаль (Port-Royal) [1], настоятельницей котораго была Анжелика Арно, принадлежавшая къ одной изъ аристократическихъ фамилій Франціи. Благодаря своему уму и благочестію, а также своимъ личнымъ связямъ, она умѣла привлечь въ кружокъ, образовавшійся въ Port-Royal'ѣ, все, что было лучшаго, мыслящаго, передоваго въ странѣ. Самые видные люди изъ аристократическаго круга, какъ принцъ Конти, множество передовыхъ женщинъ эпохи—де-Сабле, де-Лонгвиль и др.—, писатели—Паскаль, Буало, Расинъ—принадлежали къ этому кружку. Люди эти къ началамъ своего учителя присоединили строгую мораль, церковное благочиніе и отчасти мистицизмъ, и, такимъ образомъ, французскій янсенизмъ, какъ аскето-піэтистическая школа, сложился въ форму рѣшительнаго протеста противъ господствовавшей казуистической морали іезуитовъ, властвовавшихъ тогда надъ французскою церковью. Паскаль посвятилъ громадный литературный талантъ свой на защиту янсенизма и въ своихъ „Провинціальныхъ письмахъ" („Lettres provinciales") зло осмѣивалъ іезуи-

---

[1]) Reuchlin, „Geschichte von Port-Royal. Der Kampf des reform. und des jesuit. Katholicismus unter Louis XIII und L. XIV". Hamb. u. Gotta. 1839—44. 2 Bde.; Sainte-Beuve, „Histoire de Port-Royal". Paris. 1867. 6 v. (3-me éd.); Perrens, „Sur une page incomplète de l'histoire de Port-Royal" („Rev. histor.", 1893, mars-avr. etc.). Б.

товъ [1]). Но іезуиты въ виду усилившагося врага тоже не дремали. Уже въ 1642 г. по ихъ настоянію папа Урбанъ VIII осудилъ нѣкоторыя положенія янсенизма, какъ еретическія, а въ 1713 году Климентъ XI буллой „Unigenitus“ окончательно поразилъ всю партію, предавъ ее отлученію отъ церкви. Правительство Людовика XIV, опираясь на папскія осужденія, съ своей стороны приняло противъ янсенизма строгія мѣры. По королевскому повелѣнію Port-Royal былъ закрытъ и разрушенъ (1709), а янсенисты подверглись преслѣдованію двора.

Такимъ образовъ, и этотъ послѣдній свободный голосъ въ дѣлахъ церкви и вѣры замолкъ во Франціи, и если мы примемъ въ разсчетъ, что и тогдашняя литература вслѣдствіе учрежденія французской академіи, какъ высшаго трибунала въ вопросахъ литературнаго вкуса, посредствомъ системы строгой цензуры и установившагося обычая меценатства со стороны двора, приняла тоже придворный характеръ и панегирическій тонъ и сдѣлалась какъ-бы оффиціальной, то мы увидимъ, что къ концу своего правленія Людовикъ XIV, дѣйствительно, былъ уже не далекъ отъ осуществленія своей программы, выразившейся въ знаменитомъ „государство—это я“, такъ какъ въ это время интересы государства уже вполнѣ отождествлялись съ интересами и волей короля, а иногда и съ его прихотями.

Литература вѣка Людовика.

Кстати о литературѣ вѣка Людовика XIV. Литература эта составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ блестящихъ эпохъ въ исторіи французской словесности,—время, когда благодаря цѣлой плеядѣ талантовъ, подобныхъ Боссюэту, Фенелону, Массильону, Бурдалу, Буало, Паскалю, Корнелю, Расину, Мольеру, Лафонтеню, выработался французскій языкъ до его нынѣшней гибкости и изящества и созданы были безсмертные образцы во всѣхъ родахъ словесности. Но еще Бокль замѣтилъ, что всѣ эти литературныя знаменитости Людовикъ получилъ въ наслѣдство отъ предшествовавшаго поколѣнія, воспитавшагося въ идеяхъ и движеніяхъ Фронды. Сама же эпоха Людовика XIV и господствовавшіе въ ней порядки не могли создать почти ни одного выдающагося въ этой области явленія.

Все-же Людовикъ XIV достигъ своей цѣли. Посмотримъ же теперь, какъ онъ воспользовался тою безграничною властью, ко-

---

[1]) Онѣ имѣются въ русск. пер. О Паскалѣ — Giraud, „Pascal. L'homme l'oeuvre. l'influence“. 1900; Boutroux, „Pascal“. P. 1900 (въ коллекціи „Les grands écrivains français“. *Б.*

торую онъ получилъ надъ Франціею, другими словами, что̀ сдѣлалъ онъ для страны во внутренней и внѣшней политикѣ?

Внутренняя дѣятельность Людовика XIV.

Вся внутренняя государственная дѣятельность Людовика XIV связана съ однимъ знаменитымъ именемъ, съ именемъ его ближайшаго и довѣреннѣйшаго сотрудника по различнымъ отраслямъ государственнаго управленія—Кольбера; такъ-что, если мы разсмотримъ дѣятельность этого государственнаго человѣка, то это будетъ значить, что мы представили картину всей внутренней политики самого короля [1]).

Кольберъ. Жанъ Батистъ Кольберъ родился въ Реймсѣ 29 августа 1619 г., происходилъ изъ весьма незнатнаго рода—онъ былъ сынъ торговца шерстью, человѣка небогатаго—и потому въ молодости научнаго образованія не получилъ никакого. За-то съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ сдѣлался практическимъ человѣкомъ, особенно по части торговли и банковыхъ операцій, такъ-какъ первая его служба была у одного биржеваго маклера, потомъ у сборщика податей, а затѣмъ уже поступилъ онъ въ качествѣ домоправителя ко всесильному кардиналу Мазарини. Здѣсь своимъ умомъ, изворотливостью, своею вѣрностью и преданностью интересамъ кардинала умѣлъ онъ заслужить его полное расположеніе и достигъ вскорѣ званія совѣтника по финансовой части. Мозарини-же, облекши Кольбера полнымъ своимъ довѣріемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его учителемъ въ придворной интригѣ. Умирая въ 1661 г., онъ рекомендовалъ своего любимца королю слѣдующими словами: „Государь! Я обязанъ Вамъ всѣмъ, но думаю, что и я сдѣлалъ для Васъ кое-что оставляя Вамъ Кольбера“. Съ этой минуты на-

---

[1]) Во французской литературѣ есть спеціальное тщательное изслѣдованіе о Кольберѣ, принадлежащее Клеману (Clément), издавшему также и его письма (см. выше, стр. 10, прим. 1): „Histoire de Colbert et de son administration“. Paris. 1846; ср. его-же, „Le gouvernement de Louis XIV. 1683—89“. Paris. 1849; „La police sous Louis XIV“ (2 éd. 1866); Chéruel, „Histoire de l'administration monarchique en France“. 1855; Neymarck, „Colbert et son temps“. Paris 1877; Comte de Cosnak, „Mazarin et Colbert“. 1892. 2 v.; Lavisse, „Dialogues entre Louis XIV et Colbert“ („La Revue de Paris“, 1900, 15 déc.—1901, 1 janv.). См. также Brandt, „Beiträge zur Geschichte der französisch. Handelspolitik von Colbert bis zur Gegenwart“. Leipz. 1896; Naudé, „Die Getreidehandelspolitik der europäischen Staaten vom XIII bis zumXVIII Jahrh.“; Clamagerant, „Histoire de l'impôt en France“. 1867—8. 2 v.; Beaulieu „Les Gabelles sous Louis XIV“. 1903; d'Avenel, „Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées“... 1894; Martin, „La grande industrie sous Louis XIV“. 1899; Levasseur, „Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789“. 1901 2 v. (2-me éd); Franklin, „Les corporations ouvrières de Paris“. 1885. **П.** и **Б.**

чалось быстрое возвышеніе Кольбера, особенно съ того времени, когда ему удалось погубить бывшаго оберъ-интенданта финансовъ— Фуке. Преемникомъ Фуке въ званіи генералъ-контролера финансовъ сдѣлался Кольберъ; но съ теченіемъ времени мало-по-малу въ его завѣдываніе, какъ было упомянуто, перешло и морское министерство, пути сообщенія и публичныя зданія, промышленность, торговля, колоніи и отчасти народное просвѣщеніе, такъ-что вся внутренняя, экономическая и отчасти также и умственная жизнь страны очутилась въ рукахъ этого человѣка.

Финансы.

Укажемъ прежде всего на заслуги Кольбера по части финансовъ. Благодаря различнымъ злоупотребленіямъ и поборамъ чиновничества, французскіе финансы при вступленіи въ управленіе ими Кольбера были въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Нормальный бюджетъ Франціи состоялъ тогда изъ 84 мил., но въ дѣйствительности правительство получало только 32 мил., остальные же 52 мил. или не собирались вовсе, или же расходились по карманамъ чиновниковъ и откупщиковъ; а такъ какъ нормальный расходъ государства простирался до 60 мил., то ежегодный дефицитъ былъ не менѣе 28 мил. Управленіе свое Кольберъ началъ съ того, что искоренилъ злоупотребленія и сталъ преслѣдовать ихъ насильственными мѣрами, часто переходившими границы закона и справедливости. Учрежденъ былъ особый трибуналъ („chambre de justice“), который привлекалъ къ отвѣту агентовъ финансоваго управленія, не только настоящихъ, но и бывшихъ. Объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что каждый, кто донесетъ правительству о финансовомъ злоупотребленіи служащаго, получитъ часть его конфискованнаго имущества; проповѣдники съ церковныхъ каѳедръ призывали тоже къ подобнымъ доносамъ, особенно обращаясь къ прислугѣ. Благодаря этимъ мѣрамъ, множество лицъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ, лишались своего имущества, причемъ однако пострадало много и невинныхъ; за-то конфискація имуществъ доставила казнѣ болѣе 100 мил. ливровъ. Такимъ же насильственнымъ характеромъ отмѣчены и другія финансовыя мѣры Кольбера. Насильственнымъ образомъ понижена была рента на цѣлую ¼ своей стоимости. Затѣмъ государственныя имущества или королевскіе домены, отчужденные въ прежнее время, были теперь подъ разными предлогами большею частью возвращены казнѣ. Такими путями, которые въ наше время никто не задумался бы назвать государственнымъ банкротствомъ, Кольберъ успѣлъ собрать до 70 мил., которые и употреблены были на погашеніе части государственнаго долга. Затѣмъ

заведенъ строжайшій надзоръ, порядокъ и отчетность въ финансовомъ управленіи, такъ-что каждая издержка, превышавшая 300 ливровъ, разрѣшалась не иначе, какъ съ соизволенія короля. Уничтожены многія лишнія должности и уменьшены пенсіи. Потомъ началось преобразованіе податной системы. Центръ тяжести французскаго бюджета въ прежнее время состоялъ въ подушномъ налогѣ, la taille, который приносилъ ежегодно 53 мил. и главнымъ образомъ падалъ на земледѣльческое населеніе; теперь онъ былъ значительно облегченъ и съ 53 мил. низведенъ до 35 мил. За то возросли косвенные налоги и особенно соляная подать, извѣстная подъ именемъ la gabelle. Косвенные налоги увеличены до 60 мил. въ тѣхъ видахъ, что этимъ путемъ привлекались къ финансовой повинности въ пользу государства и привилегированные классы. [Пріобрѣтенные за деньги дворянскіе патенты, дававшіе между прочимъ право не платить непрямыхъ налоговъ, были большею частью признаны не имѣющими силы]. Многія изъ внутреннихъ областныхъ заставъ и безчисленныхъ таможенныхъ пошлинъ, платимыхъ за провозъ по провинціи, были уничтожены.

Расходы двора и государства.

Такими средствами удалось Кольберу возстановить давно небывалое равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ и даже сберечь значительныя суммы для прихотей короля и веденія его безконечныхъ войнъ. Если вѣрить Сенъ-Симону, то подъ конецъ правленія Людовика XIV въ Версали, который былъ обыкновенной резиденціей двора, содержалось до 20 тыс. прислуги и 6 тыс. лошадей, а при пріемѣ персидскаго посланника (въ 1715 г.) на королѣ было платье, которое вмѣстѣ съ драгоцѣнностями, его украшавшими, стоило $12^1/_2$ мил. Огромныхъ суммъ государству стоили и другія прихоти короля, напр. его наложницы. По свидѣтельству современниковъ, Монтеспанъ проигрывала въ одинъ вечеръ по 400 тыс. ливровъ, а водопроводы и фонтаны, устроенные для Ментенонъ близъ Версаля, обошлись государству въ 9 мил. ливровъ, тогда какъ знаменитый Canal du Midi стоилъ 7 мил. Не менѣе тяжелымъ бременемъ для государственной казны были войны Людовика. Въ 1672 г. расходы государства простирались до 88 мил., а въ 1679 г.—до 131 мил. ливровъ, въ 1681 г.—141 мил. и 200 мил.—въ 1682 году, такъ-что только благодаря неистощимой изобрѣтательности Кольбера въ изысканіи все новыхъ и новыхъ финансовыхъ рессурсовъ, государство не только уцѣлѣло отъ банкротства, но и самый дефицитъ въ эти тяжелыя времена въ моментъ смерти Кольбера (1683) простирался не болѣе, какъ до 7 мил. Источни-

ками, откуда Кольберъ почерпалъ всѣ эти средства, были главнымъ образомъ созданныя имъ—промышленность и торговля.

Экономическія убѣжденія Кольбера состояли въ томъ, что наиболѣе производительною дѣятельностью для государства могутъ быть только фабрики, ремесла и вообще издѣльная промышленность и выгодно направленная внѣшняя торговля. Поэтому на эту сторону экономическаго быта страны и обращено было особенное вниманіе. И такъ какъ его дальнѣйшіе экономическіе взгляды совпадали съ идеями господствовавшаго тогда меркантилизма, то онъ и думалъ, что главная задача экономической политики правительства должна состоять въ томъ, чтобы создать въ странѣ фабрики, заводы и внѣшнюю торговлю. Въ послѣдней же интересы государства обезпечиваются тѣмъ, чтобы какъ можно меньше допускать ввозъ иностранныхъ товаровъ и какъ можно больше вывозить за границу свои, такъ какъ только этимъ путемъ страна можетъ получить наибольшее количество благородныхъ металловъ, которые, по взгляду меркантилистовъ, составляютъ главнѣйшее богатство страны. Далѣе—совершенно послѣдовательно—меркантилисты думали, что наибольшія выгоды государству доставляютъ фабрики, создающія матеріалъ для внѣшней торговли. И вотъ согласно съ такими взглядами, началось во Франціи при Кольберѣ искусственное созданіе новыхъ фабрикъ зеркальныхъ, кружевныхъ, шелковыхъ, суконныхъ,—всѣхъ тѣхъ, которыхъ или вовсе не было прежде, или же были только зародыши. Прежде, напр., зеркала и кружева Франція покупала у венеціанцевъ ежегодно на $^1/_2$ мил. ливровъ; теперь Кольберъ завелъ собственныя, французскія фабрики этихъ издѣлій. Чтобы обезпечить успѣхъ созданной Кольберомъ промышленности, изъ за-границы выписывались искусные опытные мастера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ строгой правительственной опеки надъ этой вновь насажденной промышленностью и высокаго тарифа на ввозъ иноземныхъ товаровъ, Кольберъ дѣлаетъ все возможное, чтобы обезпечить ростъ ея и предохранить отъ иностранной конкурренціи, причемъ правительство руководилось тутъ еще тѣмъ убѣжденіемъ, что только такимъ путемъ можно избавить Францію отъ промышленной зависимости отъ иностранцевъ и сдѣлать ее и во внѣшней политикѣ державой вполнѣ самостоятельной и сильной. Для успѣховъ же внѣшней торговли Кольберъ учредилъ нѣсколько торговыхъ компаній—Остъ-Индскую [1]), Вестъ-Индскую, Африканскую,

Меркантилизмъ.

Промышленность и торговля.

[1]) См. напр. Pauliat, „Louis XIV et la compagnie des Indes Orientales". Paris. 1886. Б.

Левантскую, Сѣверную и др. Правительство и здѣсь само основывало эти компаніи и обыкновенно брало $1/3$, а иногда и $1/2$ ихъ акцій, остальныя же обязательно раздавались капиталистамъ и высшимъ чиновникамъ. Такимъ образомъ и здѣсь господствовала система насильственнаго и искусственнаго насажденія.

Флотъ. Въ связи со всѣмъ этимъ заботы Кольбера устремлены были на развитіе торговаго флота, но такъ какъ его можно было охранять только сильнымъ военнымъ флотомъ, то Кольберъ является во Франціи и творцомъ ея морской силы [1]). Едва 30 военныхъ кораблей засталъ онъ при вступленіи въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ, а послѣ его смерти государство имѣло уже 176 судовъ разныхъ наименованій (въ томъ числѣ военныхъ кораблей—132), съ 80 тыс. экипажа, да въ постройкѣ находилось 100 судовъ. Въ Тулонѣ, Гаврѣ, Брестѣ, Рошфорѣ и Дюнкирхенѣ, пріобрѣтенномъ за деньги отъ Карла II Англійскаго, устроены военныя гавани или учреждены морскіе арсеналы. Въ видахъ поощренія морской торговли приняты мѣры къ развитію и лучшему устройству французскихъ колоній (напр. въ Канадѣ), заведены новыя поселенія въ Остъ-Индіи (Пондишери), на Мадагаскарѣ, въ долинѣ Миссисипи (Луизіана), на Антилахъ (напр. С.-Доминго) и въ Гвіанѣ. Марсель объявленъ порто-франко.

Такимъ образомъ въ экономической дѣятельности Кольбера мы встрѣчаемъ всѣ руководящія идеи господствовавшей тогда меркантильной системы народнаго хозяйства. Не онъ, конечно, былъ творцомъ этой системы, хотя она иногда и называется кольбертизмомъ потому, что онъ осуществилъ ее во Франціи съ наиболѣе блестящимъ успѣхомъ. Въ сущности же она была естественнымъ плодомъ съ одной стороны общей незрѣлости экономическихъ понятій XVII вѣка, когда наука о народномъ хозяйствѣ еще только-что зарождалась, а съ другой—еще болѣе—плодомъ того абсолютно-монархическаго порядка вещей, который установился тогда на Западѣ Европы и особенно во Франціи Людовика XIV. Когда государственная власть сосредоточила въ рукахъ своихъ всѣ интересы и силы общества, то естественно было ожидать, что она захочетъ подчинить своему верховному руководству и его экономическую жизнь. Это и произошло во Франціи при Кольберѣ, когда правительственный починъ и опека овладѣли всѣмъ хо-

---

[1]) Gougeard, „La marine de guerre, Richelieu et Colbert"; de la Roncière, „Hist de la marine française". Б.

зяйствомъ страны. Въ общей же системѣ правительства Людовика XIV такое подчиненіе какъ нельзя болѣе гармонировало съ ея духомъ, съ знаменитымъ „L'état c'est moi".

Вотъ дѣятельность Кольбера по главнымъ отраслямъ его управленія. Но и кромѣ того не было почти ни одной, въ которой бы такъ или иначе не оставилъ онъ по себѣ памяти.

Такъ, напримѣръ, въ судопроизводствѣ, хотя оно и не подчинено было ему непосредственно, и въ законодательныхъ трудахъ своего времени онъ принималъ самое живое участіе. Ему, напр., главнымъ образомъ обязаны своимъ успѣхомъ „Людовиковъ кодексъ" и уголовные „ордоннансы", изданіе коихъ нанесло сильный ударъ древнимъ привилегіямъ различныхъ провинцій государства, которыя получили теперь однообразное судебное устройство. Юстиція.

Наконецъ и по части просвѣщенія Кольберу принадлежатъ неисчислимыя заслуги. По его мысли или при его содѣйствіи возникло множество полезныхъ и вѣковѣчныхъ учрежденій этого рода. Въ 1663 г. основана академія надписей, имѣющая своимъ предметомъ археологическія изслѣдованія и вообще изученіе древности; затѣмъ организована французская академія, хотя возникшая еще во времена Ришелье, но теперь представлявшая уже высшій ученый трибуналъ при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній литературы; далѣе основаны академія наукъ, королевская библіотека, ботаническій садъ, обсерваторія, академія живописи и академія архитектуры и образцовый инвалидный домъ, а литераторамъ и ученымъ, французскимъ и иностраннымъ, назначены щедрыя пенсіи. Просвѣщеніе.

[Что касается военнаго вѣдомства, то тутъ главнымъ дѣятелемъ является Лувуа [1]), постоянный врагъ и соперникъ Кольбера. Его усиліями французская армія была реорганизована вполнѣ и устранены наиболѣе вредныя злоупотребленія, бывшія слѣдствіемъ прежнихъ феодальныхъ порядковъ и наемничества. Напр. не только] уничтожены званія наслѣдственныхъ губернаторовъ и комендантовъ крѣпостей въ извѣстныхъ фамиліяхъ, [но вообще усилены дисциплина и правительственный контроль]. Запрещено было покупать военныя должности и чины; каждый обязанъ былъ проходить извѣстныя степени и достигать высшихъ почестей службой. Изъ молодыхъ дворянъ самъ король старался образовать преданныхъ и Военное вѣдомство.

---

[1]) Rousset, „Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire". Paris. 1864 (3 éd.). 4 v.; Babeau, „La vie militaire sous l'ancien régime". 1890. Б.

знающихъ дѣло офицеровъ. [Инженерная же часть, благодаря талантливому Вобану [1]), пріобрѣла во Франціи небывалое дотолѣ значеніе].

Недостатки Кольберевой системы.

Вотъ заслуги Кольбера, который уже на первый взглядъ является истиннымъ благодѣтелемъ Франціи. И дѣйствительно, пока онъ живъ былъ, основанныя имъ учрежденія приносили блестящіе результаты, такъ-что и непомѣрная роскошь двора и безконечныя войны и весь блескъ правленія „великаго короля", столь обременительные для страны, постоянно находили достаточно рессурсовъ для своей поддержки. Но система эта все-таки заключала въ себѣ одинъ коренной недостатокъ: она не была естественнымъ проявленіемъ народной жизни и не вытекала изъ ея потребностей. Напротивъ того, насилія, которыя ее сопровождали, привели силы страны въ слишкомъ большое напряженіе, чтобы ея результаты могли оставаться прочными, а неослабный правительственный контроль и непомѣрные налоги оказывались во многихъ случаяхъ обременительными даже для столь покровительствуемой промышленности. Упадокъ земледѣлія, какъ естественное послѣдствіе узкаго меркантилизма и непомѣрныхъ привилегій промышленности, обѣдненіе народа, угнетеннаго непосильными новыми налогами, часто падавшими на предметы первыхъ его потребностей,—все это вызвало подъ конецъ правленія Людовика XIV финансовый кризисъ въ странѣ,—кризисъ, который, начиная съ этого времени, прогрессивно усиливался въ теченіе всего XVIII ст. и подъ конецъ этого вѣка привелъ Францію къ страшному государственному перевороту.

Финансовый кризисъ послѣ Кольбера.

Все-же Кольберъ былъ для Франціи незамѣнимымъ человѣкомъ, и его потеря—онъ умеръ въ 1683 г. въ немилости,—эмиграція гугенотовъ, разорительныя войны и непомѣрная роскошь двора уже въ послѣдніе годы XVII ст. привели опять французскіе финансы въ самое затруднительное положеніе. Однимъ изъ преемниковъ Кольбера во всѣхъ его должностяхъ былъ бездарный Шамильяръ [2]), и ему-то Франція обязана рядомъ насильственныхъ мѣръ, которыми онъ старался подобно Кольберу привести бюджетъ въ равновѣсіе. Учреждено и распродано 40 тыс. новыхъ должностей; введено на 35 мил. новыхъ налоговъ; увеличена произвольно цѣна луидора; наконецъ учреждена постоянная заемная казна,

---

[1]) Michel. „Histoire de Vauban". Paris. 1879, 2 v.; Ambert, „Le maréchal de Vauban". 1882; Chotard, „Louis XIV, Louvois, Vauban". 1890. О Вобанѣ, какъ экономистѣ, см. ниже. Б.

[2]) Esnault, „Michel Chamillard, contrôleur général des finances et secrétaire d'Etat de la guerre, 1699—1709; correspondance et papiers inédits". Б.

высокими процентами привлекавшая капиталы безъ счету и мѣры. Когда же вкладчики потребовали свои деньги обратно, то вмѣсто монеты стали выдавать имъ бумажныя ассигнаціи, сначала въ видѣ временныхъ знаковъ; но мало-по-малу билеты эти превратились въ постоянные и быстро стали падать въ цѣнѣ, такъ-что во время Войны за Испанское наслѣдство, когда расходы государства простирались свыше 250 мил., экономическіе рессурсы Франціи оказались истощенными до такой степени, что отъ банкротства спасли ее только подвозы золота изъ Америки по 200 и по 300 мил. ливровъ въ разъ. Все это привело Францію въ годъ смерти Людовика XIV (въ 1715 г.) къ полному экономическому кризису: денегъ въ казнѣ не было ни сантима, подати забраны за два года впередъ и на государствѣ тяготѣлъ громадный долгъ въ 2 милліарда. И уже въ концѣ правленія Людовика XIV явились въ обществѣ идеи протеста противъ существовавшаго порядка и первыя идеи реформъ, открывающія собою знаменитый XVIII в., вѣкъ по преимуществу реформаторскій. Идеи реформъ.

[Выразителями подобныхъ идей были нерѣдко люди въ сущности умѣренные, преданные и близкіе королю]. Такъ, Боагильберъ [1]) („Détail de la France sous le règne de Louis XIV") сталъ высказывать мысль, что богатство страны состоитъ не въ деньгахъ, а въ продуктахъ и трудѣ человѣка, [и настаивалъ на необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія податей. Послѣднюю мысль особенно развилъ знаменитый Вобанъ въ своемъ „Projet d'une dîme royale", видѣвшій въ свободѣ высшихъ классовъ отъ податей и въ излишнемъ обремененіи низшихъ классовъ налогами основную причину экономическихъ бѣдствій Франціи, доходившихъ, по его словамъ, до того, что почти десятая часть населенія находится въ нищетѣ, изъ $^{9}/_{10}$ только $^{5}/_{10}$ въ состояніи давать ей милостыню, изъ прочихъ же $^{4}/_{10}$ три опять совершенно стѣснены долгами и процессами, а десятая часть, пользующаяся полнымъ достаткомъ, заключаетъ въ себѣ лишь 100 тыс. семействъ] [2]). Наконецъ Фенелонъ отвергнулъ авторитетъ, какъ личное господство, и сталъ доказывать ложность теоріи, что „всѣ—для одного". Въ абсолютизмѣ Людовика XIV и въ его безпрерывныхъ войнахъ онъ видѣлъ все зло.

---

[1]) Talbot, „Les theories de Boisguilbert et leur place dans l'histoire des doctrines économiques". 1903. Б.

[2]) de Boislisle, „La proscription du Projet de dîme royale et la mort de Vauban". 1875; Lohmann, „Vauban. Seine Stellung in der Geschichte der Nationaloekonomie und sein Reformplan". Leipz. 1895. (въ „Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen", hrsg. von Schmoller). Б.

Вотъ въ концѣ концевъ результаты внутренней политики Людовика XIV, производившей въ свое время такое обаятельное впечатлѣніе на всю Европу. Лучшіе годы правленія короля представляли, дѣйствительно, много величія и наружнаго блеска и только подъ конецъ омрачены были несчастіями. О силѣ и свойствѣ этого впечатлѣнія мы передадимъ словами одного изъ нѣмецкихъ историковъ, Бидермана [1]). „Примѣръ Людовика XIV", говоритъ этотъ писатель, „рѣшительно подѣйствовалъ на Западную Европу. Передъ глазами всѣхъ былъ юный монархъ, украшенный всѣми умственными и тѣлесными преимуществами, чтобы блистать, очаровывать и импонировать,—монархъ, столь-же счастливый и отважный на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ, какъ и въ кругу прекраснаго пола, столь-же неутомимый въ преслѣдованіи величественныхъ плановъ всемірнаго господства, какъ и въ изысканіи новыхъ источниковъ наслажденій для себя и своихъ окружающихъ. Взорамъ всѣхъ представлялся юный властелинъ, который почти ребенкомъ умѣлъ, на первыхъ-же ступеняхъ трона, попрать ногами долго враждовавшія партіи и съ охотничьимъ хлыстомъ въ рукахъ продиктовалъ свою волю парламенту, домогавшемуся старыхъ правъ. Всѣ видѣли, какъ гордое и блестящее французское дворянство, еще такъ недавно высоко подымавшее голову въ усобицахъ Фронды, подобострастно цѣловало королевскую руку и другъ передъ другомъ выбивалось изъ силъ, чтобъ уловить одинъ милостивый взглядъ въ очахъ Его Величества. Всѣ видѣли, какъ ученые и художники толпились при дворѣ этого новаго Августа, чтобы наукой и искусствомъ увѣковѣчить его славу; видѣли, какъ вся нація рабски преклонилась предъ повелителемъ, который хотя и угнеталъ ее дома, но за-то въ Европѣ доставилъ ей блестящее, властительное положеніе. Рукою этого роскошнаго монарха Парижъ и Версаль [2]) украсились великолѣпными зданіями и вѣковѣчными памятниками искусства. Вся Европа полна была разсказовъ о блескѣ его двора, о его побѣдахъ и завоеваніяхъ, о волшебствѣ его празднествъ, о красотѣ женщинъ и доблестяхъ кавалеровъ, тѣснившихся вокругъ него, объ утонченности нравовъ и вкуса, тамъ господствовавшихъ, о строгомъ величіи церемоніала".

Блестящая сторона Людовикова царствованія.

---

[1]) Biedermann, „Deutschland im XVIII Jahrh." 1858 (нов. изд.—1882, въ 4 т.). Б.

[2]) de Nolhac, „Histoire du château de Versailles". P. 1900. 2 v. Б.

Внѣшняя политика Людовика XIV.

Вестфальскимъ конгрессомъ установлено было въ первый разъ status quo нормальныхъ отношеній между государствами Западной Европы. Франція и Швеція сдѣлались какъ-бы поручительницами этого нормальнаго порядка, или — говоря языкомъ дипломатіи — гарантировали державамъ ихъ тогдашнія владѣнія. Но для надежности этихъ гарантій Вестфальскій конгрессъ не принялъ никакихъ мѣръ, а напротивъ поставилъ европейское равновѣсіе даже въ опасность, неумѣренно ослабивъ Австрію и Имперію, а съ другой стороны давъ Франціи возможность сдѣлаться грозою этого равновѣсія. Дѣйствительно, вліяніе Франціи послѣ Вестфальскаго мира выросло чрезвычайно. Кромѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, Франція вынесла изъ Тридцатилѣтней войны огромный нравственный и дипломатическій вѣсъ въ дѣлахъ Западной Европы, такъ-что та опасность всесвѣтной монархіи, которая грозила прежде со стороны Габсбургскаго дома и противъ которой западныя державы столько разъ составляли вооруженныя коалиціи, исходила теперь отъ Франціи. Дѣйствительно, Франціи недоставало теперь только правителя, который съумѣлъ бы воспользоваться благопріятнымъ политическимъ положеніемъ страны послѣ Вестфальскаго мира, чтобы достигнуть первой роли въ Европѣ. Такого правителя нашла она въ Людовикѣ XIV. Государь этотъ былъ полнымъ воплощеніемъ французскаго народнаго характера, такъ какъ самолюбіе французовъ направлено главнымъ образомъ къ пріобрѣтенію военной славы, къ завоеваніямъ или, по крайней мѣрѣ, къ политическому и культурному господству надъ другими народами. „Историческое призваніе Франціи“, по убѣжденію французовъ, даже и впослѣдствіи, состояло въ распространеніи французской цивилизаціи и французскихъ идей по всему міру, хотя бы путемъ войны. Это вѣчная тема французскихъ историковъ, государственныхъ людей и публицистовъ. На нее разъигривали они безконечныя варіаціи. Гизо, Тьеръ, Минье, Лабуле и другіе писатели и ученые Франціи постоянно проповѣдывали, что по своему географическому положенію, естественнымъ преимуществамъ, характеру націи и историческимъ судьбамъ Франція есть главный фокусъ, очагъ, примирительное звѣно, полнѣйшій типъ европейской цивилизаціи, и т. д. Первенствующая роль Франціи находитъ въ этомъ свое оправданіе; да и вообще французы еще не такъ давно смотрѣли на себя, какъ на

Политическое положеніе Европы.

Преобладаніе Франціи.

какихъ-то аристократовъ Европы, какъ на избранный народъ, и считали только то положеніе политическаго міра нормальнымъ, когда Франціи принадлежала въ немъ первая роль. Идеи эти, или лучше, это самообольщеніе особенно развилось во Франціи со времени революціи XVIII в., но уже и въ XVII ст. нація не чужда была этихъ славолюбивыхъ притязаній на первенство въ Европѣ. Людовикъ XIV, какъ нельзя лучше, осуществилъ въ себѣ такое настроеніе своего народа, и этимъ объясняется его громадная популярность. L'état c'est moi—не вполнѣ еще выражало его политическую программу. Во внѣшней политикѣ, въ сношеніяхъ и войнахъ съ Европой король съ такимъ же основаніемъ могъ бы избрать своимъ девизомъ: „L'Europe — c'est moi", „Европа — это я".

Ближайшіе политическіе планы Людовика XIV состояли въ покореніи сосѣднихъ областей, прилегающихъ къ французскимъ границамъ, преимущественно со стороны Германіи. Затѣмъ планы эти клонились къ пріобрѣтенію императорской короны [1]), къ утвержденію французской династіи на испанскомъ и польскомъ престолахъ, а тамъ, въ болѣе далекой перспективѣ, представлялась ему, быть можетъ, и всесвѣтная Французская монархія. Европѣ такимъ образомъ было чего бояться. Въ XVII ст. Франція была относительно сильнѣе, чѣмъ, напр., теперь. Россія не входила еще тогда въ европейскую политическую систему; Пруссія имѣла значеніе не болѣе, какъ теперь Баварія или Саксонія; возстановленные въ Англіи Стюарты и ихъ министры состояли почти въ вассальныхъ отношеніяхъ къ французскому двору и нерѣдко были у него на жалованьѣ, и Англія представлялась тогда вообще второстепенной державой; могущество Габсбургскаго дома въ Испаніи и Германіи Тридцатилѣтней войной было совершенно подорвано; Сѣверо-Американскихъ Штатовъ не существовало вовсе.

При столь благопріятной обстановкѣ Франція, дѣйствительно, могла сдѣлаться грозою, висѣвшею надъ Европой. Компактная территорія; государственное единство и централизація власти; превосходное стратегическое положеніе страны; многочисленное и мужественное населеніе; его богатство и промышленный геній; 120 тыс. постояннаго войска, какого Европа не видѣла со времени римскихъ легіоновъ; лучшіе генералы вѣка, воспитанные въ

---

[1]) См. между прочимъ: Chéruel, „Examen d'un mémoire de Lemontey intitulé: tentatives de Louis XIV pour se faire élire empereur d'Allemagne" (Académie des sciences morales et politiques. Compte rendu. 1886, janvier. 1-re livraison). Б.

школѣ Густава Адольфа,—Вобанъ, Тюреннь, Кондэ, Люксембургъ, Катина; цвѣтущіе финансы, благодаря изобрѣтательности Кольбера, доставлявшаго правительству неистощимые рессурсы; отличная дипломатія, руководимая ловкимъ Де-Ліонномъ; наконецъ флотъ, который подъ конецъ жизни Кольбера своими силами равнялся уже соединенному флоту Голландіи, Англіи и Испаніи,—вотъ преимущества тогдашней Франціи. Еще болѣе опаснымъ представлялся для Европы личный характеръ Людовика XIV, его славолюбіе, гордость, хвастливость и особенно его неуваженіе къ правамъ и договорамъ: для него не существовало ни трактатовъ, ни обязательствъ;—все это онъ не задумываясь приносилъ въ жертву своимъ интересамъ и выгодамъ или тому, что онъ называлъ своей славой.

Вотъ при какихъ условіяхъ во второй половинѣ XVIII в. начались завоевательныя войны Людовика XIV въ Западной Европѣ. Успѣху этихъ войнъ и тѣхъ притязаній, какія Людовикъ въ нихъ высказывалъ, наиболѣе способствовало тогдашнее положеніе центральной западно-европейской страны—Германіи.

Съ положеніемъ Германіи въ это время, съ тѣмъ, какую политическую силу представляла собой имперія и каковы были ея внутренніе порядки, лучше всего познакомиться изъ слѣдующей характеристики Бидермана [1]: „Имперія Германская состояла почти изъ 2 тыс. самостоятельныхъ территорій и для такого множества партикуляристическихъ силъ стоило, по истинѣ, большаго труда придумать твердое центральное правительство. Императоръ все еще считался главою этого многосложнаго организма и даже номинально всего христіанскаго міра. Но на самомъ дѣлѣ это была скорѣе аристократическая республика, гдѣ ни государь, представитель центральной власти, ни народъ не имѣли никакого значенія. Этотъ государственный партикуляризмъ, къ которому стремилась Германія столько вѣковъ, окончательно освященъ былъ Вестфальскимъ конгрессомъ, гдѣ иностранныя державы болѣе всего хлопотали о такъ называемой „свободѣ имперскихъ сословій“. Тогда міръ увидѣлъ странное зрѣлище—окруженный своимъ традиціоннымъ величіемъ императоръ, которому при коронаціи служили курфирсты и подавали блюда имперскіе князья, не пользовался никакими преимуществами, кромѣ права выдавать дворянскіе дипломы, и не имѣлъ другихъ доходовъ, кромѣ 8 тыс. марокъ, Положеніе Германіи.

---

[1]) Ср. Hanser, „Deutschland nach 30-jährigen Kriege“. Leipz. u. Heidelb. 1862. Б.

которыя собирались за разные патенты. Посредствомъ такъ называемой „избирательной капитуляціи“ князья тщательно обрѣзывали всѣ аттрибуты его верховной власти и расхищали ихъ въ свою пользу. Такъ, они присвоили себѣ почти всѣ права величества, выговорили себѣ въ томъ числѣ и весьма опасное право заключать иностранные союзы и затѣмъ заставили императора гарантировать себѣ повиновеніе своихъ подданныхъ. Императоръ, стало быть, вмѣсто защитника народныхъ правъ превратился въ полицейскаго пристава, вмѣсто блюстителя общихъ интересовъ Германіи сдѣлался государемъ только австрійской территоріи и самымъ императорскимъ саномъ сталъ пользоваться для того только, чтобы извлекать выгоды для себя и своего дома. Такимъ образомъ само императорство приняло въ это время партикуляристическій характеръ, особенно благодаря своекорыстной политикѣ Габсбурговъ. Съ XVII ст. имперія, однимъ словомъ, сдѣлалась пустою формою, которую сначала еще соблюдали, но потомъ и соблюдать не стали. Князья не только перестали ѣздить на сеймъ, но нерѣдко не посылали туда даже и уполномоченныхъ; да и не стоило, потому что сеймъ рѣдко доходилъ до какого-нибудь рѣшенія; дѣла запутывались въ безчисленныхъ возраженіяхъ, формальностяхъ и проволочкахъ, а имперія, т.-е. императоръ и сеймъ съ своими тремя коллегіями — курфирстовъ, князей и городовъ — сдѣлалась чистой комедіей. На самомъ же дѣлѣ всѣ 2 тыс. имперскихъ территорій жили каждая сама по себѣ и мало заботились объ общемъ. Полнѣйшій партикуляризмъ овладѣлъ Германіей въ началѣ XVIII вѣка“. О томъ, какіе порядки господствовали въ каждомъ изъ этихъ отдѣльныхъ атомовъ имперіи, тотъ же Бидерманъ говоритъ: „Увлеченная заразительнымъ примѣромъ Людовика, и большая часть нѣмецкихъ князей осмѣлилась играть роль великихъ монарховъ на своихъ крошечныхъ территоріяхъ. Каждый на свой ладъ и по мѣрѣ силъ стремился къ тому, чтобы и у себя провести въ практику то ученіе о божественномъ величіи монарховъ, которое, казалось, такъ блистательно осуществилъ Людовикъ XIV. Забывъ, что царская роскошь и вся помпа величія, могущія быть извинительными и приличными повелителю сильнаго государства, становятся смѣшными и преступными на нѣсколькихъ квадратныхъ миляхъ и на счетъ бѣднаго и истощеннаго населенія, каждый старался организовать свою область на подобіе придворнаго государства Людовикова. Но не будучи въ состояніи, подобно Людовику, вознаградить подданныхъ за гнетъ ни полезными внутренними учрежденіями, ни блескомъ внѣшней

славы,—всѣ ограничивали свою пустую суетность тѣмъ, что, какъ въ комедіи, копировали весь церемоніалъ, титулы и формы Версальскаго двора съ самою мелочною точностью. Тогда какъ великіе владѣтельные князья имперіи окружали себя камергерами, камеръ-юнкерами, церемоніймейстерами, гофмаршалами, штальмейстерами, егермейстерами, адъютантами, цѣлою толпою пажей, лейбъ-лакеевъ, гайдуковъ, егерей, скороходовъ и другихъ придворныхъ тунеядцевъ и такимъ образомъ истощали средства и силы своихъ областей,—не было въ имперіи ни одного мелкаго князька, который бы не желалъ тоже содержать дворъ, по примѣру Версальскаго, и имѣть свое lever, хотя бы при этомъ lever присутствовалъ только одинъ какой-нибудь штальмейстеръ или чиновникъ,—который бы не желалъ также пользоваться своимъ правомъ войны и мира, поддерживая это притязаніе какою-нибудь парою солдатъ, парадировавшихъ обыкновенно предъ окнами его дворца,—который бы также не предъявлялъ притязаній на право посольства... Смѣшные споры о рангахъ и титулахъ, которые еще при Вестфальскихъ переговорахъ дѣлали нѣмецкихъ князей посмѣшищемъ иностранныхъ державъ и цѣлымъ мѣсяцемъ замедлили заключеніе столь желаннаго для націи мира, возросли теперь еще болѣе, особенно съ того времени, когда каждый князекъ сталъ играть Людовика XIV и переносить свои притязанія на старшинство на судъ „великаго короля", признаннаго всею Европой самымъ непогрѣшимымъ судьею въ дѣлѣ политическаго и придворнаго этикета. Такъ, въ XVII в. курфирсты присвоили своимъ посланникамъ титулъ — „Превосходительства". По этому случаю древніе княжескіе роды (altfürstliche Häuser) пришли въ большое волненіе, и вопросъ, не имѣютъ ли и они права на это преимущество, признанъ былъ довольно важнымъ для того, чтобы для рѣшенія его созвать особый конгрессъ уполномоченныхъ. Самъ Лейбницъ написалъ по этому вопросу цѣлый политико-юридическій трактатъ. Уполномоченные дѣйствительно съѣхались въ 1670 г. и не только рѣшили споръ въ пользу древнихъ княжескихъ фамилій, но сверхъ того признали за этими фамиліями право держать при дворахъ своихъ не только камеръюнкеровъ, но и камергеровъ. Съ того времени Германія часто приходила въ движеніе отъ подобныхъ вопросовъ. Такъ напр., посланники курфирстовъ на сеймѣ пользовались правомъ помѣщать свои кресла на томъ самомъ коврѣ, на которомъ стояло подъ балдахиномъ кресло императорскаго уполномоченнаго. Для другихъ, меньшихъ князей было немалымъ торжествомъ, когда они послѣ долгихъ и настой-

чивыхъ усилій добились и для своихъ уполномоченныхъ права ставить, по крайней мѣрѣ, переднія ножки своихъ креселъ на бахрому завѣтнаго ковра. Такъ же точно между королевскимъ и герцогскимъ домами Гольштейнъ-Готторпа былъ продолжительный споръ о томъ, слѣдуетъ ли въ ихъ совмѣстныхъ правительственныхъ актахъ только одно королевское имя писать крупнымъ нѣмецкимъ шрифтомъ или также и герцогское. По этому случаю герцогъ въ теченіе восьми лѣтъ не подписывалъ судебныхъ и другихъ бумагъ и останавливалъ этимъ весь обычный ходъ правосудія и администраціи въ герцогствахъ, пока наконецъ (уже въ 1710 г.) не послѣдовало между спорившими сторонами соглашеніе, по которому герцогъ отказался отъ нѣмецкаго шрифта".

Войны Людовика:

Таково было положеніе Имперіи, когда Людовикъ XIV началъ свои войны съ сосѣдними государствами. Войнъ этихъ было четыре. Мы ихъ разсмотримъ не столько со стороны военной или стратегической, сколько по отношенію къ ихъ вліянію на политическое равновѣсіе Западной Европы.

а) Деволюціонная война.

Первая война Людовика XIV, начатая въ 1667 г., была направлена противъ самаго близкаго сосѣда—Испаніи и вотъ по какому поводу. Въ 1665 г. умеръ второй преемникъ Филиппа II, Филиппъ IV, и Людовикъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заявить свою претензію на Испанскіе Нидерланды, т.-е. нынѣшнюю Бельгію, принадлежавшую въ то время испанской коронѣ [1]). Притязаніе это онъ основывалъ на одномъ мѣстномъ фламандскомъ юридическомъ обычаѣ—jus devolutionis, по которому въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ и вступленія въ новый бракъ оставшагося въ живыхъ, за послѣднимъ оставалось лишь право пользованія, право же настоящей собственности переходило къ дѣтямъ отъ перваго брака. Людовикъ XIV женатъ былъ на дочери отъ перваго брака умершаго Филиппа IV [2]), Маріи Терезіи, и такъ какъ покойный испанскій король не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ отъ этого перваго супружества, то Людовикъ XIV отъ имени жены своей заявилъ теперь притязаніе на его наслѣдство въ Испанскихъ Нидерландахъ, заявилъ его не смотря на то, что въ 1659 г. Марія Терезія, выходя замужъ за французскаго короля, по Пиренейскому трактату отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на испанскія владѣнія. Но

---

[1]) Lonchay, „La Rivalité de la France et de l'Espagne aux Pays-Bas (1635—1700)". Bruxelles. 1896. Б.

[2]) Canovas del Castillo, „Estudios del reinado de Felipe IV". Madr. 1888—9. 2 v. Б.

французскіе юристы не затруднились устранить и это препятствіе, утверждая, что инфанта въ эпоху своего замужества была еще несовершеннолѣтняя и, какъ таковая, не могла принимать на себя никакихъ обязательствъ.

Притязаніямъ Людовика XIV на Испанскіе Нидерланды на этотъ разъ противостали три державы — Голландія, Англія и Швеція: Голландія — потому, что она, какъ сосѣдка, была ближайшимъ образомъ заинтересована независимостью Испанскихъ Нидерландовъ, изъ которыхъ французы могли бы угрожать и ей самой; Англія вступилась потому, что посягательство Людовика на Нидерланды было нарушеніемъ торговыхъ ея интересовъ; Швеція же выступила, какъ блюстительница порядка, установленнаго Вестфальскими договорами. Составился такимъ образомъ „Тройственный союзъ“, вслѣдствіе чего Людовикъ, двинувшій было свою армію въ Испанскіе Нидерланды, не осмѣлился еще на этотъ разъ [доводить дѣло до крайности] и согласился на миръ въ Ахенѣ, заключенный въ 1668 г., по которому Франція получила лишь нѣсколько городовъ во Фландріи.

Голландская война.

Главнымъ виновникомъ неудачи въ этихъ замыслахъ короля была Голландія, потому что ей болѣе всего угрожала непосредственная опасность. Поэтому—всѣ усилія французской дипломатіи съ этого времени направлены были къ тому, чтобы отомстить Голландіи, тѣмъ болѣе, что и вообще республика Соединенныхъ Штатовъ давно уже возбуждала ненависть короля. Голландія играла тогда такую же роль въ Западной Европѣ, какую до послѣднихъ временъ играла въ ней Англія. Это была свободная, цвѣтущая морская держава, доставлявшая пріютъ и поддержку всѣмъ гонимымъ за политическія и религіозныя убѣжденія. Сюда стекались изгнанники изъ всѣхъ странъ и здѣсь печатались сочиненія, запрещенныя въ другихъ государствахъ. Въ глазахъ Людовика богатый край этотъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ лакомымъ кускомъ. И вотъ его дипломатіи удалось составить противъ Голландіи коалицію изъ прежнихъ членовъ Тройственнаго союза, т.-е. изъ Англіи и Швеціи. Нѣкоторые германскіе князья тоже стали на сторону Людовика. Только курфирстъ Бранденбургскій, по религіознымъ побужденіямъ, какъ ревностный протестантъ, а также и по враждѣ къ Швеціи, объявилъ себя за Голландію. Война открылась въ 1672 г., и такъ какъ серьезнаго противодѣйствія не было ни откуда, то французы быстро заняли герцогство Лотарингское и наводнили Голландію. Передовые отряды Людовика XIV подходили уже къ Амстердаму; но опасность, грозившая респуб-

ликѣ, произвела въ ней самой неожиданный переворотъ: аристократическая партія съ братьями де-Виттъ [1]) во главѣ, управлявшая страной, была низвергнута народной революціей, которая возвысила Вильгельма Оранскаго, сдѣлавшагося штатгальтеромъ Соединенныхъ Штатовъ. Вильгельмъ принялъ тотчасъ рѣшительныя мѣры. Не имѣя возможности оружіемъ бороться съ врагами, онъ прибѣгнулъ къ крайнему средству, велѣвъ прорвать приморскія плотины и затопить страну, такъ-что французы волею-неволею должны были ее очистить.

Кромѣ того и въ европейской политикѣ [2]) произошелъ переворотъ: Англія подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, враждебнаго къ Франціи, нѣсколько отстала отъ союза съ ней; а шведы были разбиты курфирстомъ Бранденбургскимъ при Фербеллинѣ въ 1675 г.; обѣ габсбургскія державы—Испанія и Австрія со всею имперіей—тоже вооружились противъ Франціи, такъ-что Людовикъ, хотя и былъ довольно счастливъ въ этой войнѣ и даже выигралъ нѣсколько битвъ, благодаря славному Тюренню, погибшему въ стычкѣ при Засбахѣ, „великому Кондэ" и Люксембургу, но долженъ былъ заключить въ 1679 г. мирный договоръ въ Нимвегенѣ, по которому Франція получила отъ Испаніи Франшъ-Контэ [3]).

Вильгельмъ Оранскій.

Таковы были успѣхи Людовика въ двухъ его первыхъ войнахъ. Но послѣдняя, т.-е. Голландская война, вызвала противъ него заклятаго врага, который долгое время парализировалъ всѣ его планы. То былъ Вильгельмъ Оранскій, сначала штатгальтеръ Голландіи, а съ 1688 г. послѣ изгнанія Стюартовъ и король Англіи. И неудивительно. Какъ по личному характеру, такъ и по политическимъ идеямъ это былъ совершенный контрастъ Людовика XIV [4]). И онъ также въ своемъ сиротскомъ дѣтствѣ былъ свидѣтелемъ и жертвою кипѣвшей вокругъ него борьбы враждебныхъ партій своего отечества: демократовъ—съ патриціями, обдѣленныхъ провинцій — съ несправедливымъ перевѣсомъ Голландіи въ общемъ союзѣ; но его нравственно чистая натура вынесла изъ этой школы совсѣмъ другія идеи. Не подчиненіе всѣхъ боровшихся

---

[1]) Lefévre-Pontalis, „Vingt années de république parlementaire au XVII siècle. Jean de Witt. grand pensionnaire de Hollande". Paris. 1884. 2 v. Б.

[2]) Pribram, „Franz Paul Freiherr v. Lisola, 1613—1674, und die Politik seiner Zeit". Leipz. 1894. Б.

[3]) „Actes et négociations de la paix de Nimvègue". A la Haye. 1697. 4 v.; Vast, „Les grands traités du règne de Louis XIV". 1893 сл. Б.

[4]) О Вильгельмѣ III см. главнымъ образомъ „Исторію Англіи" Маколея. Другіе источники и пособія см. ниже. Б.

элементовъ волѣ одного, а достиженіе законнаго равновѣсія между ними—сдѣлалось цѣлью его политики, когда революція 1672 г. въ Голландіи поставила его во главѣ республики, а революція 1688 г. въ Англіи возвела на англійскій тронъ. Въ Нидерландахъ, какъ и въ Англіи, равно не любили этого холоднаго, молчаливаго человѣка и были имъ недовольны, и однако же ему подчинялись всѣ. Съ такимъ же характеромъ, еще двадцатидвухлѣтнимъ юношей, выступилъ онъ и на сцену европейской политики, какъ государственный мужъ и полководецъ, и съ самаго же начала сдѣлался ея душою и средоточіемъ, какъ единственный человѣкъ, которому вѣрили всѣ, потому что и здѣсь олицетворялъ онъ ту-же идею равновѣсія и законнаго удовлетворенія всѣхъ, которая руководила имъ въ его собственныхъ государствахъ. Понятно послѣ этого, почему Вильгельмъ сдѣлался самымъ неумолимымъ врагомъ Людовика XIV, грозившаго именно разрушить это равновѣсіе, а вмѣстѣ съ нимъ независимость западныхъ государствъ, ихъ религіозную и политическую свободу.

«Камеры присоединенія».

Послѣдніе успѣхи вскружили Людовику голову. Побѣдоносно устоявъ противъ союза полу-Европы, Людовикъ возъимѣлъ такое высокое мнѣніе о своихъ силахъ и съ такимъ пренебреженіемъ сталъ относиться къ правамъ и интересамъ другихъ державъ, что началъ уже явно ругаться надъ всякими договорами. Высокомѣріе и властолюбіе его не имѣли теперь границъ. Плодомъ такого настроенія короля, а равно и глубокой розни между его противниками—Голландіей, Англіей, Испаніей, Австріей,—были такъ называемыя „камеры присоединенія“ [1]) („chambres de réunion“), учрежденныя имъ (1679—80) въ 3-хъ пограничныхъ французскихъ городахъ: Мецѣ, Брейзахѣ и Безансонѣ. Это были какъ-бы международные трибуналы, на обязанности которыхъ лежало изысканіе правъ французскаго государства на сосѣднія территоріи, [поводомъ къ чему служили нѣкоторыя неясныя и противорѣчивыя статьи Мюнстерскаго договора]. Обыкновенно въ судахъ этихъ самъ король былъ истцомъ, судьею и исполнителемъ. Какъ произволъ этихъ судилищъ, такъ и способъ дипломатическихъ сношеній, усвоенный ими, сдѣлали ихъ притязанія еще болѣе ненавистными для другихъ государствъ, такъ какъ камеры вызывали къ отвѣту иностранныхъ государей и, въ случаѣ ихъ неявки, прямо

---

[1]) Kaufmann, „Die Reunionskammer zu Metz“.—По свидѣтельству Spanheim'а, мысль о завоеваніяхъ среди мира и возсоединительныхъ камерахъ принадлежитъ не Лувуа, какъ принято думать, а брату знаменитаго Кольбера—Кольберу-Круасси. Б.

объявляли ту или другую область присоединенною къ Франціи. Такой произвольной и оскорбительной процедурой въ короткое время присоединено было къ Франціи до 600 мѣстностей, преимущественно въ Эльзасѣ [1]) и по Рейну. Самый Страсбургъ, признанный по Вестфальскому договору имперскимъ городомъ, былъ теперь среди полнаго мира захваченъ военной силой (1681) и объявленъ присоединеннымъ къ Франціи [2]). Такимъ же образомъ занята была важная пограничная крѣпость Казале въ Верхней Италіи, у Испаніи отнятъ Люксембургъ и присоединены нѣкоторыя мѣстности во Пфальцѣ. Но замѣчательнѣе всего, что у сосѣдняго архіепископа Трирскаго отняты были три мѣстности на томъ основаніи, что когда 9 вѣковъ тому назадъ король Пипинъ подарилъ ихъ архіепископскому престолу, то въ дарственномъ актѣ удержалъ за собою надъ ними верховное ленное господство. Имперія и Испанія, которыхъ главнымъ образомъ касались эти самовольные захваты, были такъ слабы и такъ боялись Людовика, что почти безъ сопротивленія уступали всѣ захваченныя мѣста, тѣмъ болѣе, что самой Вѣнѣ угрожали турки, и удовлетворились тѣмъ, что въ 1684 г. договоромъ въ Регенсбургѣ обязали французскаго короля не захватывать больше уже ничего.

Месть Людовика должны были испытать теперь всѣ навлекшіе на себя гнѣвъ его: Генуя бомбардирована была французскимъ флотомъ за дружбу съ Испаніей, а папа Иннокентій XI, по случаю возникшаго спора о такъ называемой квартирной свободѣ, т. е. о правѣ убѣжища посольскихъ домовъ, стѣсненъ былъ въ самомъ Римѣ французскими войсками, принудившими курію къ уступчивости. Такъ далеко уже простирался паническій страхъ во всей Европѣ предъ всемогущимъ французскимъ королемъ. Одинъ только Вильгельмъ Оранскій не дремалъ и не боялся среди общей опасности, грозившей Европѣ. Уже въ 1686 г. ему удалось составить противъ Людовика тайный оборонительный союзъ въ Аугсбургѣ,—союзъ, въ которомъ приняли участіе какъ католическія, такъ и протестантскія державы, и которому сочувствовалъ даже самъ папа, а именно, къ коалиціи присоединилась Австрія

Аугсбургская лига.

---

[1]) Объ Эльзасѣ—лучшее соч. Reuss, „L'Alsace au XVII siècle". 1898. 2 v. См. также Rocholl, „Zur Geschichte der Annexion des Elsasz durch die Krone Frankreichs". Gotha. 1888; Bardot, „La question des dix villes imperiales d'Alsace depuis la paix de Westphalie jusqu'aux arrêts de „reunions" du conseil souverain de Brisach, 1648—1680". Paris-Lyon. 1899. Б.

[2]) Legrelle, „Louis XIV et Strasbourg". Paris. 1887 (5-е изд.; 1-е—въ 1878), и ст. В. В. Бауера по поводу этой книги въ „Ж. М. Нар. Пр.", 1884 (перепечатана во II т. его „Лекцій по новой исторіи"). Б.

и многіе нѣмецкіе князья, въ томъ числѣ курфирстъ Бранденбургскій и даже Баварія, Имперія, Испанія, Швеція, Голландія и герцогъ Савойскій, а два года спустя къ ней пристала и Англія, гдѣ, по изгнаніи Стюартовъ, именно Іакова II, вступилъ на престолъ непримиримый врагъ Людовика — Вильгельмъ Оранскій. Людовикъ зналъ и видѣлъ все это, но въ 1688 г. въ своемъ безграничномъ высокомѣріи рѣшился пренебречь всѣми опасностями и самъ началъ съ коалиціей войну, открывшуюся страшнымъ опустошеніемъ Пфальца, по приказанію Лувуа.

с) Орлеанская война.

Война эта — третья въ порядкѣ войнъ Людовика XIV — называется иногда Орлеанскою и вотъ почему: поводомъ къ ней было упразднившееся наслѣдство въ Пфальцскихъ земляхъ, но которыя Людовикъ предъявилъ теперь притязаніе на томъ основаніи, что сестра послѣдняго курфирста, Карла, была замужемъ за братомъ Людовика, герцогомъ Орлеанскимъ [1]). Въ войнѣ этой, охватившей всю Западную Европу и продолжавшейся до 1697 г., Людовикъ на сушѣ большею частью имѣлъ успѣхи, важнѣйшими изъ которыхъ были его побѣды при Флерюсѣ (1690), Стенкеркѣ (1692) и Нервинденѣ (1693), и только на морѣ французскій флотъ потерпѣлъ неудачу въ сраженіи съ соединенными эскадрами англичанъ и голландцевъ при Ла-Гогѣ (1692). И однако же, не смотря на то, что вообще и въ эту войну Людовикъ былъ необыкновенно счастливъ, при мирныхъ переговорахъ въ Рисвикѣ въ 1697 г. онъ показалъ необыкновенную уступчивость и умѣренность. По этому договору Вильгельмъ III признанъ былъ англійскимъ королемъ; Голландія и Англія пріобрѣли значительныя колоніальныя и торговыя выгоды; Франція же удовольствовалась только нѣсколькими укрѣпленными городами на сѣверной границѣ. Но причина такой неслыханной умѣренности скрывалась въ томъ, что Франція была истощена войной, а главное въ томъ что въ это время открывались виды на наслѣдство въ Испанской монархіи и что Людовикъ возъимѣлъ теперь планы, въ сравненіи съ которыми всѣ его прежнія притязанія были ничтожны: онъ желалъ теперь ни болѣе ни менѣе, какъ пріобрѣсти для своего дома всѣ владѣнія Испанской короны [2]).

---

[1]) Вторымъ поводомъ къ войнѣ былъ споръ изъ-за выбора Кельнскаго архіепископа: Людовикъ XIV старался провести своего кандидата, Вильгельма Фюрстенберга, который, благодаря ему, былъ уже епископомъ Страсбургскимъ и кардиналомъ римской церкви и который всецѣло преданъ былъ интересамъ Франціи. Б.

[2]) Источники и пособія. Mignet, „Négotiations relatives à la succession

Вопросъ объ Испанскомъ наслѣдствѣ.

Въ послѣдніе годы XVII вѣка можно было предвидѣть близкую кончину Карла II (сына Филиппа IV отъ втораго брака его съ Маріею Анною, Австрійскою принцессою), послѣдняго представителя Испанской линіи Габсбурскаго дома. Онъ былъ болѣзненъ и бездѣтенъ, и съ его смертью, которой всѣ ожидали, совершенно угасалъ этотъ владѣтельный родъ. Поэтому вопросъ, кому достанется Испанская монархія, послѣ Рисвикскаго мира занималъ всѣ европейскіе кабинеты и, особенно, Вильгельма Оранскаго, который болѣе всего боялся, чтобы Людовикъ не захватилъ всѣхъ испанскихъ владѣній. Онъ понималъ совершенно ясно, что если честолюбивому Людовику удастся достигнуть своей цѣли, то тогда положенъ будетъ конецъ независимости Голландіи и Англіи, конецъ протестантизму, конецъ его собственной власти на англійскомъ престолѣ, а главное — конецъ всемірной торговлѣ Голландіи и Англіи. Но это послѣднее требуетъ нѣкотораго поясненія. Съ половины XVII вѣка въ общемъ на-

d'Espagne sous Louis XIV". Paris. 1835 sq. (въ „Collect. de docum. inédits"); Lamberty, „Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle". A la Haye. 1729; Dumont, „Corps universel diplomatique du droit des gens". Amsterdam. 1731; Cole, „Memoirs of affairs of state, containing lettres written by ministers employed in foreign negotiations". London. 1733; Grimblot, „Lettres of William III and Louis XIV and of their ministers". London. 1848. 2 v.; James, „Lettres illustrative of the reign of William III addressed to the duke of Shrewsbury by James Vernon". London. 1841. 3 v.; Hippeau, „Avénement des Bourbons au trone d'Espagne; correspondance inédite du marquis d'Harcourt". Paris. 1875; Vreede, „Correspondance diplomatique et militaire du duc de Marlbourough, du grand pensionnaire Heinsius et du tresorier général Hop, d'après les manuscris originaux". Amsterdam. 1856, и цѣлый рядъ мемуаровъ, отчасти уже упомянутыхъ, напр. Бервика, Вильяра, де-Торси и т. д. (см. выше, стр. 10, прим. 2). Flassan, „Hist. générale de la diplomatie française". 2 éd. Paris. 1811; Lord Mahon, „History of the war of the succession in Spain". London. 1832, и ст. Маколея по поводу этого сочиненія: „Война за Исп. наслѣдство" (во 2 т. русск. пер. „Сочин."); соотвѣтствующіе отдѣлы у Ranke, въ его „Französische Geschichte" и „Englische Geschichte"; Sirtema de Grovestins, „Guillaume III et Louis XIV". Paris. 1868. (nouv. éd.), 8 v.; Reynald, „Louis XIV et Guillaume III". 1883. 2 v.; Gaedeke, „Die Politik Oesterreichs im Spanischen Erbfolgkriege". Wien. 1877. 2 Bde; Legrelle, „La diplomatie française et la succession d'Espagne". Paris-Gand. 1888—92. 4 v. Ern. Moret, „Quinze ans du règne de Louis XIV". Paris. 1859. 3 v.; Arneth, „Prinz Eugen von Savoyen". Wien. 1858 sq. 3 Bde; „Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen. Herausgegeben von der Abtheilung für Kriegsgeschichte der k. k. Kriegsarchivs" (20 т.); Coxe, „Memoirs of the duke of Marlborough". Lond. 1847. 6 v.; De Vogüe, „Villars, d'après sa correspondance et des documents inédits". Paris. 1888. 2 v.; Courcy, „La coalition de 1701 contre la France". 1886; Landau. „Rom, Wien, Neapel während des spanischen Erbfolgekrieges". 1885; Weisz, „L'Espagne depuis Philippe II jusqu'à l'avénement des Bourbons". Paris. 1844. 2 v. Самымъ же полнымъ обстоятельнымъ трудомъ по вопросу о войнѣ за Испанское наслѣдство, на основаніи документальныхъ данныхъ, является „Europäische Geschichte des XVIII Jahrh." Ноордена. Въ русской литературѣ см. Я. Г. Гуревича, „Происхожденіе войны за Испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи". Спб. 1884, гдѣ въ началѣ имѣется и довольно подробный обзоръ литературы вопроса. **Б.**

строеніи западно-европейскихъ обществъ обнаруживается рѣшительная перемѣна. Утомленный безплодной религіозной контроверзой предшествовавшаго періода, европейскій духъ обращается къ изысканію и упроченію земныхъ, матеріальныхъ благъ. Какъ прежде религіозные вопросы, такъ теперь интересы промышленные и торговые условливаютъ во многомъ международныя отношенія. Чтò такое въ сущности были войны Англійской республики и потомъ возстановленныхъ Стюартовъ съ Нидерландами, какъ не борьба изъ-за Кромвелева „Навигаціоннаго акта?". То же самое видимъ мы и въ европейскихъ коалиціяхъ противъ завоевательныхъ плановъ Людовика XIV. Историки давно уже твердятъ, что дѣло шло тутъ о спасеніи европейскаго равновѣсія. Да, но едва ли не столь же важную роль играли при этомъ и торговые интересы [1]). Кто станетъ отрицать, напр., что Голландская война 1672 г. вызвана была не только личнымъ гнѣвомъ Людовика противъ независимой республики, но и возмездіемъ за исключеніе французскихъ товаровъ изъ голландскихъ рынковъ, которымъ Штаты отвѣтили на стѣснительный тарифъ, изданный Кольберомъ въ 1667 году? Такъ же точно нельзя не признать, что одною изъ главныхъ причинъ слабаго противодѣйствія, какое Людовикъ встрѣчалъ въ этихъ коалиціяхъ, было старинное торговое соперничество между Англіей и Нидерландскими Штатами. Но чтò значили всѣ эти счеты и разсчеты въ сравненіи съ тою массою торговыхъ интересовъ, которые были замѣшаны въ вопросѣ объ Испанскомъ наслѣдствѣ! Голландія и Англія давно уже снабжали Испанію своими и чужими фабрикатами, пользуясь тамъ преимуществами наиболѣе покровительствуемыхъ націй и получая оттуда огромныя массы американскаго золота. Мало того: голландцы и англичане, подъ разными видами торговаго посредничества, контрабанды и проч., присвоили себѣ почти всю торговлю съ заатлантическими колоніями Испаніи, снабжая произведеніями этихъ колоній какъ себя, такъ и остальную Европу. Наконецъ, огромныя выгоды извлекали морскія державы изъ левантской торговли, шедшей по Средиземному морю, захватывая при этомъ почти всѣ гавани Испаніи и Италіи. Но все это было бы невозможно, если-бъ Испанская монархія досталась Людовику XIV. Стоитъ только вспомнить все это, чтобы понять, что то или другое рѣшеніе вопроса объ Испанскомъ наслѣдствѣ было для морскихъ державъ вопросомъ жизни и смерти. Для

---

[1]) Одинъ изъ первыхъ указалъ на это Ранке. Затѣмъ мысль эта развита была Ноорденомъ, у насъ—Я. Г. Гуревичемъ. **Б.**

Англіи и Голландіи было не такъ важно, потомству какой изъ дочерей Филиппа IV достанется испанскій престолъ; но утвержденіе на немъ дома Бурбоновъ грозило имъ тогда разореніемъ и гибелью. И вотъ почему и видимъ мы эти державы въ отчаянной борьбѣ съ Людовикомъ XIV, для котораго пріобрѣтеніе Испанскаго наслѣдства, съ самаго Пиренейскаго мира, составляло постоянную и завѣтную цѣль всей его внѣшней политики. Поэтому-то Вильгельмъ III рѣшился, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать Людовику захватить все Испанское наслѣдство. Въ 1698 году рѣшился онъ открыть переговоры съ своимъ старымъ врагомъ о раздѣлѣ Испанской монархіи между разными претендентами. Къ переговорамъ, разумѣется, приглашена была и Голландія.

Претендентовъ, имѣвшихъ права на Испанское наслѣдство, было три: 1) Людовикъ XIV, основывавшій право свое на супружествѣ своемъ съ Маріей Терезіей, происходившей изъ Испанскаго дома (она была дочерью Филиппа IV отъ перваго брака); право это король, правда, предъявлялъ не лично за себя, а для втораго внука своего, Филиппа Анжуйскаго; 2) императоръ германскій Леопольдъ I, женатый тоже на испанской принцессѣ, Маргаритѣ (дочери тоже Филиппа IV, но отъ втораго брака), и передававшій свое право второму сыну своему (отъ другаго брака) эрцъ-герцогу Карлу, и 3) малолѣтній принцъ баварскій, Іосифъ Фердинандъ, имѣвшій право на наслѣдство по матери своей, Маріи Антоніи, происходившей также изъ Испанско-Габсбургскаго дома (дочь Леопольда и Маргариты). И вотъ три уполномоченныхъ—отъ Франціи и морскихъ державъ—въ 1698 году съѣхались въ Гагѣ и здѣсь, послѣ различныхъ комбинацій, придумали слѣдующій планъ раздѣла: Испанія, Америка и Бельгія должны были достаться Баварскому принцу, Миланъ—эрцъ-герцогу Карлу, а Неаполь съ Сициліей—Филиппу Анжуйскому.

Ни императоръ Леопольдъ, ни даже самъ Карлъ II ничего не знали о заключеніи въ Гагѣ этого договора. Ихъ не сочли нужнымъ даже спросить, еще менѣе сочли нужнымъ спросить тѣхъ, кто ближе всего заинтересованъ былъ въ этомъ дѣлѣ, т.-е. самыя народности Испанской монархіи. По государственной теоріи того времени это считалось совершенно излишнимъ. По этой теоріи государство считалось собственностью, какъ бы помѣстьемъ владѣтельнаго дома; поэтому казалось совершенно позволительнымъ уступить, раздѣлить, продать, отказать въ завѣщаніи, отдать въ приданое за дочерью государственную территорію, какъ про-

стое имѣніе. Даже лучшіе люди того времени нисколько не стѣснялись трактовать такимъ образомъ народъ и народности, напр. Вильгельмъ Оранскій. Такой взглядъ на государство и его отношеніе къ правительству существовалъ въ Западной Европѣ до революціи и даже до новѣйшаго времени, и только въ наше время начинаетъ получать общее признаніе принципъ государственнаго значенія народностей, принципъ національности. А между тѣмъ, какъ ни слабъ былъ Карлъ и какъ ни истощена была Испанія, все-же какъ онъ, такъ и вся испанская нація были глубоко оскорблены, услышавъ объ этихъ самовольныхъ распоряженіяхъ Франціи и морскихъ державъ. Полный негодованія, Карлъ II рѣшился въ духовномъ завѣщаніи отказать всю Испанскую монархію нераздѣльно баварскому принцу.

Но едва засохли чернила, которыми написано было завѣщаніе, какъ принцъ неожиданно скончался, какъ думаютъ, отъ отравленія. Опять сошлись дипломаты Франціи, Голландіи и Англіи, на этотъ разъ въ Лондонѣ [1]), и опять стали мѣрить, вѣсить, соединять и раздѣлять области Испанской монархіи. Теперь Испанія, Америка и Бельгія отдавались Австрійскому принцу, Миланъ же и Неаполь съ Сициліей—Филиппу Анжуйскому, [причемъ Миланъ предполагалось уступить герцогу Лотарингскому въ замѣнъ его владѣній, которыя должны были отойти къ Франціи). Этотъ второй раздѣлъ опять порѣшенъ былъ безъ вѣдома Карла II, но теперь негодованіе короля Испанскаго не знало уже предѣловъ. Людовикъ XIV, однако, со свойственною ему ловкостью и безсовѣстностью успѣлъ отклонить отъ себя гнѣвъ его, сваливъ все на морскія державы. Вообще Вильгельмъ Оранскій находился въ непонятномъ ослѣпленіи, заключая съ Людовикомъ эти трактаты. Людовикъ, какъ можно думать, для того только и велъ всѣ эти переговоры, чтобы выиграть время для своихъ интригъ при Мадридскомъ дворѣ и потому тотчасъ, по заключеніи Лондонскаго договора, самъ увѣдомилъ о немъ Карла II. Онъ и одной минуты серьезно не думалъ объ исполненіи взятыхъ на себя обязательствъ. Все дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы ловко устранить соискателей, и этой цѣли теперь онъ достигъ. Въ гнѣвѣ Карлъ велѣлъ выѣхать изъ Мадрида англійскому и голландскому посланникамъ, а австрій-

[1]) Позднею осенью 1699 г. состоялось соглашеніе между Людовикомъ и Вильгельмомъ; Голландія съ своей стороны подписала договоръ только весною 1700 г. Б.

скій уполномоченный, графъ Гаррахъ, своимъ высокомѣріемъ и неумѣлостію испортилъ дѣло эрцъ-герцога, [тѣмъ болѣе, что завѣтнымъ желаніемъ Карла и его совѣтниковъ было сохранить на будущее время цѣлость и нераздѣльность испанскихъ владѣній, передавъ ихъ въ однѣ руки, а Австрія обнаруживала себя слишкомъ слабою для того, чтобы отстоять эту нераздѣльность противъ притязаній соперниковъ]. Такимъ образомъ для французскихъ интригъ при мадридскомъ дворѣ открылось свободное поприще.

Дѣйствительно, подъ вліяніемъ этихъ интригъ Карлъ сдѣлалъ новое завѣщаніе, на этотъ разъ уже въ пользу одного Филиппа Анжуйскаго, а чрезъ мѣсяцъ послѣ того скончался (1 ноября 1700 г.). Теперь спрашивалось, приметъ ли Людовикъ завѣщаніе въ пользу своего внука, такъ какъ послѣ того нельзя было не предвидѣть обще-европейской войны, вся тяжесть которой падала бы на Францію? Среди общаго недоумѣнія собрался государственный совѣтъ, въ которомъ, не смотря на противорѣчіе нѣкоторыхъ здравомыслящихъ членовъ, личною волею короля рѣшено было принять завѣщаніе. Затѣмъ собранъ былъ дворъ и король представилъ ему Филиппа, какъ короля Испаніи; а отпуская его на новое царство, сказалъ на прощанье неосторожную фразу: „теперь нѣтъ ужъ Пиренеевъ“,—фразу, оскорбительно отозвавшуюся во всей Европѣ, какъ прямая противъ нея угроза.

Людовику легко было разыграть эту грандіозную сцену, но нелегко было Франціи выдержать новую европейскую войну, такъ какъ положеніе страны въ это время уже измѣнилось совершенно противъ того, чѣмъ была она въ началѣ царствованія Людовика XIV. Какъ мы видѣли, потеря Кольбера, гугенотская эмиграція, бездарность государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ управленія, смерть большей части полководцевъ, прославившихъ царствованіе короля, всеобщее истощеніе вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, — все это привело государство почти къ экономическому кризису, и среди такихъ обстоятельствъ было безумнымъ рискомъ начинать новую тяжкую войну.

d) Война за Испанское наслѣдство.

Война эта открылась въ 1701 г., слѣдовательно, началась почти одновременно съ Великой Сѣверной и, охвативъ весь юго-западъ Европы, горѣла цѣлыя 12 лѣтъ. Душою и руководителемъ грозной коалиціи, составившейся теперь противъ Франціи, были три знаменитыхъ мужа: англійскій полководецъ Мальборо [1]),

[1]) Wolseley, „The life of John Churchill, duke of Marlborough“. 2 v. Б.

глава партіи виговъ; даровитый родственникъ императорскаго дома, принцъ Евгеній Савойскій [1]), предводитель австрійскаго войска, и великій пенсіонарій Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, Гензіусъ, преемникъ всѣхъ политическихъ плановъ Вильгельма III и его ненависти къ французскому преобладанію. Кромѣ Австріи, Голландіи и Англіи, удалось еще привлечь къ коалиціи курфирстовъ Бранденбургскаго и Ганноверскаго, а также герцога Савойскаго. Ходъ этой войны вообще былъ несчастливъ для Франціи. Не смотря на крайнее напряженіе своихъ силъ, французскія арміи почти всюду терпѣли пораженія. Пораженіе при Гохштедтѣ или Бленгеймѣ (1704) нанесло первый, страшный ударъ французамъ и заставило ихъ покинуть Баварію; битва при Рамильи (1706) кончилась потерею занятой въ началѣ кампаніи Бельгіи; пораженіе при Туринѣ (1706) вытѣснило ихъ изъ Италіи; наконецъ катастрофы при Уденардѣ (1708) и Мальплякѣ (1709) подвергли опасности даже самую французскую территорію. [Только въ Испаніи перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ, и побѣды Бервика при Альмансѣ (1707), а Вандома— при Вилла Виціоза (1710) упрочили господство здѣсь Филиппа Анжуйскаго]. Въ 1709 г. положеніе Франціи дошло до такой уже крайности, что для покрытія военныхъ издержекъ Людовикъ долженъ былъ продавать свои фамильныя драгоцѣнности и даже соглашался отказаться не только отъ своихъ притязаній на какія-либо испанскія земли, но готовъ былъ возвратить Европѣ и всѣ прежнія свои завоеванія; но союзники не умѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и слишкомъ далеко простерли свою требовательность. Кромѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ условій, для того, чтобы совершенно унизить Людовика, они потребовали еще, чтобы онъ собственными войсками выгналъ своего внука изъ Испаніи. Негодующая Франція еще разъ напрягла послѣднія силы, а между тѣмъ и въ положеніи европейской политики произошли совершенно неожиданныя перемѣны. Въ Англіи вмѣстѣ съ опалою вождя своего Мальборо партія виговъ лишилась власти. Но что̀ болѣе всего понизило уровень требованій союзниковъ—это смерть императора Іосифа I (1711), Леопольдова сына, преемникомъ котораго сдѣлался теперь младшій братъ его, эрцъ-герцогъ Карлъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Карла VI, тотъ самый Карлъ, который былъ главнѣйшимъ претендентомъ на Испанскія короны. Европа—и, прежде всего, сама Англія—не могла до-

---

[1]) См. выше стр. 48, прим.

пустить такого грознаго соединенія владѣній подъ властью Карла VI. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ собранъ былъ въ 1713 г. въ Утрехтѣ конгрессъ [1]), который и рѣшилъ Испанію и Америку отдать Филиппу Анжуйскому, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы на будущее время короны Испаніи и Франціи никогда не соединялись въ одномъ лицѣ; боковыя же испанскія владѣнія—Бельгію, Миланъ, Неаполь и Сардинію получила Австрія; между тѣмъ какъ Сицилія отходила къ герцогу Савойскому, [Виктору Амадею, получившему теперь королевскій титулъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, впрочемъ, совершился обмѣнъ: Сардинія отошла къ Савоѣ, а Сицилія къ Австріи]. Но наибольшую выгоду изъ этой войны извлекла Англія. Она получила отъ Франціи — Акадію, Нью-Фаундлендъ и Гудсоновъ берегъ, а отъ Испаніи — Гибралтаръ и Минорку, чѣмъ и положено было начало всесвѣтному колоніальному и морскому могуществу этой страны. Такимъ образомъ, раздѣлъ Испанской монархіи, озабочивавшій такъ долго Западную Европу и грозившій нарушеніемъ ея равновѣсія, совершился въ томъ видѣ, какъ предполагалъ его Вильгельмъ Оранскій. Ни Австрія, ни Франція въ силу Утрехтскаго договора не могли теперь сдѣлаться грозою для Европы и равновѣсіе ея было спасено тѣмъ болѣе, что вскорѣ и нѣкоторыя боковыя испанскія владѣнія, именно Неаполь и Сицилія, отошли отъ Габсбурговъ и переданы Донъ-Карлосу, сыну Филиппа V отъ второго брака его съ Елизаветою Пармской.

Такимъ образомъ война эта произвела въ Европѣ ту важную перемѣну, что она низвела съ прежняго могущества какъ Францію, такъ и Австрію. Оба эти государства надолго впали теперь въ изнеможеніе и слабость. Въ системѣ государствъ европейскихъ открылось поприще для новыхъ дѣятелей, которые и вступили на него съ первой половины XVIII вѣка. Этими новыми дѣятелями были Россія и Пруссія,—Россія, вступившая въ кругъ образованныхъ державъ Европы вслѣдствіе Великой Сѣверной войны [2]), и Пруссія—вслѣдствіе войнъ за Австрійское наслѣдство и Семилѣтней.

---

[1]) O. Weber, „Der Friede von Utrecht". Gotha. 1891. Б.

[2]) Объ отношеніи Франціи къ Россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.— см. между проч. г. Васильевъ, „Russisch-französische Politik 1689—1717". Gotha. 1902. Б.

II. Людовикъ XV и разложеніе старой монархіи.

Пособія. Кромѣ Вольтерова „Siècle de Louis XV“ и Capefigue, „Philippe d'Orléans, régent de France“ (Bruxelles. 1844), сочиненій въ настоящее время не имѣющихъ вовсе значенія, есть прекрасный, хотя и старый трудъ — Lemontey, „Histoire de la régence et de la minorité de Louis XV“, написанный въ началѣ истекшаго столѣтія, но изданный только послѣ іюльской революціи, именно въ 1832 г. Новое же наиболѣе крупное общее сочиненіе о времени Людовика XV — Jobez, „La France sous Louis XV“. Paris. 1864—73. 6 v.; ср. Carré, „La France sous Louis XV (1723 — 1774)“. P. 1892. Затѣмъ см. соотвѣтствующіе отдѣлы у Онкена, „Das Zeitalter Friedrichs d. Gross.“ (въ его-же коллекціи), и Mackinnon, „The Growth and Decline of the French Monarchy“. 1902. Однимъ изъ лучшихъ общихъ пособій и тутъ является не разъ уже названный трудъ Ранке—„Französische Geschichte“. Для изученія внутренней, соціальной и административной стороны эпохи чрезвычайно важна извѣстная книга Токвилля, „L'ancien régime et la révolution“, превосходно рисующая постепенный процессъ разложенія государственнаго строя старой Франціи“, то же можно сказать и о первомъ томѣ „Les origines de la France contemporaine“ Тэна, но о нихъ, равно какъ и вообще о сочиненіяхъ, касающихся „стараго порядка“, см. ниже, въ обзорѣ литературы по исторіи революціи. Источники: мемуары Duclos, d'Argenson'a, Vauban a, Saint-Simon'a, Bernis, Шуазеля герц. Ришелье и т. под.; Barbier, „Journal histor. et anecdotique du règne de Louis XV (1718—1763)“. 1847—56. 4 v., изд. 1857 г.—въ 8 т. Buvat, „Journal de la régence (1715—1723)“, publié par Compardon. Paris 1865. 2 v. (дневникъ); Broglie, „Le secret du roi; correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques“. Paris. 1878. 2 v.; Boutaric, „Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère“; „Correspondance de Louis XV et du maréchal de Noailles“, publ. par Rousset. P. 1863, 2 v.; Пекарскій, „Маркизъ де ла Шетарди въ Россіи, 1740—42. Перев. рукописныхъ депешъ французск. посольства въ Петербургѣ“. Спб. 1862; ср. переписку де ла Шетарди съ франц. правительствомъ, въ „Сборн. Импер. Историч. Общества“, т. 100-й (1897), и т. д. Для исторіи французской политики отъ Вестфальскаго мира до революціи, а стало быть, и времени Людовика XV, чрезвычайно важенъ сборникъ „Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française“. 1884 sq.; ср. Flammermont, „Les correspondances des agents diplomatiques étrangers en France avant la Révolution, conservées dans les archives de Berlin, Genève, Turin, Londres“. P. 1896. **П. и Б.**

Людовикъ XIV умеръ дряхлымъ старикомъ 1 сентября 1715 г. Ему довелось пережить не только своихъ дѣтей, но и всѣхъ внуковъ, за исключеніемъ Филиппа Анжуйскаго, который сдѣлался королемъ Испаніи и по Утрехтскому трактату отказался отъ своихъ правъ на наслѣдство во Франціи. Поэтому преемникомъ короля номинально сдѣлался его правнукъ, Людовикъ XV. По распоряженію покойнаго короля, регентство должно было принадлежать незаконнымъ сыновьямъ его отъ Монтеспанъ, такъ называемымъ легитимированнымъ принцамъ — герцогу Тулузскому и графу де-Мэнъ, такъ какъ Людовикъ незадолго до

Завѣщаніе Людовика.

Регентство.

своей смерти усыновилъ ихъ и парламентъ призналъ это усыновленіе. Но скандалъ видѣть во главѣ государства незаконныхъ сыновей короля возбуждалъ такое общественное негодованіе, что ловкому и предпріимчивому Филиппу Орлеанскому легко удалось отмѣнить съ помощью того же парламента завѣщаніе Людовика XIV и стать во главѣ регентства.

Филиппъ Орлеанскій. Это былъ необыкновенно даровитый и разносторонне образованный человѣкъ, обладавшій громадными свѣдѣніями и интересовавшійся рѣшительно всѣмъ, что̀ тогдашняя Франція и Европа могли въ умственномъ отношеніи выставить замѣчательнаго. Но по характеру своему это былъ человѣкъ въ высшей степени безпечный, непостоянный и совершенно неспособный ни къ какому серьезному дѣлу. Мать его, герцогиня Орлеанская, оставившая интересныя записки о своемъ времени, сама выражалась о своемъ сынѣ, что добрые геніи снесли къ колыбели ребенка всѣ свои дары, но забыли надѣлить однимъ — умѣньемъ пользоваться ими. Поэтому, ставъ во главѣ управленія, регентъ тотчасъ свалилъ всѣ заботы его на своего товарища по оргіямъ и распутству, пронырливаго и хитраго кардинала Дюбуа [1]). Развратникъ, лицемѣръ и государственный воръ, Дюбуа отличался, правда, большою способностью къ интригамъ, но серьезныхъ дарованій къ правительственной дѣятельности не имѣлъ никакихъ, тогда какъ положеніе Франціи было таково, что со стороны руководящихъ людей требовалось много умѣнія и находчивости, чтобы стать на высотѣ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ покойный король оставилъ страну. Въ какомъ положеніи очутилась французская казна передъ смертію Людовика и до какой степени упалъ кредитъ правительства, видно изъ того, что въ 1708 году тогдашній министръ финансовъ, Демаре, за 32.000.000 государственныхъ облигацій могъ получить на биржѣ едва 8 мил. звонкою монетою. Правительство само подавало примѣръ несостоятельности, не уплачивая процентовъ по своимъ обязательствамъ; кредиторовъ же своихъ оно удовлетворяло тѣмъ, что давало имъ охранныя грамоты въ свою очередь противъ ихъ собственныхъ кредиторовъ. Регентство попробовало сначала прибѣгнуть къ различнымъ насильственнымъ мѣрамъ, въ родѣ тѣхъ, какія когда-то практиковались Кольберомъ (образованіе коммиссіи подъ предсѣдательствомъ братьевъ Пари для провѣрки государственныхъ долговыхъ обязательствъ, произвольное нарушеніе

---

[1]) De Seilhac, „Vie de l'abbé Dubois"; Bliard, „Dubois, cardinal et premier ministre". P. 1902. 2 v.; Wiesener, „Le Régent, l'abbé Dubois et les Anglais, d'après les sources britanniques". P. 1899. 3 v. Б.

этихъ обязательствъ, произвольное измѣненіе цѣнности монеты, слѣдствіе надъ финансовыми чиновниками), по такими путями могло доставить казнѣ едва 150 мил. ливровъ, которыми, конечно, не покрылись и проценты по государственнымъ долгамъ, тѣмъ болѣе, что большая часть этихъ денегъ поглощена была расточительностью и прихотями двора.

Джонъ Ло.

Посреди такихъ критическихъ обстоятельствъ является въ Парижъ шотландецъ Джонъ Ло [1]),—является съ довольно уже установившеюся репутаціей счастливаго спекулятора и опытнаго финансиста. Во время своихъ странствованій по Европѣ, онъ посѣтилъ ея столицы и дворы, окруженный роскошью магната, какъ счастливый игрокъ на биржѣ и за зеленымъ столомъ, словомъ, человѣкъ необыкновенный. До появленія своего во Франціи Ло долго изучалъ кредитъ и банковыя операціи въ Голландіи и Италіи, такъ что въ Парижъ пріѣхалъ уже съ готовымъ проектомъ заемнаго банка, путемъ котораго обѣщалъ регенту покрыть весь государственный долгъ Франціи, поднять промышленность и торговлю и увеличить государственные доходы, — словомъ обѣщалъ золотой вѣкъ,—и все это благодаря новому чудесному средству, имъ открытому,—благодаря кредиту. Интересующійся всякой новизной и поставленный къ тому же въ безвыходное положеніе, Филиппъ Орлеанскій съ радостью ухватился за это новое чудо, которое предлагалъ ему предпріимчивый иностранецъ. Но сначала онъ имѣлъ осторожность разрѣшить ему основаніе только частнаго банка, который въ 1716 году и открытъ былъ подъ именемъ „Banque générale de France“ и который подъ залогъ земельной собственности и другого имущества сталъ выдавать ссуды своими билетами, обезпеченными основнымъ металлическимъ фондомъ банка, простиравшимся до 3.300.000 ливровъ. Но билеты эти все же не были еще деньгами, т.-е. не имѣли обязательнаго курса, а между тѣмъ къ тому-то и направлены были всѣ усилія афериста, чтобы постепенно стянуть въ банкъ всю звонкую монету, находившуюся въ обращеніи, и замѣнить ее билетами банка, количество которыхъ можно было бы увеличивать по про-

Банкъ.

---

[1]) Сочиненія самого Ло; Wood, „Memoirs of the life of John Law“. Edinb. 1824; Dutot, „Observations sur les finances et le commerce“ (Daire, „Economistes financiers du XVIII siècle“, Paris. 1851); Kurtzel, „Geschichte der Lawschen Finanzoperat.“ (Raumers „Histor. Taschenbuch“, 1846); Бабстъ, „Джонъ Ло или финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы регентства“. М. 1852; Horn, „Jean Law“. Leipz. 1858; Levasseur, „Recherches historiques sur le système de Law“. Paris, 1857; Vuitry, „Le désordre des finances et les excès de la spéculation à la fin du règne de Louis XIV et au commencement du règne de Louis XV“. 1855; Stourm, „Les finances de l'ancien régime“. P. 1885. 2 v. II. и B.

произволу. Пользуясь расположеніемъ регента, которому дѣлалъ частныя ссуды, и его полнымъ довѣріемъ, Ло въ теченіе 1717 и 18 г. выхлопоталъ своему учрежденію множество преимуществъ. Такъ, онъ соединилъ съ своимъ банкомъ операціи торговыхъ компаній—Западной (Миссисипской) и Индійской; затѣмъ эксплуатацію табачной пошлины; далѣе, право чеканить монету, уступленное ему правительствомъ за 50 мил., и, наконецъ, откупъ государственныхъ податей, который также перешелъ въ его руки съ платою казнѣ по 50 мил. лив. ежегодно. Благодаря такому покровительству регента, обезпеченности основного фонда банка и ловкости предпринимателя, банкъ въ короткое время пріобрѣлъ громадное довѣріе въ публикѣ, а его акціи стали быстро возвышаться въ цѣнѣ и отъ 500 лив. номинальной стоимости скоро достигли на биржѣ до 10.000; въ то же время основной капиталъ банка возросъ до 200 мил. ливровъ. На этомъ основаніи Ло вообразилъ, что банкъ, имъ основанный, стоитъ уже такъ твердо, что можетъ по произволу увеличивать количество выпускаемыхъ билетовъ, тѣмъ болѣе, что въ 1717 году онъ достигъ своей желанной цѣли, т.-е. правительство объявило курсъ билетовъ банка наравнѣ съ звонкой монетой, велѣло принимать ихъ во всѣхъ казенныхъ платежахъ (въ апрѣлѣ 1717 г.), и самый банкъ переименованъ въ государственный (въ декабрѣ 1718). Въ короткое время Франція наводнилась громаднымъ количествомъ бумажныхъ денегъ, общая сумма которыхъ простиралась до 5 миллiардовъ въ то время, какъ обезпечивающій фондъ банка доходилъ едва до 220 мил.; остальная же масса бумагъ не имѣла никакого прочнаго обезпеченія, и довѣріе къ нимъ основывалось исключительно на тѣхъ надеждахъ, которыя возбуждалъ банкъ своими торговыми и другими операціями. Въ сущности же банкъ не въ состояніи былъ выплачивать даже и проценты по такому громадному количеству выпущенныхъ бумагъ. Высокая цѣна акцій кромѣ того поддерживалась ажіотажемъ, развившимся до необыкновенныхъ размѣровъ. Манія биржевой спекуляціи овладѣла обществомъ. Улица Quincampois была театромъ этихъ эфемерныхъ спекуляцій, и увлеченіе парижанъ доходило до безумія.

Его крахъ.

Но кредитъ, основанный на такихъ ненадежныхъ началахъ, могъ существовать только до тѣхъ поръ, пока существовало общественное къ нему довѣріе; но стоило только этому довѣрію поколебаться по какому-либо случаю, чтобы все учрежденіе рухнуло безвозвратно. Это и случилось здѣсь. У Ло было много завистниковъ и враговъ, старавшихся подорвать его предпріятіе,—братья

Пари, прежніе откупщики податей, банкиры, ростовщики, англичане и вообще иностранцы, въ помощи которыхъ Франція не нуждалась теперь болѣе—; они-то стали распространять про банкъ разные тревожные слухи и указывать публикѣ на всю непрочность этого учрежденія, основаннаго единственно на обѣщаніяхъ и случайностяхъ, а не на дѣйствительныхъ обезпеченіяхъ. Дѣйствительно, кредитъ можетъ быть проченъ лишь тогда, когда онъ основанъ не на одномъ голомъ довѣріи, а на чемъ-нибудь болѣе реальномъ, именно на капиталахъ, находящихся въ распоряженіи основаннаго учрежденія. Ничего подобнаго не было у Ло. Поэтому въ виду тревожныхъ слуховъ, нѣкоторые болѣе осторожные вкладчики стали предъявлять свои билеты для полученія по нимъ денегъ. Банкъ выплачивалъ сначала по нимъ очень аккуратно, но испугался, и по его настоянію правительство приняло нѣкоторыя принудительныя мѣры, а именно—вышло повелѣніе, по которому частнымъ лицамъ подъ страхомъ тяжкихъ наказаній воспрещалось держать у себя болѣе 500 лив. звонкой монеты, а равно воспрещалось употреблять благородные металлы на разныя домашнія издѣлія; все же остальное наличное количество золота и серебра велѣно было сносить въ банкъ и обмѣнивать на его билеты. Но такое насильственное распоряженіе, указывавшее уже на несостоятельность банка, разумѣется, окончательно подорвало къ нему довѣріе и распространило панику. Владѣльцы акцій и билетовъ толпами бросились теперь осаждать банкъ съ требованіемъ платежей звонкою монетою. Разумѣется, банкъ не могъ удовлетворить и сотой доли этихъ требованій. Обнаружилось полное банкротство. Само правительство принуждено было понизить номинальную цѣнность билетовъ до половины ихъ прежней стоимости, но на биржѣ пали они еще ниже. Слѣдствіемъ этого кризиса было, разумѣется, разореніе многихъ тысячъ семействъ (1720). Общественное негодованіе противъ заѣзжаго авериста не знало предѣловъ. На имущество Ло наложенъ секвестръ; самъ онъ едва могъ спастись изъ Франціи, и этотъ человѣкъ, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ, одаренный свѣтлымъ и сильнымъ умомъ и искренними убѣжденіями, вскорѣ умеръ въ бѣдности въ Венеціи.

Причины неудачи Ло.

Такъ рушилась эта искусственная затѣя, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ то, что она надолго сдѣлала кредитъ невозможнымъ во Франціи и неумѣренно возвысила значеніе земельной собственности, которую стали считать теперь — и опять-таки преувеличенно—единственной реальной цѣнностью. Ученіе это сдѣлалось вскорѣ основаніемъ цѣлой экономической школы физіо-

кратовъ, во главѣ которой стоялъ Кэпе. Неудача предпріятія Ло объясняется во-первыхъ тѣмъ, что онъ связалъ его судьбу съ такими рискованными предпріятіями, какими были компаніи Индійская и Западная; во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ безъ мѣры удовлетворялъ прихоти регента, требовавшаго безпрерывнаго выпуска бумажныхъ денегъ, и въ-третьихъ, тѣмъ кореннымъ заблужденіемъ, будто деньги есть единственное богатство страны, тогда какъ деньги есть преимущественно орудіе мѣны, настоящее же богатство составляютъ капиталы, т.-е. масса накопленнаго труда, предназначенная для потребленія или для новаго производства. Но Ло, воспитанный въ меркантильныхъ понятіяхъ времени, не понялъ истиннаго значенія денегъ и, справедливо считая кредитъ важнымъ рычагомъ промышленности и торговли, преувеличилъ его значеніе и думалъ, что онъ могъ быть расширенъ до безконечности, тогда какъ кредитъ проченъ лишь тогда, когда обезпеченъ дѣйствительными цѣнностями. Такъ же точно заблуждался Ло и относительно бумажныхъ денегъ, которымъ онъ давалъ предпочтеніе предъ звонкою монетою, какъ предмету болѣе удобному и постоянному въ цѣнѣ. Представленіе это несостоятельно потому, что звонкая монета имѣетъ несомнѣнныя преимущества,—и какъ орудіе мѣны, и какъ составляющая цѣнность сама-по-себѣ, подобно всякому другому товару. Но изъ всего этого не слѣдуетъ однако, чтобы Ло былъ только взбалмошнымъ аферистомъ, а тѣмъ болѣе ловкимъ плутомъ, какимъ его многіе представляли. Это былъ человѣкъ съ дѣйствительно большимъ дарованіемъ, съ умомъ свѣтлымъ и сильнымъ и искренними убѣжденіями, но только не чуждый заблужденій своего вѣка.

Герцогъ Бурбонъ и его мѣры.

Регентъ Филиппъ Орлеанскій недолго пережилъ паденіе системы Ло и умеръ въ 1723 году. Страшный финансовый разгромъ, которому подверглась страна, заставилъ герцога Бурбона, преемника регента, прибѣгнуть еще разъ къ новымъ насильственнымъ или нелѣпымъ мѣрамъ. Такъ, онъ установилъ съ чиновниковъ единовременный поборъ, такъ называемый—joyeux avénements, которымъ должностныя лица оплачивали правительству утвержденіе на своихъ мѣстахъ, мѣра, возбудившая, конечно, общее неудовольствіе всѣхъ служащихъ; затѣмъ прибѣгли къ новой подати, которая называлась — la cinquantième, такъ какъ она состояла въ $^1/_{50}$ части дохода со всѣхъ безъ различія недвижимыхъ имуществъ. Но такъ какъ налогъ этотъ падалъ и на земли привилегированныхъ классовъ, то дворянство встрѣтило его съ большимъ ропотомъ, а духовенство — съ открытымъ негодованіемъ. По его

интригамъ герцогъ Бурбонъ лишился своего званія въ 1726 году, и мѣсто его занялъ теперь воспитатель короля—кардиналъ Флери.

Управленіе Флери.

Въ воинственной и подвижной Франціи осторожное, консервативное управленіе 73-лѣтняго старца встрѣтило мало сочувствія; французскіе историки заклеймили его именемъ слабости и бездарности. Но трезвому взгляду иностранныхъ наблюдателей, преимущественно итальянцевъ, оставившихъ намъ извѣстія объ этомъ времени, оно представлялось явленіемъ, имѣющимъ совсѣмъ другое значеніе и характеръ и производившимъ иное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это мы передадимъ здѣсь словами Ранке. Задача Флери состояла въ томъ, чтобы умиротворить Францію и Европу, дать имъ отдохнуть отъ недавнихъ потрясеній и держать всѣ партіи и всѣ составные элементы общества въ равновѣсіи. Это была не столько слабость и трусость, сколько осторожность и сознаніе уже довольно могущественныхъ силъ общественнаго броженія, въ это время начавшагося. Такъ, Флери первымъ долгомъ считалъ отмѣнить ненавистную la cinquantième, чѣмъ успокоилъ духовенство, признавши неприкосновенность его имущества. А вслѣдъ затѣмъ возобновилъ онъ добрыя отношенія французскаго правительства и съ римской куріей. Поводомъ церковныхъ замѣшательствъ и въ это время была булла „Unigenitus", изданная папой Климентомъ XI и заключавшая въ себѣ осужденіе догматическихъ положеній Янсена и его послѣдователей. Такъ какъ далеко не все французское духовенство признавало эту буллу, то въ средѣ его возникли пререканія и раздоры, продолжавшіеся около 50 лѣтъ. Флери прекратилъ на время эти раздоры, признавъ общій смыслъ буллы правильнымъ и только отвергнувъ нѣкоторыя ея положенія, уже явно противорѣчившія духу евангельскаго ученія. Противники буллы послѣ этого лишены были своихъ должностей, около ста докторовъ, протестовавшихъ противъ буллы, изгнаны. Іезуиты, дѣломъ которыхъ и была эта мѣра, торжествовали побѣду. Но Флери и тутъ не вдался въ крайность и отказался отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій янсенистовъ, чего требовали клерикалы. Финансовый балансъ Флери возстановилъ своею бережливостью, порядкомъ и уклоненіемъ отъ войнъ и всякихъ экстренныхъ издержекъ. Даже пріобрѣтеніе Франціей Лотарингіи въ 1738 году [1]) стоило государству весьма немногихъ усилій. Австрія, впутанная въ польскій вопросъ по случаю за-

---

[1]) Прелиминаріи подписаны еще въ 1735 г. Б.

мѣщенія престола по смерти Августа II и поддерживавшая вмѣстѣ съ Россіей сына его, Августа III, противъ выставленнаго Франціей и избраннаго польскимъ сеймомъ Станислава Лещинскаго, должна была уступить послѣднему Лотарингію и, такъ какъ король Людовикъ XV женатъ былъ на дочери Станислава, Маріи [1]), то, по смерти Лещинскаго, страна эта и отошла къ Франціи по наслѣдственному праву королевы Маріи. И этого важнаго результата достигъ Флери преимущественно своимъ дипломатическимъ искусствомъ и тѣми добрыми отношеніями, въ которыя онъ умѣлъ поставить себя къ Англіи, Испаніи и цѣлой Европѣ. Вообще это былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ своего вѣка. Только послѣднее его дѣло, участіе Франціи въ войнѣ за Австрійское наслѣдство, начавшейся по смерти Карла VI въ 1740 году, гдѣ Франція возбудила противъ себя Англію и, испытавъ измѣну Фридриха II, а равно и отпоръ со стороны венгерской націи, поднявшейся на защиту Маріи Терезіи, не вынесла изъ тяжелой войны ничего, кромѣ безславія и разоренія, — бросаетъ нѣкоторую тѣнь на память Флери и заставило многихъ историковъ забыть тѣ 15 лѣтъ мира, благоденствія и славы, которыя доставило странѣ управленіе этого человѣка.

Правленіе Людовика.

Со смертію Флери въ 1743 году кончилось, наконецъ, слишкомъ долгое несовершеннолѣтіе Людовика XV, которому тогда уже было 33 года. Не рѣшившись стать лично во главѣ управленія, по своей лѣности и безпечности король тотчасъ подпалъ вліянію фаворитокъ, сначала герцогини Де-Шатору, потомъ маркизы Де-Помпадуръ [2]) и наконецъ графини Дю-Барри. Дамы эти разорили страну своимъ мотовствомъ. Помпадуръ, напр., по собственноручнымъ запискамъ короля, такъ называемымъ acquits de comptants, ограбила казну на цѣлыя сотни милліоновъ, а Дю-Барри въ 5 лѣтъ своего господства при дворѣ стоила государству 180 мил. лив. Онѣ же окончательно развратили Людовика XV, и Помпадуръ, напр., была у него не только сама любовницею, но и поставщицею другихъ любовницъ. Людовикъ XV, оставивъ съ этого времени Версаль, обычную резиденцію двора,—жилъ сначала въ замкѣ Шуази, а потомъ въ Тріанонахъ, Большомъ и Маломъ, но чаще всего въ такъ называемомъ Parc aux cerfs, служившемъ ему постояннымъ гаремомъ. Здѣсь король, скрытый отъ глазъ своихъ подданныхъ, на свободѣ предавался игрѣ, охотѣ, пирушт-

---

[1]) De Nolhac, „Louis XV et Marie Leczinska“. 1902. Б.

[2]) Compardon, „Madame de Pompadour et la cour de Louis XV“; E. et J. de Goncourt, „M-me de Pompadour“. P. 1878; ср. ихъ-же, „M-me du Barry“. Б.

камъ и скандальнымъ похожденіямъ; занимался составленіемъ новыхъ блюдъ для стола и развлекался разными bons mots, скандалами и сплетнями, для собранія которыхъ даже содержались особые агенты при иностранныхъ дворахъ. Весьма охотно также принималъ онъ участіе въ любовныхъ похожденіяхъ своихъ приближенныхъ. Когда же отъ времени до времени въ средѣ его окружавшихъ находились докучливые смѣльчаки, которые говорили ему, что общественное негодованіе достигло крайнихъ предѣловъ, что государство разорено въ конецъ и со дня на день можетъ рухнуть, то Людовикъ отвѣчалъ, что до нашей смерти оно простоитъ, а тамъ хоть потопъ, — „il durera autant que nous, après nous — le déluge". Министры того времени, управлявшіе подъ вліяніемъ фавориток, — Ришелье, Мопу, д'Эгильонъ, Терре, Берни, — за исключеніемъ одного Шуазеля, человѣка ловкаго, даровитаго и сочувствовавшаго новымъ идеямъ тогдашней философіи и литературы [1]), — были большею частью похожи на короля. Они или позорно бездѣйствовали, или же, что̀ еще хуже, думали только о своихъ прихотяхъ, явно ведя страну къ разоренію и гибели.

Но за то работали другія силы — общественное мнѣніе [2]) и литература эпохи. При бѣдности, лѣности и неспособности правительства весь интересъ современной исторіи сосредоточивается на самомъ обществѣ и на тѣхъ дѣятеляхъ, которые вышли изъ его среды. Въ ихъ рукахъ было будущее Франціи. Оппозиціонныя силы.

Оппозиціонныя силы во французскомъ обществѣ работали уже давно, съ послѣднихъ годовъ Людовика XIV. 15-лѣтнее мирное правленіе Флери явилось только какой-то передышкой въ борьбѣ этихъ силъ со старымъ порядкомъ и правительствомъ, которое усиливалось поддержать его. По смерти же Флери борьба опять обнаружилась. На этотъ разъ главнымъ дѣятелемъ ея явился со стороны общества — Парижскій парламентъ [3]). Первый поводъ къ столкновенію парламента съ правительствомъ подали опять-таки финансовые вопросы. Бережливымъ и осторожнымъ управленіемъ Флери финансовыя затрудненія были только отложены на нѣкоторое время, но никакъ не устранены совсѣмъ. Въ обыкно- Борьба съ парламентами.

[1]) Mémoires du duc de Choiseul, 1719—1785". 1904. Б.

[2]) Aubertin, „L'esprit public du XVIII siècle". Paris. 1873. 2 éd; Rocquain, „L'esprit révolutionnaire avant la révolution". P. 1878 (въ русск. пер.—„Движеніе обществен. мысли во Франціи въ XVIII в." Спб. 1902). Б.

[3]) Glasson, „Le Parlement de Paris". P. 1901. 2 v.; Voltaire, „Hist. du parlement de Paris"; Simonnet, „Les parlements sous l'ancienne monarchie". Ср. соч. по исторіи французскаго права.—Laferrière, P. Viollet, Gautier, Glasson Warnkönig und Stein, „Franz. Staats- und Rechtsgeschichte". Б.

венное время бюджетъ могъ еще со дня на день поддерживать государственное хозяйство, но какъ только возникали чрезвычайныя обстоятельства, напр. когда правительство впуталось въ войну за Австрійское наслѣдство, недостатокъ въ деньгахъ при совершенномъ отсутствіи кредита опять обнаружился съ такой силой, что самъ Флери долженъ былъ прибѣгнуть къ весьма обременительной военной десятинѣ, чтобы покрыть экстренныя нужды страны. Послѣ Ахенскаго мира въ 1748 г., которымъ кончилась эта война, хотя ненавистная подать и была отмѣнена, но въ виду постоянныхъ денежныхъ затрудненій и огромнаго государственнаго долга тогдашній министръ финансовъ Машо рѣшился возвысить обыкновенные доходы государства до такой цифры, чтобы за покрытіемъ всѣхъ расходовъ въ распоряженіи правительства оставалось ежегодно еще 30 мил., изъ которыхъ 20 предназначалось на погашеніе государственнаго долга, а остальные 10 должны были составить запасный фондъ на случай экстренныхъ нуждъ, но для того, чтобы довести доходы государства до такой высокой цифры, необходимо было привлечь къ участію въ податяхъ и привилегированные классы. Съ этой цѣлью наложена была новая 5%-ная подать, такъ называемая la vingtième, преимущественно съ поземельной собственности. Хотя и не безъ сопротивленія, парламентъ далъ этимъ мѣрамъ силу закона, но противъ нихъ тотчасъ возстало духовенство и на своемъ синодѣ въ 1750 году объявило, что правительство не имѣетъ права распоряжаться достояніемъ церкви, такъ какъ оно посвящено Богу и не можетъ быть употреблено для другихъ цѣлей, что̀ признавали всѣ французскіе короли, начиная съ Хлодвига. Послѣ этого правительству оставалось только закрыть непокорное собраніе прелатовъ. Но важно было то, что теперь союзъ между правительствомъ и церковью, на который опиралась монархія со временъ Людовика XIV, былъ разорванъ, и такимъ образомъ монархія сама лишила себя очень важной опоры; но еще важнѣе было то, что посреди этого разлада между правительствомъ и церковью, защитниками перваго впервые была высказана мысль о самодержавіи націи. Король, говорили они, хотя бы и желалъ, не имѣетъ права освободить духовенство отъ участія въ общественныхъ повинностяхъ; ибо онъ самъ связанъ присягой, даваемой націи въ томъ, что онъ будетъ справедливо управлять ею и заботиться объ ея интересахъ. Такимъ образомъ, по этому ученію, монархъ есть уже не болѣе, какъ уполномоченный представитель народнаго самодержавія.

Еще яснѣе и опредѣленнѣе высказана была эта идея вслѣдъ

затѣмъ въ столкновеніи, возникшемъ между церковью и парламентомъ по случаю опять возникшаго вопроса о примѣненіи буллы „Unigenitus“. Тогдашній парижскій архіепископъ, Бомонъ, жаркій послѣдователь положеній буллы, аскетъ и ультрамонтанъ, предписалъ духовенству отказывать умирающимъ въ мѵропомазаніи и причащеніи, если они не признаютъ буллы „Unigenitus“, вслѣдствіе чего многіе умирали безъ церковнаго напутствія. Въ обществѣ по этому поводу возникли смуты и толки. Возникъ вопросъ, имѣетъ ли архіепископъ право дѣлать такое распоряженіе. Парламентъ тоже высказался противъ распоряженія архіепископа. Духовенство же доказывало незаконность вмѣшательства парламента въ духовныя дѣла. Парламентъ напротивъ настаивалъ, что, представляя собою часть верховной власти, присущей націи, онъ имѣетъ не только право, но даже обязанъ защищать интересы и спокойствіе общества противъ всякихъ нарушеній. Правительство тоже вмѣшалось въ этотъ споръ и, принявъ сторону духовенства, предписало парламенту замолчать. Парламентъ же отвѣчалъ на это очень рѣзкимъ remontrance [1]), т.-е. публичнымъ объявленіемъ, въ которомъ гражданскій долгъ свой ставилъ выше милости короля и доказывалъ, что даже самъ король не властенъ нарушить основные законы и права государства, которымъ должны подчиняться всѣ. Тогда правительство попробовало въ 1761 году изгнать парламентъ и замѣнить его королевскою судебною камерою. Но судъ этотъ не пользовался никакимъ довѣріемъ публики, адвокаты отказывались защищать предъ нимъ дѣла, а общественное мнѣніе смотрѣло на изгнанныхъ членовъ парламента, какъ на мучениковъ праваго дѣла; поэтому правительство принуждено было возвратить парламентъ и замять дѣло о буллѣ „Unigenitus“. Побѣда, такимъ образомъ, осталась на сторонѣ парламента и до такой степени усилила его самомнѣніе, что онъ рѣшился теперь напасть на своего злѣйшаго и старпннаго врага—іезуитовъ и, если можно, доканать ихъ.

Изгнаніе іезуитовъ.

Поводомъ къ нападенію на іезуитовъ со стороны парламента представился тотъ фактъ, что въ 1762 г. одинъ іезуитъ, по имени Ла-Валеттъ, торговавшій въ Вестъ-Индіи, задолжалъ одному торговому дому въ Марсели $1^1/_2$ мил. лив. и вслѣдъ затѣмъ объявилъ себя банкротомъ. Подана была жалоба парламенту, который и потребовалъ у ордена уплаты долга, сдѣланнаго однимъ

---

[1]) Flammermont et Tourneux, „Remontrances du Parlement de Paris au XVIII siècle“. 3 v. 1888 („Collect. des docum. inédits“). B.

изъ его членовъ. Но орденское управленіе отвѣчало, что орденъ, какъ учрежденіе, на основаніи своихъ законовъ считаетъ себя неотвѣтственнымъ за долгъ своего члена и что долгъ падаетъ на ту только конгрегацію, къ которой принадлежитъ обанкротившійся. Въ отвѣтъ на это парламентъ потребовалъ орденскіе статуты и, послѣ долгаго и шумнаго изслѣдованія, подалъ королю докладъ „Recueil monstrueux des assertions soutenues et enseignées par la société de Jésus“, т.-е. „чудовищное собраніе положеній, принятыхъ и проповѣдуемыхъ обществомъ Іисуса“, докладъ, изъ котораго стало ясно, что іезуиты для своихъ орденскихъ цѣлей оправдываютъ святотатство, клятвопреступленія, цареубійство и другія преступленія, и такъ какъ этотъ докладъ сдѣлался извѣстнымъ, то въ публикѣ возникло страшное негодованіе. Философы и литераторы, составлявшіе тогда уже столь могущественную силу, подняли свой голосъ. Противъ іезуитовъ высказался и главный министръ Шуазель. Правительство попробовало спасти орденъ и представило спорный вопросъ на разсмотрѣніе синоду, но и синодъ отвѣчалъ, что орденъ могъ бы быть безвреднымъ и даже полезнымъ учрежденіемъ только тогда, если управлять имъ будутъ во Франціи особые викаріи и власть генерала, живущаго въ Римѣ, ограничена. На этомъ основаніи тогдашнее правительство Людовика XV сдѣлало генералу Риччи запросъ, считаетъ ли онъ возможнымъ допустить въ уставѣ ордена измѣненія въ этомъ смыслѣ. Извѣстенъ гордый отвѣтъ Риччи: „Sint, ut sunt, aut non sint“. Тогда правительство, уступая напору общественнаго мнѣнія, объявило орденъ уничтоженнымъ во Франціи, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1773 году, и самъ папа Климентъ XIV прекратилъ его существованіе [1]). Парламентъ опять торжествовалъ, а правительство лишилось еще одной опоры, которую со времени Людовика XIV оно постоянно имѣло въ іезуитахъ. Шуазель, наиболѣе способствовавшій этому, сдѣлался героемъ дня, любимцемъ философовъ и литераторовъ.

Отмѣна парламентовъ.

Между тѣмъ смѣлость парламента росла съ каждымъ днемъ и вскорѣ послѣдовало между нимъ и правительствомъ новое и самое жестокое столкновеніе по поводу опять-таки финансоваго вопроса. Послѣ разорительнаго участія Франціи въ Семилѣтней войнѣ, правительство снова возвратилось къ финансовымъ идеямъ Машо и, составивъ планъ общаго кадастра, думало возобно-

---

[1]) Saint-Priest, „Hist. de la chute des jésuites au XVIII siècle“. Paris. 1844; Theiner, „Gesch. d. Pontificates Clemens XIV“. Leipz. u. Paris. 1853. Б.

вить запасный капиталъ, для чего потребовалось привлечь къ податямъ и привилегированные классы; но парламентъ не только отказался внести этотъ королевскій эдиктъ въ свои реэстры, но еще потребовалъ, чтобы предполагаемая касса погашенія поставлена была подъ его контроль, и затѣмъ, чтобы парламенту, какъ въ Англіи, ежегодно представляемъ былъ бюджетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ. Такъ какъ провинціальные парламенты — въ Греноблѣ, Нантѣ, Руанѣ, Дюжонѣ и другихъ мѣстахъ — высказались тождественно съ Парижскимъ, то такимъ образомъ и возникла идея солидарности всѣхъ парламентовъ Франціи. Правительство рѣшилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принудить парламенты военной силою къ принятію эдикта, а въ Парижѣ оно прибѣгло къ своему крайнему средству, къ Lit de justice (1766). Замѣчательна рѣчь, читанная въ этомъ королевскомъ засѣданіи отъ имени Людовика XV. Въ этой рѣчи король вооружается противъ опаснаго мнѣнія, будто онъ присягалъ народу, а не Богу, которому одному только обязанъ давать отчетъ, союзъ же парламентовъ и ихъ солидарность выставлялись здѣсь, какъ заговоръ и бунтъ противъ правительства. „Въ своемъ дерзкомъ безуміи“, говорилось дальше въ этой рѣчи, „парламенты выдаютъ себя за органъ націи, за представителей и охранителей ея вольностей, интересовъ и правъ; между тѣмъ какъ мнѣ одному, какъ королю, принадлежитъ законодательная власть, независимая и нераздѣльная; отъ меня заимствуютъ государственныя учрежденія свой авторитетъ; во мнѣ одномъ сосредоточивается верховная власть. Хотятъ видѣть въ націи какое-то особое, самостоятельное, отдѣльное отъ монарха общество, тогда какъ интересы и права націи—всѣ здѣсь, въ моей рукѣ“. Такъ далеко уже въ это время разошлись взгляды правительства и общества, представителемъ котораго былъ парламентъ; но сила была еще на сторонѣ правительства, и потому, такъ какъ столкновенія продолжались, то въ 1770 — 1 г. король, воспользовавшись тѣмъ, что парламентъ предалъ самовольно суду бретанскаго губернатора герцога Эгильона за его дурное управленіе своею областью [1]), отмѣнилъ парламенты повсемѣстно и учредилъ на мѣсто ихъ королевскія камеры суда [2]). Разумѣется, что общественное мнѣніе,

[1]) Marion, „La Bretagne et le duc d'Aiguillon (1753—1770)“. P. 1898 (ср. его-же ст. „Les Etats de Bretagne sous Louis XVI“ въ „Rev. hist.“, 1903, mars-avr.) защищаетъ Эгильона и осуждаетъ Бретанскіе штаты и парламентъ; въ защиту послѣднихъ противъ Marion'а выступилъ Pocquet, „Le duc d'Aiguillon et La Chalotais“. 3 v. 1900—1901. Б.

[2]) Flammermont, „Chancelier Mopeou et le parlement“. Б.

т.-е. всесильная тогда литература и царившіе въ ней философы, встрѣтили это распоряженіе съ крайнимъ негодованіемъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ французская монархія въ теченіе XVIII в. теряла одну за другою свои старинныя опоры. Духовенство, парламенты, часть дворянства, особенно низшаго, іезуиты,—всѣ эти силы одна за другою отпадали отъ монархіи; наконецъ отпала отъ нея и стала въ рѣзкую противоположность и литература эпохи, въ которой высказывалось общественное мнѣніе страны. А неудачи и позоръ внѣшней французской политики этого времени еще больше уронили въ глазахъ общества значеніе монархическаго принципа. Мы напомнимъ здѣсь только главные моменты этой политики [1]). Такъ, вмѣшательство Франціи въ войну за Австрійское наслѣдство не принесло ей никакихъ выгодъ, не смотря на блестящіе успѣхи французскаго главнокомандующаго Морица Саксонскаго и его побѣды при Року и Фонтенуа. Но еще гибельнѣе было ея участіе въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ Франція въ угоду королевской наложницѣ, де-Помпадуръ, принуждена была измѣнить своей исконной политикѣ противодѣйствія Габсбургскому дому и вооружиться противъ Пруссіи и Англіи на защиту Австріи, своего давнишняго врага. Война эта сопровождалась постоянно пораженіями и неудачами и кончилась для страны уступкой большей части ея колоній англичанамъ, такъ какъ по Парижскому трактату (1763) Франція должна была отказаться отъ Луизіаны и отдать Англіи: Канаду, Акадію (Новую Шотландію) и всѣ почти свои Остъ-Индскія поселенія. Безъ вѣдома же Франціи и противъ ея воли совершилось въ это время на сѣверѣ Европы такое важное событіе, какъ первый раздѣлъ Польши, послѣдовавшій въ 1772 году, и окончательное образованіе отчасти вслѣдствіе этого раздѣла военно-политическаго могущества Пруссіи въ сѣверной Германіи. Послѣ всего сказаннаго неудивительно, что въ 1774 г. Франція съ восторгомъ услышала вѣсть о смерти Людовика XV, похороны котораго походили на карнавальный праздникъ.

Неудачи внѣшней политики.

---

[1]) Flassan, „Hist. de la diplom. franç.“; Pajot, „Guerres de Louis XV“; De-Broglie, „Frédéric II et Louis XV“. 2 v. 1885; Wallon, „Frédéric II et Louis XV“ („Journal des Savants“, 1885, juin); Vandal, „Louis XV et Elisabeth de Russie“ 1882, „Une ambassade française en Orient sous Louis XV“. 1886. Б.

III. Англія въ XVIII столѣтіи.

Мы довели исторію Франціи до вступленія на престолъ Людовика XVI, при которомъ началась революція, а потому обратимся теперь къ исторіи Англіи въ XVIII вѣкѣ, начавши изложеніе это съ того момента, на которомъ мы прервали его, т.-е. со второй англійской революціи, съ 1688 года, когда англійскій престолъ достался Вильгельму III Оранскому.

Литература вопроса.

Лучшимъ руководителемъ для изученія англійской исторіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка [долго служилъ] классическій трудъ Маколея. Трудъ этотъ задуманъ былъ, повидимому, въ широкихъ размѣрахъ, но за смертію автора онъ не доведенъ до конца. Кромѣ обширнаго введенія о судьбахъ средневѣковой Англіи, собственно подробное изложеніе Маколея посвящено исторіи Англіи съ восшествія на престолъ Іакова II по 1702 г., т.-е. по годъ кончины Вильгельма III. Необыкновенная популярность и авторитетъ этого сочиненія объясняются столько же блестящимъ литературнымъ талантомъ покойнаго Маколея и его громадными свѣдѣніями, сколько, въ особенности, тѣмъ обстоятельствомъ, что это сочиненіе есть превосходный руководитель въ вопросѣ объ условіяхъ общественной свободы. Политическая теорія, развитая здѣсь, есть государственное ученіе виговъ въ противоположность торизму Юма, продолжателемъ котораго Маколей былъ, такъ какъ Юмъ довелъ свою исторію Англіи только до второй революціи, т.-е. до 1688 года. Тѣмъ не менѣе сколько въ отношеніи вопросовъ внутренней жизни англійскаго народа сочиненіе Маколея было вполнѣ удовлетворительно, столько же оно недостаточно въ изложеніи внѣшней политики. Нѣмецкіе изслѣдователи, особенно Ранке, въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше. Другой недостатокъ Маколея, замѣченный критикой, состоитъ въ томъ, что онъ слишкомъ идеализировалъ своего главнаго героя, Вильгельма III, выставивъ его утвердителемъ англійской общественной свободы, тогда какъ значеніе Вильгельма Оранскаго въ этомъ смыслѣ довольно ограничено. На русскомъ языкѣ есть относящееся къ этому предмету сочиненіе бывшаго московскаго профессора Вызинскаго, „Англія въ XVIII столѣтіи“ (публичныя лекціи. Ч. I—II. Спб. 1860—61), составленное какъ по англійскимъ, такъ и по нѣмецкимъ изслѣдованіямъ. И такъ какъ взглядъ нѣмцевъ отличается большею трезвостью, то неизлишне познакомиться съ нимъ. На вопросъ, какую

роль игралъ Вильгельмъ III Оранскій въ исторіи развитія англійской конституціи, съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ можно отвѣтить приблизительно такъ: „Вильгельмъ не былъ героемъ общественной свободы ни по личному характеру, ни по фамильнымъ преданіямъ Оранскаго дома, который въ родной своей странѣ былъ постоянно представителемъ консервативнаго принципа. Правда, онъ поощрялъ свободныя учрежденія и опирался на виговъ, которые главнымъ образомъ и служили двигателемъ либеральнаго прогресса въ странѣ; но онъ дѣлалъ это по необходимости, для того, чтобы ладить съ новыми подданными и, въ особенности, съ вигами, которымъ обязанъ былъ англійскимъ престоломъ. Личное положеніе Вильгельма III въ Англіи было таково, что онъ не могъ, если бы даже и хотѣлъ, слишкомъ любить свободныя учрежденія. Какъ чужестранецъ, онъ былъ монархъ нелюбимый и окруженный опасностями. Ему, пришельцу, нужна была, напротивъ, крѣпкая власть и онъ неохотно поступался ею. Законъ о трехлѣтнемъ срокѣ парламента, служившій дополненіемъ конституціи, а равно и отдѣленіе въ государственномъ бюджетѣ расходовъ двора отъ расходовъ собственно казны,— оба эти постановленія, состоявшіяся въ его правленіе, вынуждены были у него парламентомъ не безъ долгой борьбы. Его не любили въ Англіи за то, что онъ былъ голландецъ и интересы Англіи въ своей политикѣ ставилъ на второй планъ; настоящимъ же отечествомъ его были все-таки Нидерланды, ради блага которыхъ онъ и принялъ англійскую корону, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ больше средствъ для борьбы съ Людовикомъ XIV, угрожавшимъ независимости Голландіи. Англійская нація никогда не могла простить ему этого, и, дѣйствительно, Вильгельма III не любили почти всѣ партіи въ Англіи. Высокая церковь ненавидѣла его за то, что онъ былъ кальвинистъ. Тори, которые почти поголовно были якобиты, т.-е. приверженцы Іакова II Стюарта, смотрѣли на него, какъ на узурпатора; въ ихъ глазахъ Вильгельмъ III былъ вопіющимъ протестомъ противъ ученія о божественномъ происхожденіи власти и ея правъ; но что удивительнѣе всего, Вильгельма не любили и виги, призвавшіе его на англійскій престолъ, не любили уже потому, что онъ желалъ быть королемъ не одн ихъ только виговъ, но и всей англійской націи“.

[Лучшимъ общимъ сочиненіемъ по исторіи Англіи, какъ мы видѣли (см. т. III, стр. 115), въ настоящее время является „Исторія англійскаго народа“ Грина, въ двухъ редакціяхъ—въ болѣе распространенной и въ краткой, имѣющаяся и въ русск. пер. Изъ сочиненій,

спеціально касающихся исторіи Англіи въ теченіе всего или большей части XVIII ст., слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ трудъ Lecky („Geschichte Englands im achtzehnten Jahrhundert", перев. съ англ. Löwe, 4 т., 1879—1884), затѣмъ Mahon, „History of England, 1713—1783"; Maccarthy, „A History of the four Georges". 1884; G. Cornewal Lewis, „Histoire gouvernementale de l'Angleterre, depuis 1770 jusqu'à 1830" (съ англ., въ „Bibl. d'hist. contemp."); соотвѣтствующія главы у Онкена, въ его „Das Zeitalter Friedrichs des Groszen", и уже упомянутыя въ III т. (стр. 115) сочиненія по конституціонной исторіи Англіи. Сюда же относятся извѣстные „опыты" Маколея („Горацій Вальполь", „Вилліамъ Питтъ", „Графъ Чатамъ", „Лордъ Клайвъ", „Уорренъ Гэстингсъ"). По экономической исторіи Англіи, равно какъ и по исторіи промышленности и торговли, т.-е. такихъ сторонъ, которыя пріобрѣли въ XVIII в. особенно важное значеніе въ жизни англійскаго народа, см. Эшли, „Экономическая исторія Англіи" (пер. съ англ.); Тойнби, „Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст." М. 1898 (пер. съ англ.); Гиббинсъ, „Промышленная исторія Англіи". 1898 (2-е русск. изд.), „Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній". Спб. 1899, „Исторія торговли Европы". Спб. 1900 (пер. съ англ.). Сочиненія по другимъ вопросамъ и отдѣльныя монографіи см. ниже. Источникомъ служатъ главнымъ образомъ сочиненія, рѣчи, мемуары и корреспонденціи важнѣйшихъ дѣятелей того времени—Болингброка [1]), Вальполей [2]), Питта [3]), Борка [4]) и друг. [5])].

Два господствующія явленія англійской исторіи этого времени.

Весь интересъ англійской исторіи съ конца XVII и въ теченіе XVIII вв. сосредоточивается на двухъ главныхъ явленіяхъ: на окончательномъ развитіи англійской конституціи и на исторіи роста англійскаго морского и колоніальнаго мо-

[1]) „Mémoires secrets de Myl. Bolingbroke écrits par lui même 1717, adressés en forme de lettres au chev. Windham". Lond. 1753; Cooke, „Mem. of L. Bolingbroke". 1835; „Letters and corresp. of Bol. by Parke". 1798; „Bol. Works"; о Болингброкѣ см. напр. M. Brosch, „Lord Bolingbrocke und die Whigs and Tories seiner Zeit". 1883.

[2]) Wil. Coxe, „Memoirs of the life and administration of Sir Robert Walpole, Earl of Oxford". Lond. 1816; Wil. Coxe, „Memoirs of Horatio Lord Walpole (1678—1757)". Lond. 1820; Horace Walpole, „Memoirs of the reign of K. George III". Lond. 1845. Б.

[3]) „Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham." Lond. 1838; „Anecdotes and speeches of the Earl of Chatham". Б.

[4]) „Works"; см. также „The Annual Register or a view of the history, politiks and literature for the year 1766 sq". Б.

[5]) См. напр. Donne, „Corresp. of King George III with Lord North (1768—1783)". Lond. 1867; В. П. Александренко, „Русск. дипломатич. агенты въ Лондонѣ въ XVIII в." Варш. 1897. 2 т. Б.

гущества. Стало быть, и намъ прійдется прослѣдить эти явленія, составляющія какъ-разъ противоположность тогдашнему развитію сосѣдней Франціи, гдѣ въ теченіе того же времени замѣтно обратное движеніе: во внутренней жизни—непомѣрный ростъ государственнаго абсолютизма, а во внѣшней исторіи страны—упадокъ ея силъ.

Окончательное развитіе англійской конституціи.

Надо вспомнить, что англійскій парламентъ, какъ главный органъ народнаго представительства, уже изъ среднихъ вѣковъ вынесъ всѣ существенныя гарантіи общественной свободы: право націи соглашаться или не соглашаться на платимыя ею подати, право каждаго англичанина судиться своими перами и, наконецъ, участіе парламента въ законодательной и судебной власти короны. Права эти даже при 120-лѣтней абсолютной монархіи Тюдоровъ не были совершенно подавлены. Англійская революція—первая и въ особенности вторая—окончательно утвердила ихъ формальнымъ образомъ. При вступленіи Вильгельма III на престолъ, представители націи обязали его торжественнымъ актомъ соблюдать эти вольности. Актъ этотъ называется „декларaціей правъ“. Въ этой декларaціи, кромѣ прежде упомянутыхъ правъ, прибавлены были еще слѣдующія двѣ гарантіи: ограниченіе королевской диспенсаціи, или права короны отвергать постановленія парламента, и установленіе отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ. Потомъ Вильгельмъ III, не смотря на то, что по личному характеру и самому своему положенію въ чужой странѣ былъ государь вовсе не либеральный и далеко не герой общественной свободы, какимъ его часто представляли, долженъ былъ однако, посреди борьбы съ парламентомъ, уступить ему еще слѣдующія два дополненія къ конституціи: 1) законъ о трехлѣтнемъ срокѣ парламента, т.-е. обязанность правительства непремѣнно каждые три года созывать народныхъ представителей, и 2) отдѣленіе въ государственномъ бюджетѣ личныхъ расходовъ короля, или такъ называемаго „liste civile“, отъ расходовъ казны; вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было, чтобы парламенту представляемъ былъ ежегодно бюджетъ государственныхъ финансовъ. Это развитіе англійской конституціи довершено было въ 1694 году изданіемъ закона о свободѣ печати, много способствовавшаго гласности парламентскихъ преній, хотя достиженіе окончательной гласности въ этомъ отношеніи и обязательное печатаніе парламентскихъ дебатовъ возникло только предъ началомъ Американской войны, т.-е. уже гораздо позже.

Между тѣмъ недостатокъ гласности парламентскихъ преній породилъ въ англійской конституціи одно коренное зло, отъ котораго она страдала въ теченіе почти цѣлаго XVIII столѣтія; это—парламентскіе подкупы, которые были въ большомъ ходу въ то время и виновникомъ которыхъ считали обыкновенно Вальполя [1]), министра Георга I (1714—1727) и отчасти Георга II (1727—1760). Но подкупы начались гораздо прежде Вальполя и продолжались и послѣ него. Причина ихъ лежала какъ въ безнравственности вѣка, такъ, въ особенности, въ недостаточной публичности парламентскихъ дебатовъ, иначе—въ недостаточности общественнаго контроля надъ ними. Главнѣйшей же причиной этого зла была самая безпомощность правительства въ виду всемогущества, достигнутаго уже въ то время нижней палатой. Для того, чтобы при такомъ порядкѣ вещей какой бы то ни было кабинетъ могъ управлять страной, требовалось искусственное составленіе большинства въ парламентѣ, которое бы поддерживало правительство. Правительство и достигало этого путемъ подкуповъ вліятельныхъ парламентскихъ членовъ: кого подкупало пенсіей, выдаваемой изъ секретнаго фонда, кого—предоставленіемъ выгоднаго мѣста. Вальполь былъ не лучше и не хуже другихъ министровъ того времени: онъ только дѣлалъ это открытѣе и съ извѣстнаго рода цинизмомъ. „Всѣ эти люди имѣютъ свою цѣну. Что такое патріотъ?“ говорилъ онъ. „Я самъ сдѣлалъ не одного: стоитъ только кому-нибудь отказать въ пенсіи, и вотъ вамъ патріотъ и готовъ“. Но установленіе гласности парламентскихъ преній постепенно уничтожило это зло. Съ того времени и до самой парламентской реформы въ 1832 году англійская конституція мало уже измѣнилась, оставаясь въ своемъ какъ бы законченномъ видѣ. Парламентскіе подкупы.

Развитіе ея совершалось посреди борьбы двухъ политическихъ партій, которыя въ концѣ XVII и въ теченіе всего XVIII вв. раздѣляли между собою господство надъ парламентомъ и надъ обществомъ Англіи; это—партіи тори и виговъ. Начало ихъ относится еще ко временамъ Карла I и его войны съ парламентомъ, когда эти партіи назывались еще кавалерами и круглоголовыми. Съ оружіемъ въ рукахъ стояли они тогда другъ противъ друга во всей своей рѣзкой противоположности. Печальный исходъ революціи, окончившійся тираніей Кромвелля, подавилъ на время обѣ эти партіи; но со времени реставраціи Тори и виги.

[1]) Morley, „Walpole“. Lond. 1889. Б.

Стюартовъ они вышли опять наружу, но только подъ новыми именами — тори и виговъ. Возникновеніе этихъ названій относится къ 1680 году, когда въ первый разъ они встрѣчаются въ памятникахъ. Тори—назывались тогда въ Ирландіи мѣстные разбойники, вигами же—простые, грубые и набожные шотландскіе крестьяне. Придворная партія стала теперь прежнихъ круглоголовыхъ, т.-е. приверженцевъ парламента, въ насмѣшку называть вигами, находя въ нихъ сходство съ шотландскими мужиками, а парламентцы тоже въ насмѣшку прозвали своихъ противниковъ тори. Впослѣдствіи эти прозвища обратились въ названіе политическихъ партій, рѣзко отличавшихся своими убѣжденіями и взглядами. Тори были строгіе приверженцы „высокой церкви" и послѣдователи ея ученія о божественномъ правѣ короны, слѣдовательно—защитники королевской прерогативы, консерваторы и, большею частью, якобиты; виги, напротивъ, были друзьями религіозной и политической свободы, защитниками парламентскихъ правъ и, стало быть, англійской конституціи и учили, что отношенія короля и народа основаны на взаимномъ договорѣ, обязательномъ для обѣихъ сторонъ. Тѣ и другіе, однако, были партіями аристократическими, такъ какъ въ тогдашней Англіи, имѣвшей около 17 милліоновъ населенія, число семействъ, въ кругу которыхъ происходили парламентскіе выборы, было не болѣе 200.000. При Вильгельмѣ III въ парламентѣ и правительствѣ господствовали виги, такъ какъ въ нихъ только онъ могъ найти защиту противъ притязаній якобитовъ. Господство вигизма продолжалось потомъ при Аннѣ [1]) и двухъ первыхъ Георгахъ, но при Георгѣ III отношенія эти измѣнились. Со смертью Іакова III (1766) и Карла Эдуарда (1788) [2]) угасла на чужой землѣ католическая фамилія изгнанныхъ Стюартовъ, и Ганноверская династія, освободившись отъ постоянной опасности, грозившей съ этой стороны, могла отстать, наконецъ, отъ виговъ, съ которыми связывала ее только необходимость, и, напротивъ, сблизиться съ тори, которые съ того времени превратились въ придворную партію,

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что при Аннѣ состоялось соединеніе Англіи и Шотландіи, которыя до тѣхъ поръ были соединены лишь личностью государя: по „union" 1707 г. шотландцы отказались отъ особаго парламента въ Эдинбургѣ и стали посылать своихъ представителей (16 лордовъ и 45 членовъ нижней палаты) въ общій парламентъ. Лучшее сочиненіе по этому вопросу — Mackinnon, „The Union of England and Scotland". Lond. 1896. Б.

[2]) Lang, „Prince Charles Edward Stuart, the Young Pretender". Lond. 1900 (съ иллюстр.; изд. 1903—безъ иллюстр.); Sanford Terry, „The Life of the Young Pretender". Lond. 1903; Norie, „Life and Adventures of Prince Charles Edward Stuart". Lond. 1903. 4 v. Б.

а вмѣстѣ съ тѣмъ стали господствовать и въ обѣихъ палатахъ парламента. Величайшіе ораторы и государственные люди Англіи XVIII вѣка — Боркъ, Фоксъ, Шериданъ и оба Питта — были современниками господства этой партіи и своими талантами покрыли это время особеннымъ блескомъ, а эпоха реакціи, съ ея консервативнымъ характеромъ, наступившая въ Западной Европѣ вслѣдъ за революціей XVIII вѣка и Наполеоновскимъ владычествомъ, еще болѣе укрѣпила положеніе тори, такъ-что они большею частью оставались во власти до самой парламентской реформы 1832 г.

Но въ теченіе столь долгаго времени партія тори постепенно утратила свой первоначальный характеръ и мало-по-малу значительно сблизилась съ вигами. Обѣ партіи были уже либеральныя, только первая—менѣе, вторая болѣе. Вся разница была въ степени. Уже въ дѣятельности знаменитаго Питта Старшаго (гр. Чатама), прозваннаго „великимъ коммонеромъ", проглядываетъ нѣкоторое сближеніе партій въ виду общихъ патріотическихъ цѣлей. Питтъ сначала былъ вигъ и при Георгѣ III перешелъ въ оппозицію; но нѣсколько разъ однако участвовалъ въ торійскомъ правительствѣ Георга III. Главная задача его была не столько поддержаніе вигской партіи, сколько достиженіе общихъ патріотическихъ цѣлей съ помощью всѣхъ партій. Такой характеръ носитъ на себѣ участіе Англіи въ Семилѣтней войнѣ въ пользу Пруссіи, противодѣйствіе Франціи и въ особенности развитіе колоніальной системы и морского могущества англичанъ во всѣхъ частяхъ свѣта. На эту послѣднюю цѣль, какъ на источникъ благосостоянія и силы, постоянно указывалъ Питтъ своимъ соотечественникамъ. А во время Американской войны онъ былъ главою той партіи, которая стояла за права колоній, доказывая, что американцы добиваются только того, что̀ столько разъ сами англичане отстаивали съ оружіемъ въ рукахъ.

Знаменитые парламентскіе дѣятели.

Питтъ Старшій.

Сынъ его, Питтъ Младшій, былъ душою англійской политики во время Французской революціи и въ началѣ Наполеоновскаго господства. Три первыя коалиціи противъ Франціи были главнымъ образомъ его дѣломъ. Онъ былъ творцомъ антиреволюціонной политики, которой Англія слѣдовала и по смерти Питта, и не смотря на временныя неудачи, преемники его пожали ея плоды на Вѣнскомъ конгрессѣ.

Питтъ Младшій.

По политическимъ убѣжденіямъ Питтъ Младшій былъ отъявленнымъ противникомъ Фокса, дѣйствительно твердо державшагося вигской партіи. По отношенію къ Французской революціи Фоксъ

Фоксъ

объявлялъ себя другомъ демократіи и видѣлъ въ революціи вообще соціальный прогрессъ. Это была величайшая сила оппозиціи противъ торійскаго правительства Георга III въ концѣ XVIII в.

Боркъ.

Боркъ сначала былъ тоже свѣтиломъ оппозиціи противъ министерства Норта и защитникомъ правъ американцевъ. Но со времени Французской революціи онъ разорвалъ связи съ Фоксомъ, сблизился съ Питтомъ и былъ самымъ страшнымъ противникомъ этой революціи. Его „Reflections on the Revolution of France" (1790) имѣли величайшее вліяніе на умы въ Англіи и Европѣ.

Шериданъ.

Что касается извѣстнаго драматическаго писателя Шеридана, то онъ, какъ парламентскій ораторъ, отличился въ процессѣ противъ Уоррена-Гэстингса, генералъ-губернатора Индіи, и блисталъ въ оппозиціи противъ Питта Младшаго.

Развитіе колоніальнаго и морского могущества Англіи.

Обращаемся теперь къ другому господствующему интересу англійской исторіи этого времени, — къ развитію ея колоніальнаго и морского могущества [1]).

Самое видное явленіе въ исторіи этого развитія есть, безъ сомнѣнія, возникновеніе и успѣхи англійской Остъ-Индской компаніи, съ изложенія судьбы которой мы и начнемъ нашъ обзоръ [2]).

Остъ-Индская компанія.

Остъ-Индская компанія получила свое начало 31 декабря 1600 г., стало быть, возникла въ концѣ царствованія Елизаветы. Компанія лондонскихъ купцовъ, съ Чарльзомъ Комберлендомъ во главѣ, получила въ это время отъ королевы 15-лѣтнюю привилегію, продолженную впослѣдствіи безсрочно, на свободную торговлю по всѣмъ морямъ отъ мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива и вмѣстѣ съ тѣмъ право самостоятельнаго внутренняго управленія тѣми землями и колоніями, которыя будутъ въ ея эксплуатаціи. Первоначальный капиталъ компаніи состоялъ всего изъ 80 т. фунт. стерл., которые раздѣлены были на 100 акцій. Въ первыя десять лѣтъ своего существованія компанія предприняла нѣсколько весьма выгодныхъ экспедицій въ Остъ-Индію и получила такіе огромные барыши, что дивидендъ ея акцій простирался до 170 процентовъ. Это возбудило интересъ всего торговаго лондонскаго міра. Составилась вторая компанія, Плимутская, съ

---

[1]) Seeley, „The Growth of British policy". Cambr. 1895. 2 v. (есть франц. пер.—„Formation de la politique britannique"); Woodward, „A short History of the Expansion of the British Empire, 1500—1870". Lond. 1899, „The Outlines of the Growth of the British Empire". 1901; ср. Mahan, „Der Einfluss d. Seemacht auf die Geschichte". Berl. 1898—9. 2 Bde (пер. съ англ.; есть и русск. пер.). В.

[2]) James Mill, „The History of British India". 1820; 6 v.; Neumann, „Geschichte des Englisch. Reiches in Asien". Leipz. 1857. 2 Bde. П.

тою-же цѣлью и съ капиталомъ уже въ 2.000.000 фунт. стерл. и вступила съ первою въ торговое соперничество. Но потомъ обѣ компаніи соединились въ одну (1708) подъ именемъ „Соединенной Остъ-Индской компаніи“.

Однако въ теченіе XVI в., слѣдовательно, гораздо раньше англичанъ, португальцы, голландцы и французы тоже завели торговыя сношенія съ Индіей. У португальцевъ была тамъ уже своя колонія—Гоа, у голладцевъ—поселенія на Коромандельскомъ берегу, у французовъ—Пондишери. Всѣ эти поселенія въ XVII вѣкѣ имѣли уже не только торговый, но вмѣстѣ съ тѣмъ политическій и военный характеръ, такъ какъ имъ предоставлено было право строить крѣпости, содержать войска и вести войны съ туземцами. Для удачнаго соперничества съ ними такія же привилегіи нужно было имѣть и англичанамъ. И вотъ, Іаковъ II въ 1686 году, дѣйствительно, даровалъ компаніи право вести войны со всѣми нехристіанскими государствами тѣхъ мѣстъ. Съ этого времени Остъ-Индская компанія приняла характеръ политическаго учрежденія, а обладая военной и финансовой силой легко могла успѣвать и на пути завоеваній, тѣмъ болѣе, что Португалія еще со времени Филиппа II была въ упадкѣ, а Голландія имѣла слишкомъ мало средствъ для соперничества. Самымъ опаснымъ соперникомъ англичанъ въ Остъ-Индіи оставались такимъ образомъ французы. Тогдашній французскій губернаторъ колоній, Дюпле [1], составилъ даже планъ совершенно вытѣснить англичанъ изъ Остъ-Индіи. И вотъ, между двумя націями началась борьба за преобладаніе въ краѣ, окончившаяся торжествомъ Англіи [2]. Со времени Семилѣтней войны, когда заключенъ былъ Парижскій трактатъ 1763 года, колоніальное преобладаніе англичанъ въ Остъ Индіи формально признано было обезсиленной Франціей. Съ этого времени, т. е. съ половины XVIII столѣтія, начались большія завоеванія англичанъ въ Остъ-Индіи. Если прежде они имѣли свои владѣнія преимущественно по берегамъ, какъ Мадрасъ, Бомбей и Калькутта, то теперь началось уже пріобрѣтеніе цѣлыхъ обширныхъ территорій внутри страны.

---

[1]) Cultru, „Dupleix, ses plans politiques, sa disgrâce“. P. 1903; ст. Vabert'a въ „Rev. des Deut Mondes“. 1897, 1 févr. Б.

[2]) St.-Priest, „Etudes historiques sur le 18-me siècle; la perte de l'Inde sous Louis XV“; Vinson, „Les français dans l'Inde, 1736—61“ („Recueil de textes et de traductions, publ. par les professeurs de l'école de langues orientales vivantes...“ 1889); Hamont, „Lally-Tollendal. La fin d'empire français aux Indes sous Louis XV“. P. 1887; Carré, „La revision du procès Lally“. („Rev. histor.“, 1903, sept.-oct.). Б.

Завоеванія англичанъ въ Остъ-Индіи.

Состояніе Индостана въ половинѣ XVIII вѣка какъ нельзя болѣе благопріятствовало подобнымъ завоеваніямъ. Царство Великаго Могола, основанное въ Индіи въ концѣ XV вѣка потомкомъ Тамерлана Бабуромъ, было въ это время уже въ полномъ упадкѣ. Его ослабили нападенія воинственныхъ маратовъ и сейковъ и грабежные походы Персидскаго шаха Надира. Въ разныхъ частяхъ страны появились вассальные по имени, но на самомъ дѣлѣ почти независимые, князья, носившіе титутъ набобовъ, раджей, магараджей и султановъ, и каждый въ своей области сдѣлался почти самостоятельнымъ государемъ. Потомки Бабура, носившіе громкій титулъ Великихъ Моголовъ, въ своей великолѣпной столицѣ Дели удерживали только тѣнь прежняго могущества. На самомъ же дѣлѣ Индія представляла уже въ то время множество почти независимыхъ государствъ; изъ нихъ набобы Бенгала и султаны Мейзорскіе были сильнѣйшими. Съ ними-то и предстояла Англіи самая трудная борьба, а также съ воинственными маратами и соплеменными имъ сейками. Честь счастливаго окончанія этой борьбы въ пользу Англіи принадлежитъ двумъ губернаторамъ Индіи—лорду Кляйву [1]) и Уоррену Гэстингсу [2]). Первый подчинилъ власти Англіи Бенгалъ съ 15 мил. населенія и тѣмъ положилъ начало британскому владычеству въ Индіи; второй окончательно сломилъ силу маратовъ и уничтожилъ могущество Мейзорскихъ султановъ — Гайдеръ Али и сына его Типпо-Саиба. Но оба, особенно послѣдній, ограбили страну и управляли ею съ страшной жестокостью. Напр. при изгнаніи Бенгальскаго набоба, Сурайя-Даула, Кляйвъ получилъ изъ добычи до $1^1/_2$ мил. руб., а Гэстингсъ ограбилъ Патну и Бенаресъ, при чемъ предавалъ страшнымъ истязаніямъ евнуховъ, придворныхъ и чиновниковъ мѣстныхъ владѣтелей съ цѣлью вынудить у нихъ признаніе въ скрытыхъ ими сокровищахъ, не обинуясь отдавалъ туземнымъ династамъ англійскія войска для ихъ бицъ за огромныя деньги и вывезъ изъ Индіи милліонное состояніе. Извѣстенъ процессъ Гэстингса въ англійскомъ парламентѣ, процессъ, въ которомъ приняли участіе знаменитѣйшіе ораторы тогдашней Англіи—Фоксъ, Боркъ и Шериданъ—и который обнаружилъ во всей наготѣ злоупотребленія компанейскаго управленія въ Индіи.

---

[1]) Кромѣ извѣстнаго „опыта" Маколея,—Malcolm, „Life of Lord Robert Clive". 3 v. Lond. 1836; Wilson, „Lord Clive". 1890 („English Men of Action"). **Б.**

[2]) О немъ—монографіи Lyall (1889), Trotter (1890), Forrest, Strachey; оба послѣдніе защищаютъ Уоррена Гэстингса отъ взведенныхъ на него обвиненій, равно какъ Gleig и Malleson; ср. новѣйшее соч. Biovès, „Les Anglais dans l'inde. Warren Hastings (1772—1785)". P. 1904. **Б.**

Побуждаемый общимъ негодованіемъ, распространившимся въ Англіи по поводу этого процесса Питтъ Младшій, стоявшій тогда во главѣ кабинета, предложилъ парламенту въ 1784 году „India-bill“,—законъ о новомъ устройствѣ Остъ-Индской компаніи. По этому закону надъ компанейскимъ управленіемъ учреждено было особое правительственное мѣсто, называвшееся „контрольнымъ бюро“,—учрежденіе, въ которомъ отнынѣ сосредоточивалась вся внутренняя и внѣшняя политика компаніи; самой же компаніи предоставлена была только торговая монополія, администрація и финансовое управленіе страны. Но это было самое цвѣтущее время Остъ-Индской компаніи, когда акціи ея стояли на 380% выше номинальной цѣны. Кромѣ того, компанія обязана была каждыя 20 лѣтъ испрашивать у правительства возобновленія своихъ привилегій. Такъ продолжалось до 1834 года, когда монополія компаніи была уничтожена и всѣмъ англійскимъ подданнымъ предоставлена свобода торговли и промышленной эксплуатаціи Индіи; компанія же удержала въ своихъ рукахъ только администрацію, судебную власть и финансовое управленіе. Наконецъ и это у ней отнято было въ 1859 году, когда великое возстаніе сипаевъ, т.-е. мѣстныхъ туземныхъ войскъ, снова обнаружило страшныя злоупотребленія компанейскаго управленія. Съ этихъ поръ компанія существовала только какъ частное торговое общество и, стало быть, возвратилась опять къ тому же положенію, изъ котораго нѣкогда вышла.

Преобразованіе Остъ-Индской компаніи.

Съ того времени, когда Индія объявлена была соединенною съ Британскимъ королевствомъ, когда управленіе перешло въ руки намѣстника или вице-короля съ казенною администраціею, а королева Викторія провозглашена даже Индійскою императрицею, существенно измѣнился и самый характеръ англійскаго господства въ Индіи. Прежде все управленіе направлено было только къ эксплуатаціи; о благѣ туземцевъ не думали; англичане въ этомъ отношеніи были не хуже, но и не лучше другихъ европейскихъ націй, имѣвшихъ колоніи въ другихъ частяхъ свѣта,—испанцевъ, португальцевъ, голландцевъ, французовъ. Теперь, напротивъ, возникла идея слиянія и примиренія съ туземнымъ элементомъ, пущена въ ходъ идея общаго арійскаго происхожденія, заведены училища и академіи для туземцевъ и англичанъ наравнѣ; появились газеты и журналы на индостанскомъ языкѣ; улучшены пути сообщенія; приняты мѣры къ обезпеченію правосудія и порядка въ странѣ; уменьшенъ финансовый гнетъ. Дѣло это идетъ успѣшно; особенно

Характеръ англійскаго господства въ Индіи.

брамапское населеніе оказываетъ много сочувствія и способности къ европейскому образованію; магометанское—не такъ.

Ростъ другихъ англійскихъ колоній.

Параллельно съ развитіемъ британскаго могущества въ Остъ-Индіи шелъ также ростъ и другихъ англійскихъ колоній, пріобрѣтеній въ другихъ частяхъ свѣта, а также и развитіе морского могущества Англіи.

Основаніе колоніальному и морскому могуществу Англіи положено было въ правленіе королевы Елисаветы. Истребленіе „армады“ (1588), въ которой олицетворялась сила первыхъ морскихъ державъ тогдашней Европы—Испаніи и Португаліи,—впервые возвысило на европейскихъ моряхъ значеніе англійскаго и голландскаго флотовъ. Но голландскія морскія силы были въ то время еще въ зародышѣ, и такъ какъ это была эпоха борьбы Нидерландовъ съ Испанской короной за народную независимость, то слишкомъ много дѣла имѣла Голландія у себя дома, чтобы думать о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ. Франція же временъ гугенотскихъ войнъ и связанныхъ съ ними внутреннихъ неурядицъ не могла, конечно, и думать о какомъ-нибудь соперничествѣ съ Англіей на моряхъ. Первая роль, естественно, доставалась такимъ образомъ Англіи. Ея смѣлые моряки, въ особенности Фрэнсисъ Дрекъ и Форбишеръ, изслѣдовали всѣ тогда извѣстныя моря и сдѣлали на нихъ много важныхъ открытій и пріобрѣтеній. Такъ, впервые посѣтили они тогда Молуккскіе острова и Яву, заняли Нью-Фаундлендъ и основали первыя англійскія колоніи въ юго-восточной части Сѣверной Америки, — колоніи, названныя въ честь дѣвственной королевы Виргиніей. Въ то-же время, въ 1600 году, положено, какъ мы видѣли, начало и англійскому владычеству въ Остъ-Индіи. При первыхъ Стюартахъ и въ эпоху революціи вслѣдствіе громадной эмиграціи американскія колоніи возросли очень быстро; учреждены были и первыя британскія поселенія въ Вестъ-Индіи, именно на Малыхъ Антильскихъ островахъ. Затѣмъ англійское морское могущество получило новый и сильный ростъ при Кромвеллѣ, когда Англія овладѣла Ямайкой, а въ Европѣ пріобрѣла временно Дюнкирхенъ. Долгое время, впрочемъ, Голландія еще удачно соперничала съ Англіей на моряхъ, но со вступленіемъ на англійскій престолъ Вильгельма III, который въ то-же время былъ и штатгальтеромъ Соединеныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, на время это соперничество было прекращено, такъ-что англійскій флотъ встрѣчалъ тогда соперника только во французскомъ.

При королевѣ Аннѣ Англія удачно отстояла свое первенство

на моряхъ. Утрехтскій трактатъ въ 1713 году формально призналъ его за нею, такъ какъ по этому договору утверждены были за Англіею ея поселенія на Малыхъ Антильскихъ и Багамскихъ островахъ, на западномъ берегу Африки, на Суматрѣ, въ Сѣверной Америкѣ; Франція уступила ей Акадію, Лабрадоръ и весь Нью-Фаундлендъ; наконецъ въ Европѣ Утрехтскій миръ утвердилъ за Англіей Минорку и неприступный Гибралтаръ, ключъ Средиземнаго моря. Во время Ганноверской династіи мы видимъ тотъ-же быстрый прогрессъ англійскаго морского могущества, особенно во время Георга II и Семилѣтней войны, когда въ руки англичанъ перешло множество французскихъ и испанскихъ колоній, когда они окончательно отняли у французовъ Канаду [1]) и завоевали у испанцевъ Флориду. Кромѣ того, въ это время заведены были впервые англійскія поселенія на Сенегалѣ и въ сѣверо-западной части Сѣверной Америки, а въ Южной—основаны поселенія у Гондурасскаго залива. Наконецъ Парижскій трактатъ въ 1763 году формально призналъ за Англіею господство надъ всею почти Сѣверной Америкой и уничтожилъ французское соперничество въ Остъ-Индіи. Американская война, т.-е. война за независимость Соединенныхъ Штатовъ (1775—1783 гг.), на время только пріостановила развитіе англійскаго колоніальнаго могущества, такъ какъ это была не только борьба Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ съ ихъ метрополіей, но вмѣстѣ и борьба всѣхъ почти западно-европейскихъ государствъ противъ морского преобладанія Англіи. Версальскій миръ въ 1783 г., которымъ кончилась эта война и который призналъ независимость Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, повлекъ за собою нѣсколько значительныхъ потерь для англійскаго морского могущества: такъ, вся Сѣверная Америка до великихъ озеръ и Миссисипи сдѣлалась теперь независимою, Флорида возвращена Испаніи, а нѣсколько Антильскихъ острововъ уступлены Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Но все-же англійскій флотъ, даже и въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, не только съ честью выдержалъ борьбу съ морскими силами почти цѣлой Европы, но еще съ успѣхомъ вытѣснилъ голландцевъ съ Коромандельскаго берега.

Зато въ эпоху Французской революціи Англія опять успѣла возвыситься на степень повелительницы океановъ, побѣдивъ по-

---

[1]) См. между проч. Parkmann, „France and England in North-America; Montcalm and Wolf". 1884. Б.

очередно французскій, испанскій, голландскій и датскій флоты. Въ это время, въ концѣ XVIII вѣка, основаны были первыя англійскія поселенія въ Австраліи, названныя „Новымъ Южнымъ Валлисомъ“, заведены колоніи на Гвинейскомъ берегу, занятъ весь сѣверо-западный берегъ Америки отъ Калифорніи до пролива Принца Вилліама, завоеванъ Цейлонъ; а въ началѣ XIX в. занята Мальта, лучшая часть Гвіаны и южная оконечность Африки. Вообще время континентальной системы, запершей для англійской промышленности и торговли всѣ европейскіе рынки, тѣмъ болѣе побуждало англичанъ стремиться къ распространенію своего морского и колоніальнаго могущества въ другихъ частяхъ свѣта. Вѣнскій конгрессъ 1815 года утвердилъ за Англіей всѣ пріобрѣтенныя ею въ теченіе революціоннаго времени колоніи, и начиная съ этой поры англійская колоніальная система мало-помалу достигла полнаго своего развитія, охвативъ собой весь почти земной шаръ, особенно когда занятіе Мальты, Кипра, Св. Елены, Перима и Гонъ-Конга дополнило и вполнѣ обезпечило эту систему, снабдивъ ее превосходными морскими станціями на всѣхъ важнѣйшихъ путяхъ ея всемірной торговли.

Таковъ былъ постепенный ростъ англійскаго морского могущества. Изъ очерка его видно, какъ Англія изъ каждой войны, изъ каждой политической компликаціи, возникавшей на континентѣ Европы, умѣла извлекать для себя все новыя и новыя колоніальныя выгоды.

Поселенія въ Сѣверной Америкѣ.

Въ процессѣ развитія колоніальнаго могущества Англіи особенную важность для всемірной исторіи имѣли ея поселенія въ Сѣверной Америкѣ, такъ какъ поселенія эти отдѣлились отъ метрополіи и составили въ концѣ XVIII вѣка цвѣтущее, сильное и независимое государство, которому суждено играть видную роль въ судьбахъ Стараго и Новаго свѣта [1]).

---

[1]) Вопросъ этотъ, главнымъ образомъ, обработанъ самими же американцами — Спарксомъ (Jared Sparks, „Diplom. corresp. of the American Revolution“, 9 v., — самый полный сборникъ матеріаловъ изъ архивовъ Стараго и Новаго Свѣта; „The writings of George Washington being his correspondence, addresses, messages and other papers, official and private — with a life of the author“. Boston. 1837. 12 v.; Life of Franclin) и Банкрофтомъ („Hist. of the American Revolution“. 6 v. 1850 sq., „Hist. of the Unit. States“. 1834 sq. [есть нѣм. переводъ], „Hist. of the formation of the Constitution of the United States of America“. 1884. 2 v.). Сочиненіе послѣдняго въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Европѣ пользуется славою классическаго. Болѣе же популярное, хотя и не столь ученое, изложеніе этого предмета принадлежитъ все-таки нѣмцамъ — Циммерману (см. между проч. русск. пер. его „Очерковъ изъ исторіи Американскихъ Штатовъ“. въ „Отеч. Зап.“, 1876, № 4, 6, 9—10, 12) и Нейману (Gesch. der Vereinigten Staaten von Amerika“. Berl. 1863—66; перев. и на русск. яз.: „Ист. Амер. Шт.“ Спб. 1864) — и французамъ: Гизо, который по заказу

Древнѣйшія англійскія поселенія въ Сѣверной Америкѣ, какъ было уже упомянуто, возникли въ правленіе Елизаветы, именно въ 1584 году, когда одинъ извѣстный тогда англійскій авантюристъ, Вальтеръ Рале, основалъ тамъ первую британскую колонію, названную по имени дѣвственной королевы „Виргиніей". Но поселеніе это вскорѣ было разрушено туземцами. Начало прочной колонизаціи этихъ краевъ относится уже къ болѣе позднему времени, къ правленію Іакова I. Въ это время, именно въ 1608 году, возникли въ Англіи съ этою цѣлью двѣ компаніи: Лондонская и Плимутская. Первая основала англійскія поселенія, кромѣ Виргиніи, въ Мэрилэндѣ, названномъ такъ въ честь королевы Маріи, жены Карла I, а также въ Каролинѣ (въ честь самого Карла I). Вообще поселенія этой компаніи расположились къ югу отъ рѣки Потомака. Вторая компанія, напротивъ, направила свою колонизаціонную дѣятельность въ страны, лежащія къ сѣверу отъ той-же рѣки. Здѣсь съ теченіемъ времени возникли слѣдующія колоніи или штаты: Мэнъ, Нью-Гемпширъ, Родэйлендъ, Нью-Джерси, Нью-Іоркъ, Коннектикутъ, Делаверъ, Пенсильванія (квакеры, Вилліамъ Пенъ), Массачузетсъ и др. Всѣ эти поселенія основаны были во второй половинѣ XVII в. и первой половинѣ XVIII в.

конгресса написалъ „Жизнь Вашингтона" („Vie, correspondance et écrits de Washington". 1842), и Лабулэ, автору весьма удобнаго для пользованія сочиненія объ исторіи Соединенныхъ Штатовъ („Hist. politique des États-Unis". 1855—66. 3 v.; есть русск. перев. [Спб. 1870]). Новѣйшая лучшая исторія Соединенныхъ Штатовъ, небольшая по объему,—Channing, „The United States of America, 1765—1865" (есть въ русск. пер. Спб. 1897). Затѣмъ можно указать еще: Smith, „The United States. A outline of political history. 1492—1871"; Moireau, „Histoire des Etats-Unis de l'Amérique du Nord". P. 1892. 2 v.; а изъ болѣе раннихъ: Raynal, „Révolution de l'Amérique". Londres. 1781; Frank Moore, „Diary of the american revolution". New-York. 1860; Master, „A History of the People of the United States from the Revolution to the civil war". 1883 sq., 2 v.; George Ticknor Curtis, „Hist. of the Amer. Constitution". 1854, 2 v.; Holst, „Verfassungsgeschichte d. Verein. Staaten von Amerika seit der Administration Jackson's". 1873—88; 4 v., „Das Verfassungsrecht d. Verein. Staaten von Amer. im Lichte des englisch. Parlamentarismus" („Hist. Zeitschr.", 1888, 1 Heft). Для знакомства съ политическимъ строемъ Америки: Токвиль, „Демократія въ Америкѣ"; Брайсъ, „Американская республика". 3 ч. (пер. съ англ. М. 1889 сл.); ср. Boutmy, „Eléments d'une psychologie politique du peuple américain". P. 1902. Изъ монографій—Bigelow, „Life of Franklin". Philad. 1875; H. A. Washington, „The writings of Th. Jefferson". New-York. 1853; Doniol, „Histoire de la participation de la France à l'établissement des Etats-Unis d'Amérique"; Thomas Balch, „Les Français en Amérique. 1777—83", 1872; Kapp, „Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach Amer." Berl. (2-te Aufl.); ему-же принадлежатъ біографіи генераловъ Kalb'а и Steuben'а. Въ числѣ источниковъ, кромѣ сочиненій и корреспонденцій Франклина, Вашингтона и друг., можно отвѣтить „Briefe und Berichte des Generals und der Generalin von Riedesel während des nord-amerikanischen Krieges in den Jahren 1776—83 geschrieben". 1799 (нов. изд.—1881). П. и Б.

Съ самаго начала уже обнаружилось различіе въ характерѣ южныхъ и сѣверныхъ поселенцевъ: южные состояли почти исключительно изъ католиковъ и англиканъ и проникнуты были сильными роялистическими симпатіями, такъ какъ сюда удалились изъ Англіи большею частью аристократы, изгнанные изъ отечества во время общественныхъ переворотовъ XVII в.; въ XVII же столѣтіи утвердилось здѣсь и рабовладѣніе, введенное въ этой странѣ еще прежде голландцами. Напротивъ, сѣверныя поселенія основаны были по большей части диссентерами различныхъ сектъ — квакерами, пуританами, и притомъ не одними только англичанами, но и людьми всевозможныхъ націй: здѣсь были ирландцы, шотландцы, нѣмцы, французскіе гугеноты и проч. Населеніе къ сѣверу отъ Потомака отличалось по преимуществу демократическими тенденціями съ англійскою любовью къ свободѣ гражданской, политической и религіозной. Не смотря на такое различіе, тѣ и другіе явили въ новомъ отечествѣ любовь къ независимости и необыкновенную энергію и предпріимчивость, качества, естественно развившіяся въ нихъ посреди борьбы съ дикой природой края и столько же дикими племенами индійцевъ-туземцевъ—гуронами, ирокезами и другими. Мало-по-малу стали тѣснить они эти племена все болѣе и болѣе къ западу, сначала до рѣки Миссисипи, а потомъ и до Восточнаго океана. Наконецъ, немало энергіи потребовалось британскимъ поселенцамъ и на борьбу съ другими европейскими колонистами этихъ мѣстъ — съ испанцами Флориды и въ особенности съ французами Канады.

Поселенія эти въ теченіе полутора вѣка возникли по различнымъ случаямъ и побужденіямъ: вслѣдствіе гражданскихъ смутъ въ самой Англіи, вслѣдствіе религіозныхъ несогласій и преслѣдованій въ реформаціонное время. Иногда духъ религіозной нетерпимости переносился чрезъ океанъ и возмущалъ спокойствіе колонистовъ, а это опять подавало поводъ къ выселенію и основанію новыхъ колоній, отдѣлявшихся отъ прежнихъ. Такимъ образомъ, къ половинѣ XVIII в. число колоній или штатовъ возросло уже до 13, а населеніе ихъ—до 1.300.000 жителей. Устройство колоній было весьма разнообразно и основывалось главнымъ образомъ на привилегіяхъ, выданныхъ въ разное время поселенцамъ британскимъ правительствомъ, хотя грамоты эти не всегда уважались, и правительство, особенно при Стюартахъ, нерѣдко отмѣняло дарованныя вольности, объявляло то ту, то другую колонію непосредственною провинціей короны и посылало своихъ чиновни-

ковъ для ихъ управленія. Потомъ опять возстановлялись прежнія права и порядки; но, вообще говоря, колоніи пользовались весьма значительною долею самоуправленія, а зависимость ихъ отъ метрополіи, главнымъ образомъ, выражалась въ ежегодныхъ денежныхъ взносахъ въ пользу англійской казны, а также въ извѣстной части барышей, предоставленныхъ коронѣ отъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ края и, особенно, драгоцѣнныхъ металловъ. Поводовъ къ неудовольствію между колоніями и метрополіей съ самаго начала было, конечно, немало; но пока колоніи нуждались въ помощи Англіи сначала противъ туземныхъ племенъ, а потомъ противъ французовъ Канады, съ которыми продолжалась непрерывная вражда, онѣ терпѣливо сносили обиды и произволъ правительства. Но съ половины XVIII вѣка, когда колоніи уже окрѣпли силами и когда по Парижскому миру въ 1763 году Канада была отнята у французовъ, вслѣдствіе чего колонисты освободились отъ своихъ давнихъ враговъ и отъ опасности, грозившей имъ съ сѣвера, отношенія эти начинаютъ измѣняться.

Неудовольствія Сѣверо-Американскихъ колоній.

Уже навигаціонный актъ Кромвелля, по которому торговля съ англійскими колоніями могла производиться только на англійскихъ корабляхъ, стѣснивъ торговлю сѣверо-американцевъ, возбудилъ въ нихъ сильное неудовольствіе. Неудовольствіе это еще болѣе усилилось, когда при послѣднемъ Стюартѣ Іаковѣ II измѣнено было устройство и управленіе колоній и когда правительство повсюду назначило своихъ губернаторовъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ. Вильгельмъ III, смѣнившій Стюартовъ, не только не отмѣнилъ, но даже усилилъ эти стѣсненія. Но съ половины XVIII в. ропотъ сѣверо-американцевъ перешелъ въ открытое негодованіе, когда, по случаю войны за Австрійское наслѣдство, тогдашнія враждебныя дѣйствія между французами и англичанами перенесены были и въ Америку и разразились здѣсь упорною борьбою между Штатами и Канадой. Въ борьбѣ этой англійскіе колонисты имѣли перевѣсъ и вырвали изъ рукъ французовъ нѣсколько весьма важныхъ крѣпостей Канады, между ними—сильный Люисбургъ. Война эта и эти успѣхи стоили колоніямъ многихъ жертвъ, а между тѣмъ Англія, помирившись съ Франціей Ахенскимъ договоромъ въ 1748 году, для охраны своихъ интересовъ отдала обратно французамъ всѣ завоеванныя американцами крѣпости. Тогда въ первый разъ колоніи поняли, что ихъ интересы и интересы метрополіи совершенно различны и что онѣ всегда останутся въ накладѣ, оставаясь подъ властію Англіи. Наконецъ въ 1763 году общими усиліями метрополіи и колоній у французовъ окончательно

отнята была Канада. На этотъ разъ метрополія помогла своимъ колоніямъ избавиться отъ ихъ вѣкового врага; но зато сама Англія стала теперь тѣснить своихъ колонистовъ, вздумавши навязать имъ часть своего государственнаго долга, вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ возросшаго до огромныхъ размѣровъ.

Ихъ распри съ метрополіей.

Съ цѣлью правильно организовать финансовое участіе колоній въ расходахъ метрополіи правительство Георга III (Гренвиль, Роккингамъ, Нортъ) установило въ колоніяхъ высокую пошлину на ввозные товары, въ особенности на чай, сахаръ, кофе и другіе, установило гербовый сборъ и ввело постойную повинность (1665 г.). Мѣры эти вызвали неудовольствіе либеральной партіи даже въ самой Англіи. Выразителемъ этого неудовольствія явился особенно знаменитый Питтъ Старшій, который видѣлъ въ этихъ произвольныхъ распоряженіяхъ правительства опасный прецедентъ для самой Англіи и утверждалъ, что парламентъ не имѣетъ права облагать колоніи податями, такъ какъ онѣ (колоніи) не имѣютъ въ немъ своихъ депутатовъ. Еще большее негодованіе, разумѣется, возбудили эти декреты въ Америкѣ, которая и рѣшилась прекратить съ Англіей всякія торговыя связи. Уступая общественному мнѣнію, министры Георга III должны были взять назадъ тарифъ, но сохранили однако же за собою право облагать колоніи податями и въ знакъ этого права удержали незначительную пошлину на ввозимый въ Америку чай (по 3 пенса съ фунта). Но американцы не удовлетворились этимъ и допускали англійскіе товары только въ Бостонъ, гдѣ стояла правительственная эскадра. Но тутъ-то въ декабрѣ 1773 года и произошло вооруженное возстаніе. Бостонцы, пробравшись переодѣтыми на англійскіе корабли, выбросили въ море грузъ остъ-индскаго чая. Послѣ этого, хотя конгрессъ сѣверо-американцевъ, собравшійся въ Филадельфіи (1774), и подалъ королю адресъ съ увѣреніемъ въ своей покорности, но съ рѣшительною просьбою возстановить нарушенныя права; правительство же рѣшилось прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ.

Сѣверо-Американская война за независимость.

Таковъ былъ поводъ къ Сѣверо-Американской войнѣ. Но причина ея лежала, конечно, гораздо глубже: она таилась главнымъ образомъ въ сознаніи уже окрѣпшихъ силъ колонистовъ, въ сознаніи англійской эксплуатаціи и, наконецъ, въ тяжкихъ англійскихъ стѣсненіяхъ, которыя вообще затрудняли сѣверо-американскую торговлю и промышленность. Война продолжалась 8 лѣтъ. Героемъ ея и главнымъ вождемъ, диктаторомъ страны, въ это время былъ Георгъ Вашингтонъ, отличавшійся не столько воен-

нымъ, сколько организаторскимъ талантомъ и настойчивостью въ преслѣдованіи цѣли. Война, веденная имъ, повидимому, была несчастна для американцевъ: они почти постоянно терпѣли пораженія; но благодаря настойчивости и таланту главнокомандующаго, послѣ каждаго пораженія англичанъ извлекали для себя все новыя и новыя выгоды. Такъ, пораженіе англичанъ при Лексингтонѣ повлекло за собою объявленіе независимости 13 Соединенныхъ Штатовъ, происшедшее въ Филадельфіи въ 1776 году; капитуляція англійскаго генерала Бургойна при Саратогѣ (1777) снискала американцамъ дружбу, союзъ и помощь Франціи (1778), вступившейся за американцевъ, благодаря ходатайству другого знаменитаго государственнаго мужа Америки, ея главнаго дипломата и патріота—Веніамина Франклина; наконецъ, послѣднее и самое рѣшительное пораженіе при Іорктоунѣ (1781), гдѣ Корнваллисъ капитулировалъ со всею своею 7000-ною арміею, привело къ Версальскому договору 1783 года, по которому Англія и Европа признали Штаты независимымъ государствомъ. Но за-то въ борьбѣ съ другими державами—Франціей, Испаніей, Голландіей [1])—Англія удержала свой перевѣсъ на моряхъ, такъ какъ всѣ предпріятія союзниковъ, напр. осада Гибралтара, нападеніе на Ямайку, были неудачны.

Что касается новаго государства „Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ", то здѣсь боролись двѣ партіи—республиканцы и федералисты [2]). Послѣдніе взяли верхъ и на конгрессѣ въ Нью-Іоркѣ 1789 года главнымъ образомъ опредѣлили конституцію. Первымъ президентомъ избранъ былъ Вашингтонъ, за нимъ—Адамсъ и Джефферсонъ.

IV. Возвышеніе Пруссіи.

Литература вопроса. Stenzel, „Geschichte des preussischen Staats". 1830—54. 5 Bde (въ сборн. Heeren'а и Ukert'а, „Gesch. d. europ. Staaten"); Ranke, „Neun Bücher preussischer Geschichte". 1847—8. 3 Bde. Написанныя Ранке „по званію исторіографа Прусской монархіи, онѣ служатъ какъ-бы продолженіемъ его исторіи протестантизма. Государственные и кабинетные архивы открыты были автору для составленія этихъ новыхъ 3 томовъ, представляющихъ судьбы Прусской державы до завоеванія Силезіи. Все сочиненіе отзывается нѣ-

---

[1]) Къ этому времени (1780) относится и „вооруженный нейтралитетъ" Россіи, Швеціи, Даніи, Пруссіи; ст. Д. П. Никольскаго, „Происхожденіе системы вооруженнаго нейтралитета 1780 г." (Ж. М. Нар. Пр., 1893, февр.). П. и Б.

[2]) Fiske, „The critical Period of American History 1783-1789". Lond. 1888; Ср. его-же, „The American Revolution".

которымъ пристрастіемъ къ Гогенцоллернамъ и вообще далеко уступаетъ другимъ трудамъ знаменитаго историка. Простой, но добросовѣстный разсказъ Штенцеля несравненно выше этого остроумнаго, но идеализованнаго повѣствованія" [1]). Впрочемъ, въ 70-хъ годахъ Ранке значительно передѣлалъ и расширилъ этотъ свой трудъ, издавъ подъ заглавіемъ: „Zwölf Bücher preussisch. Geschichte". Въ такомъ переработанномъ видѣ произведеніе это является уже болѣе свободнымъ отъ отмѣченныхъ недостатковъ. Самое же подробное, обстоятельное изложеніе прусской исторіи (собственно внѣшней) представляетъ многотомный трудъ Droysen'a: „Geschichte der preussischen Politik" (Berlin, 1855—1886, 5 частей въ 13 т.), надъ которымъ авторъ работалъ болѣе 30 лѣтъ и успѣлъ довести до начала Семилѣтней войны. Затѣмъ можно указать еще на: Eberty, „Geschichte des preussisch. Staats". Breslau. 1867—73. 7 Bde; Cosel, „Geschichte des preussisch. Staates und Volkes" 1869—76. 8 Bde; Pierson, „Preuss. Geschichte". 5-te Aufl. 1889. 2 Bde; Prutz, „Preussische Geschichte". Stuttg. 3 Bde; Philippson, „Geschichte des preussischen Staatswesens". 1880 sq.; Fix, „Die Territorialgeschichte des preussisch. Staates". 1884 (3-te Aufl.); Tuttle, „History of Prussia to the accession of Frederic the Great (1134—1740)". Boston. 1884; Geiger, „Berlin 1688—1840. Geschichte d. geistl. Lebens der preussisch. Hauptstadt". Berlin. 1893. 2 Bde; Lavisse, „Etudes sur l'histoire de Prusse". Paris. 1885. 2 éd. (достоинства этихъ „этюдовъ" признаны даже нѣмецкою критикою), и Cavaignac, „La formation de la Prusse contemporaine". А по исторіи Германіи вообще въ теченіе XVIII ст. см. упомянутый уже раньше трудъ Biedermann'a, „Deutschland in XVIII Jahrh.". 1880—4. 4 v. (2-е изд.); ср. Lévy-Bruhl, „L'Allemagne depuis Leibnitz. Essai sur le développement de la conscience nationale en Allemagne". 1890.—Литературу о Фридрихѣ II см. ниже. **Б.**

Значеніе исторіи Пруссіи. Переходя къ исторіи Пруссіи, державы, играющей теперь въ Европѣ столь важную роль, прежде всего замѣтимъ, что вопросъ этотъ въ высшей степени интересенъ уже потому, что въ XVI в. Пруссія была еще юнымъ и ничтожнымъ государствомъ. Намъ предстоитъ объяснить, какими путями и вслѣдствіе какихъ условій и обстоятельствъ послѣдовалъ столь быстрый и, поистинѣ, изумительный ростъ Пруссіи.

Гогенцоллерны. Исторія Пруссіи есть преимущественно исторія ея династіи. Государство это создано было его владѣтельнымъ домомъ. Слѣдовательно, прежде всего намъ необходимо познакомиться съ этимъ владѣтельнымъ домомъ, съ царствующею нынѣ въ Пруссіи фамиліею Гогенцоллерновъ.

Родъ Гогенцоллерновъ очень древній въ Германіи [2]). Онъ происходитъ изъ Швабіи и получилъ свое названіе отъ имени родового замка этой фамиліи Zollern. Первый упоминаемый въ исторіи

---

[1]) Слова М. Н. Петрова, изъ его „Новѣйш. націон. исторіогр. въ Германіи, Англіи и Франціи". Харьк., 1861, стр. 79. **Б.**

[2]) L. Schmid, „Die älteste Gesch. des erlauchten Gesammthauses d. königlich. und fürstlich. Hohenzollern". 3 Th. 1884—8. **Б.**

владѣтельный князь этого рода былъ графъ Тассилонъ, въ началѣ IX еще столѣтія. Въ теченіе X и XI вв. Гогенцоллернская фамилія раздѣлилась на нѣсколько вѣтвей—Зигмарингенъ, Гехингенъ и др. Родоначальникомъ нынѣшняго королевско-прусскаго дома считается графъ Конрадъ, первый бургграфъ Нюренбергскій, умершій въ началѣ XIII в. Потомокъ этого-то Конрада, Фридрихъ VI, получилъ отъ императора Сигизмунда княжеское достоинство вмѣстѣ съ Бранденбургскимъ маркграфствомъ, которое сначала было заложено императоромъ богатому бургграфу (1411 г.), а потомъ и окончательно ему передано (1415). Да и другіе члены этой фамиліи большею частью увеличивали свои владѣнія то покупкой, то наслѣдственными правами, такъ какъ отличительными чертами Гогенцоллернскаго дома постоянно были: бережливость, хозяйственныя способности, страсть копить и пріобрѣтать. Такъ, въ концѣ среднихъ вѣковъ Гогенцоллерны пріобрѣли для своего дома Ансбахъ, Байрейтъ и другія мѣстности во Франконіи и Швабіи. Но историческое значеніе этого дома началось только съ пріобрѣтеніемъ имъ Бранденбургскаго маркграфства въ началѣ XV вѣка, когда онъ впервые вступилъ въ рядъ первоклассныхъ княжескихъ фамилій Германской имперіи и пріобрѣлъ курфиршескій санъ, а въ началѣ XVI вѣка къ этимъ владѣніямъ Гогенцоллерновъ присоединилась и Пруссія, и вотъ какимъ образомъ.

Восточная Пруссія.

Нынѣшняя Восточная Пруссія издревле населена была литовскимъ племенемъ пруссовъ. Польскіе князья со временъ Болеслава Храбраго стали пытаться покорить этотъ дикій, языческій край и водворить въ немъ христіанство. Но полудикіе пруссы мужественно отстаивали свою свободу и свой языческій культъ, и христіанская религія дѣлала между ними мало успѣховъ. Въ началѣ XIII в. герцогъ Мазовецкій, Конрадъ, тѣснимый даже въ собственныхъ владѣніяхъ опустошительными набѣгами своихъ воинственныхъ сосѣдей, призвалъ противъ нихъ изъ Палестины рыцарей Нѣмецкаго ордена, которые въ теченіе XIII ст. покорили всю страну, обративъ ее окончательно въ христіанство. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась тогда и германизація пруссовъ. Земли ихъ покрылись мало-по-малу нѣмецкими колоніями и городами, какъ Торнъ, Кенигсбергъ, Мемель, Маріенбургъ, Маріенвердеръ, Данцигъ, Кульмъ и другіе. Но съ XIV в. рыцарей стали тѣснить съ одной стороны поляки, а съ другой—ихъ собственное дворянство и города, недовольные орденскимъ управленіемъ. Вслѣдствіе войны съ Польшей въ 1466 г.

должны были рыцари часть Восточной Пруссіи уступить полякамъ и даже остальныя земли свои поставить въ ленную зависимость отъ польской короны.

Альбрехтъ Гогенцоллернъ и секуляризація Пруссіи.

Посреди такого затруднительнаго положенія въ 1511 г. рыцари избрали своимъ гросмейстеромъ сына Байрейтскаго маркграфа, Гогенцоллерна Альбрехта, въ надеждѣ, что этотъ князь своими связями доставитъ имъ помощь Германіи. Но такъ какъ надежда эта не исполнилась, то и Альбрехтъ долженъ былъ въ 1525 году признать ленныя права Польши надъ Пруссіей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совершилъ актъ въ высшей степени важный для будущихъ судебъ этого края; именно, онъ обратилъ орденскія владѣнія въ свѣтское герцогство, сложилъ съ себя званіе гросмейстера и перешелъ въ протестантизмъ. Примѣру его послѣдовали и рыцари. Пруссія стала протестантской страной. Теперь легко было предвидѣть, что этотъ край употребитъ всѣ усилія, чтобы свергнуть ненавистную зависимость отъ католической Польши. Но своими собственными силами Пруссія никогда бы не могла этого достигнуть. Это стало возможнымъ лишь съ того времени, когда въ 1618 г., по наслѣдственнымъ правамъ Гогенцоллерновъ, герцогство Пруссія соединилось окончательно съ маркграфствомъ Бранденбургскимъ въ одну державу. Это случилось при курфирстѣ Іоаннѣ Сигизмундѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался и герцогомъ Прусскимъ. Кромѣ того, въ теченіе XVI в. Гогенцоллерны успѣли пріобрѣсти для своего дома наслѣдственное право на Юлихъ-Клевскія земли по Рейну и нѣкоторыя части Силезіи и Помераніи. Впрочемъ, дальнѣйшій ростъ Бранденбургъ-Прусскаго государства пріостановленъ былъ Тридцатилѣтней войной, во время которой тогдашній курфирстъ Бранденбургъ-Прусскій, Георгъ Вильгельмъ, игралъ жалкую нейтральную роль. Но этого нейтралитета не уважалъ никто. Шведы, лигисты, императорскія войска одинаково опустошали и грабили беззащитную Пруссію.

Соединеніе герцогства Пруссіи съ Бранденбургскимъ маркграфствомъ.

«Великій курфирстъ».

Такое положеніе дѣлъ въ Пруссіи продолжалось до 1640 г., когда на престолъ ея вступилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, правившій до 1688 г. и прозванный „Великимъ курфирстомъ“. Онъ-то и былъ истиннымъ основателемъ Прусскаго государства [1]). Во-первыхъ, посредствомъ искусной политики удалось

[1]) Извѣстный источникъ для исторіи „великаго курфирста“—Pufendorf, „De rebus gestis Friderici Wilhelmi magni electoris Brandenburgensis commentariorum libri XIX“. 1694; архивный матеріалъ—въ огромномъ, многотомномъ изданіи, которое начало выходить въ 1864 г. и до сихъ поръ еще не закончено „Urkunden und

ему по Вестфальскому миру пріобрѣсти для своего государства нѣсколько значительныхъ земельныхъ приращеній, а именно: большую часть Помераніи, Минденъ, Каминъ, Гальберштадтъ и Магдебургъ. Затѣмъ предстояла болѣе трудная задача—доставить государству независимость и почетное существованіе, трудная потому, что на западѣ Пруссіи угрожали французы, на востокѣ еще тяготѣло надъ нею ленное подчиненіе Польшѣ, а съ сѣвера грозило усилившееся послѣ Тридцатилѣтней войны могущество шведовъ. Фридрихъ-Вильгельмъ одолѣлъ счастливо всѣ эти препятствія. Случай къ сверженію ленной зависимости подала ему война между Шведскимъ королемъ, Карломъ Густавомъ, и Польшей, начавшаяся въ 1655 г. [1]). Въ этой войнѣ разсчетливый и вѣроломный курфирстъ сначала принялъ сторону шведовъ, которые въ награду за его содѣйствіе признали независимость Пруссіи по Лабіавскому договору въ 1656 г. Когда же въ слѣдующемъ году дѣла Карла Густава пошли плохо, то курфирстъ оставилъ его и заключилъ съ Польшей отдѣльный миръ (1657 г.). Трактатъ этотъ (Велавскій) призналъ и со стороны Польши независимость Пруссіи. Наконецъ, обѣ державы, какъ Швеція, такъ и Польша, подтвердили эту независимость Оливскимъ трактатомъ въ 1660 году. 15 лѣтъ спустя Швеція однако рѣшилась еще разъ попытаться возвратить свое вліяніе на Пруссію и въ войнѣ Людовика XIV съ Голландіей явилась союзницей Франціи, а, слѣдовательно, врагомъ курфирста, бывшаго на сторонѣ Голландіи. Но рѣшительною побѣдою надъ шведами при Фербеллинѣ въ 1675 г. Фридрихъ Вильгельмъ не только обезпечилъ безопасность собственныхъ владѣній, но и надолго унизилъ политическое и военное значеніе Швеціи на сѣверѣ, такъ что послѣ этого вмѣсто Швеціи Пруссія дѣлается представительницей и защитницей протестантскихъ интересовъ на континентѣ Европы и, въ особенности, въ Германіи.

Но и кромѣ этой плодотворной политической дѣятельности,

Aktenstücke zur Geschichte des Kurf. Friedr.-Wilh. von Brandenburg". Berlin. 1864 sq. Монографіи: Förster, „Friedrich Wilhelm, der grosse Kurfürst und seine Zeit". Berl. 1855; Orlich, „Gesch. des preuszisch. Staats im 17 Jahrh." Berl. 1838—9. 3 Bde; Erdmannsdörffer, „Der grosse Kurfürst", Philippson, „Der grosse Kurfürst Friedrich Wilhelm von Brandenburg". 3 Th. Berlin. 1897—1904; Heyck, „Der grosse Kurfürst". Bielef. und Leipz. 1902 (популярная монографія въ коллекціи „Monographien zur Weltgeschichte"); Prutz, „Aus den grossen Kurfürsten letzten Jahren. Zur. Gesch. seines Hauses und Hofes, seiner Regierung und Politik". Berl. 1897; Г. В. Форстенъ, „Къ внѣшн. политикѣ велик. курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго" (Ж. М. Н. Пр., 1900, іюнь сл.). Б.

[1]) См. того-же Pufendorf'a: „De rebus a Carolo Gustavo Sueciae rege gestis commentariorum libri VIII". 1696. Б.

Фридриху Вильгельму въ исторіи Пруссіи принадлежитъ много другихъ важныхъ заслугъ. Самъ человѣкъ просвѣщенный (онъ воспитывался въ лейденскомъ университетѣ) и чуждый нетерпимости [1]), онъ первый насадилъ въ Пруссіи народное просвѣщеніе, поднялъ изъ глубокаго упадка франкфуртскій университетъ, основалъ университетъ въ Дуисбургѣ, завелъ множество начальныхъ училищъ, публичную библіотеку въ Берлинѣ; при немъ стала издаваться тамъ первая газета и появились первые книгопродавцы. Въ промышленномъ отношеніи онъ тоже выдвинулъ Пруссію на новый путь, воспользовавшись начавшимся въ то время гоненіемъ на гугенотовъ во Франціи. Онъ охотно принималъ въ свои владѣнія этихъ французскихъ „refugiés", и такъ какъ это были большею частью трудолюбивые люди, то при немъ Пруссія обогатилась 200.000 новыхъ гражданъ, принесшихъ съ собою свое трудолюбіе, капиталы и высокую промышленную культуру. Онъ же устроилъ Фридрихъ-Вильгельмовъ каналъ; завелъ правильныя почтовыя сообщенія. Ему принадлежитъ также честь первой организаціи прусскихъ государственныхъ финансовъ вообще, хозяйства и военныхъ силъ [2]), и умирая, онъ могъ уже оставить своему преемнику государство въ 2.000 кв. миль съ $1^1/_2$ мил. населеніемъ, съ 36.000 постояннаго войска и полную государственную казну.

Характеръ монархіи въ Пруссіи.

Внутренняя государственная политика великаго курфирста носитъ на себѣ печать общегосударственныхъ стремленій вѣка, именно—стремленій къ возвышенію абсолютной монархіи надъ всѣми частными, областными и сословными интересами. Въ теченіе XVI и XVII вв. власть нѣмецкихъ князей выросла вообще очень сильно. Причины, способствовавшія такому возвышенію, были: реформація; перемѣны въ военномъ искусствѣ, сломившія силу дворянства; Тридцатилѣтняя война, повлекшая за собою обѣдненіе городовъ и дворянства; Вестфальскій миръ и новое устройство, которое далъ онъ имперіи,—устройство, въ силу котораго имперскіе князья получили всѣ права величества. Фридрихъ Вильгельмъ воспользовался этими естественными плодами времени. Но къ чести его нужно замѣтить, что тогда уже прусская государственная власть была организована въ духѣ, совершенно противномъ тому, въ какомъ она развилась во

---

[1]) Hugo Landwehr, „Die Kirchenpolitik Friedrich Wilhelms d. Grossen Kurfürsten". Berl. 1894. Б.

[2]) Schmoller, „Die Entstehung des preussisch. Heeres (1640—1740)" („Deutsche Rundschau", 1878, Aug.). Б.

Франціи при Людовикѣ XIV, и вмѣсто высокомѣрнаго „l'état c'est moi", девизомъ Фридриха Вильгельма было совершенно иное начало, формулированное впослѣдствіи его знаменитымъ правнукомъ, именно, что „монархъ есть только первый слуга своего государства". Недаромъ правнукъ этотъ, Фридрихъ Великій, въ своей „Исторіи Бранденбургскаго дома", называетъ Фридриха Вильгельма первымъ основателемъ величія Прусскаго государства.

Фридрихъ I.

Великій курфирстъ умеръ въ 1688 г., и ему наслѣдовалъ сынъ его, Фридрихъ III, со времени принятія королевскаго титула назвавшійся Фридрихомъ I. Фридрихъ III или, какъ король, Фридрихъ I, далеко не былъ такъ даровитъ, какъ его отецъ; это былъ тщеславный и мелкій характеръ, одинъ изъ тѣхъ нѣмецкихъ князей, которые копировали Людовика XIV. Онъ окружилъ себя великолѣпнымъ дворомъ и главною цѣлью своей политики поставилъ пріобрѣтеніе королевскаго сана, такъ какъ возведеніе курфирста Саксонскаго на польскій престолъ и Вильгельма Оранскаго—на англійскій не давало ему покоя и наполняло душу его завистью. Цѣли этой онъ успѣлъ достигнуть во время открывшейся войны за Испанское наслѣдство, когда императоръ Леопольдъ I въ награду за обѣщанныя Фридрихомъ услуги согласился признать за нимъ королевское достоинство (1700), которое на Утрехтскомъ конгрессѣ въ 1713 г. было подтверждено и другими европейскими державами [1]). Впрочемъ и этотъ относительно ничтожный государь слѣдовалъ невольно политикѣ своего отца и общей политикѣ Гогенцоллернскаго дома,—такъ сильны были уже сложившіяся преданія. Такъ, вездѣ—въ Германіи и Европѣ—защищалъ онъ протестантскіе интересы, покровительствовалъ „refugiés", т.-е. гугенотамъ, эмигрировавшимъ изъ Франціи вслѣдствіе преслѣдованій Людовика XIV, принималъ въ свои владѣнія и другихъ гонимыхъ за вѣру; а со времени перехода курфирста Саксонскаго въ католицизмъ на германскомъ сеймѣ сдѣлался главою „corpus evangelicorum", т.-е. всей фракціи протестантскихъ князей и сословій имперіи; нако-

[1]) Albert Waddington, „L'acquisition de la couronne royale de Prusse par les Hohenzollern". Paris. 1888; Zwiedineck-Südenhorst, „Deutsche Geschichte im Zeitraum der Gründung des preussisch. Königthums". 1890 (въ изд. имъ-же „Bibliotheck deutsch.Gesch."); популярная монографія о Фридрихѣ I—Heyck'a, „Friedrich I und die Begründung d. Preussisch. Königthums". 1901 (въ коллекціи „Monographien z. Weltgeschichte"). Для исторіи Германіи начала XVIII ст. важенъ трудъ Erdmannsdörffer'a, „Deutsche Geschichte von 1648 bis 1740". 1891 (въ кол. Онкена). Б.

нецъ, помогалъ Вильгельму Оранскому овладѣть англійскимъ престоломъ. Такъ же точно старался онъ расширить родовыя владѣнія Гогенцоллерновъ разными мелкими пріобрѣтеніями путемъ покупокъ и наслѣдственныхъ договоровъ; основалъ въ Берлинѣ академію наукъ и университетъ въ Галле, далъ убѣжище нѣкоторымъ гонимымъ ученымъ, напр. Томазіусу, и придалъ новый блескъ своему дому пріобрѣтеніемъ королевскаго сана, такъ какъ этотъ, повидимому, тщеславный, поступокъ повлекъ за собою очень важныя послѣдствія, поселивъ въ душѣ его преемниковъ честолюбивое стремленіе поставить Пруссію и по ея дѣйствительной силѣ и по объему владѣній въ уровень со вновь пріобрѣтеннымъ титуломъ.

Фридрихъ Вильгельмъ I. Фридрихъ I недолго пережилъ утвержденіе за нимъ королевскаго сана и умеръ въ годъ Утрехтскаго конгресса въ 1713 г. Ему наслѣдовалъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ I [1]), явившійся совершенною противоположностью своему отцу. Съ первыхъ шаговъ своего правленія онъ выказалъ ненависть къ роскоши, великолѣпію, этикету, дипломатіи и французамъ, ко всему, до чего такъ падокъ былъ его отецъ. Это былъ крутой, повелительный и своеправный человѣкъ, весь проникнутый страстью къ военному дѣлу, къ тому-же бережливый хозяинъ, разсчетливость котораго доходила до скаредности. Такими качествами отчасти онъ обязанъ былъ своему воспитанію при дворѣ дѣда своего, строгаго курфирста Ганноверскаго, и потомъ руководству дядьки, суроваго генерала Дона. Знакомство съ знаменитыми полководцами вѣка, Евгеніемъ и Мальборо, и вліяніе Леопольда Ангальтъ-Дессаускаго окончательно сдѣлали изъ него настоящаго солдата. Если „великій курфирстъ“ доставилъ Прусскому государства независимое положеніе, если Фридрихъ I покрылъ его внѣшнимъ блескомъ, то Фридрихъ Вильгельмъ создалъ на прочномъ основаніи его внутренній строй и притомъ съ тѣмъ преобладающимъ военнымъ характеромъ, который Пруссія удерживаетъ и понынѣ, а что касается государственнаго хозяйства и, особенно, финансоваго управленія Пруссіи, которое, какъ извѣстно, считается образцовымъ въ

---

[1]) Мемуары Pöllnitz'а („Mémoires pour servir à l'histoire des quatre derniers souverains de la maison de Brandenb.“ Berlin. 1792) и маркграфини Вильгельмины Байрейтской (1810. 2 v.; на нѣм. и затѣмъ на франц. яз.); о ихъ достовѣрности см. Ranke, „Zur Kritik preussischer Memoiren“ („Sämmtl. Werke“, 24 B.); Förster, „Friedr. Wilh. I, König von Preussen“. 5 Bde. Potsdam. 1834 sq.(съ Urkundenbuch“); Pariset, „L'État et l'Église en Prusse sous Fréderic-Guillaume I (1713—40)“. P. 1897. Б.

Европѣ, то эти отрасли администраціи прямо были созданіемъ Фридриха Вильгельма I [1]).

Началъ онъ съ того, что, вступивъ на престолъ, тотчасъ уничтожилъ все отцовское великолѣпіе двора и завелъ строгую бережливость и порядокъ, неумолимо преслѣдуя всякое злоупотребленіе и самъ лично наблюдая за всѣмъ. Такимъ образомъ, не смотря на значительныя экстренныя издержки его правленія по содержанію 70.000 постояннаго войска, большею частью набраннаго посредствомъ вербовки (однихъ иностранныхъ волонтеровъ было въ немъ 27.000), не смотря на участіе Пруссіи въ Сѣверной войнѣ и на покупку у шведовъ Передней Помераніи за 2 мил. тал. (по Стокгольскому договору 1726), а равно громадные расходы на поощреніе промышленности и земледѣлія и на основаніе протестантскихъ колоній (особенно изъ гонимыхъ зальцбургскихъ лютеранъ),—доходы Пруссіи постоянно при немъ возростали и достигли 8 м., а въ государственной казнѣ въ день смерти короля оказалось 9 мил. запасу. Такимъ образомъ, и въ это время Пруссія, вѣрная своимъ преданіямъ, являлась покровительницею и защитницею протестантскихъ интересовъ въ Германіи. Замѣчательно, что этотъ суровый государь, по наружности и характеру походившій на грубаго фельдфебеля и круто отстаивавшій свой „суверенитетъ“, т.-е. свою верховную власть противъ дворянскихъ и вообще сословныхъ привилегій, въ душѣ былъ ревностнымъ республиканцемъ и любимой его мечтой было окончить жизнь гдѣ-нибудь въ свободной странѣ, напр. въ Голландіи, частнымъ человѣкомъ. Въ концѣ концовъ это былъ уже въ полномъ смыслѣ „der erste Diener seines Staats“ не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

Впрочемъ о дѣятельности и, въ особенности, о личномъ характерѣ Фридриха Вильгельма есть въ наукѣ и другія представленія, выразителемъ которыхъ въ свое время явился, какъ извѣстно, Маколей, посвятившій въ своемъ „опытѣ о Фридрихѣ Великомъ“ значительную часть изображенію Фридриха Вильгельма I. Въ „Опытѣ“ этомъ Маколей изобразилъ Фридриха Вильгельма, какъ злого и безчеловѣчнаго тиранна. Характеристика такого авторитетнаго лица, какимъ былъ, безъ сомнѣнія, Маколей въ области историческаго знанія, естественно, должна была вызвать въ средѣ

---

[1]) Schmoller, „Die innere Verwaltung unter Friedrich Wilh. I“ („Preuss. Jahrb.“, XXVI), „Die preuss. Kolonisation des 17 und 18 Jahrh.“ („Schriften d. Vereins f. Socialpolitik“, 32 B.); Isaacsohn, „Geschichte des preussisch. Beamtenthums“; Stadelmann, „Friedr. Wilh. I in seiner Thätigkeit für die Landeskultur Preussens“. Leipz. 1878. Б.

германскихъ ученыхъ сильныя возраженія, которыя и представлены были еще въ 50-хъ годахъ однимъ изъ даровитѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ, Гейссеромъ [1]), тѣмъ самымъ, который извѣстенъ своей „Исторіею революціи“ и „Реформаціоннаго времени“. Сущность отзыва Маколея о Фридрихѣ Вильгельмѣ I и смыслъ возраженій Гейссера, слѣдующіе. „Всѣ страсти этого человѣка“, говоритъ Маколей, „носили на себѣ характеръ какой-то умственной и нравственной болѣзни, такъ-что внѣ сумасшедшаго дома трудно встрѣтить что-нибудь подобное. Когда Его Величество выходилъ гулять, все, что̀ носило человѣческій образъ, бросалось бѣжать, какъ отъ какого-нибудь тигра, вырвавшагося изъ звѣринца. Главное занятіе его жизни состояло въ томъ, чтобы мучить и заставлять мучить другихъ. Развлеченія, которыя онъ считалъ приличными государю, состояли въ томъ, чтобы сидѣть въ густомъ облакѣ табачнаго дыма, глотая шведское пиво въ интервалахъ трубки, играть въ то-кадиллу по пятаку партію, ловить дикихъ свиней и стрѣлять тысячами куропатокъ“. „Какъ ни пикантно подобное изображеніе“, возражаетъ Гейссеръ, „но оно нисколько не объясняетъ историческаго значенія Фридриха Вильгельма I, не объясняетъ, какъ случилось, что подобный человѣкъ сдѣлался однимъ изъ основателей величія Прусской монархіи; отчего, наконецъ, самъ Фридрихъ Великій, сынъ его, вытерпѣвшій, какъ извѣстно, столько преслѣдованій отъ своего суроваго отца, впослѣдствіи почтилъ память его благодарнымъ воспоминаніемъ, сказавъ, что безъ него онъ никогда бы не былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлался. Дѣло въ томъ, что Маколей на этотъ разъ забылъ главное правило всякаго объективнаго историческаго изслѣдованія, — правило, по которому каждая историческая личность можетъ и должна быть оцѣниваема только въ связи и въ обстановкѣ своего времени. И дѣйствительно, если сравнить Фридриха Вильгельма I съ современными ему нѣмецкими князьями — съ Августомъ, Максомъ-Эммануиломъ, Эбергардомъ Людвигомъ, Карломъ Филиппомъ e tutti quanti, то, при всей его грубости, нельзя не отдать ему предпочтенія. Правда, онъ любилъ драться, былъ ужасенъ и неукротимъ въ гнѣвѣ, издерживалъ много талеровъ на своихъ любимыхъ великановъ („lange Kerle“), адски курилъ простой табакъ, запивая его любимымъ дукштейнскимъ пивомъ, довольствовался сквернымъ столомъ и былъ разсчетливъ до скупости; но онъ не жертвовалъ бла-

---

[1]) Въ статьѣ: „Macaulay's Friedrich der Grosse“, помѣщенной въ „Histor. Zeitschrift, 1859, I B. Б.

гомъ своихъ областей своимъ деспотическимъ прихотямъ, не заражалъ общественныхъ нравовъ дурнымъ примѣромъ серальнаго управленія; ему чужда была фараонская гордость бездарныхъ подражателей Людовика XIV; онъ не праздновалъ на счетъ народнаго голода маскарадовъ и каруселей, не приносилъ въ жертву одному празднику счастье цѣлаго поколѣнія, наконецъ, не ругался надъ общественнымъ мнѣніемъ возвышеніемъ королевскихъ бастардовъ и кровосмѣсительными связями, какъ его блестящій, остроумный и любезный саксонскій сосѣдъ (Августъ). Тотъ, правда, никогда не унижался до гулянья по улицамъ съ простою палкой въ рукѣ, никогда не дралъ за волосы своихъ дѣтей и не ѣлъ такой скверной капусты; тамъ все, напротивъ, носило отпечатокъ почти медицейскаго вкуса, но зато послѣ него богатая область осталась бѣдною, а нѣкогда значительное государство—ничтожнымъ; тогда какъ Фридрихъ Вильгельмъ со скромными средствами успѣлъ организовать твердый государственный строй и воспитать желѣзный, ядреный народъ".

Фридрихъ Великій.

Литература вопроса. Приступая къ изложенію исторіи Фридриха Великаго, слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, преимущественно разработанъ нѣмецкими учеными (см. библіографическій трудъ: Max Baumgart, „Die Literatur des In-und Auslandes über Friedr. d. Grossen". Berlin. 1886). Въ числѣ многихъ изслѣдователей этого предмета первое мѣсто долго принадлежало признанному спеціалисту его, прусскому ученому Прейсу, который изученію исторіи Фридриха посвятилъ всю свою жизнь. Плодомъ его многолѣтнихъ занятій была полная исторія Фридриха Великаго, основанная большею частью на оффиціальныхъ документахъ и состоящая изъ 9 томовъ („Friedrich d. Grosse. Eine Lebengsgeschichte". 1832—4. 4 Bde; „Urkundenbücher". 5 Bde). Но такъ какъ это трудъ слишкомъ спеціальный и обставленный довольно тяжелымъ ученымъ аппаратомъ, то Прейсъ популяризировалъ свои выводы въ особомъ сочиненіи, предназначенномъ для большой публики. Сочиненіе это называется„Lebensgeschichte Friedrichs des Grossen" (2 Bde). Въ дополненіе же къ нему издалъ онъ еще цѣлый рядъ монографій, относящихся къ разнымъ сторонамъ дѣятельности Фридриха Великаго; напр. „Friedrichs d. Gross. Jugend und Thronbesteigung" (1840), „Friedrich der Grosse als Schriftsteller" (1837) и проч. Затѣмъ, [кромѣ старинныхъ французскихъ сочиненій Mirabeau („De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand". 1788. 4 v.) и Thiebault, „Frédéric le Grand" (5 v. 1826. 4 éd.], слѣдуетъ указать на сравнительно небольшую по объему, но дѣльную по содержанію характеристику Фридриха Великаго покойнаго Блюнчли, помѣщенную въ его „Лексиконѣ государственныхъ наукъ", тѣмъ болѣе, что взгляды Блюнчли, здѣсь выраженные, замѣтно совпадаютъ съ выводами Прейса, а слѣдовательно знакомятъ и съ ними, [и на біографію Фридриха въ „Allgem. Deutsche Biographie", принадлежащую перу Ранке (перепечатана и въ 51—52 т. его „Sämmtliche Wer-

ke". 1888); на Carlyle, „History of Frederik II of Prussia". 1858 sq. (есть нѣм. перев.); Маколей, „Фридрихъ Вел."; Oncken, „Das Zeitalter Friedrichs d. Gross." (1881 sq. 2 Bde, въ издаваемомъ подъ его-же редакціей сборникѣ „Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen); Dove, „Deutsche Gesch.", VI-ter B. („Das Zeitalter Fr. d. Gr. und Jos. II". 1883 (въ сборн. „Gesch. d. europ. St."); Tuttle, „History of the Prussia under Frederick the Great". Boston and N. York. 1888. 2 v.; P. Dubois „Frédéric le Grand d'après sa correspondance politique". P. 1903, и его-же психологическій анализъ личности Фридриха В. въ „Rev. des Deux Mondes", 1902 15 juill.—1 août; Wiegand, „Friedr. d. Grosse" Bielefeld-Leipz. 1902 (въ „Monogr. z. Weltgeschichte), а въ особенности Koser, „König Friedrich d. Grosse". Stuttg.-Berl. 2-te Aufl. 1901—1903 (въ „Bibliothek Deutsch. Gesch.", hrsg. von Zwiedineck-Südenhorst). Ср. Duncker, „Aus der Zeit Friedr. des Gross."; Friedrich der Grosse. Denkwürdigkeiten seines Lebens". 1886; Cauer, „Zur Geschichte und Charakteristik Friedrichs d. Gross." 1883; Zeller, „Friedrich d. Grosse als Philosoph". 1886; Bernhardi, „Friedrich d. Grosse als Feldherr". 1881; Н. Н. Сухотинъ, „Фридрихъ Великій". 1882, и цѣлый рядъ изслѣдованій, касающихся Семилѣтней и Силезской войны, указанія на которыя см. ниже. Вообще въ настоящее время монографическая литература о Фридрихѣ Вел. сильно разрослась и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Пруссіи той эпохи является теперь Reinhold Koser. Что касается источниковъ, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать издаваемую теперь „Политическую корреспонденцію Фридриха В." („Polit. Corresp. Fr. d. Gross." Berlin. 1879 sq.) и на его сочиненія, написанныя всѣ на его любимомъ французскомъ яз. и состоящія изъ 30 том. („Oeuvres de Frédéric le Grand, publiées par une commission de l'Académie royale des sciences". Berl. 1846—57); изъ этихъ сочиненій въ историческомъ отношеніи наиболѣе замѣчательныя: „Исторія Семилѣтней войны" и „Исторія Бранденбургскаго дома"; затѣмъ—„Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Freidrichs II" hrsg. von Koser und Krauske (Berl. 1877 sq.); „Unterhaltungen mit Friedrich dem Grossen. Memoiren und Tagebücher von H. de Catt", herausgegeben von R. Koser [1]) („Publikat. aus d. kgl. preuss. St.-Archiven", 22 B. Leipz. 1884); Koser. „Briefwechsel Fr. d. Gross. mit Grumbkow und Maupertuis". Leipz. 1898 (ibid.), Dohm, „Denkwürdigkeiten meiner Zeit (1778—1806)". 5 Bde. 1814—19, и друг. Важный матеріалъ находится также въ такихъ изданіяхъ, какъ напр., труды Arneth,a (см. ниже), какъ „Архивъ князя Воронцова", какъ Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ и договоровъ". Спб. 1874 сл. **И. и Б.**

Воспитаніе Фридриха Великаго. Фридрихъ Великій родился въ 1712 году; по смерти Фридриха Вильгельма I вступилъ онъ на престолъ въ 1740 году, а умеръ въ 1786 году.

Отецъ Фридриха Великаго, Фридрихъ Вильгельмъ I, до-того былъ проникнутъ сознаніемъ своихъ государственныхъ обязанностей, что и на сына смотрѣлъ только, какъ на наслѣдника престола, и въ воспитаніи его, сообразномъ съ нуждами государства, видѣлъ правительскій долгъ свой. Разумѣется, что при оригинальномъ и

---

[1]) Ср. статью Valbert, „Le Grand Frédéric d'après le journal et les mémoires de Henri Catt" („Revue des Deux-Mondes", 1885, 1 févr.). **Б.**

своеобразномъ характерѣ Фридриха Вильгельма, идеаломъ этого воспитанія могъ быть никто иной, какъ онъ самъ. Свои собственныя убѣжденія и качества отецъ желалъ видѣть возрожденными и въ сынѣ, т.-е. желалъ развить въ немъ ту преданность протестантизму, германскій патріотизмъ, страсть къ военному дѣлу и духъ порядка и экономіи, которыми отличался самъ. Качества—очень почтенныя, но во Фридрихѣ Вильгельмѣ они являлись въ такой оригинальной и педантической формѣ и навязывались сыну съ такимъ деспотизмомъ, что это возмутило Фридриха, тѣмъ болѣе, что и его собственная натура была такъ же оригинальна и самостоятельна, какъ и отцовская. Произошло столкновеніе, которое усиливаясь постепенно, дошло почти до катастрофы: попытка бѣжать отъ деспотизма своенравнаго отца чуть не привела кронъ-принца къ эшафоту. Но въ эту минуту однако проснулись въ королѣ отеческія чувства и открыли въ душѣ его доступъ къ ходатайству и защитѣ. Онъ простилъ сына, но предписалъ ему самое строгое и суровое перевоспитаніе. Практическое воспитаніе это началось въ Кюстринѣ, гдѣ Фридрихъ на дѣйствительной службѣ изучилъ всѣ части гражданскаго и финансоваго управленія, а завершилось въ Руппинѣ, гдѣ онъ такимъ-же путемъ познакомился со всѣми потребностями и нуждами военной службы; между тѣмъ какъ до своего столкновенія съ отцемъ проходилъ онъ собственно только школьное воспитаніе подъ замѣтнымъ вліяніемъ господствовавшей тогда въ Европѣ французской просвѣтительной литературы; во время же самой катастрофы имѣлъ случай закалить себя нравственно. Прощенный отцемъ, Фридрихъ долженъ былъ жениться вскорѣ по его выбору на Браушвейгской принцессѣ и затѣмъ поселился въ замкѣ Рейнсбергѣ, гдѣ и прожилъ до самой смерти отца, цѣлыхъ 8 лѣтъ, и здѣсь-то, въ Рейнсбергѣ, совершился послѣдній фазисъ его литературнаго, художественнаго, философскаго и политическаго воспитанія. Послѣдній періодъ этого долгаго воспитательнаго процесса, пройденнаго Фридрихомъ, весь совершился уже подъ вліяніемъ Вольтера, котораго Фридрихъ считалъ первымъ свѣтиломъ вѣка и съ которымъ завязалъ дѣятельную дружескую переписку. Къ Рейнсбергской же эпохѣ Фридриха относится и большая часть его литературныхъ трудовъ [1]).

[1]) Лучшія монографіи о молодости Фридриха В. принадлежатъ теперь Koser'у, „Friedrich der Grosse als Kronprinz". 1886, и Lavisse, „La jeunesse du Grand Frédéric". P. 1891, „Le Grand Frédéric avant l'avénement". P. 1893; изъ прежнихъ, кромѣ Прейса, см. еще Förster, „Friedrichs d. Grossen Jugendjahre, Bildung und Geist." Berl. 1840; Bratuscheck, „Die Erziehung Friedrichs des Grossen". Berl. 1885. Б.

Если сообразить все это, то станетъ ясно, что немногимъ государямъ удавалось получить такое всестороннее развитіе, какъ Фридриху Великому; оттого-то и вышелъ изъ него такой замѣчательный дѣятель. Но на ряду со многими похвальными качествами, развитыми этимъ воспитаніемъ—административными и военными талантами, необычайной выдержкой и твердостью воли,—качествами, которыя впослѣдствіи дали ему возможность одолѣть Европу, развились въ немъ и нѣкоторыя дурныя наклонности, напр. совершенное невѣріе и сопряженное съ нимъ неуваженіе къ народной нравственности, а также нѣкоторая холодность къ людямъ, переходившая подчасъ въ полное къ нимъ презрѣніе.

Внѣшняя политика Фридриха.

Когда Пруссія выросла до степени значительной державы, то, естественно, она стала стремиться къ политическому вѣсу, который бы соотвѣтствовалъ такому росту. Въ Германіи прежде всего она встрѣтилась съ Австріей, какъ съ главнымъ препятствіемъ къ подобной вліятельной роли. Отсюда столкновеніе и соперничество между этими германскими державами. Его началъ со стороны Пруссіи Фридрихъ Великій, и очень естественно: до Фридриха II идетъ еще внутренняя и внѣшняя формація Прусскаго государства подъ руководящей дѣятельностью Гогенцоллернскаго дома; къ половинѣ XVIII в. государство это собралось съ силами уже настолько, чтобы помѣряться съ Австріей, главною политическою соперницею Пруссіи въ Германіи и Европѣ. Такимъ образомъ Фридрихъ Великій въ войнѣ своей съ Габсбургскимъ домомъ былъ только исполнителемъ задачи, подготовленной всѣмъ ходомъ прусской исторіи, и заслуга его состоитъ лишь въ необыкновенно удачномъ ея исполненіи [1]).

---

[1]) Литература по вопросу о войнахъ за Силезію и Австрійское наслѣдство, а особенно о войнѣ Семилѣтней, чрезвычайно обширна. Кромѣ нѣкоторыхъ относящихся и сюда, уже упомянутыхъ на стр. 55, 66 (прим.) и 97—98 изданій и сочиненій, см. Arneth, „Geschichte Maria Theresia's". Wien. 1863—79. 10 Bde; Heigel, „Der österreichische Erbfolgestreit und die Kaiserwahl Karls VII". Nördlingen. 1877; „Das Tagebuch Karls VII aus der Zeit des Oesterreichischen Erbfolgekrieges", nach dem Autograph herausgegeben von Heigel, 1883; „Oesterreichischer Erbfolgekrieg", hrsg. vom Kais. Kön. Kriegsarchiv. Wien. VII. B.; Adolf Beer, „Zur Geschichte der Politik Karl's VI" („Hist. Zeitschr.", 1886. I Heft); Wuttke, „Friedr. des Gross. Besitzergreifung von Schlesien". Leipz. 1842—3. 2 Bde; Grünhagen, „Geschichte des ersten schlesischen Krieges nach archivalischen Quellen". Gotha. 1881; R. Koser, „Friedrich d. Grosse bis zum Breslauer Frieden", „Fr. d. Gr. und der zweite schlesische Krieg" („Hist. Zeitschr.". 43 B.); Hassel, „Die schlesischen Kriege und das Kurfürstenthum Hannover". Hannover. 1879; Karge, „Die russisch-österreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte". Götting. 1887; „Correspondance de Louis XV et du maréchal de Noailles", publ. par Rousset. P. 1865; de Broglie, „Frédéric II et Marie-Thérèse". Paris. 1883. 2 v., „Frédéric II et Louis XV". 1885. 2 v., „Marie-Thérèse impératrice". 1884. 2 v., „Maurice de Saxe et le comte d'Argenson". 1891. 2 v., „La Paix d'Aix-la Chapelle". 1892, „L'alliance autrichienne". 1896, „Voltaire avant et pendant la guerre de Sept aus". 1898;

Поводъ къ враждебному столкновенію съ Австріей представился уже тотчасъ по вступленіи Фридриха на престолъ. Въ 1740 г. умеръ императоръ Карлъ VI, который особымъ государственнымъ актомъ, названнымъ „прагматическою санкціей", обезпечилъ нераздѣльность своего наслѣдства за старшей своею до- Австрійское наслѣдство.

Wallon, „Marie-Thérèse, impératrice" („Journ. des savants", 1888, nov.), „Frédéric II et Marie-Thérèse" (ibid., 1883, févr. sq.), „Frédéric II et Louis XV" (ibid., 1885, juin sq.); Пекарскій, „Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, 1740—42. Перев. рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ". Спб. 1862.—Hertzberg, „Recueil des déductions, manifestes déclarations, traités etc."; (v. Schulenburg), „Einige neue Aktenstücke über die Veranlassung des 7-jährig. Krieges und der in Folge desselben entstandenen Allianzen". Leipz. 1841; Graf Vitzthum, „Geheimnisse des sächsischen Kabinets". 1866; Brückner, „Russische Aktenstücke zur Geschichte des Jahres 1756". Dorpat. 1872 („Baltische Monatsschrift", Juli—Aug., 1872); его-же. „Нов. изданія по вопросу о началѣ Семилѣтней войны" (Ж. М. Нар. Пр., ч. CLXIII); „Correspondance secrète entre le comte A. W. Kaunitz-Rietberg, ambassadeur impérial à Paris, et le baron Ignace de Koch, secrétaire de l'impératrice Marie-Thérèse, 1750—52", publ. par Schlitter. P. 1899; Tempelhoff, „Geschichte des 7-jähr. Krieges". Berl. 1783 sq., 6 Bde; ср. Otto Herrmann, „Ueber die Quellen der Geschichte des 7-jährig. Krieges von Tempelhoff". 1885; Archenholtz, „Geschichte des 7-jährig. Krieges in Deutschland". Berl. 1793; Stuhr, „Forschungen und Erläuterungen über Hauptpunkte des 7-jährig. Krieges". Hamb. 1842. 2 Bde, „Der 7-jahr. Krieg". 1834; „Gesch. des 7-jährig. Krieges", bearbeitet von den Officieren des grossen Generalstabs. Berl. 1824—47. 8 Bde; Schöning, „Der 7-jähr. Krieg. nach der Originalcorrespondenz Friedr. des Gross." Potsd. 1851—2. 3 Bde; Arnold Schäfer, „Gesch. d. 7-jährig. Krieges". 2 Bde. 1867—77. „Graf Brühl und Friedrich der Grosse. Die Sächsische Cabinetspolitik vor dem 7-jährig. Kriege" („Hist. Zeitschr.", 1866. XV B.), „Unechte und echte Briefe Friedrichs d. Gross. und Georgs II aus dem Jahre 1757" (ibid.); Huschberg-Wuttke, „Die drei Kriegsjahre 1756, 57, 58 in Deutschland". Leipz. 1856; Ranke, „Zur Gesch. von Oesterreich und Preussen zwischen den Friedenschlüssen zu Aachen und Hubertsburg". 1875 („Sämmtl. Werke", 30 B.), „Der Ursprung des 7-jährig. Krieges". 1871. „Ueber den Ausbruch d. 7-jährig. Krieges. Aus Mitchells ungedruckten Memoiren" („S. W.", 51—52 B.); Beer, „Die österreichische Politik 1755—56" („Hist. Zeitschr.", 1872, 27 B.); Alb. Naudé, „Friedr. d. Gr. vor dem Ausbruch des 7-jährig. Krieges" („Hist. Zeitschr." 1886, 3 und 6 Heft); Koser, „Friedr. d. Gr. im Jahrzehnt vor dem 7-jährig. Kriege" („Hist. Taschenbuch". 1881), „Preussen und Russland im Jahrzehnt vor dem 7-jährig. Kriege" („Preuss. Jahrbüch.", 47 B.) (о полемикѣ по вопросу о происхожденіи Семилѣтней войны см. ниже); Waddington, „Le renversement des alliances en 1756" („Rev. hist.", 1895, Mai—août), „La guerre de Sept ans, histoire diplomatique et militaire". P. 1900; Е. М. Ѳеоктистовъ, „Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елизаветы Петровны" („Русск. Вѣстн.", 1882, кн. 5, 7 и 8); г. Масловскій, „Русск. армія въ Семилѣтн. войну". Вып. I. 1886 (ср. рец. г. Бильбасова въ „Ж. М. Н. Пр.", 1887, № 1-й), „Русско-Австрійскій союзъ 1759". 1887; М. И. Семевскій, „Противники Фридриха Вел.: Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ" („Воен. сборникъ"); Пекарскій, „Походъ русскихъ въ Пруссію" („Воен. сборн."); соотвѣтств. томы „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева; Herrmann, „Gesch. d. Russisch. Staats", V-er B. (въ сборн. „Gesch. d. europ. St."); Бильбасовъ, „Исторія Екатерины II", т. I—II (1890 сл.); Е. Н. Щепкина, „Русско-австрійскій союзъ во время Семилѣтней войны. 1746—1758 гг.". Спб. 1902 (ср. Ж. М. Н. Пр., 1897—1901); Rambaud, „Russes et Prussiens. Guerre de Sept ans". P. 1895; Häusser, „Zur Gesch. Friedrichs II und Peters III" („Forschungen z. deutsch. Gesch.", IV, 1864); Kurd v. Schlözer, „Friedrich d. Gr. und Katharina II". Berl. 1859; Winter, „Hans Ioachim v. Zieten". 1886. 2 Bde; Thausen, „Zur Beurtheilung d. 7-jähr. Krieges". 1882; Beaulieu-Marconnay, „Der Hubertusburger Friede." Leipz. 1871. Прусскій генеральный штабъ предпринялъ изданіе: „Die Kriege Friedrichs d. Grossen". Б.

черью, Маріей Терезіей, бывшей замужемъ за Лотарингскимъ герцогомъ Францомъ Стефаномъ. Прагматическая санкція еще до кончины Карла VI признана была всѣми европейскими державами, въ томъ числѣ и Пруссіей; но Фридрихъ Вильгельмъ I выговорилъ себѣ за это признаніе нѣкоторыя выгоды: устраненіе курфирста Саксонскаго отъ польскаго престола, такъ какъ Саксонія являлась опасною соперницею вліянію Пруссіи въ Сѣверной Германіи, и потомъ обѣщаніе со стороны Австріи поддерживать наслѣдственныя притязанія Гогенцоллерновъ на одну изъ Рейнскихъ земель, именно Бергъ. Вѣнскій кабинетъ обѣщалъ все, но, достигнувъ своей цѣли, не исполнилъ ни того, ни другого условія: на польскій престолъ взошелъ Августъ III Саксонскій, Бергъ былъ отданъ другому претенденту. Послѣ этого Фридрихъ II не считалъ себя связаннымъ никакими обязательствами относительно Австріи и, когда представился благопріятный случай, открылъ на нее нападеніе. Занятіе Силезіи прусскими войсками было сигналомъ войны, извѣстной подъ именемъ Первой Силезской.

Первая Силезская война.

Политическое положеніе и интересы тогдашней Западной Европы вполнѣ благопріятствовали Фридриху. Многочисленные претенденты на наслѣдство Карла VI готовились къ войнѣ съ Австріей. Изъ великихъ державъ одна Англія, завидуя и недовѣряя Франціи, успѣвшей въ 1738 г. [1]) пріобрѣсти отъ Германіи Лотарингію, считала сначала необходимымъ поддерживать Австрію, какъ главную противницу Франціи; оттого она охотно признала прагматическую санкцію Карла VI, видя прямой интересъ свой въ цѣлости и нераздѣльности Габсбургскихъ владѣній. Но зато Франція только и ждала, какъ бы при первомъ случаѣ чѣмъ-нибудь поживиться на счетъ Германіи, и потому очень обрадовалась, когда Фридрихъ II напалъ на Австрію [2]). Кардиналъ Флери, стоявшій тогда во главѣ французскаго правительства, предложилъ Фридриху союзъ. Въ Вѣнѣ не ожидали подобнаго сближенія и разсчитывали, напротивъ, на благосклонность Франціи и помощь Россіи; но извѣстіе о Бреславскомъ договорѣ между Пруссіей и Франціей, по которому Фридрихъ II обѣщалъ свой голосъ при избраніи императора

---

[1]) См. примѣч. на стр. 61. Б.

[2]) Фридрихъ напалъ на Силезію, основывая свои притязанія на томъ, что Габсбурги еще въ XVII ст. завладѣли нѣкоторыми силезскими княжествами, на которыя предъявлялъ права Бранденбургскій домъ: такъ, во время Тридцатилѣтней войны императоръ отнялъ Егерндорфъ у одного изъ членовъ фамиліи Гогенцоллерновъ и потомъ не возвратилъ его Пруссіи, не смотря на ея наслѣдственныя права, а Лигницъ, Бригъ и друг. объявлены были вымороченными ленами, не смотря на существованіе договоровъ о наслѣдствѣ между ихъ владѣтелями и Бранденбургскимъ домомъ. Б.

въ пользу Баварскаго курфирста, покровительствуемаго Франціей, а послѣдняя гарантировала Пруссіи занятую ею Силезію, разомъ измѣнило положеніе дѣлъ въ Европѣ; тѣмъ болѣе, что двумя блестящими побѣдами надъ австрійскими войсками при Молльвицѣ (1741) и при Хотузицѣ (1642) Фридрихъ на первыхъ же порахъ успѣлъ значительно ослабить военныя силы Австріи. Тогда и англичане увидѣли необходимость удовлетворить Пруссію и тѣмъ разорвать ненавистный имъ союзъ ея съ Франціей. По всѣмъ этимъ причинамъ Австрія, чтобы развязать себѣ руки для борьбы съ другими своими противниками, согласилась по договору въ Бреславлѣ уступить Пруссіи Силезію и графство Глацъ (1742 г.). Фридрихъ II съ своей стороны обѣщалъ нейтралитетъ въ дальнѣйшей войнѣ Австріи съ другими претендентами на наслѣдство Карла VI.

Вторая Силезская война.

Союзъ Пруссіи съ Франціей распался, но это не могло остановить Фридриха дѣйствовать противъ Австріи въ вопросѣ объ избраніи императора. При его содѣйствіи преемникомъ Карла VI избранъ былъ въ имперіи не супругъ Маріи Терзеіи, а курфирстъ Баварскій Карлъ Альбертъ, подъ именемъ Карла VII, при чемъ Фридрихъ II руководился не столько личною ненавистью къ Маріи Терезіи, какъ его обвиняли, сколько желаніемъ дать имперскому устройству иной характеръ и на первыхъ порахъ освободить интересы имперіи отъ подчиненія ихъ фамильнымъ Габсбургскимъ интересамъ. И такъ какъ Австрія продолжала войну съ курфирстомъ Баварскимъ, то Фридрихъ II въ 1744 г., опасаясь за Силезію, счелъ для себя полезнымъ защищать его и снова началъ съ Австріей войну. Быстро проникъ онъ черезъ Саксонію въ Богемію и взялъ Прагу; но во время отступленія на зимнія квартиры въ Силезію вдругъ пришла вѣсть о смерти новоизбраннаго императора Карла VII (въ началѣ 1745). Для имперскихъ князей, воевавшихъ съ Австріей ради него, не было теперь причинъ продолжать войну и они помирились съ Вѣнскимъ дворомъ. Фридрихъ II, оставшись изолированнымъ, снова попробовалъ вступить въ союзъ съ Франціей, но на этотъ разъ Австрія надѣялась уже одолѣть своего соперника. Въ союзѣ съ Саксоніей и Россіей Марія Терезія составила планъ не только воротить потерянную Силезію, но раздробить и самую Пруссію: Восточная Пруссія обѣщана была Россіи, а прусскія земли, лежавшія между Саксоніей и Польшей,—Саксонскому курфирсту и королю Польскому; Клеве долженъ былъ отойти къ Пфальцу. Но теперь Англія, воевавшая противъ Франціи, пришла въ ужасъ

отъ этихъ замысловъ, ибо съ паденіемъ Пруссіи исчезла бы въ Германіи сильная протестантская держава, ограничивавшая вліяніе католической Австріи. Однако британское правительство пока держалось выжидательно. Франція также не двигалась на помощь Фридриху, но Прусскій король новой великой побѣдой надъ австрійскими и саксонскими войсками при Гогенфридбергѣ (1745) разомъ возстановилъ свои дѣла, окончательно утвердивъ за собою Силезію, а занятіемъ Дрездена принудилъ Австрію къ мирному договору, подписанному въ этомъ городѣ, по которому Австрія еще разъ согласилась признать за Пруссіей обладаніе Силезіей, Фридрихъ же съ своей стороны обѣщалъ за то признать мужа Маріи Терезіи, Франца I, императоромъ (въ концѣ 1745).

Такимъ образомъ Фридрихъ Великій достигъ одной своей цѣли, а именно—пріобрѣлъ Силезію; другой же планъ его—освобожденіе императорской германской короны изъ рукъ Габсбургскаго дома, исключительно ею обладавшаго,—на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу. Тѣмъ не менѣе результаты Второй Силезской войны были для Пруссіи въ высшей степени важны. Государство пріобрѣло цѣлый богатый и цвѣтущій край въ 650 кв. миль пространства съ 1.200.000 населенія, съ 150 городами и 5.000 деревень. Государственная территорія Пруссіи получила, такимъ образомъ, приращеніе на цѣлую треть. Но еще важнѣе для Пруссіи оказались нравственные результаты войны. Фридрихъ II вышелъ изъ нея съ такой славой, одолѣвъ сравнительно могущественную Австрію и всѣхъ ея союзниковъ, что съ этого времени взоры всей Европы обратились на Прусскаго короля, какъ на главнаго руководителя европейской политики, и уже вскорѣ послѣ Дрезденскаго мира одинъ изъ самыхъ тонкихъ политиковъ эпохи, Вальполь, писалъ о Фридрихѣ въ своихъ мемуарахъ слѣдующій отзывъ: „ясно, что въ настоящую минуту Прусскій король держитъ въ своихъ рукахъ равновѣсіе Европы; для насъ это можетъ непріятно, но измѣнить этого мы не можемъ“. Народъ же прусскій тогда уже прозвалъ Фридриха Великимъ.

Два года спустя послѣ Дрезденскаго мира, Австрія помирилась въ Ахенѣ въ 1748 г. и со всѣми другими своими врагами на условіяхъ status quo ante bellum. Прагматическая санкція, а съ нею цѣлость и нераздѣльность Габсбургской монархіи, была, такимъ образомъ, спасена, и теперь всѣ усилія австрійской дипломатіи направились къ тому, чтобы воротить потерянную Силезію, отомстить Пруссіи и унизить ее. Цѣлыя восемь лѣтъ употреблены были на это дѣло. Усиліямъ Вѣнскаго кабинета и его знаменитаго

министра Кауница, стоявшаго тогда во главѣ австрійскихъ дѣлъ, удалось за это время составить противъ Фридриха II грозную коалицію почти изъ всей Европы. Въ коалиціи этой приняли участіе: Россія временъ Елизаветы Петровны, Бурбоны Италіи и Испаніи, Швеція, Саксонія, Польша; но что̀ въ особенности считалось тогда чудомъ дипломатическаго искусства,— къ союзу пристала и Франція, забывъ свое вѣковое политическое противодѣйствіе Габсбургскому дому.

Коалиція противъ Фридриха.

Семилѣтняя война.

Получивъ объ этихъ приготовленіяхъ вѣрныя свѣдѣнія и чувствуя надвигающуюся грозу, Фридрихъ II рѣшилъ воспользоваться единственною надеждою на спасеніе—застать враговъ врасплохъ; поэтому еще въ 1756 г. быстрымъ занятіемъ Саксоніи, уничтоженіемъ саксонскихъ войскъ при Пирнѣ и побѣдою надъ австрійцами при Ловозицѣ Фридрихъ предупредилъ нападеніе союзниковъ и вмѣстѣ озадачилъ ихъ своимъ внезапнымъ выступленіемъ [1]).

Такъ началась Семилѣтняя война. Непосредственнымъ результатомъ нападенія было то, что этотъ смѣлый шагъ Прусскаго короля тотчасъ поставилъ на ноги всю коалицію, тѣмъ болѣе, что къ ней присоединились имперія и папа. Одна Англія была на сторонѣ Пруссіи; но эта держава послѣ неудачи, испытанной англо-ганноверскими войсками въ кампанію 1757 г., отказалась на время отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ въ Европѣ. Фридрихъ остался

---

[1]) Тогда же Фридрихъ обнародовалъ: „Mémoire raisonné sur la conduite des cours de Vienne et de Saxe et sur leurs desseins dangereux contre Sa Majesté le Roi de Prusse avec les pièces originales et justificatives qui en fournissent les preuves". A Berlin. 1756.—Съ 1894 г. по вопросу о происхожденіи Семилѣтней войны ведется жаркая полемика между нѣмецкими учеными. Ее поднялъ Max Lehmann вопреки обычному мнѣнію доказывавшій въ своей книжкѣ „Friedrich d. Grosse und der Ursprung des Siebenjährigen Krieges" (Leipz. 1894), что Фридрихъ началъ въ 1756 г. войну съ цѣлями завоевательными, а не оборонительными, что Марія Терезія вооружалась, чтобы возвратить Силезію, а Фридрихъ готовился завоевать Западную Пруссію и Саксонію; коалиція еще не была готова и Фридрихъ своимъ вторженіемъ устранилъ послѣднія препятствія и содѣйствовалъ ей окончательно сложиться. Леманнъ особенно нападалъ на Naudé за его статьи въ „Histor. Zeitschr." (см. выше, стр. 101), и Naudé отвѣчалъ ему („Beiträge zur Entstehungsgeschichte des Siebenjährigen Krieges". 2 Th. Leipz. 1895—6, изъ „Forschungen z. Brandenburgischen und Preussisch. Gesch."). Въ полемикѣ принялъ участіе и извѣстный спеціалистъ по исторіи Фридриха — Koser („Zum Ursprung des Siebenjährigen Krieges" [„Histor. Zeitschr.", 1895, 74 B.], „Neue Veröffentlichungen zur Vorgeschichte des Siebenjähr. Krieges" [ibid., 1896, 77 B.], „Die preussische Kriegsführung im Siebenjährigen Kriege" [ibid., 1904, N. F. 56 B.]), выступившій противъ гипотезы М. Леманна, а также H. Delbrück (его ст. въ „Preuss. Jahrb.", 79 B., 1895; 84 и 86 B., 1896), ставшій на сторону Леманна, и друг., напр. ср. Volz und Küntzel, „Preussische und österreich. Akten z. Vorgesch. d. 7-jährig. Krieges" („Publikationen aus den Preuss. Staatsarchiven". Leipz. 1899, 74 B.), ст. Daniels въ „Preuss. Jahrb.", 1900, April. Подробный обзоръ полемики—у Е. Н. Щепкина, „Русско-Австр. союзъ", гл. III (ср. Ж. М. Н. Пр., 1901, іюнь).

одинъ противъ цѣлой Европы. Собственно настоящая война открылась только весною 1757 г. и притомъ довольно счастливо для Фридриха, такъ какъ ему удалось разбить австрійцевъ при Прагѣ, но затѣмъ цѣлый рядъ неудачъ, испытанныхъ имъ въ теченіе того же года—пораженіе отъ австрійскаго генерала Дауна при Коллинѣ и отъ русскихъ, предводимыхъ Апраксинымъ, при Гросъ-Эгерндорфѣ, а равно вторженіе враговъ въ самую Пруссію—французовъ, австрійцевъ, русскихъ, напавшихъ на прусскіе предѣлы со всѣхъ сторонъ,—привели Фридриха въ самое отчаянное положеніе. Но король и тутъ не потерялся: онъ составилъ теперь особый планъ войны, состоявшій въ томъ, чтобы, выставивъ обсерваціонные корпуса на границахъ для удержанія непріятельскихъ силъ отъ дальнѣйшаго вторженія въ прусскіе предѣлы, самому съ главной арміей по одиночкѣ нападать на непріятелей и ни подъ какимъ видомъ не давать имъ случая соединиться. Коалиція же съ своей стороны задалась мыслью во что-бы то ни стало раздробить Прусское государство и ограничить его однимъ Бранденбургскимъ маркграфствомъ. Война для Пруссіи имѣла, такимъ образомъ, характеръ борьбы на жизнь и смерть. Враги, какъ сказано, нападали на Фридриха съ разныхъ сторонъ, а потому война шла въ пограничныхъ и прусскихъ областяхъ—въ Богеміи, Саксоніи, Силезіи, Помераніи и Пруссіи.

Но еще въ концѣ того-же 1757 г. дѣла Фридриха измѣнились къ лучшему: русскіе должны были отступить по случаю ожидавшейся тогда кончины императрицы Елизаветы Петровны, а Англія, вмѣстѣ съ возвышеніемъ Питта, ставшаго во главѣ кабинета, снова приняла участіе въ войнѣ въ пользу Пруссіи и выставила для нея вспомогательныя войска въ Германіи подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго. Самъ король напалъ на французско-имперское войско при Росбахѣ въ Саксоніи и разбилъ его на голову (5 ноября), а вслѣдъ затѣмъ нанесъ рѣшительное пораженіе 80.000-ной австрійской арміи при Лейтенѣ въ Силезіи. Обѣ эти побѣды, особенно Росбахская, возбудили въ Германіи общій энтузіазмъ къ Фридриху, въ которомъ нѣмцы стали видѣть теперь представителя и защитника національныхъ интересовъ въ виду преобладающаго вліянія на судьбу Германіи иноземцевъ, особенно французовъ.

Столь же счастливо и въ слѣдующемъ 1758 г. успѣлъ Фридрихъ одолѣть и русскихъ, которые подъ начальствомъ генерала Фермора были разбиты имъ на голову при Цорндорфѣ, этомъ самомъ кровопролитномъ сраженіи во всей Семилѣтней войнѣ.

Но зато въ концѣ того-же 1758 г. самъ король потерпѣлъ отъ австрійцевъ чувствительное пораженіе при Гохкирхѣ. А между тѣмъ каждое пораженіе, какъ и каждая побѣда, все болѣе и болѣе истощали силы Пруссіи. Начавъ войну съ 200.000 войска, Фридрихъ въ 1759 г. могъ выставить въ поле только 140.000, а въ слѣдующемъ, послѣ страшнаго пораженія, испытаннаго имъ при Кунерсдорфѣ (12 авг. 1759) отъ русскихъ, предводимыхъ Салтыковымъ, и австрійцевъ, предводимыхъ Лаудономъ, могъ начать кампанію только съ 80.000 человѣкъ, тогда какъ враги его, начавъ войну съ 300.000-ной арміей, и теперь еще, послѣ всѣхъ неудачъ и пораженій, располагали такими же силами.

Наконецъ положеніе Фридриха сдѣлалось окончательно отчаяннымъ, когда, со смертію Георга II, Питтъ лишился прежняго значенія въ Англіи и когда правительство Георга III отказало Пруссіи въ выдачѣ дальнѣйшихъ субсидій и сошло съ театра войны. Въ восточной Пруссіи уже давно и довольно прочно утвердились русскія войска, главная квартира которыхъ была въ Кенигсбергѣ, въ Помераніи хозяйничали шведы, въ Силезіи—австрійцы и въ западной Пруссіи—французы. Голодъ, нищета и запустѣніе распространились по всему краю, денегъ не было, надеждъ—тоже. Куда король ни обращалъ свои взоры, ниоткуда не представлялось, повидимому, спасенія; онъ сталъ думать о самоубійствѣ. Но въ это время судьба подоспѣла на выручку своего баловня. Въ 1761 г. умерла императрица Елизавета, и на русскій престолъ вступилъ Петръ III, бывшій горячимъ поклонникомъ Фридриха. Русскія войска тотчасъ были отозваны, а государственный переворотъ 1762 г., возведшій на престолъ Екатерину, нисколько не измѣнилъ этой счастливой перемѣны обстоятельствъ для Фридриха, ибо новая русская императрица рѣшилась соблюдать въ отношеніи воевавшихъ самый строгій нейтралитетъ. Фридрихъ освободился, такимъ образомъ, отъ главнаго и самаго опаснаго врага, а вскорѣ затѣмъ новою побѣдою надъ австрійцами при Швейдницѣ ему удалось опять завоевать потерянную Силезію.

Такая твердость Фридриха и всеобщее истощеніе воевавшихъ сторонъ привели наконецъ въ 1763 г. къ желанному для всѣхъ миру. Губертсбургскій трактатъ, которымъ окончилась Семилѣтняя война, привелъ только къ возстановленію status quo ante bellum на основаніи Дрезденскаго мира. Но великое значеніе его въ исторіи Прусскаго государства состояло въ томъ, что онъ морально возвысилъ это государство на степень перво-

классной державы въ Европѣ. Съ этого времени надъ европейскими дѣлами и отношеніями и стала властвовать уже политическая пентархія—изъ Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Франціи, пентархія, которая, съ присоединеніемъ объединившейся потомъ Италіи, и до сихъ поръ управляетъ судьбами Европы, а отчасти цѣлаго міра. Члены этой пентархіи послѣ Семилѣтней войны раздѣлились слѣдующимъ образомъ: Англія осталась изолированной, Франція—въ союзѣ съ Австріей и Пруссія въ союзѣ съ Россіей. Плодомъ такой комбинаціи политическихъ силъ во второй половинѣ XVIII в. и, въ особенности, плодомъ сближенія между Пруссіей и Россіей было состоявшееся тогда рѣшеніе польскаго вопроса. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ преимущественно Пруссіей и Россіей, хотя и съ участіемъ Австріи.

Упадокъ Польши и первый раздѣлъ ея.

[Состояніе Польши того времени представляетъ намъ картину внутренней анархіи, безнарядья, обусловленнаго совершеннымъ безсиліемъ власти законодательной и исполнительной, какъ результата историческихъ условій жизни націи. Собственно говоря, въ тогдашней Рѣчи Посполитой не было правительства въ настоящемъ смыслѣ слова: королевская власть была слаба до ничтожества, а сеймъ при господствѣ liberum veto и при преобладаніи сеймиковъ тоже обреченъ былъ на полнѣйшее безсиліе. Самое сознаніе необходимости коренныхъ реформъ въ этомъ отношеніи и рѣшимость произвести ихъ явились въ средѣ польскаго общества уже тогда, когда было поздно, когда приходилось ужъ отстаивать хотя бы тѣнь независимаго существованія Рѣчи Посполитой и когда, значитъ, было не до внутренней перестройки государства, перестройки, противорѣчившей притомъ интересамъ могущественныхъ сосѣднихъ державъ. Рядомъ съ безсиліемъ правительственной власти соціальная и культурная сторона польской исторіи временъ упадка представляетъ не менѣе печальныя явленія: своего рода „плантаторскую политику“ пановъ (по выраженію польскаго историка Бобржинскаго), угнетеніе закрѣпощенныхъ хлоповъ, католическій фанатизмъ ксендзовъ и тяжелое положеніе диссидентовъ, лишенныхъ равноправія; а все это, естественно, вело къ тому, что громадное большинство населенія съ полнымъ равнодушіемъ относилось къ судьбѣ Рѣчи Посполитой, не будучи нисколько заинтересованно въ поддержаніи ея свободы и даже самаго существованія.

Страдавшая столь опасными недугами, Польша въ XVIII ст. очутилась среди трехъ могущественныхъ сосѣдей: быстро усиливав-

шихся Россіи и Пруссіи и Австріи. Естественно, сосѣди эти стремились подчинить своему вліянію слабую Польшу. Къ этому стремилась и болѣе отдаленная Франція. Польша, стало быть, въ XVIII в. является ареной, гдѣ сталкивались и боролись интересы названныхъ державъ. Въ началѣ царствованія Екатерины II русское вліяніе было здѣсь господствующимъ, и на польскій престолъ возведенъ былъ (1764) поддерживаемый Россіей Станиславъ Августъ Понятовскій, послѣдній король Рѣчи Посполитой. Цѣлью вѣковыхъ стремленій Руси было возвращеніе законнаго наслѣдія, т.-е. тѣхъ искони русскихъ областей, которыя отошли нѣкогда къ Литвѣ, а отчасти и къ Польшѣ (напр. Галиція). Такъ было въ XVII ст. Но въ XVIII в. цѣлью русской политики стало сохраненіе Рѣчи Посполитой въ существующихъ предѣлахъ, но подъ русскимъ вліяніемъ. Жизненные же интересы возвысившейся Пруссіи требовали присоединенія отъ Польши тѣхъ земель, которыя, будучи расположены по нижнему теченію Вислы, врѣзывались между двумя половинами Прусскаго государства и совершенно отдѣляли ихъ, такъ какъ только такимъ путемъ могла быть уничтожена черезполосность Гогенцоллернскихъ владѣній. Таковы причины, подготовившія раздѣлы Польши. Такимъ образомъ, „не одна простая страсть къ захватамъ, пользуясь слабостью сосѣда, не однѣ временныя обстоятельства, сложившіяся подъ вліяніемъ случайныхъ условій текущей политики, играли роль при отторженіи отъ Рѣчи Посполитой и западной Пруссіи, и русскихъ земель... Пруссія и Россія самою силою историческихъ обстоятельствъ, слагавшихся вѣками, были поставлены по отношенію къ Польшѣ въ такое положеніе, что борьба съ нею каждаго изъ указанныхъ государствъ должна была окончиться либо побѣдою, почти равносильною уничтоженію Польши, либо пораженіемъ, которое было бы, наоборотъ, равнозначущимъ чуть не гибели ея соперника... Если не полный раздѣлъ Рѣчи Посполитой между сосѣдями, то, по крайней мѣрѣ, отторженіе отъ нея того, безъ чего не могла обойтись Пруссія, и того, что составляло цѣль вѣковыхъ стремленій Россіи, было, такъ сказать, намѣчено исторіей польско-прусскихъ и польско-русскихъ отношеній, исторіей, сводящейся, собственно говоря, къ замѣчаемому въ государственномъ существованіи Польши отступленію съ запада и движенію на востокъ“ [1]).

---

[1]) См. послѣднюю главу книги Н. И. Карѣева, „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“. Спб. 1888. Б.

При наличности подобныхъ причинъ вопросъ о диссидентахъ и Барская конфедерація являются уже только поводомъ къ первому раздѣлу Польши].

Мысль о первомъ раздѣлѣ Польши, безспорно, принадлежитъ Фридриху II, и вотъ какимъ образомъ онъ дошелъ до нея. Между Россіей и Турціей съ 1768 г., какъ извѣстно, возгорѣлась война,—Первая турецкая война временъ Екатерины. Напуганная русскими побѣдами, Австрія, опасаясь за Дунайскія княжества, стала готовиться къ войнѣ съ Россіей. Фридрихъ очутился, такимъ образомъ, въ самомъ щекотливомъ положеніи. Съ Екатериной онъ былъ связанъ оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ и, слѣдовательно, въ предстоящей войнѣ съ Австріей долженъ былъ помогать ей; но помогать Россіи не значило ли для Фридриха накликать въ будущемъ опасность на самого себя? оставаться же нейтральнымъ тоже было невыгодно, потому что русскіе и австрійцы, помирившись, не только могли обойти Пруссію въ дѣлежѣ выгодъ мира, но и образовать союзъ противъ нея самой, тѣмъ болѣе, что Австрійскій дворъ постоянно питалъ мысль возмездія и ослабленія Пруссіи. Оставалось одно— посредствомъ дѣлежа нѣкоторыхъ польскихъ земель одинаково удовлетворить всѣ 3 державы и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти миръ и равновѣсіе Европы. Къ этому, кромѣ того, какъ мы видѣли, должно было вести Пруссію и самое естественное желаніе округлить и сплотить воедино свои разрозненныя польскими землями владѣнія. Сплоченіе же это возможно было только посредствомъ пріобрѣтенія Западной Пруссіи, принадлежавшей въ то время Польшѣ. Въ такомъ видѣ при посредствѣ королевскаго брата, принца Генриха, ѣздившаго нарочно съ этой цѣлью въ Петербургъ [1]), представленъ былъ Фридрихомъ Великимъ проектъ перваго раздѣла Польши, съ тѣмъ, чтобы Россія обязалась за обѣщанное ей пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи не требовать уже отъ Порты никакихъ земельныхъ выгодъ и, особенно, отказаться отъ мысли о Дунайскихъ княжествахъ. Австрію предполагалось удовлетворить уступкой Галиціи, тогда какъ сама Пруссія должна была пріобрѣсти Западную Пруссію. Ни Франція, ни Англія не могли воспрепятствовать этому плану, такъ какъ первая была слаба и изолирована, а вторая занята возникшими тогда несогласіями съ своими американскими колоніями. Что все это было такъ

[1]) Krauel, „Briefwechsel zwischen Heinrich, Prinz von Preussen, und Katharina II von Russland“ („Quellen und Untersuch. z. Gesch. d. Hauses Hohenzollern“). Berl. 1903. Б.

и что первая мысль о раздѣлѣ Польши принадлежитъ Прусскому королю, объ этомъ свидѣтельствуютъ документальныя данныя, многія мѣста въ мемуарахъ самого Фридриха и между прочимъ то мѣсто ихъ, которое находится въ 6-мъ томѣ полнаго собранія его сочиненій (стр. 39). Вотъ это мѣсто: „положеніе, въ которомъ король очутился между двумя имперіями“ (Австріей и Россіей), „было чрезвычайно затруднительно. Здраво понимая свои интересы, онъ не долженъ былъ ни желать, ни помогать усиленію Россіи и безъ того уже грозной. Но соображенія эти, съ другой стороны, находились въ разрѣзѣ съ торжественными обѣщаніями, по которымъ король долженъ былъ помогать Русской императрицѣ, своей союзницѣ, во всѣхъ случаяхъ, когда на нее послѣдуетъ нападеніе со стороны императрицы-королевы“ (Маріи Терезіи); „ему или нужно было исполнить эти обязательства, или же отказаться отъ плодовъ, которые они обѣщали. Притомъ, нейтралитетъ былъ для Пруссіи еще опаснѣе, чѣмъ поддержка Россіи, такъ какъ австрійцы и русскіе могли помириться послѣ войны и помириться, именно, на счетъ Пруссіи“.

[Первый раздѣлъ Польши является, такимъ образомъ, своего рода дипломатической побѣдою Пруссіи, такъ какъ Россіи, вліяніе которой передъ тѣмъ господствовало во всей Рѣчи Посполитой, онъ былъ невыгоденъ, и только опасеніе европейской коалиціи заставило Екатерину, послѣ долгаго сопротивленія, согласиться на него. Пруссія, стало быть, достигла своей желанной цѣли: черезполосность ея владѣній исчезла, нижнее теченіе Вислы отошло къ ней, за исключеніемъ городовъ Данцига и Торна, на пріобрѣтеніе которыхъ и направлены были теперь дальнѣйшія усилія прусской дипломатіи] [1]).

---

[1]) Вопросъ о раздѣлахъ и паденіи Польши интересовалъ историковъ и публицистовъ не только польскихъ и русскихъ, но и французскихъ и нѣмецкихъ, такъ что здѣсь имѣется обширная литература. Подробному обзору и анализу ея посвящена книга Н. И. Карѣева, „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“. Спб. 1888 (сначала въ „Ж. М. Н. Пр.“ за тотъ-же годъ). Ему-же принадлежитъ „Историческій очеркъ польскаго сейма“. М. 1888 (см. также „Юридич. Вѣстн.“) и „Польск. реформы XVIII вѣка“ („В. Евр.“ 1889, май—іюнь, и отдѣльно [Спб. 1890] съ нѣкоторыми добавленіями). На русск. яз.: С. М. Соловьевъ, „Ист. паденія Польши“. М. 1863, и соотвѣтств. томы его „Ист. Россіи“; Н. И. Костомаровъ, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“. Спб. 1885 (3-е изд.); Д. И. Иловайскій, „Гродненскій сеймъ 1793“. М. 1870; В. И. Герье, „Борьба за польскій престолъ въ 1733 г.“ М. 1862; Ѳ. М. Уманецъ, „Вырожденіе Польши“. Спб. 1872; М. Ѳ. Де-Пуле, „Станиславъ Августъ Понятовскій въ Гроднѣ и Литва въ 1794—97 г.“ Спб. 1871; В. Мякотинъ, „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“. Спб. 1889; Кн. И. Вяземскій, „Политика Фридриха Вел. съ 1763 по 1775 г.“ („Осмнадцат. вѣкъ“, 1869, кн. 1); И. С. Аксаковъ, „Наши нравствен. отношенія къ Польшѣ“. 1861, „Въ чемъ вина Россіи передъ Польшею?“ 1881 (см. „Соч.“, III); Ю. Ѳ. Самаринъ, „Современный объемъ польскаго вопроса“. 1863

Мы видѣли, что мысль о первомъ раздѣлѣ Польши всецѣло принадлежала Фридриху II, который въ этой комбинаціи усматривалъ единственное средство предотвратить или войну, или союзъ Австріи и Россіи, такъ какъ то и другое было для него одинаково невыгодно.

«Fürstenbund». Какъ вѣрно предугадывалъ Фридрихъ II возможность такого союза между двумя имперіями и, именно, союза, направленнаго въ ущербъ прусскимъ интересамъ, это оказалось уже вскорѣ послѣ перваго дѣлежа Польши и Кайнарджійскаго договора, которымъ окончилась Первая турецкая война при Екатеринѣ,

---

(„Соч.", I); А. Гильфердингъ, „Польскій вопросъ". 1863 („Соч.", II); М. П. Погодинъ, „Польскій вопросъ" 1865; А. Н. Пыпинъ, „Польскій вопросъ въ русской литературѣ" („В. Евр.", 1880); А. Ильенко, „Начало конца Польши". Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при импер. Екатеринѣ В. Спб. 1898; Н. Д. Чечулинъ, „Внѣшн. политика въ нач. царствов. Екатерины II. 1762—1774". Спб. 1896; ср. отзывъ В. А. Бильбасова (Спб. 1897, на правахъ рукописи), съ приложеніемъ документовъ изъ Берлинскаго и Парижскаго архивовъ; Lelewel, „Panowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego", 1818 (нѣск. изд), „Trzy konstitucje polskie", 1831, „Dzieje Polski". 1830, „Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej". 1844; Kraczewski, „Polska w czasie trzech rozbiorów (1772—1799)". 1873—5. 3 v.; Kalinka, „Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta". 1868. Posńan, „Sejm czteroletni". Lwów. 1880—86 (есть нѣм. пер.—„Der vierjährige Poln. Reichstag 1788 bis 1791". Berl.); Korzon, „Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta". Kraków. 1881—6 (4 т.): Pawiński, „Rządy sejmikowe w Polsce". Warzawa. 1888; Schmitt, „Dzieje Polski XVIII—XIX w." 1866 sq., „Panowanie Stanisława Augusta". Lwów. 1868—70 (2 т.); Hoffmann, „Historya reform politycznych w Polsce". Lipsk. 1867; Herrmann, „Die österreichisch-preussische Allianz und die zweite Theilung Polens". 1861, и 5 т. его „Gesch. d. russ. St."; Hüppe, „Die Verfassung der Republik Polen". Berl. 1867; Roepell, „Polen um die Mitte des XVIII Jahrh." 1876; Janssen, „Zur Genesis der ersten Theilung Polens". 1865; Beer, „Die erste Theilung Polens". 1873; Von der Brüggen, „Polens Auflösung". 1878; Sybel, „Die erste Theilung Polen's" („Deutsche Rundschau", 1874, 1 Heft); Max Duncker, „Die Besitzergreifung von Westpreussen" (въ „Zeitschr. f. preuss. Gesch. u. Länderkunde", hrsg. von Rössler. 1872); Smitt, „Suworow und Polens Untergang." 1858 (есть русск. перев., 1866—7, 2 ч.), „Frédéric II, Catherine et le partage de Pologne". 1871; Rousseau, „Considérations sur le gouvernement de Pologne", 1772; Mably, „Du gouvernement et des lois de la Pologne"; Rulhière, „Hist. de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république". 1807; (Ferrand), „Hist. des trois démembremens de la Pologne". 1820; Dembinski, „Politique de la Russie et de la Prusse à l'égard de la Pologne depuis l'ouverture de la Diète de Quatre ans jusqu'à la promulgation de la Constitution du 3 mai, 1788—91". Lemb. 1902, „Documents relatifs à l'histoire du 2-me et 3-me partage de la Pologne"; Léop. 1902; Dany, „Les idées politiques et l'esprit public en Pologne à la fin du XVIII siècle. La constitution du 3 mai 1791". p. 1901. Кромѣ того, паденія Польши касаются Sorel въ „L'Europe et la révolution française". 1885; Sybel въ „Gesch. d. Revolutionszeit"; Raumer въ „Europa vom Ende des 7-jährig. bis zum Ende des amerikan. Krieges", 1839; Arneth въ „Gesch. Maria Theresia's"; Бобржинскій и Шуйскій—въ названныхъ уже въ III т. (стр. 216) сочиненіяхъ; Limanowski въ „Historya ruchu społecznego w drugiej połowie XVIII st." 1888; М. О. Кояловичъ въ „Чтен. по исторіи зап. Россіи". Спб. 1884, а отчасти и въ „Ист. русск. самосознанія". Спб. 1885; А. Г. Брикнеръ въ „Исторіи Екатерины II". Спб. 1885; Водовозовъ въ „Очерк. изъ русск. ист. XVIII в." Спб. 1882, и проч. Болѣе подробныя указанія на литературу вопроса можно найти въ названной выше книгѣ проф. Карѣева. Б.

когда Фридрихъ II воспрепятствовалъ императору Іосифу II, по смерти курфирста Макса Іосифа, овладѣть большею частью Баваріи. Недовольный этою неудачею Іосифъ тотчасъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Екатериной II, скрѣпивъ этотъ союзъ личнымъ свиданіемъ съ Русской императрицей въ Могилевѣ. Плодомъ этого сближенія между Австріей и Россіей былъ, какъ извѣстно, „греческій проектъ“, т.-е. планъ дѣлежа Турціи между Австріей и Россіей безъ участія Пруссіи. Въ связи съ этимъ планомъ стоялъ также предполагавшійся обмѣнъ Баваріи на Австрійскіе Нидерланды, нынѣшнюю Бельгію, которая тогда принадлежала къ Габсбургскимъ владѣніямъ и которую предполагалось отдать наслѣднику Макса Іосифа, курфирсту Карлу-Теодору, вмѣсто Баваріи. Но противъ этого замысла Австріи Фридрихъ Великій выставилъ тогда союзъ нѣмецкихъ князей, такъ называемый въ нѣмецкой исторіи „Fürstenbund“ (23 іюля 1785 г.), цѣль котораго состояла въ охраненіи состава и устройства имперіи, установленныхъ Вестфальскимъ конгрессомъ. Замѣчательно, что этотъ кратковременный „Fürstenbund“, который существовалъ всего два года и рушился со смертью Фридриха въ 1786 г., носилъ уже въ зародышѣ всѣ послѣдующія стремленія прусской политики въ Германіи, а именно: освобожденіе имперіи отъ подчиненія интересамъ Австрійскаго дома, сосредоточеніе представительства нѣмецкихъ національныхъ интересовъ въ Пруссіи, а не въ Австріи, и независимость германской политики вообще отъ вліянія сосѣдей, особенно французовъ. Однимъ словомъ, это были такія стремленія, которыя только недавно Пруссія успѣла осуществить такимъ блестящимъ образомъ [1]).

---

[1]) Кромѣ относящихся сюда изданій Arneth'а (напр. переписки Іосифа II), упоминаемыхъ ниже, см. Görtz, „Denkwürdigkeiten“. 1827; Asseburg, „Denkwürdigkeiten“. 1842; Dohm, „Ueber den deutschen Fürstenbund“. 1785; Joh. v. Müller, „Zur Geschichte des deutschen Fürstenb.“; Adolf Schmidt, Geschichte der preussisch-deutsche Unionsbestrebungen“. 1851, „Preussens deutsche Politik“. 1850; Häusser, „Deutsche Geschichte vom Tode Friedr. d. Gr bis zum Wiener Congress“. 1854 (1-te Aufl.), 4 Bde; Ranke, „Die deutschen Mächte und der Fürstenbund“. 1871—2. 2 Bde (см. „Sämmtl. Werke“, 31—32 B.); Wolf, „Oesterreich und Preussen, 1780—90“. 1880; Heigel, „Deutsche Gesch. vom Tode Friedr. d. Gross. bis zur Auflösung d. alten Reiches“. Stuttg. 1889 сл. („Bibl. deutsch. Gesch“.); А. С. Трачевскій, „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II“. Спб. 1877 (сначала въ „Вѣстн. Евр.“); его-же, „Der russisch-österreichische Bündniss von 1781“ („Hist. Zeitschr.“, 1875, 4 Heft) и „Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе“. Спб. 1898 (ср. и „Вѣстн. Евр.“, 1875); Klüpfel. „Die deutschen Einheitsbestrebungen in ihrem geschichtlichen Zusammenhang“. 1853; Reimann, „Gesch. des bair. Erbfolgekrieges“. 1869, „Neuere Geschichte des Preussischen Staates vom Hubertsburger Frieden bis zum Wiener Kongress“. 1882; Perthes, „Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit französ.

Внутренняя политика Фридриха Великаго.

Что касается внутренней государственной дѣятельности Фридриха Великаго, то въ этомъ отношеніи замѣтимъ, во-первыхъ, что хотя по своимъ политическимъ убѣжденіямъ Фридрихъ принадлежалъ къ школѣ Гоббса и Жанъ-Жака Руссо и раздѣлялъ съ этими учеными идею о договорномъ происхожденіи человѣческихъ обществъ, но это былъ слишкомъ свѣтлый и практическій умъ, чтобы увлечься всѣми крайними послѣдствіями подобнаго ученія, какъ увлекались ими философы XVIII в. Въ своей практической государственной дѣятельности Фридрихъ II, напротивъ, твердо стоялъ на исторической почвѣ и полагалъ, что только тѣ перемѣны могутъ быть умѣстны и прочны, которыя оправдываются требованіемъ времени. Лучшею формою правленія считалъ онъ абсолютную монархію, но зато свято и высоко понималъ призваніе и обязанности монарха. По его выраженію, „государь есть только первый сановникъ“, даже болѣе — „первый слуга своего государства“, и если онъ самъ лично соединялъ въ своей особѣ званіе перваго генерала, судьи, хозяина и администратора своей державы, то это не для титула только и внѣшняго показа, а для исполненія дѣйствительныхъ обязанностей государя. „Долгъ“, писалъ Фридрихъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, „есть мой верховный Богъ“. И дѣйствительно, едва ли кто изъ современныхъ ему государей правильнѣе понималъ долгъ и ревностнѣе исполнялъ его, хотя всеобщую и всестороннюю опеку правительства надъ народомъ онъ, можетъ быть, простиралъ уже слишкомъ широко, отрицая въ подданныхъ всякую способность къ самостоятельности и самоуправленію. Нѣкоторымъ иностраннымъ писателямъ, въ томъ числѣ и Маколею, такой крайній абсолютизмъ Фридриха подалъ поводъ провозгласить его тиранномъ и деспотомъ, но Гейссеръ справедливо замѣтилъ, что въ Пруссіи XVIII вѣка самоуправленіе было невозможно и не принесло бы никакихъ благодѣтельныхъ результатовъ; даже, напротивъ,—государственному абсолютизму Гогенцоллерновъ и, особенно, Фридриха Великаго обязана Пруссія не только спасеніемъ отъ внѣшнихъ опасностей, которыми юное государство это было такъ часто окружено, но и своимъ внутреннимъ благосостояніемъ. Гораздо справедливѣе поэтому абсолютизмъ Фридриха сравнивать не съ нынѣшними формами общественнаго устройства, а съ тѣми, которыя тогда

Herrschaft“. 1862—9. Относительно собственно Пруссіи по смерти Фридриха В. см. еще Sorel, „La décadence de la Prusse après Frédéric II“ („Revue des Deux-Mondes“, 1883, 15 janv.); Eug. Véron, „Histoire de la Prusse, depuis la mort de Frédéric II jusqu'à la bataille de Sadowa“ 1880 (2-me éd.) („Bibl. d'hist. contemp.“). Б.

господствовали въ Европѣ, напр. съ абсолютизмомъ Версаля; тогда и окажутся всѣ преимущества и заслуги Фридриха въ этомъ отношеніи. Второю чертою во внутренней государственной дѣятельности Фридриха II была его широкая терпимость; своимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи Фридрихъ и въ Европѣ усилилъ значеніе и успѣхи этого начала, освященнаго уже Вестфальскимъ международнымъ договоромъ.

Войдемъ теперь въ нѣкоторыя частности внутренней политики Фридриха Великаго [1]). Во-первыхъ,—относительно заслугъ его по организаціи прусской арміи. Арміи посвящалъ Фридрихъ особое вниманіе, такъ какъ только обладая сильнымъ войскомъ, можно было удержать маленькую Пруссію на той высотѣ, на которую поставила ее политика Гогенцоллернскаго дома. Но содержаніе многочисленнаго войска ложилось на государство, разумѣется, тяжкимъ бременемъ, такъ какъ подъ конецъ жизни Фридриха постоянная прусская армія возросла до 200.000. Болѣе трети этого числа состояло изъ навербованныхъ наемниковъ, для поддержанія дисциплины между которыми требовалась чрезмѣрная строгость, вліявшая опять довольно невыгодно на нравственный духъ арміи. Все-же прусское войско, окончательно организованное Фридрихомъ Великимъ, долгое время, до самаго Наполеона, считалось въ Европѣ образцовымъ. Во-вторыхъ, что касается администраціи [2]), то хотя въ главныхъ чертахъ она осталась тою-же, какою создалъ ее Фридрихъ Вильгельмъ I, но Фридрихъ II съумѣлъ образовать цѣлое поколѣніе чиновниковъ, проникнутыхъ твердымъ сознаніемъ долга и видѣвшихъ, какъ и самъ король, въ законѣ свой единственный и высочайшій авторитетъ. Этимъ характеромъ и понынѣ еще отчасти отличается прусское чиновничество [3]). Въ-третьихъ, юстиція въ послѣдніе годы Фридриха II была совершенно преобразована: судопроизводство сдѣлалось однообразнымъ во всѣхъ прусскихъ областяхъ, для всѣхъ лицъ, безъ различія сословій, обезпеченъ судъ равный и безпристрастный, а вслѣдъ затѣмъ появился планъ общаго свода законовъ или „Codex Fridericianus“, послужившій основаніемъ знаменитому „Preussisches Landrecht“,

---

[1]) „Acta Borussica“. Denkmäler der Preussischen Staatsverwaltung im XVIII Jahrh., hrsg. von Akad. d. Wissensch.; Schmoller, „Umrisse und Untersuchungen zur Verfassungs-. Verwaltungs- und Wirthschaftsgesch. besonders des Preuss. Staates im XVII und XVIII Jahrh. Leipz. 1899. Б.

[2]) „Acta Borussica. Die Behördenorganisation und die allgemeine Staatsverwaltung Preussens im XVIII Jahrh.“, въ обраб. Шмоллера и друг. (1894 сл.). Б.

[3]) Isaacsohn, „Gesch. d. preuss. Beamtenthums“; Bornhack, „Gesch. des preussischen Verwaltungsrechts“. 1884—6. 3 B-de. Б.

считающемуся тоже во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. [Правою рукою Фридриха въ дѣлѣ этого рода реформъ были канцлеры Кокцей [1]), а потомъ Кармеръ]. Въ-четвертыхъ, финансовая организація Прусскаго государства при Фридрихѣ Великомъ осталась такою-же, какою создалъ ее отецъ его, такъ что въ этомъ отношеніи онъ воспользовался уже готовой машиной; но какъ отлично она дѣйствовала, видно изъ того, что въ самыя критическія минуты прусской исторіи, въ тяжкую годину Семилѣтней войны, правительству можно было покрыть всѣ экстренные расходы, не прибѣгая къ займамъ. Фридрихъ II не только не оставилъ государственнаго долга, но сберегъ еще около 70 мил. запаснаго капитала въ государственной казнѣ [2]). Наконецъ, въ-пятыхъ и въ-шестыхъ, относительно промышленности и народнаго образованія заслуги Фридриха уступаютъ нѣсколько благотворной дѣятельности его по другимъ частямъ управленія. По своимъ экономическимъ убѣжденіямъ Фридрихъ былъ отъявленнымъ протекціонистомъ со всѣми темными сторонами послѣдователей этой системы; а французская система таможенныхъ сборовъ, введенная имъ послѣ Семилѣтней войны, принесла странѣ много зла [3]). Но зато прусское земледѣліе много выиграло при немъ отъ начавшагося воздѣлыванія непроизводительныхъ пространствъ, отъ выдачи для этой цѣли правительственныхъ субсидій, отъ заведенія многихъ земледѣльческихъ колоній изъ протестантскихъ переселенцевъ и отъ улучшенія путей сообщенія [4]). Что же касается народнаго образованія, то при своемъ извѣстномъ пристрастіи къ французскому модному просвѣщенію, Фридрихъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи очень мало, меньше даже, чѣмъ его грубый отецъ, который, по крайней мѣрѣ, заботился о распространеніи народныхъ школъ;

---

[1]) Trendelenburg, „Friedrich der Grosse und sein Grosskanzler Samuel von Cocceji". 1863 („Kl. Schrift." Leipzig. 1874, I). Б.

[2]) Rödenbeck, „Finanzsystem Fr. d. Gross." Berl. 1838; Riedel, „Der brandenb.-preuss. Staatshaushalt in den letzten beiden Jahrhund." Berlin. 1866. Б.

[3]) Schmoller, „Die Einführung der französischen Regie durch Fr. d. Gr." („Deutsche Rundschau", 1888, Apr.); Walther Schultze, „Gesch. der preussisch. Regieverwaltung" („Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen", hrsg. von Schmoller). Leipz. 1888. Б.

[4]) Schmoller, „Studien über die wirthschaftliche Politik Friedrich's des Gross." („Jahrb. für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirthschaft in deutsch. Reich". VIII. 1. 2. 4; X, 1—3); Stadelmann. „Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landeskultur. — Friedr. d. Gr." 1882; Beheim-Schwarzbach, „Hohenzollernsche Colonisationen". 1874; П. О. Шутяковъ, „Ueber die Bauerngesetzgebung unter Friedrich d. Gross." Strassb. 1895, и „Аграрный строй Пруссіи въ серединѣ XVIII в." („Истор. Обозр.", 1897, т. IX); G. Cavaignac, „L'état social en Prusse jusqu'à l'avénement de Frédéric-Guillaume III (1797); les populations urales et le servage" (Rev. hist., 1890, janv.—févr.). Б.

Одною Берлинскою академіей Фридрихъ интересовался несколько; нѣмецкую же литературу вообще презиралъ, считая ее слишкомъ неразвитою и грубою [1]). Всѣ свои сочиненія писалъ онъ также не на нѣмецкомъ, а на французскомъ языкѣ.

Причины возвышенія Пруссіи.

Оканчивая этимъ обзоръ исторіи Прусскаго государства, мы можемъ теперь подвести ей итоги. Прежде всего мы должны указать здѣсь на благотворную дѣятельность представителей Гогенцоллернскаго дома, которымъ много обязана Пруссія своимъ быстрымъ и изумительнымъ ростомъ. Подобно нашимъ Московскимъ князьямъ-собирателямъ, всѣ Гогенцоллерны были прежде всего отличными хозяевами, а многіе изъ нихъ обладали замѣчательными военными способностями. Въ теченіе 4 поколѣній, начиная съ великаго курфирста, Пруссія имѣла въ своихъ государяхъ отличныхъ руководителей. Затѣмъ укажемъ на счастливое положеніе Пруссіи въ сѣверной Германіи среди мелкихъ протестантскихъ земель этой страны, что̀ дало ей возможность олицетворить въ себѣ представительство протестантскихъ интересовъ всего этого края, особенно съ того времени, какъ Саксонія, вслѣдствіе перехода своего владѣтельнаго дома въ католицизмъ, отказалась отъ этой роли. Но въ концѣ концовъ все-же остается разъяснить, откуда развился въ Пруссіи этотъ военный духъ, давшій ея государямъ возможность организовать такое образцовое войско, доставившее Пруссіи рѣшительный перевѣсъ въ сѣверной Германіи, а потомъ и въ Европѣ. Дѣло въ томъ, что вся средневѣковая исторія Пруссіи необходимо вела къ развитію въ этой странѣ военнаго духа и завоевательныхъ стремленій. Всѣ главныя области нынѣшней Пруссіи — собственно Пруссія, Силезія, Померанія, наконецъ и самое Бранденбургское маркграфство, которое составляетъ ядро государства, — всѣ эти составныя части Пруссіи вскормились славянскою кровью и выросли на славянскихъ и литовскихъ костяхъ. Во все почти продолженіе средневѣковой исторіи этихъ мѣстностей рыцарскій нѣмецкій орденъ въ Пруссіи, бранденбургскіе нѣмцы маркграфства, нѣмецкое населеніе въ Силезіи и Помераніи заняты были покореніемъ и ассимилированіемъ инородческихъ племенныхъ элементовъ и превращеніемъ ихъ въ элементъ германскій.

---

[1]) Dilthey, „Die deutsche Aufklärung im Staat und in der Akademie Friedrichs d. Gross.“ („Deutsche Rundschau“, 1901, Apr.—Mai).—О сочиненіяхъ, касающихся отношеній Фридриха къ нѣмецкой литературѣ, см. „Hist. Zeitschr.“, 1887, 4 Heft. p. 505—20. Б.

Оттого и въ пруссакахъ, употребляя нынѣшній общій географическій терминъ, должны были исторически, т.-е. естественно, развиться всѣ тѣ качества, которыя обыкновенно развиваются у племенъ-ассимиляторовъ, именно: правительственныя и хозяйственныя способности, энергія, предпріимчивость и сильный военный духъ,—качества, которыя полнѣе всего олицетворяли въ себѣ сами-же Гогенцоллерны, какъ истые представители своего народа.

V. Австрія въ XVIII вѣкѣ.

Литература вопроса. Собственно труды австрійскихъ ученыхъ по изслѣдованію ихъ отечественной исторіи долго ограничивались большею частью собираніемъ матеріала, такъ какъ двѣ прежнія попытки организовать этотъ матеріалъ и создать изъ него научное изложеніе австрійской исторіи, а именно — сочиненіе Майлата, „Исторія Австрійской имперіи" („Geschichte des österreichischen Kaiserstaates", 5 Bde, 1834 sq. въ сборн. Heeren'a и Ukert'a) и изслѣдованіе князя Лихновскаго, „Исторія Габсбургскаго дома" („Gesch. d. Hauses Habsb." 1836—44. 8 Bde.), были въ научномъ отношеніи крайне неудачны и носили характеръ придворной исторіографіи. [Трудъ Coxe, History of the house of Austria. 1208—1792" (Lond. 1807) тоже въ настоящее время не имѣетъ значенія]. Зато чешскіе ученые — Хмель, Палацкій, Гинделн — собрали много цѣннаго матеріала, особенно два послѣдніе. Кромѣ того „Чешская исторія" Палацкаго чрезвычайно важна и для изученія судьбы Австрійской монархіи, а преемникъ его трудовъ, Гинделн, какъ мы видѣли (см. III т., стр. 193), обогатилъ науку огромнымъ собраніемъ матеріала по исторіи Тридцатилѣтней войны. II.

Теперь лучшая общая исторія Австріи принадлежитъ Alf. Huber'y („Geschichte Oesterreichs". 1885 sq., въ сборн. „Gesch. d. europ. St.".), но она не окончена; см. также Krones, „Handbuch d. Geschichte Oesterreichs", т. III сл. 1878 г., и Leger, „Hist. d'Autriche-Hongrie". 1879. Для исторіи же Австріи XVIII в. чрезвычайно важны изданія и труды Arneth'a („Gesch. Maria Theresia's". 1863—79. 10 Bde, ст. о Маріи Терезіи въ „Allgem. Deutsche Biogr.", „Maria Theresia und Marie Antoinette. Ihr Briefwechsel während d. Jahre 1770—80". Wien, 1865, „Maria Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz". 1867—8. 3 Bde, „Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel". 1869. „Joseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel". 1872. 2 Bde. „Marie Antoinette, Joseph II und Leopold II. Ihr Briefwechsel". 1866, „Correspondance secrète du comte de Mercy Argenteau avec l'empereur Joseph II et le prince de Kaunitz", par Arneth et Flammermont) и Beer'a („Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel". Wien. 1873, „Leopold II, Franz II und Katharina. Ihre Correspondenz". Leipz. 1874). См. затѣмъ: „Briefe Josephs II". Leipz. 1822. 2 Bde; Brunner, „Corresp. intimes de l'Emp. Jos. II avec le comte de Cobenzl et le prince de Kaunitz" Mayence. 1871; „Joseph II und Graf Ludwig Cobenzl. Ihr Briefwechsel". Wien. 1901. 2 Bde („Fontes Rer. Austriac.", 53—54 B.); П. П. Митрофановъ, „Матеріалы къ исторіи Іосифа II" („Ж. М. Н. Пр.", 1903, мартъ; касаются преимущественно Бельгійской революціи); Ranke, „Maria Theresia, ihr Staat und ihr Hof im Jahre 1755. Aus den Papieren des Grosskanzlers Fürst" („S. W.", 30 B.);

Adam Wolf und Zwiedineck-Südenhorst, „Oesterreich unter Maria Theresia. Joseph II und Leopold II". 1884 (въ сборн. Онкена); Franck Bright, „Maria Therese" и „Joseph II" (въ „Foreign States men." 1897). „Какъ видный моментъ въ исторіи Австрійской державы, дѣятельность Іосифа II" неразъ служила предметомъ пеціальной разработки. См., напр., Gross-Hoffinger, „Lebens- und Regierungsgeschichte Josephs d. Zweiten und Gemälde seiner Zeit". Stuttg. 1842 (2-te Ausg.). 4 Bde; Burckhardt, „Kaiser Joseph II". Meissen. 1835. 2 Bde; Heyne, „Gesch. Kais. Jos. II". Leipz. 1848. 2 Bde; Meynert, „Kaiser Joseph II. Ein Beitrag zur Würdigung des Geistes sein Regier.". Wien. 1862; Jäger, „Joseph II und Leopold II, Reform und Gegenreform. 1780—92". Wien. 1869; Alf. Huber, „Die Politik Kaiser Josephs II, beurtheilt von seinem Bruder Leopold". Innsbr. 1877; Wendrinsky, „Kaiser Joseph II. Ein Lebens- und Charakterbild". Wien. 1880; Nosinich und Wiener, „Kaiser Joseph II als Staatsmann und Feldherr. Oesterreichs Politik und Kriege in den Jahren 1763—1790". 1885; А. Ону, „Іосифъ II и философія XVIII в." („Историч. Обозр.", II). Этого же періода касаются Dove („Deutsche Gesch."), Haüsser (въ 1-мъ т. своей „Deutsche Gesch. vom Tode Fr. d. Gr."), Heigel („Deutsche Gesch. vom Tode Fr. d. Gross. bis zur Auflösung d. alten Reiches"), А. С. Трачевскій („Союзъ князей" и „Германія наканунѣ революціи"). Наконецъ, австрійской исторіи конца XVIII ст. касаются Genelin, „Leopold's II äussere Politik". 1883; Vivenot, „Thugut, Clerfayt und Wurmser (Original-Docum.)". 1869, „Vertrauliche Briefe des Freiherrn von Thugut". 1872, „Quellen zur Gesch. der deutsch. Kaiserpolitik Oester. von 1790—1801". 1874, „Herzog Albrecht von Sachsen-Teschen". 1864—5. **Б.**

Исторія Австріи въ новые вѣка представляетъ картину, совершенно противоположную судьбѣ Прусскаго государства. Ограничимся самымъ краткимъ ея обзоромъ.

Начальная исторія Австрійской державы такъ точно, какъ и Прусской, создана была владѣтельнымъ домомъ этой страны, Габсбургской фамиліей. Но съ исторіей Габсбургскаго дома мы познакомились уже при обозрѣніи эпохи Карла V. Поэтому начнемъ теперь нашъ обзоръ съ преемниковъ Карла, тѣмъ болѣе, что со смерти или, вѣрнѣе, отреченія послѣдняго Габсбургскій домъ раздѣлился окончательно на двѣ вѣтви: на Испанскую отрасль, родоначальникомъ которой былъ сынъ Карла V, Филиппъ II, и на Нѣмецкую, первымъ представителемъ коей сдѣлался братъ Карла, Фердинандъ I, которому знаменитый императоръ уступилъ въ управленіе Германскія наслѣдственныя земли Габсбурговъ, а именно: Австрію, Штирію, Зальцбургъ, Тироль, Силезію. Къ нимъ Фердинандъ, благодаря браку съ Анною, сестрою Людовика II, послѣдняго Чехо-Венгерскаго короля изъ чешской отрасли Ягеллоновъ, присоединилъ еще Чехію и Венгрію, хотя послѣднюю страну ему пришлось сначала отвоевать у Іоанна Заполія, антикороля, выставленнаго турками, а въ Чехіи Фердинандъ могъ утвердить свое владычество и династію не иначе, какъ

Габсбурги.

Фердинандъ I.

послѣ формальнаго избранія чешскими сословіями. За это избраніе Фердинандъ долженъ былъ выдать чехамъ первую грамоту величества, въ которой было сказано, что чехи свободно, а не по обязанности избрали его королемъ; онъ же, съ своей стороны, обязался свято соблюдать всѣ ихъ старинныя вольности и права.

Характеръ Австрійской монархіи.

Такимъ-то образомъ этому Фердинанду, который послѣ Карла V избранъ былъ и Германскимъ императоромъ подъ именемъ Фердинанда I, удалось сдѣлаться родоначальникомъ нѣмецкой отрасли Габсбурговъ и основателемъ того страннаго политическаго конгломерата самыхъ разноплеменныхъ областей и земель, который сталъ извѣстенъ подъ именемъ „Австрійской великой державы". Что касается внутренняго порядка, который Фердинандъ водворилъ въ этомъ новомъ государствѣ, то этотъ порядокъ весь основывался на полицейско-протекціонномъ началѣ. Австрія съ теченіемъ времени сдѣлалась, по почину Фердинанда, образцовымъ явленіемъ государства съ патріархальнымъ династическимъ правленіемъ и образчикомъ такъ называемаго „придворнаго государства", гдѣ интересы и силы народа подчинены фамильнымъ интересамъ владѣтельнаго дома. Понятно поэтому, что Фердинандъ даже по отношенію къ тѣмъ землямъ своей имперіи, которыя подчинились ему на условіяхъ (Чехія и Венгрія), не думалъ исполнять ни одного изъ своихъ обязательствъ. Въ Чехіи, напр., онъ тѣснилъ протестантизмъ такъ точно, какъ и сословныя вольности края; въ другихъ частяхъ своей державы простиралъ этотъ произволъ еще далѣе, задумавъ регламентировать своими декретами и указами всѣ жизненныя отношенія своихъ подданныхъ: ихъ вѣрованія, экономическіе интересы и даже частную жизнь.

Такимъ образомъ Австрійская держава, съ самаго уже своего появленія, какъ самостоятельный политическій организмъ, носила въ своемъ устройствѣ всѣ признаки фамильнаго или патріархальнаго начала, которое легло въ его основаніе и которому держава эта и обязана была своимъ происхожденіемъ. Монархія Габсбурговъ, какъ извѣстно, вся составилась посредствомъ браковъ этой фамиліи, наслѣдственныхъ правъ, пріобрѣтенныхъ этими браками, однимъ словомъ, посредствомъ частныхъ фамильныхъ пріобрѣтеній Габсбурговъ. Мы видѣли, что и Прусская монархія сложилась такимъ-же путемъ, такъ какъ Гогенцоллерны создали ее покупкою, наслѣдственными договорами и своими частными пріобрѣтеніями; но съ самаго начала между Пруссіей и Австріей обнаружилась уже громадная разница въ самыхъ принципахъ, легшихъ въ основаніе ихъ. Гогенцоллерны очень рано оставили понятіе частной

собственности и стали смотрѣть на свои земли съ точки зрѣнія государственной, между тѣмъ какъ Габсбурги долго еще видѣли въ своихъ владѣніяхъ помѣстья, которыми можно управлять и распоряжаться смотря по требованіямъ и интересамъ владѣтельнаго дома, напр. дѣлить, обмѣнивать и проч. Династія Габсбурговъ, однимъ словомъ, долго еще стояла на почвѣ средневѣковыхъ общественныхъ понятій. Пруссія своею связью съ такимъ обновляющимъ началомъ, какимъ былъ для Западной Европы протестантизмъ, и своими государственными идеями все болѣе и болѣе дѣлалась государствомъ новаго времени, слѣдовательно упрочивала за собою историческую будущность, между тѣмъ какъ Австрія постепенно теряла эту будущность.

Преемники Фердинанда I.

Слѣдуя тѣмъ средневѣковымъ общественнымъ идеямъ, въ основаніи которыхъ лежало право частнаго владѣнія, Фердинандъ I передъ смертью опять раздѣлилъ Габсбургскія земли между своими четырьмя сыновьями. Старшій изъ нихъ, Максимиліанъ II, сдѣлавшись Германскимъ императоромъ, получилъ въ наслѣдство отъ отца Австрію, Чехію и Венгрію. Въ такомъ раздѣленномъ видѣ Габсбургскія владѣнія оставались до самыхъ временъ Фердинанда II, т.-е. до начала Тридцатилѣтней войны, а именно, при трехъ преемникахъ Фердинанда I: Максимиліанѣ II, Рудольфѣ II и Матѳеѣ. Фердинандъ II вступилъ на австрійскій престолъ въ 1619 г. и занималъ его до 1637 г. Послѣ же него престолъ этотъ наслѣдовалъ сынъ его, Фердинандъ III.

Время этихъ двухъ государей есть, какъ извѣстно, время ужасовъ Тридцатилѣтней войны, той страшной войны, которая разорила и привела въ запустѣніе австрійскія земли, какъ и всю Германію. Оба государя эти, какъ нельзя лучше, воспользовались обстоятельствами и истощеніемъ своихъ подданныхъ, чтобы окончательно отнять у нихъ религіозную и политическую свободу. Протестантизмъ былъ ими такъ-же жестого подавленъ въ Габсбургскихъ владѣніяхъ, какъ и сословныя вольности. Абсолютизмъ, инквизиція, католицизмъ и іезуиты съ тѣхъ поръ совершенно опутали страну, убивъ всѣ слѣды свободной духовной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство приняло всѣ мѣры, чтобы упрочить этотъ реакціонный порядокъ вещей. Для этого оно совершенно отчуждило Австрію отъ остальной Германіи посредствомъ цензуры, полицейской опеки, строгихъ паспортовъ и другихъ репрессивныхъ мѣръ; оно преслѣдовало всѣ пути духовнаго сближенія съ нѣмецкими и, особенно, протестантскими землями. Австрія съ того времени уединилась и составила какой-то отдѣльный міръ. Интересы Герман-

ской короны, которую носили Австрійскіе государи, сдѣлались для нихъ совершенно чуждыми и то и дѣло приносились въ жертву фамильнымъ интересамъ Габсбургскаго дома и Габсбургскихъ земель.

Соединеніе всѣхъ Габсбургскихъ владѣній при Фердинандѣ II было уже окончательное: съ того времени больше уже они никогда политически не раздѣлялись. А преемникъ Фердинанда III, Леопольдъ I, правившій съ 1657 до 1705 г., вслѣдствіе побѣдъ полководца своего, принца Евгенія Савойскаго, надъ турками, успѣлъ еще присоединить къ владѣніямъ своего дома Трансильванію и Славонію (по Карловицкому трактату въ 1699 г.). При Леопольдѣ же, какъ извѣстно, началась война за Испанское наслѣдство, продолжавшаяся и при его преемникахъ Іосифѣ I, царствовавшемъ до 1711 г., и братѣ Іосифа I, Карлѣ VI, умершемъ въ 1740 г. Война эта, общій ходъ которой ужъ извѣстенъ намъ, кончилась Утрехтскимъ (1713) и Раштадтскимъ договоромъ, по которому Австрія пріобрѣла изъ испанскихъ земель Миланъ, Неаполь, Сардинію (обмѣненную вскорѣ на Сицилію) и Нидерланды, а вслѣдъ затѣмъ, въ новую Турецкую войну, ознаменованную новыми побѣдами Евгенія Савойскаго (напр. при Бѣлградѣ), по Пассаровицкому договору въ 1718 г., Карлъ присоединилъ къ этимъ владѣніямъ Темешваръ, Крайову и часть Сербіи и Босніи.

Время Карла VI было, такимъ образомъ, апогеемъ территоріальнаго могущества нѣмецкихъ Габсбурговъ, владѣнія которыхъ доходили въ это время до 14.000 квадр. миль. Но съ этого момента, могущаго служить какъ-бы поворотнымъ пунктомъ въ судьбѣ Габсбургской монархіи, и далѣе начинается тотъ замѣчательный процессъ постепеннаго обрѣзыванія Габсбургскихъ владѣній и территоріальныхъ потерь, который продолжался потомъ въ теченіе всего XVIII в. и который, быть можетъ, не кончился еще и понынѣ. Процессъ этотъ начался уже при Карлѣ VI сначала потерею значительной части Пассаровицкихъ пріобрѣтеній по Бѣлградскому миру въ 1739 г., а потомъ потерею Неаполя съ Сициліей, уступленныхъ одному изъ Бурбонскихъ принцевъ, Донъ Карлосу, сыну Филиппа V отъ второго брака его съ Елизаветою Пармской.

Прагматическая санкція.

Затѣмъ, при Карлѣ же VI наступило для Австріи время „прагматической санкціи" и тѣхъ затрудненій, которыя она навлекла на Габсбургскую монархію. Карлъ VI былъ послѣднимъ мужскимъ представителемъ нѣмецкой линіи Габсбурговъ, такъ какъ сыновей у него не было, а единственною наслѣдницею яви-

лась старшая дочь его, Марія Терезія, бывшая замужемъ за герцогомъ Лотарингскимъ Францемъ Стефаномъ. [Съ точки зрѣнія среднихъ вѣковъ нельзя было и представить себѣ, чтобы главою имперіи сдѣлалась женщина, и] въ Габсбургской фамиліи издревле существовалъ и практиковался обычай мужского наслѣдства. Обычай этотъ, нѣсколько напоминающій французскій „Салическій законъ", приходилось теперь нарушить въ первый разъ въ исторіи Габсбурговъ. И вотъ, чтобы обезпечить за своею дочерью нераздѣльность и цѣлость Габсбургскаго наслѣдства въ Германіи, Карлъ VI издалъ особый государственный актъ, такъ называем. „sanctio pragmatica", обезпечивъ напередъ точное исполненіе выраженныхъ въ немъ распоряженій какъ согласіемъ сословій своихъ земель, такъ и согласіемъ германскихъ князей, особенно курфирстовъ Саксонскаго и Баварскаго, которые по родству съ Габсбургами имѣли нѣкоторыя права на наслѣдство, а равно и одобреніемъ другихъ европейскихъ дворовъ: Испаніи, Франціи, Англіи, Россіи и Пруссіи.

Карлъ VI умеръ въ 1740 г., и Марія Терезія, сдѣлавшись Австрійскою императрицею въ силу „прагматической санкціи", принятой Европою, тотчасъ объявила соправителемъ своего мужа, который по смерти (1745) Баварскаго курфирста, выступившаго было претендентомъ на императорскую корону и принявшаго имя Карла VII, получилъ и императорскій титулъ подъ именемъ Франца I. Всего этого можно было достигнуть однако только путемъ продолжительной войны, извѣстной подъ именемъ войны за Австрійское наслѣдство. По миру въ Ахенѣ въ 1748 г., которымъ закончилась эта война, Австрія должна была уступить Пруссіи—Силезію, а Испанскимъ Бурбонамъ—Парму и Пьяченцу. Территоріальныя потери эти были, впрочемъ, съ избыткомъ вознаграждены пріобрѣтеніемъ для Австріи Галиціи по первому раздѣлу Польши въ 1772 году. Сынъ Маріи Терезіи, Іосифъ II, по смерти императора Франца I, въ 1765 г. получилъ императорскую корону, а потомъ въ 1780 г. наслѣдовалъ матери и въ родовыхъ Габсбургскихъ владѣніяхъ. Съ нимъ началась въ Австріи боковая линія древняго Габсбургско-Нѣмецкаго дома, линія Габсбургско-Лотарингская, царствующая въ Австріи и донынѣ.

Марія Терезія.

Въ теченіе всего этого времени, до самой половины XVIII в., Австрійская держава вращалась въ кругу фамильныхъ интересовъ своего владѣтельнаго дома, въ кругу патріархально-абсолютнаго управленія и въ понятіяхъ фанатическаго католицизма; однимъ словомъ, попрежнему стояла на средневѣковой почвѣ. А между

Іосифъ II.

тѣмъ, въ остальной Европѣ въ то время сталъ господствовать уже новый духъ, бывшій предвѣстникомъ наступившихъ вслѣдъ за тѣмъ переворотовъ. Пора была и Австріи обновиться. Попытку такого обновленія предпринялъ Іосифъ II.

До смерти своей матери въ 1780 г. Іосифъ II, носившій уже императорскій титулъ, хотя и принималъ нѣкоторое участіе въ дѣлахъ, но, вообще, имѣлъ мало вліянія на политику Маріи Терезіи и всесильнаго министра ея, Кауница, и только съ этого времени начинается его собственная государственная дѣятельность. Дѣятельность эта носила всѣ признаки и характеръ той особенной правительственной системы, которая была въ общемъ ходу во второй половинѣ XVIII в. Система эта можетъ быть названа просвѣщеннымъ абсолютизмомъ или либеральнымъ деспотизмомъ. Первые образцы такой дѣятельности въ исторіи представили—Петръ Великій и Прусскій Фридрихъ II, но они, впрочемъ, встрѣчаются и во всѣхъ остальныхъ странахъ тогдашней Европы, гдѣ монархи, или ихъ государственные люди, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ проводили эту систему. Таковы министры Стрэунзе въ Даніи [1]), Помбаль [2]) въ Португаліи, Аранда и Кампоманесъ въ Испаніи [3]); таковъ Густавъ III въ Швеціи [4]). Въ Австріи такую попытку предпринялъ Іосифъ II.

Его внутренния преобразовательная дѣятельность.

Хотя Іосифъ II кромѣ управленія Габсбургскими наслѣдственными землями наслѣдовалъ и санъ императора, но на имперскія дѣла смотрѣлъ чрезвычайно легко, называя ихъ „мелочами и глу-

---

[1]) Falkenskiöld, „Mémoires sur l'époque du minist. et de la catastrophe du comte de Str.", publ. par Secretan. Paris. 1826; Eggers, „Denkwürdigkeiten aus d. Leben des Min. v. Bernstorff". Kopenh. 1800; „Correspondance ministerielle du comte Bernstorff". Copenh. 1882; „Correspondance du comte Bernstorff avec le duc de Choiseul". Copenh. 1871; Höst, „König Christians VII Leben und Regierung". Kopenh. 1813—17, „Der dänische Cabinetsminister I. F. Sruensee und sein Ministerium". Kopenh. 1826 sq.; Jenssen-Tusch, „Die Verschwörung gegen die Königin Carol. Math. und die Gr. Struensee und Brandt". Leipz. 1864; Allen, „Histoire de Danemark" (пер. съ датск.). 1878; Wittich, „Struensee". Б.

[2]) John Smith, „Memoirs of the Marquis of Pombal". Lond. 1843. 2 v. (по поводу этого изданія см. изслѣдованіе Shorer'a въ „Histor. Jahrbuch", XXIII). Duhr, „Pombal; sein Charakter und seine Politik nach den Berichten d. K. Gesandten im geheimen Staatsarchiv zu Wien". Freib. i. B. 1892; ст. du Hamel de Breuël въ „Rev. histor.", 1895, sept.—oct. Б.

[3]) Marquis de Courcy, „L'Espagne après la paix d'Utrecht". P. 1891; Des devises du Dézert, „Espagne au XVIII siècle", „L'Espagne de l'ancien régime. Les Institutions". P. 1899; Hume, „Spain, its greatness and decay (1478—1788)". Cambr. 1898. Б.

[4]) „Collect. des écrits polit., lit. et dram. de Gust. III, roi de S., suivie de sa correspond." Stockh. 1803. 5 v.; Geijer, „Des Königs Gust. III nachgelassene Papiere". Hamb. 1843; Arndt, „Schwed Geschichten unter Gustav III". Leipz. 1839; Herrmann, „Schweden in der sog. Freiheitszeit und die polit. Katastrophen unter Gust. III" („Hist. Taschenb.", 1856—7); Geffroy, „Gustave III et le cour de France". P. 1867; Odhner, „Sveriges politiska historia under Gustaf III's regering". 1885. Б.

постями". Зато весь онъ сосредоточился на своихъ родовыхъ владѣніяхъ, настойчиво вводя въ нихъ преобразованія, согласныя съ новымъ духомъ и новыми идеями времени. Цѣлью преобразованій этихъ было объединеніе разрозненныхъ и разноплеменныхъ частей государства и сліяніе ихъ въ одинъ государственный организмъ; средствами же были административная централизація и созданіе сильной военной монархіи съ обновленными экономическими силами по новымъ теоріямъ. Во внѣшней политикѣ дѣятельность Іосифа II была направлена къ округленію и всестороннему расширенію предѣловъ своей державы. Образцами своими Іосифъ II избралъ Петра Великаго, французскаго министра Шуазеля и короля Фридриха II. Согласно съ господствовавшей политической теоріей вѣка, Іосифъ II задумалъ создать систему реформъ и улучшеній сверху. Подобно всѣмъ просвѣщеннымъ абсолютистамъ вѣка, онъ силился посредствомъ правительственныхъ реформъ сдѣлать своихъ подданныхъ свободными, богатыми, счастливыми и образованными, забывая, что нельзя никого заставить быть свободнымъ и что образованіе и богатство есть дѣло времени. Вообще, подобно всѣмъ революціонерамъ XVIII в., и онъ тоже не признавалъ силы историческаго развитія и думалъ, что всего можно достигнуть посредствомъ указовъ и вообще правительственной регламентаціи. Къ тому-же Іосифу II недоставало спокойствія и настойчивости, терпѣнія и практическаго смысла къ дѣламъ. Онъ былъ всѣмъ, чѣмъ угодно, но менѣе всего политикомъ. На путь реформъ ринулся онъ со всею страстностью долго сдерживаемой энергіи. Цѣлыя 15 лѣтъ ждалъ онъ этой минуты, и теперь дѣятельность его вдругъ обнаружилась какими-то неудержимыми порывами.

Началъ онъ съ того, что, не обращая никакого вниманія на историческія и этнографическія условія составныхъ частей монархіи, раздѣлилъ ее на 15 почти равныхъ областей съ однообразною администраціею и съ господствомъ нѣмецкаго языка и образованія. Противъ этихъ крутыхъ мѣръ въ Венгріи тотчасъ обнаружилось противодѣйствіе [1]); но Іосифъ не обратилъ на это вниманія и вмѣсто того, чтобы вѣнчаться короною Св. Стефана въ Пресбургѣ, велѣлъ перенести ее въ Вѣну. Какъ круто уничтожены были, съ одной стороны, національныя отличія, такъ съ другой—рѣзко и неоглядно провозглашены были принципы равен-

---

[1]) Лучшая исторія Венгріи при Іосифѣ II принадлежитъ Marczali (Budapest. 1882—8. 3 v.). Б.

ства всѣхъ сословій предъ закономъ. Крестьяне были объявлены лично свободными и, такъ какъ земельнаго надѣла они при этомъ не получили и вовсе не были подготовлены къ гражданской свободѣ, то во многихъ мѣстностяхъ Галиціи и Трансильваніи началась рѣзня помѣщиковъ. Мятежъ пришлось подавлять военными силами. Дворянство, привлеченное къ участію въ государственныхъ повинностяхъ наравнѣ съ другими классами общества и лишенное своихъ прежнихъ юридическихъ преимуществъ, тоже стало повсемѣстно роптать, а въ Венгріи чуть не поднялось противъ правительства. Чехи также отказались выслать въ Вѣну корону Св. Вячеслава и отвѣчали на требованіе Вѣнскаго двора, что гдѣ корона, тамъ долженъ быть и король, а не наоборотъ. Столь же неосторожно былъ проведенъ и принципъ самой широкой религіозной терпимости: объявлена свобода какъ для протестантскихъ церквей, такъ и для евреевъ; уничтожена зависимость мѣстной іерархіи отъ Рима; закрыто множество монастырей [1]); отобрано въ казну значительное число церковныхъ имуществъ; уменьшено содержаніе епископамъ; а у іезуитовъ отняты школы и воспитаніе; предполагалось устранить изъ богослуженія чрезмѣрное, съ точки зрѣнія Іосифа, почитаніе мощей, реликвій и святыхъ, разукрашиваніе статуй послѣднихъ и проч. Все это произвело волненіе въ массѣ народа, особенно въ патріархальномъ Тиролѣ, гдѣ монахи и іезуиты эксплоатировали въ свою пользу общественное негодованіе.

Но гдѣ въ особенности нововведенія Іосифа встрѣтили самое сильное противодѣйствіе, такъ это въ Австрійскихъ Нидерландахъ, теперешней Бельгіи [2]). Провинціи эти съ незапамятныхъ временъ, преимущественно съ XV еще в., пользовались большими льготами и привилегіями. Иностранцы не могли тамъ занимать общественныхъ должностей и ни одинъ бельгіецъ не могъ быть судимъ внѣ своего отечества. Духовенство, дворянство и города составляли общіе и областные сеймы, согласіе которыхъ необходимо было для законнаго взиманія податей. Нѣкоторыя области пользовались даже правомъ вооруженнаго противодѣйствія всякому

---

[1]) Adam Wolf, „Die Aufhebung der Klöster in Inner-Oesterreich. 1782—1790". 1881; П. Соколовъ, „Церковн. реформа имп. Іосифа II". Саратовъ. 1892. Б.

[2]) O. Lorenz, „Joseph II und die belgische Revolution". Wien. 1862; Juste, „Hist. du règne de Joseph II et la révolution belge". Brux. 1846; Hubert, „Le voyage de l'Empereur Joseph II dans les Pays-Bas". 1900; Schlitter, „Die Regierung Joseph's II in oesterreich. Niederlanden". I Th. Wien. 1900; Schlitter'омъ же издана секретная корреспонденція Іосифа II съ Трауттмансдорфомъ; см. также П. II. Митрофановъ, „Матеріалы къ исторіи Іосифа II" (Ж. М. Н. Пр., 1903, мартъ). Б.

нарушенію конституціи. Правда, что эти либеральныя учрежденія, принесшія нѣкогда краю столько благодѣяній, сначала подъ испанскимъ, а потомъ подъ австрійскимъ владычествомъ, окончательно выродились; масса коснѣла въ безправномъ рабствѣ и невѣжествѣ, которые поддерживались клерикальнымъ воспитаніемъ подъ вліяніемъ духовенства и іезуитовъ; заграничная торговля и промышленность были въ упадкѣ. Бельгія во всѣхъ отношеніяхъ представляла рѣзкій контрастъ сосѣдней, свободной, богатой и цвѣтущей Голландіи. Реформы Іосифа II, такимъ образомъ, въ этой странѣ могли бы имѣть много дѣла, если бы онъ вводилъ ихъ осторожно и умѣренно. Но своею порывистостью, радикализмомъ и тутъ онъ испортилъ все дѣло. Такъ, эдиктъ о вѣротерпимости и прекращеніе всякихъ сношеній съ Римомъ вызвали цѣлую бурю со стороны духовенства, а учрежденіе двухъ новыхъ семинарій съ болѣе свѣтскимъ направленіемъ для перевоспитанія мѣстнаго духовенства подняло противъ императора фанатизмъ народа, который громко обвинялъ Іосифа II въ намѣреніи погубить религію. Но еще болѣе противодѣйствія встрѣтили гражданскія реформы императора, такъ какъ прежнія провинціальныя учрежденія были уничтожены и введена новая однообразная администрація: край раздѣленъ былъ на округи, управляемые правительственными коммиссарами; сеймы были отмѣнены, судопроизводство преобразовано въ духѣ однообразія. Всѣ эти перемѣны были встрѣчены ропотомъ, и сословія Брабанта отказали правительству въ платежѣ подати. Въ виду возростающаго волненія Іосифъ долженъ былъ послать въ Бельгію войска.

Такимъ образомъ всѣ эти начинанія не имѣли никакого успѣха, не имѣли главнымъ образомъ потому, что Іосифъ начиналъ постройку съ крыши, а не съ основанія, т.-е. вмѣсто того, чтобы подготовить и воспитать народъ для либеральныхъ реформъ, онъ считалъ достаточнымъ для достиженія цѣли одного своего указа. Ограничься онъ провозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій и преобразованіемъ клерикальнаго воспитанія, а въ гражданскихъ реформахъ — освобожденіемъ крестьянъ, никто бы не посмѣлъ поднять противъ него голоса, потому что такія перемѣны были возможны и необходимы для тогдашняго времени. Но посягнувъ, съ одной стороны, на исторически развившееся устройство Штатовъ, а съ другой — на самыя вѣрованія населенія, онъ вооружилъ противъ себя какъ народъ, такъ и привилегированные классы, и не нашелъ ни въ комъ опоры.

Впрочемъ, можетъ быть, реформы Іосифа имѣли бы вообще

болѣе успѣха, если бы онъ умѣлъ сосредоточиться только на нихъ, но такъ какъ въ то же время въ головѣ его созрѣли громадные политическіе планы, долженствовавшіе совершенно измѣнить положеніе Австріи въ Европѣ, то вниманіе и силы его были слишкомъ развлечены, и онъ не могъ достигнуть хорошаго результата ни въ одномъ направленіи.

Внѣшняя политика Іосифа II.

Посмотримъ теперь, въ чемъ состояли эти политическіе планы императора, т.-е. какова была внѣшняя политика Іосифа II [1]). На первомъ планѣ стоялъ Турецкій вопросъ или, такъ называемый „Греческій проектъ", бывшій плодомъ сближенія между Австріею и Россіею, которое началась вскорѣ послѣ Семилѣтней войны. Фридрихъ Великій, какъ ни старался разстроить это согласіе двухъ императорскихъ дворовъ, не имѣлъ успѣха. Іосифъ II, для скрѣпленія дружбы съ Екатериной, лично посѣтилъ ее въ Петербургѣ и совершенно успѣлъ склонить ее на свою сторону. Здѣсь въ частыхъ интимныхъ бесѣдахъ между монархами выработаны были главныя основанія „Греческаго проекта". Основанія эти были въ сущности слѣдующія: присоединеніе къ Россіи сѣверныхъ береговъ Чернаго моря до Днѣстра; образованіе изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи особаго независимаго королевства Дакійскаго, съ православнымъ государемъ во главѣ; изгнаніе турокъ изъ Европы, возстановленіе Греческой имперіи съ Великимъ княземъ, Константиномъ Павловичемъ, на престолѣ, и, наконецъ, присоединеніе сѣверо-западныхъ Турецкихъ земель отъ Бѣлграда до залива Дорія, равно какъ и Венеціанской области, къ Австріи. Въ связи съ этимъ планомъ стоялъ еще планъ обмѣна Бельгіи на Баварію [2]). Всѣ эти предположенія были окончательно условлены въ 1782 г. въ конфиденціальной дипломатической перепискѣ между двумя дворами, а въ слѣдующемъ 1783 году Россія уже приступила къ выполненію этихъ плановъ посредствомъ присоединенія Крыма. Австрія же попробовала исполнить задуманный обмѣнъ Бельгіи на Баварію, но, какъ мы видѣли, встрѣтила энергичное противодѣйствіе со стороны Фридриха II, выставившаго противъ нея свой знаменитый „Fürstenbund". Тогда послѣдовало вторичное свиданіе Екатерины съ Іосифомъ II, во время извѣстнаго путешествія импе-

---

[1]) Beer, „Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774". 1883; В. А. Уляницкій, „Очерки дипломатической исторіи восточн. вопроса. Дарданелы, Босфоръ и Черное море въ XVIII в." (2—3 вып. „Сборн. Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ"). М. 1883; Albert Sorel, „La Question d'Orient au XVIII siècle. 2-me éd. 1889. Б.

[2]) См. выше, стр. 113.

ратрицы въ Крымъ въ 1787 г. Въ свиданіи этомъ и въ состоявшихся соглашеніяхъ участвовалъ и польскій король, Станиславъ Августъ. Здѣсь опять были возобновлены старинная дружба и старинные планы.

Между тѣмъ Порта въ виду неминуемой опасности объявила войну Россіи. Это была Вторая Турецкая война временъ Екатерины. Случилось это въ 1787 г., стало быть, уже по смерти Фридриха Великаго. Союзники, Австрія и Россія, разсчитывали теперь дѣйствовать свободнѣе, но все-таки опять встрѣтили противодѣйствіе со стороны Пруссіи и соединившихся съ нею Англіи и Голландіи. Державы эти рѣшили всѣми мѣрами противодѣйствовать успѣхамъ императорскихъ дворовъ. Онѣ подстрекали противъ русскаго преобладанія поляковъ, возбудили противъ Россіи шведскаго короля, Густава III, вторгшагося въ Финляндію. Россія, такимъ образомъ, не могла развернуть противъ Порты всѣхъ своихъ силъ, а турки получили возможность сосредоточиться болѣе противъ Австріи. Оттоманскія войска вторглись въ Венгрію, но въ слѣдующемъ 1788 и особенно 1789 г. дѣла Австріи пошли однако лучше, такъ какъ фельдмаршалъ австрійскій Лаудонъ не только выгналъ турокъ изъ Венгріи, но и завоевалъ Бѣлградъ и Семендрію, а русскій генералъ Суворовъ побѣдилъ турокъ при Фокшанахъ и Рымникѣ (1789). Но тогда Пруссія заключила съ Портою формальный союзъ и выставила двѣ арміи: одну—на литовской границѣ противъ Россіи, а другую на чешской—противъ Австріи.

Въ эту-то рѣшительную минуту Іосифу II и пришлось испытать всѣ послѣдствія своихъ политическихъ ошибокъ. Разомъ посыпались на его голову страшные удары. Венгерское дворянство, недовольное тягостями продолжительной Турецкой войны, послало депутацію въ Берлинъ съ просьбою вступиться за венгерскую конституцію. Іосифу II пришлось уничтожить въ Венгріи всѣ нововведенія и установить старый порядокъ. Точно такъ же и въ Бельгіи, по отозваніи части войскъ для Турецкой войны, отмѣнены были всѣ либеральныя реформы, за исключеніемъ новыхъ семинарій. Но всѣ эти примирительныя мѣры не утишили волненія, и когда въ 1789 г. Іосифъ II снова кассировалъ областную конституцію Брабанта, дѣло дошло до открытаго возстанія. Изъ Брюсселя былъ изгнанъ австрійскій гарнизонъ. Революція бельгійская, поддерживаемая Англіею, Пруссіею и Голландіею, совершилась. Неудачи Іосифа.

Вѣсти объ этомъ застали Іосифа больнымъ; императоръ твердилъ въ бреду: „Брюссель—моя смерть". Іосифъ умеръ въ 1790 г. и

послѣдними словами его были: „я имѣлъ несчастье видѣть неудачу всѣхъ моихъ плановъ“.

Леопольдъ II. Іосифу II наслѣдовалъ его братъ, Леопольдъ II (1790—1792), который въ Систовѣ помирился съ Портою, уступивъ ей всѣ завоеванія предшествующаго царствованія (1791). Внутреннія реформы, затѣянныя его предшественникомъ, большею частію остались также непримѣненными. Въ Европѣ же начались большія перемѣны и новый порядокъ, но уже съ другимъ характеромъ и силою. Во Франціи началась „великая революція“, охватившая вскорѣ своими насильственными переворотами и всю остальную Европу.

ОТДѢЛЪ II.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ИМПЕРІЯ.

I. Литература по исторіи революціи.

Обиліе матеріала. Масса источниковъ и пособій для изученія исторіи революціи XVIII в., поистинѣ, необозрима, такъ какъ и близость событія къ нашему времени, и небывалое до тѣхъ поръ господство въ тогдашнемъ обществѣ литературы и даже печати періодической, и необыкновенная важность самаго событія, повлекшаго за собою неисчислимыя послѣдствія,—все это создало для изученія этого явленія громаднѣйшее количество матеріала. [Ученые разныхъ національностей занимались и занимаются его разработкой. Но особенно живой интересъ къ изученію исторіи революціи обнаруживается, понятно, въ самой Франціи: въ настояще время тамъ существуетъ особое общество для этого изученя „Société de l'histoire de la révolution française“, съ цѣлью чисто научною; издается (съ 1882 г.) періодическій историческій органъ подъ заглавіемъ „La révolution française“, а въ Сорбоннѣ муниципальнымъ совѣтомъ учреждена особая каѳедра „исторіи французской революціи“].

Источники. Матеріалы исторіи революціи, какъ оффиціальные, такъ и неоффиціальные, т.-е. законодательные памятники [1]), государ-

---

[1]) Въ „Recueil général des anciennes lois françaises“, въ „Moniteur“, въ „Archives Parlementaires“ и т. д. Б.

ственныя бумаги и акты, дипломатическая переписка революціоннаго времени, безчисленные мемуары, сюда относящіеся, и богатѣйшая полемическая литература, въ которой тоже отразился духъ и взгляды современниковъ на совершившееся событіе,— большею частію уже изданы. [Таковы, напр., сборники: „Archives Parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises, par Laurent et Mavidal“, гдѣ между прочимъ напечатаны знаменитые „cahiers“, или наказы 1789 г. [1]), хотя и съ большими пробѣлами и ошибками, которые указываетъ Armand Brette, предпринявшій изданіе новаго сборника—„Recueil de documents relatifs à la convocation des États Généraux de 1789“ (1894 сл.); акты Комитета Общественнаго Спасенія и переписка конвентскихъ коммиссаровъ, документы по исторіи якобинскаго клуба и другіе, изданные Оларомъ (Aulard, „Recueil des actes du Comité de Salut public, avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du conseil exécutif provisoire“, 14 v., 1889—1902; „La Société des jacobins. Recueil de documents pour l'histoire du club des jacobins de Paris“, 1889 сл.; „Paris pendant la réaction thermidorienne et sous le directoire. Recueil de documents pour l'histoire de l'esprit public à Paris“. 1898 сл.) въ коллекціи документовъ, касающихся исторіи Парижа во время революціи („Collection de documents relatifs à l'histoire de Paris pendant la révolution franç.“, publ. sous le patronage du conseil municipal; ср. и Lacroix, „Actes de la Commune de Paris pendant la révolution“) и т. д. [2]) Затѣмъ—„Collection des mémoires relatifs à la Révolution française“ (1822 sq.), гдѣ помѣщена большая часть мемуаровъ [3]), относящихся къ революціи]. Парламентская же

[1]) Болѣе подробныя указанія на изданія cahiers см. ниже. **Б.**

[2]) Можно назвать еще: Chassin, „Recueil de documents relatifs aux élections et aux cahiers de Paris en 1789“. 1888; d'Hericault et Bord, „Documents pour servir à l'histoire de la révolution franç.“; Deschiens, „Collection de matériaux pour l'hist. de la révol. de France“. 1829, и проч. **Б.**

[3]) Вообще важнѣйшіе мемуары въ этомъ и въ иныхъ изданіяхъ—Lafayette, Dumouriez, M-me Roland (ея „Личные мемуары“ переведены по-русски въ Приложеніи къ VI—VII т. „Историч. Обозрѣнія“, издав. Историч. Обществомъ при Петербургскомъ Университетѣ), Necker, Bailly, M-me Campan, Bouillé, Brissot, Lameth, Barrère (ср. „Опытъ“ Маколея), M-me de Genlis, M-me de Staël (ея „Considérations sur la rév. française“), Ferrières, Lally-Tolendal, Besenval, Bertrand de Molleville Malouet (2 v. 1868), Pétion, Thibaudeau, Grégoire, Fournier (см. Aulard, „Mémoires secrets de Fournier l'Américain“. 1891), Mallet du Pan (2 v. 1851), Barras (изд. Duruy, 4 т. 1895—6), La Revellière-Lepeaux (напечатаны въ 1873, вышли—въ 1895 г., 3 т.), Talleyrand (5 т. 1892), Thiebault (5 т. 1893—5), Morris („Memorial“, 1832, 2 v.; „Diary and letters“. 1888. 2 v.; „Journal de Gouverneur Morris ...pendant les années

исторія той эпохи получила обработку въ документальной „Histoire parlementaire de la révolution française", par Buchez et Roux (1834—8. 40 v.), гдѣ можно найти отчетъ о преніяхъ, происходившихъ въ революціонныхъ собраніяхъ — учредительномъ, законодательномъ и потомъ въ конвентѣ. Письма и дипломатическіе документы временъ революціи тоже имѣютъ уже свои сборники [1]). [Тѣмъ не менѣе масса важнаго матеріала хранится неизданною еще въ архивахъ].

1789—1792", trad. de l'angl. P. 1901), M-me Cavaignac („Mémoires d'une inconnue". P. 1894), de Mautort (издан. de Clermont-Tonnere. P. 1895). См. еще „Mémoire écrit par Marie-Thérèse-Charlotte de France, sur la captivité des princes et princesses, ses parents, depuis le 10 août 1792 jusqu'à la mort de son frère". 1893; „Mémoires de M-me la duchesse de Tourzel, gouvernante des Enfants de France (1789—95)". 1883. 2 v.; „Mémoires de M-me de la Rochejaquelein". 1889; „Mémoires secrets de I. M. Augeard, secrétaire des commandements de la reine Marie Antoinette (1760—1800)"; „Dernières années du règne et de la vie de Louis XVI", par Fr. Hue, l'un des officiers de la chambre du roi; „Mémoires sur les règnes de Louis XV et Louis XVI, et sur la révolution", par Dufort, comte de Cheverny, ...publiés... par Rob. de Crèvecoeur. 2 v.; Le comte de Puymaigre, „Souvenirs sur l'émigration, l'empire et la restauration"; „Journal du baron de Gauville" (депутата на генер. штатахъ 1789). 1864; „Papiers d'un émigré (1789—1829)". Lettres et notes extraites du portefeuille du baron de Guilhermy, député aux États généraux, conseiller du comte de Provence etc."; Général comte de Rochechouart, „Souvenirs sur la révolution, l'empire et la restauration" (состоялъ въ русской службѣ съ 1805 по 1814 г.).—О мемуарахъ и корреспонденціи Мирабо см. ниже. Б.

1) Изъ корреспонденцій того времени, кромѣ корреспонденціи Мирабо, о которой—ниже, можно назвать: письма Маріи Антуанетты (упомянутыя на стр. 118 изданія Arneth'a; см. также: Arneth et Geffroy, „Marie Antoinette. Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-Agenteau avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette". P. 1874. 3 v.; „Louis XVI, Marie Antoinette et M-me Élisabeth". Lettres et documents inédites publiés par Feuillet de Conches. 6 т. 1864 sq., изданіе, вызвавшее въ 60-хъ годахъ горячую полемику: Зибель [„Histor. Zeitschr.", 1865] и Geffroy [„Revue des deux Mondes", 1865, sept., 1866, juin-juil.] высказали сомнѣнія въ подлинности этихъ писемъ и обвиняли издателя въ поддѣлкѣ; поэтому „Société de l'histoire contemporaine" предприняло изданіе подлинныхъ писемъ Маріи Антуанетты, „Recueil de lettres authentiques de la reine Marie Antoinette". 1895—6. 2 v. „Correspondance secrète inédite sur Louis XVI, Marie Antoinette, la cour et la ville de 1777 à 1792", publiée d'après les manuscrits de la Bibliothèque Impér. de St.-Pétersb. par M. de Lescure. Paris, 1866; „Correspondance inédite de Mallet du Pan avec l'empereur d'Autriche (1794—8)", publiée par A. Michel, avec une préface de M. Taine. 2 v.; „Lettres de M-me Roland", publ. par Perroud. 1900—3, 2 v.; „Correspondance inédite de La Fayette (1793—1801)", par Thomas. 1903; „Correspondance générale de Carnot", publ. par Charavay. 1894 сл.; „Correspondance diplomatique de Talleyrand", par Pallain. 1891; „Lettres de M-me Roland", publ. par Perroud. 1900—3. 2 v.; Papiers de Barthélemy, ambassadeur de France en Suisse 1792 à 1797", publ. par Kaulek, въ „Inventaire analytique des affaires etrangères"; 1886—8. 4 v.; „Correspondance diplom. du baron de Staël-Holstein, ambassadeur de Suède", par Leouzon le Duc. 1881; „i dispacci degli ambasciatori veneti alla corte di Francia durante la rivoluzione", изд. М. М. Ковалевскимъ (Torino. 1895 сл.); Hüffer, „Quellen zur Gesch. des Zeitalters d. französ. Revolution". Leipz. 1900 сл.; „Briefe der Erzherzogin Marie-Christine, Statthalterin der Niederlande an Leopold II", hrsg. von Schlitter („Fontes Rer. Austriac". 1896); „Politische Korrespondenz Karl Friedrichs von Baden (1783—1806)". 1888 сл. Б.

Что касается учено-литературной обработки этого вопроса у самихъ французовъ, то взгляды на революцію, начиная съ первыхъ годовъ XIX вѣка, послѣдовательно мѣнялись у нихъ подъ вліяніемъ тѣхъ событій, перемѣнъ и переворотовъ, которымъ такъ часто подвергалась Франція въ истекшемъ столѣтіи. Мы укажемъ здѣсь послѣдовательно на эти перемѣны, по крайней мѣрѣ на главнѣйшія. Разработка исторіи революціи во Франціи.

Извѣстно, что вслѣдъ за Вѣнскимъ конгрессомъ, которымъ окончилась революціонная эпоха, началось въ Западной Европѣ господство политической реакціи, и нигдѣ она не была такъ сильна, какъ въ самой Франціи. Реакція эта направлена была противъ всѣхъ ученій и началъ революціоннаго времени, чѣмъ и условливался возвратъ къ старому порядку вещей. Неудивительно послѣ того, что и писатели, говорившіе о революціи въ это время, высказывали полное къ ней отвращеніе и осужденіе. Наиболѣе выдающимися представителями такого взгляда на революцію были графъ Жозефъ де-Местръ (Joseph de Maistre) и знаменитый Шатобріанъ (Chateaubriand).

Де-Местръ [1]) во многихъ своихъ сочиненіяхъ имѣлъ случай высказаться о революціи, особенно же въ двухъ—въ „С.-Петербургскихъ вечерахъ“ („Les soirées de St.-Pétersbourg“. 1882; де-Местръ былъ нѣкоторое время сардинскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ) и въ своихъ „Considérations sur la révolution française“. Здѣсь онъ изображаетъ революцію, какъ непрерывный рядъ безумствъ и преступленій, и, въ особенности, вооружается всею силою своего таланта противъ просвѣтительной литературы революціоннаго времени, подкапывая ее въ основаніи. Недаромъ люди противнаго лагеря прозвали его „анти-Вольтеромъ“, такъ какъ, дѣйствительно, одна изъ существенныхъ заслугъ его состоитъ въ томъ, что онъ значительно подорвалъ кредитъ просвѣтительной философіи XVIII в., пользовавшейся нѣкогда безусловнымъ довѣріемъ. Де-Местръ.

Гораздо умѣреннѣе и благоразумнѣе относится къ революціи Шатобріанъ. Изъ его сочиненій ближе всего касается вопроса о революціи „Essai sur les révolutions anciennes et modernes“ (1797), гдѣ онъ старается между прочимъ доказать безплодность переворотовъ XVIII в. и несостоятельность революціонныхъ ученій, не нападая, однако, на самые принципы революціи. Напротивъ, Шатобріанъ.

[1]) Н. А. Савинъ. „Жозефъ де Местръ, какъ историкъ французской революціи“ (въ „Изданіяхъ Историч. Общества при Московск. Унив.“, II, 1898). Б.

Шатобріанъ высказывается о нихъ даже сочувственно, говоря, что революція осталась безплодною для своего времени, но что она, можетъ быть, перевернетъ будущую Европу, или что всѣмъ великимъ революція обязана просвѣщенію, всѣмъ же дурнымъ—нравственной испорченности ея дѣятелей.

Впрочемъ, какъ де-Местръ, такъ и Шатобріанъ были только литераторами, правда, весьма даровитыми и вліятельными, но никакъ не учеными, и ихъ сочиненія о революціи не могутъ имѣть никакого научнаго значенія. Между тѣмъ проходитъ нѣсколько лѣтъ со времени Вѣнскаго конгресса; реакція значительно ослабѣла: негодованіе противъ революціи стихло; во Франціи начало появляться противодѣйствіе реакціи и нѣкоторые симптомы близившагося новаго общественнаго переворота. Такъ было въ 20-хъ годахъ. Выразителями такого состоянія умовъ являются въ это время два писателя—Минье и Тьеръ.

Минье. „Исторія французской революціи“ („Hist. de la révol. franç.“ 1824) Минье, написанная въ 2 небольшихъ томахъ и переведенная почти на всѣ европейскіе языки (въ томъ числѣ и на русскій), собственно есть не столько ученое изслѣдованіе, сколько учебный курсъ, систематически и почти исключительно фактически излагающій событія, начиная съ 1789 г. по 1814 г. Сочиненіе это, [хотя, какъ увидимъ, и не чуждое тенденціи], написано однако въ весьма умѣренномъ духѣ, безъ крайняго увлеченія въ пользу той или другой партіи, и уже поэтому оно и въ настоящее время не лишено значенія, особенно для тѣхъ, кто желаетъ подготовить себя къ пониманію другихъ, болѣе обширныхъ и сложныхъ сочиненій о томъ же предметѣ. Но книга эта имѣетъ и довольно важные недостатки. Минье — фаталистъ, и по его взгляду на исторію вообще и на исторію революціи въ частности, теченіе народной жизни есть рядъ неотвратимыхъ силлогизмовъ, какой-то безконечный соритъ, гдѣ каждое звено всегда представляетъ неизбѣжный выводъ не только изъ предшествующей, но даже изъ первой уже посылки. Смотря на ходъ событій съ такой, чисто логической, точки зрѣнія, Минье объясняетъ все теченіе событій революціи тѣми началами и явленіями, которыми ознаменовались во Франціи дебюты революціоннаго движенія. Такъ, напр., дѣятельность конвента и директоріи, согласно такому взгляду, есть ничто иное, какъ неотвратимое логическое послѣдствіе дѣятельности учредительнаго собранія. Но собственно научная исторія не знаетъ такого, такъ сказать, предустановленнаго порядка въ движеніи событій. Научная исторія знаетъ подобную логическую связь

лишь между ближайшими звеньями исторической цѣпи событій; всѣ же дальнѣйшія перемѣны обусловливаются не только всѣми прежними посылками, но и тѣми новыми вліяніями и факторами, которые безпрестанно привходятъ въ процессъ возникновенія историческихъ событій. Вотъ въ этомъ-то черезчуръ систематически проведенномъ фатализмѣ и заключается слабая сторона труда Минье. Кромѣ того, фатализмъ уже потому не можетъ считаться пріемомъ научнымъ, что онъ неизбѣжно сваливаетъ съ историческихъ дѣятелей всякую отвѣтственность: коль скоро зло, преступленія, ошибки являются результатомъ роковаго движенія событій и склада вещей, то отвѣтственность не можетъ падать на лица. Но собственно этого-то и хотѣлъ достигнуть Минье. Цѣль его труда, именно, и была та, чтобы примирить съ революціею французское общество, а такъ какъ революція, дѣйствительно, представляетъ много ужасовъ и грязи, то, чтобы сгладить эти темныя стороны событія, онъ и прибѣгнулъ къ такому способу изложенія. Такимъ образомъ, зло, причиненное революціей, у него не можетъ уже вызвать отвращенія, потому что оно является чѣмъ-то неотвратимымъ. Другая тенденція, проведенная въ книгѣ, состоитъ въ томъ, что Минье старается вездѣ выдвинуть среднее сословіе; между тѣмъ какъ всѣ другіе элементы тогдашняго общества—монархію, дворянство, духовенство и эмигрантовъ, отношенія другихъ державъ къ революціи, событія внѣшнія, — все это онъ отодвигаетъ на задній планъ. Въ этомъ прославленіи французской буржуазіи Минье какъ-бы предуказываетъ уже на ту видную роль, которую, не болѣе 5 лѣтъ спустя, французская буржуазія, дѣйствительно, сыграла, явившись дѣятелемъ новаго общественнаго переворота, новой революціи—іюльской.

Тьеръ.

Одновременно съ сочиненіемъ Минье появилась не менѣе вліятельная „Исторія революціи“ („Hist. de la révol. franç.“ 1823—7. 6 v.) [1]) Тьера. Тьеръ и Минье—не только единомышленники и личные друзья, но и земляки: оба они по происхожденію были провансальцы и оба начали литературное поприще „Исторіей революціи“. Даже цѣль, которою задался при этомъ Тьеръ, была та же самая, какую преслѣдовалъ и Минье: Тьеръ также хотѣлъ ослабить реакціонные взгляды на революцію и примирить съ нею общественное мнѣніе и, подобно Минье, также въ своихъ воззрѣніяхъ фаталистъ, еще болѣе рѣзкій и отъявленный, но только средства для этого онъ избралъ другія. Какъ

[1]) Русск. перев. подъ ред. А. Разина. (Спб. 1874. 5 т.). Б.

въ своемъ сочиненіи о революціи, такъ и въ продолженіи этого труда, изданномъ уже впослѣдствіи подъ заглавіемъ „Исторія консульства и имперіи" („Hist. du consulat et de l'empire". 1845 sq. 19 v.) [1]), Тьеръ старается славными воспоминаніями о военныхъ подвигахъ революціоннаго времени поднять упавшій духъ націи и примирить ее съ тѣми темными сторонами, которыми такъ изобиловала революція. Поэтому въ обоихъ трудахъ своихъ онъ особенно налегаетъ на военную исторію: военные подвиги, дипломатическія отношенія къ Европѣ, народныя движенія времени,—все это у него на первомъ планѣ, между тѣмъ какъ парламентскія пренія на второмъ. Такими взглядами и планомъ своего сочиненія Тьеръ обязанъ преимущественно какъ той цѣли, которую онъ преслѣдовалъ, такъ и тому обстоятельству, что военное дѣло какъ нельзя болѣе совпадало съ его общественными и научными убѣжденіями. Тьеръ, вообще, поклонникъ всего реальнаго, т.-е. питаетъ наиболѣе сочувствія ко всему тому, что касается практическихъ интересовъ жизни. Согласно такому взгляду военная дѣятельность у Тьера стоитъ на первомъ мѣстѣ, такъ какъ именно въ этого рода дѣятельности обнаруживается наибольшее напряженіе физическихъ и умственныхъ силъ человѣка и входятъ въ игру всѣ его способности. Самъ Тьеръ, не смотря на то, что онъ не былъ военнымъ человѣкомъ, глубоко изучилъ военную науку, и нѣтъ сомнѣнія, что съ такою подготовкой и такимъ громаднымъ литературнымъ талантомъ до тѣхъ поръ не было военнаго историка, который бы могъ съ нимъ сравниться. Это — первый авторитетъ въ этой области исторіографіи. Поэтому его „Исторія революціи, консульства и имперіи" преимущественно есть военная исторія. Но именно этою стороною, наиболѣе славною для французскаго самолюбія и народной гордости, она, какъ нельзя болѣе, способна была достигнуть своей цѣли, т.-е. примирить общество съ революціей и возбудить народный духъ. И этой цѣли Тьеръ также достигъ вполнѣ. [Ему между прочимъ обязана своимъ распространеніемъ изукрашенная, своего рода легендарная исторія Наполеона].

Такимъ образомъ два эти писателя, Тьеръ и Минье, воспитывали общественное мнѣніе въ извѣстномъ направленіи, подготовляли Францію къ совершившейся вскорѣ затѣмъ іюльской революціи.

Такъ было во Франціи до 30 г., т.-е. до времени іюльскаго переворота. Переворотъ этотъ утвердилъ во Франціи новую ди-

---

[1]) Русск. перев. (нѣсколько сокращенный) появлялся—одновременно съ выходомъ подлинника — въ „Отеч. Запискахъ". Есть и отдѣльный, въ 10 ч. (Спб. 1846—9) Б.

настію въ лицѣ тогдашняго представителя Орлеанскаго дома, Людовика Филиппа, когда вмѣстѣ съ либеральными и конституціонными началами все болѣе и болѣе сталъ распространяться республиканскій духъ, и понятно, что подъ вліяніемъ тѣхъ увлеченій, которыя онъ вызвалъ, должны были измѣниться и взгляды на революцію 1789 года. Представителями этого новаго поворота въ общественномъ мнѣніи явились Ламартинъ, Мишле и Луи Бланъ.

Первый выразилъ эти новые взгляды на революцію въ извѣстномъ сочиненіи „Исторія жирондистовъ" („Histor. des girondins", 1846 — 7) [1]), гдѣ съ патетическимъ краснорѣчіемъ разсказана исторія жиронды, т.-е. партіи законодательнаго собранія и конвента, которая проводила въ своихъ сочиненіяхъ и дѣятельности идею умѣренной республики. Сочиненіе это, собственно говоря, не есть даже исторія—до такой степени оно наполнено декламаціей и республиканскимъ энтузіазмомъ, нашедшимъ себѣ здѣсь краснорѣчивое выраженіе, благодаря литературнымъ дарованіямъ автора. Это—восторженное восхваленіе, горячій диѳирамбъ жирондѣ, а слѣдовательно и той идеѣ, которую она проводила. Польза отъ этого сочиненія была развѣ та, что оно возбудило въ публикѣ интересъ къ изученію революціи. Ламартинъ.

Мишле написалъ „Исторію французской революціи" („Hist. de la révol. fr."), состоящую въ неоконченномъ видѣ изъ 6 томовъ [2]). Впрочемъ, какъ и у Ламартина, въ этомъ сочиненіи очень мало исторіи, — такъ мало, что извѣстный французскій критикъ, Тэнъ, выразился о немъ, что книга Мишле возбуждаетъ въ читателѣ не убѣжденіе, а скорѣе сомнѣніе не только въ правильности взглядовъ автора, но и въ достовѣрности фактовъ, которые онъ сообщаетъ. И дѣйствительно, она вся переполнена тою же восторженною декламаціей и фразерствомъ, какимъ отличается и „Исторія жирондистовъ". Это — скорѣе поэма о революціи, нежели трезвая ея исторія. Основной взглядъ Мишле на революцію и ея значеніе тоже весьма замысловатъ. Въ противоположность своему другу, другому извѣстному писателю тогдашняго времени, Кинэ, который въ своемъ сочиненіи „Le Christianisme et la Révolution" проводитъ параллель между двумя этими явленіями и видитъ въ революціи полное воплощеніе христіанскихъ началъ, Мишле ставитъ себѣ задачею доказать, что между революціей и христіан- Мишле.

---

[1]) Есть русск. перев. (Спб. 1871. 2 т.). Б.

[2]) Въ русск. перев. есть „Ист. XIX в." Мишле (1883. 3 т.). Б.

ствомъ весьма мало общаго, такъ какъ, по его мнѣнію, ученіе Спасителя было только проповѣдью любви, между тѣмъ, какъ революція стремилась осуществить идею справедливости, почему авторъ и называетъ революцію „la réaction de la justice". Не менѣе оригинальна другая мысль, которую въ этомъ сочиненіи проводитъ Мишле: онъ систематически низводитъ съ пьедесталовъ господствующія личности эпохи, видя въ нихъ или бездарныхъ, или злодѣевъ; но вмѣсто этихъ низверженныхъ кумировъ является у него на первомъ планѣ новый герой; это—„народъ", подъ которымъ онъ разумѣетъ темную демократическую массу; ибо и учредительное собраніе онъ все еще считаетъ феодальнымъ, и только съ 93 года начинается у него истинная революція. По Мишле, только въ народѣ, какъ массѣ, осуществляется духъ времени, и инстинктивныя движенія массы и были тѣми свѣтлыми порывами революціи, которые могутъ снискать ей сочувствіе исторіи, тогда какъ дѣятельность отдѣльныхъ вождей представляетъ по большей части одни недостатки,—корыстныя цѣли, ошибки и увлеченія и т. п. Но стараясь умалить значеніе личности въ исторіи, Мишле считаетъ ея излюбленными дѣтищами тѣхъ героевъ, въ которыхъ наиболѣе полнымъ образомъ воплотился народный духъ. Таковъ былъ на его взглядъ Дантонъ.—Разумѣется, что книга Мишле научныхъ достоинствъ не имѣетъ никакихъ, и значеніе ея объясняется лишь тѣмъ, что она написана въ извѣстномъ, такъ сказать, модномъ тогда направленіи.

Луи Бланъ.

Наконецъ, остается Луи Бланъ, который подобно Мишле, выступилъ съ своей „Исторіей революціи" („Hist. de la révol. fr." 12 v. 1847 sq.) [1]) тоже передъ самымъ 48 г., или февральскою революціей. Сочиненіе его все направлено къ тому, чтобы возвеличить конвентъ, комитетъ общественной безопасности и, вообще, всю эпоху террора. Главное основаніе для оправданія конвента Луи Бланъ находитъ въ томъ, будто всѣ насилія и ужасы того времени вызваны были угрожающимъ положеніемъ, которое относительно революціи приняла Европа. Опасности, окружавшія тогдашнюю Францію, по мнѣнію автора, и должны были вызвать со стороны ея правительства тѣ чрезвычайныя мѣры, которыя именно составляютъ мрачную сторону эпохи. Кромѣ того, Луи Бланъ беретъ подъ свою защиту и тѣ соціалистическія начала, которыя проявлялись въ революціи, и съ этою мѣркою въ рукахъ мѣряетъ событія и лица. Хорошая сторона попытки Луи

[1]) I-й томъ имѣется и въ русск. переводѣ. Б.

Блана, которая, во всякомъ случаѣ изъ 3 названныхъ, все-таки самая серьезная, состоитъ въ томъ, что нигдѣ до тѣхъ поръ изслѣдованіе причинъ переворота XVIII в. не было затронуто такъ глубоко и всесторонне, какъ въ его изслѣдованіи. Онъ слѣдитъ за исторической подготовкой революціи весьма издалека и притомъ разсматриваетъ эту подготовку во всѣхъ сферахъ историческаго развитія. Другая, затѣмъ, хорошая сторона сочиненія Луи Блана состоитъ въ томъ, что онъ былъ первымъ изъ французскихъ писателей, который отнесся критически не только къ своимъ матеріаламъ, но и къ трудамъ своихъ предшественниковъ.

Между тѣмъ февральская революція имѣла такой же печальный исходъ, какъ и два прежніе государственные переворота,— какъ великая революція 1789 года и іюльская. Февральская революція и основанная ею новая республика кончились, какъ извѣстно, утвержденіемъ демократической диктатуры въ лицѣ Наполеона III. Съ этой минуты начинается какъ бы отрезвленіе французскаго общества отъ тѣхъ республиканскихъ увлеченій, которымъ оно такъ долго предавалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ интеллигентныхъ кружкахъ общества появляются протесты противъ установившагося порядка вещей.

Подъ вліяніемъ этихъ перемѣнъ появилась цѣлая серія новыхъ изслѣдованій и новыхъ писателей, посмотрѣвшихъ па революцію съ другой точки зрѣнія, — Лаферрьеръ, Барантъ, Токвиль, Кинэ и т. д. Всѣ они писали уже въ началѣ временъ второй имперіи. Лаферрьеръ (Laferrière) издалъ весьма почтенный и документальный трудъ, который носитъ названіе: „Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la révolution française“ (1851—2), „Исторія началъ, учрежденій и законовъ времени французской революціи“,—сочиненіе, основанное большею частью на оффиціальныхъ памятникахъ, главная цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы разсѣять такъ долго господствовавшія идеальныя представленія объ ужасахъ времени террора, бывшихъ будто бы естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ опасностей, которыя грозили Франціи извнѣ. Еще болѣе вліятельное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ труды Баранта, который передъ тѣмъ составилъ себѣ громкую извѣстность въ ученой литературѣ своею „Исторіею Бургундскихъ герцоговъ“. Послѣ 51 г. онъ издалъ два сочиненія: „Исторію конвента“ („Hist. de la conv. nation.“ 1851) и „Исторію директоріи“ („Hist. du Directoire“); оба основаны на критически провѣренныхъ, большею частію оффиціальныхъ памятникахъ.

Лаферрьеръ.

Барантъ.

Въ первомъ изъ этихъ сочиненій авторъ разбираетъ шагъ за шагомъ дѣйствія конвента и неопровержимыми оффиціальными свидѣтельствами доказываетъ всѣ его ошибки, всѣ увлеченія и пагубныя страсти, которыми онъ руководился, всю его нетерпимость и всѣ преступленія, чѣмъ еще болѣе былъ поколебленъ тотъ безграничный энтузіазмъ, съ которымъ историки-декламаторы прежняго времени относились къ этой эпохѣ. „Исторія директоріи“ имѣетъ въ наукѣ то значеніе, что она долго была единственнымъ серьезнымъ изслѣдованіемъ объ этомъ времени.

Токвиль.

Но самую громкую европейскую извѣстность, безъ сомнѣнія, пріобрѣло изслѣдованіе Токвиля (Tocqueville) подъ заглавіемъ: „Старый порядокъ и революція“ („L'ancien régime et la révolution“, 1 изд. въ 1856) [1]. „Трактатъ этотъ, основанный на изумительномъ, всестороннемъ изученіи памятниковъ французскаго государственнаго быта и администраціи въ прошломъ столѣтіи, — памятниковъ, большею частью рукописныхъ, какъ протоколы провинціальныхъ сеймовъ, дѣловая переписка различныхъ министерствъ, бюро и канцелярій“ [2], собственно говоря, есть только введеніе къ болѣе обширному труду о революціи, которое Токвиль замыслилъ; но даже и введеніе это за смертью автора осталось не вполнѣ законченнымъ, хотя онъ и успѣлъ высказать въ немъ много глубокихъ и здравыхъ взглядовъ, совершенно перевернувшихъ господствовавшія дотолѣ понятія о революціи. Во-первыхъ, по мнѣнію Токвиля, французская революція не представляетъ вовсе чего-нибудь неожиданнаго, выходящаго изъ обычнаго порядка вещей, какъ этого можно ожидать по самому названію событія, такъ какъ подъ именемъ „революціи“ мы всегда представляемъ себѣ насильственный переворотъ, который разомъ ниспровергаетъ установившійся порядокъ. Токвиль доказываетъ, что по своему теченію и достигнутымъ результатамъ революція вовсе не была такимъ неожиданнымъ явленіемъ, что она была въ сущности не противорѣчіемъ, а совершенно логическимъ, хотя и бурнымъ про-

[1]) По-русски — нѣсколько переводовъ; лучшій и новѣйшій изъ нихъ — подъ ред. П. Г. Виноградова.—Токвилю (род. въ 1805 г., ум. въ 1859 г.) принадлежатъ, кромѣ того, извѣстное сочиненіе „Демократія въ Америкѣ“ и „Воспоминанія“ (то и другое имѣется въ русск. пер.). О Токвилѣ см.—de Beaumont, „Notice sur Alexis de Tocqueville“. 1897; Eichthal, „Alexis de Tocqueville et la Démocratie libérale“. 1897; ст. Faguet. въ „Rev. des Deux Mondes“. 1894, 1 févr.; ср. его-же, „Политич. мыслители и моралисты XIX в.“, 3-я серія. М. 1900 (пер. съ франц.); И. Н. Ардашева въ „Вѣстн. Самообразов.“, 1903, № 11; г. Бутенка въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона. Б.

[2]) Отмѣченныя кавычками фразы взяты изъ „Новѣйш. націон. исторіографіи“ М. Н. Петрова, стр. 278—80. Б.

долженіемъ прежняго хода французской исторіи, такъ какъ почти всѣ вѣковыя стремленія послѣдней были задачею и революціи, съ тою разницею, что она проводила ихъ насильственнымъ и, стало быть, болѣе быстрымъ образомъ. Такъ, напр., „всемогущество государства, всепоглощающая централизація—были приготовлены уже старою Франціей. Революція только яснѣе выдвинула впередъ готовую государственную машину, убравъ развалины старой организаціи, разрушенной процессомъ цѣлыхъ вѣковъ. Она была преемницей Ришелье и Людовика XIV. Въ концѣ XVIII вѣка во Франціи такъ страстно потребовали гражданскаго равенства именно потому, что всѣ политическія привилегіи въ сущности были уже уничтожены. Оставались однѣ пустыя ихъ формы—тысячи мелкихъ и однакожъ неодолимыхъ и оскорбительныхъ китайскихъ стѣнъ, раздѣлявшихъ сословія. Надъ этими-то бездушными руинами и разразилась вся буря“. Всѣ такъ называемыя „нравственныя завоеванія революціи“ (conquêtes de la révolution) въ принципѣ и въ зародышахъ существовали и прежде; напр. равенство всѣхъ предъ закономъ, независимость власти судебной отъ законодательной, свобода совѣсти и труда, — все, что̀ обыкновенно считалось пріобрѣтеніями революціи, все это въ сущности вещи — старыя, которыя выработала еще старая Франція и которыя революція только быстрѣе подвинула къ окончательному господству. Токвиль доказываетъ, что плодомъ революціи было достиженіе французскимъ народомъ полнаго общественнаго равенства, но не свободы, и въ этомъ онъ видитъ всю разгадку неуспѣха революціи. Революція сдѣлала только то, что уравняла всѣхъ французовъ юридически и политически, но свободы общественной она не создала и не успѣла создать, вслѣдствіе чего созданная революціей демократія такъ легко и могла подпасть подъ власть военнаго деспотизма, да и вообще никто такъ легко не подпадаетъ диктатурѣ, какъ большія организованныя демократіи. „Франція всегда настойчивѣе добивалась равенства, нежели свободы. Отчего, по уничтоженіи всѣхъ прежнихъ корпоративныхъ связей, узкій индивидуализмъ овладѣлъ всѣми и каждымъ. Нація превратилась въ море нецѣпкихъ, ничѣмъ не связанныхъ, только одною тяжестью составляющихъ массу, песчинокъ. Гроза военной диктатуры и самовластія виситъ постоянно надъ этимъ моремъ. — Таковы заслуги Токвилева труда“, открывшаго собою, можно сказать, новую эпоху въ изученіи исторіи революціи. „Къ сожалѣнію, онъ все-же не болѣе, какъ мастерской фрагментъ, не дающій точнаго представленія о цѣломъ ходѣ французской обще-

ственной жизни, такъ точно, какъ рядъ драгоцѣннѣйшихъ микроскопическихъ наблюденій надъ однимъ органомъ не даетъ еще понятія обо всемъ организмѣ. Изъ глазъ автора, погруженнаго въ изслѣдованіе мелкихъ физіологическихъ явленій революціи, исчезаетъ ея общій смыслъ", и недостатокъ его книги состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Токвиль слишкомъ ужъ односторонне выдвигаетъ впередъ идею равенства, утверждая, что революція не сдѣлала для Франціи ничего другаго, какъ только усилила ея центральную власть; между тѣмъ какъ самъ же Токвиль вездѣ доказываетъ, что главное зло „стараго порядка" состояло именно въ чрезмѣрномъ равитіи этой власти". [Тѣмъ не менѣе трудъ Токвиля до сихъ поръ остается основнымъ сочиненіемъ для знакомства съ старымъ порядкомъ и причипами Революціи. Послѣдующія знаменитыя произведенія Тэна и Сореля примыкаютъ къ нему и въ лучшихъ своихъ частяхъ въ сущности лишь развиваютъ его идеи, какъ-бы продолжаютъ его дѣло].

Кинэ. Кинэ (Quinet) въ своемъ сочиненіи о революціи („La révolution", 1865), которое не есть, впрочемъ, строго-научное изслѣдованіе объ этомъ времени, доказываетъ напротивъ, что идея свободы, которую Токвиль отодвигаетъ назадъ, имѣла громадное значеніе въ переворотѣ XVIII в. Взгляды Кинэ интересны, кромѣ того, еще и потому, что онъ ко всѣмъ партіямъ относится съ одинаковымъ безпристрастіемъ, и единственная мѣрка, которою онъ опредѣляетъ значеніе событій и лицъ, это—принципы свободы и человѣческаго достоинства.

Тэнъ. [Событія 1870—1 гг., несчастный для Франціи исходъ борьбы съ Пруссіей, печальный конецъ второй имперіи, ужасы коммуны и братоубійственной войны, проявленіе анархическихъ стремленій,— все это должно было еще болѣе отрезвить извѣстную часть французскаго общества отъ увлеченія революціей и демократическими началами. Выразителемъ такого направленія явился Ипполитъ Тэнъ въ своемъ столь извѣстномъ сочиненіи: „Les origines de la France contemporaine", „Происхожденіе современнаго строя во Франціи", обнимающемъ „Старый порядокъ" (I т.), „Революцію" (3 т.) и „Новый порядокъ" („Le régime moderne", 2 т.) [1]. Сочиненіе это начало выходить съ середины 70-хъ годовъ, а послѣдній томъ его, не вполнѣ законченный авторомъ, вышелъ уже послѣ его смерти, въ 1894 г. Въ виду громкаго имени автора и

---

[1]) На русск. яз. переведенъ I т. и отрывокъ изъ „Новаго порядка", содержащій характеристику Наполеона; впрочемъ, въ настоящее время переводится „Новый порядокъ" цѣликомъ. Б.

того вниманія и интереса, которое возбудило его произведеніе [1]), намъ необходимо подробнѣе остановиться на послѣднемъ [2]).

Тэнъ (1828 — 1893) — философъ, эстетикъ, литературный критикъ и историкъ. Съ такою подготовкой, съ своимъ мощнымъ, независимымъ и строго-анализирующимъ умомъ, съ своею неумолимою логикою, принялся онъ за изученіе генезиса современной Франціи. Приступилъ онъ къ этой задачѣ, по собственнымъ его словамъ, безъ готоваго политическаго убѣжденія, безъ предвзятой мысли: напротивъ, именно для того, чтобы составить на этотъ счетъ опредѣленное мнѣніе, и принялся онъ за изученіе того переворота, который положилъ начало современной Франціи. Онъ желалъ „поступать, какъ натуралистъ“, относясь къ своему предмету „какъ къ метаморфозамъ насѣкомаго“. Въ основу своего труда Тэнъ положилъ необозримую массу матеріала. Помимо источниковъ изданныхъ, напр. мемуаровъ, онъ „просмотрѣлъ массу рукописныхъ документовъ, корреспонденцію большаго числа интендантовъ, директоровъ сборовъ, откупщиковъ, магистратовъ, чиновниковъ и всякаго рода и всякаго слоя частныхъ лицъ, за послѣдніе 30 лѣтъ стараго порядка, донесенія и мемуары о различныхъ частяхъ королевскаго хозяйства, протоколы и наказы генеральныхъ штатовъ въ 176 томахъ, корреспонденцію военныхъ командировъ въ 1789 и 1790 г., письма, мемуары и подробныя статистическія таблицы, содержащіяся въ 100 картонахъ духовнаго комитета, корреспонденцію—въ 94 связкахъ — департаментскаго и муниципальнаго управленій съ министрами отъ 1790 по 1799 г., донесенія государственныхъ совѣтниковъ, командированныхъ въ концѣ 1801 г., корреспонденцію префектовъ при консульствѣ, при имперіи и при реставраціи до 1823 г., множество другихъ докумен-

---

[1]) Въ теченіе какихъ-нибудь 6 лѣтъ (до 1882) первый томъ Тэна выдержалъ 12 изданій. Б.

[2]) О Тэнѣ—см. „H. Taine, sa famille et sa correspondance“. 1902 (ср. „Rev. des Deux Mondes“, 1902, 1 avr. и слѣд.); Giraud, „Essai sur Taine, son oeuvre et son influence“. 2-me éd. 1901; G. Monod, „Les maîtres de l'histoire. Renan, Taine, Michelet“. 1894; Boutmy, „Taine, Scherer, Laboulaye“. 1901; ст. Brunetière, въ „Rev. des Deux Mondes“, 1885, 15 sept.: ст. De Voguë, ibid., 1894, 1 avr.; Фагэ, „Политич. мыслители и моралисты XIX в.“, 3-я серія (русск. пер.); П. Буржэ. „Оч. соврем. психологіи“ (пер. съ франц. Спб. 1888); Э. Золя, „Парижск. письма“ („Вѣстн. Евр.“, 1876, кн. 2; 1878, кн. 5); Birot, „La révol. et le Régime moderne d'après H. Taine“. 1896; изъ русскихъ статей о Тэнѣ см. въ особенности—В. И. Герье, въ „Вѣстн. Евр.“, 1878, кн. 4—5, 9, 12; 1889, кн. 9; 1890, кн. 1—2; 1894, 9—12; 1895, кн. 6--7, и въ „Энциклоп. Слов.“ Брокгаузъ-Ефрона. Ср. Н. А. Любимова, „Противъ теченія“ („Русск. Вѣстн.“, 1880 сл., и отдѣльно); Н. А. Матвѣева, ibid., 1891, кн. 4—6; И. И. Иванова, въ „Русск. Богатствѣ“, 1891, апр.; К. К. Арсеньева въ „Вѣстн. Евр.“, 1891, кн. 1—2, 1893, кн. 4; П. Н. Ардашева въ „Вѣстн. Самообраз.“, 1903, № 44. Б.

товъ, столь поучительныхъ и столь неизвѣстныхъ, что исторія революціи, можно сказать, еще и не издана“ [1]).

Трудъ Тэна изобилуетъ выдержками изъ подобнаго рода источниковъ, и выдержки эти выбраны съ такимъ умѣніемъ, приведены въ такую гармонію и стройную систему, а главное—связаны такими мѣткими замѣчаніями самого автора, что, не смотря на нхъ обиліе и даже нѣкоторыя повторенія, они не утомляютъ читателя, а напротивъ производятъ на него неотразимое, подавляющее впечатлѣніе. Недаромъ произведеніе Тэна сравниваютъ иногда съ сложной и мощной машиной, въ которой тщательно распредѣлены самыя малыя колеса. А пластичный и сильный языкъ, полный самыхъ смѣлыхъ метафоръ, сообщаетъ еще большую мощь этой машинѣ. Такимъ образомъ, все произведеніе Тэна, начиная съ плана и кончая стилемъ, дышетъ оригинальностью и силою. Съ неподражаемымъ искусствомъ изображается у Тэна (въ 1-мъ томѣ), напр., „салонъ“, какъ господствующій принципъ общественной жизни и нравовъ монархіи Людовика XIV. Съ необыкновеннымъ реализмомъ и тонкимъ психологическимъ анализомъ, рукою великаго мастера рисуетъ Тэнъ портреты отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлые типы, напр. типъ якобинца. А ужасающая картина тяжелаго положенія „народа“ при старомъ порядкѣ никогда еще не изображалась такъ ярко, какъ у Тэна, хотя у него нѣтъ и тѣни симпатіи къ народной массѣ, а наоборотъ,—если для Мишле народъ былъ своего рода кумиромъ и героемъ, то въ глазахъ Тэна—это „въ состояніи ярости дикій звѣрь, животное, устремляющееся туда, куда его влечетъ инстинктъ“, и онъ не жалѣетъ красокъ, изображая невѣжество и суевѣріе народа, его озлобленіе и звѣрскіе инстинкты.

Что касается взгляда Тэна на причины революціи, то вотъ какъ онъ самъ резюмируетъ его въ концѣ 1-го тома: „Основатели общества, заслужившіе нѣкогда свои преимущества своими заслугами, привилегированные удержали за собою свое мѣсто, не выполняя болѣе своего назначенія; въ управленіи какъ мѣстномъ, такъ и въ центральномъ, ихъ мѣсто превратилось въ синекуру, а ихъ привилегіи стали злоупотребленіями. Во главѣ ихъ, король, который создалъ Францію, отдавъ себя на служеніе ей, какъ своей собственности, кончилъ тѣмъ, что сталъ пользоваться ею, какъ своею собственностью; общественныя деньги — это его карманныя деньги, и страсти, тщеславіе, личныя слабости, привычки къ рос-

---

[1]) I, Préf., p. VII. Ср. еще предисловіе къ II т., стр. II. Б.

кощи, семейные разсчеты, интриги любовницы, капризы жены управляютъ государствомъ въ 26 милл. людей съ произволомъ, безпечностью, расточительностью, неумѣлостью, отсутствіемъ послѣдовательности, такими, что едва ли они были бы извинительны даже въ веденіи частнаго хозяйства.—Король и привилегированные отличаются только въ одномъ — въ умѣньи жить (le savoir-vivre), въ изящномъ вкусѣ, въ хорошемъ тонѣ (le bon ton), въ талантѣ принимать гостей, въ дарѣ вести бесѣду съ изяществомъ, тонкостью и веселостью, въ искусствѣ превращать жизнь въ остроумный и блестящій праздникъ, какъ будто бы міръ былъ салономъ для праздныхъ деликатныхъ людей, гдѣ достаточно быть остроумнымъ и любезнымъ, тогда какъ міръ есть циркъ, гдѣ нужно быть сильнымъ, чтобы сражаться, и лабораторія, гдѣ нужно работать, чтобы быть полезнымъ.—Этою привычкою, этимъ совершенствомъ и вліяніемъ вѣжливой бесѣды они придали французскому уму классическую форму, что̀, въ соединеніи съ новыми научными пріобрѣтеніями, вызвало философію XVIII вѣка, пренебреженіе къ преданію, мысль пересоздать всѣ человѣческія учрежденія на основаніи чистаго разума, приложеніе математическаго метода къ политикѣ и морали, катехизацію правъ человѣка и всѣ анархическія и деспотическія догмы „Общественнаго договора“.— Разъ химера родилась, они ее принимаютъ къ себѣ, какъ салонное развлеченіе; они играютъ съ чудовищемъ маленькимъ, еще невиннымъ, украшеннымъ лентами, какъ барашекъ въ эклогѣ; имъ и въ голову не приходило, что онъ можетъ современемъ превратиться въ бѣшенаго и страшнаго звѣря; они его кормятъ, они его ласкаютъ, потомъ, изъ своего отеля, они выпускаютъ его на улицу. — Тамъ, среди буржуазіи, которую правительство раздражаетъ, проматывая ея состояніе, а привилегированные задѣваютъ, стѣсняя ея честолюбіе, причемъ неравенство оскорбляетъ ея самолюбіе, революціонная теорія быстро разростается, принимаетъ внезапно суровую форму, и, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оказывается безспорнымъ властелиномъ общественнаго мнѣнія. Въ этотъ моментъ и по ея призыву подымается другой колоссъ, тысячеглавое чудовище, освирѣпѣлый и слѣпой звѣрь, цѣлый народъ, измученный, разъяренный и внезапно спущенный на правительство, чьи поборы его разоряютъ, и на привилегированныхъ, чьи права заставляютъ его голодать. И въ этихъ селахъ, покинутыхъ ихъ естественными патронами, не находится власти, которая бы пережила взрывъ, въ этихъ провинціяхъ, подчиненныхъ механической централизаціи, не остается независимой группы; въ этомъ обще-

ствѣ, развинтившемся отъ деспотизма, не можетъ образоваться центровъ инициативы и сопротивленія; въ этомъ высшемъ классѣ, обезоруженномъ самою своею гуманностью, не находится политика, свободнаго отъ иллюзій и способнаго дѣйствовать, и вся эта масса благонамѣренныхъ и умныхъ людей не въ состояніи защитить себя отъ двухъ враговъ всякой свободы и всякаго порядка — отъ заразы демократической мечтой, которая отуманиваетъ лучшія головы, и отъ взрыва звѣрства черни, искажающаго наилучшіе законы" [1]).

Если прежніе историки, переходя къ самой революціи, обращали вниманіе почти исключительно на событія въ Парижѣ и на дѣятельность засѣдавшихъ тамъ собраній, то Тэнъ и тутъ остается оригинальнымъ: онъ изучаетъ всю Францію, съ особеннымъ вниманіемъ и съ большими подробностями рисуя положеніе дѣлъ въ провинціи. Да и вообще онъ останавливается на такихъ сторонахъ и на такихъ явленіяхъ, какія прежде едва лишь затрогивались, напр. на соціальномъ характерѣ движенія, такъ какъ „первоначальный двигатель" и „историческій смыслъ" революціи, по Тэну, именно и есть „переходъ собственности". Съ присущею ему яркостью и реализмомъ, необыкновенно краснорѣчивымъ подборомъ фактовъ, Тэнъ обнажаетъ господство самыхъ низкихъ страстей, всѣ ужасы революціи, всѣ преступленія ея вождей и разрушительное вліяніе нѣкоторыхъ ея принциповъ. Онъ показалъ, какъ никто раньше его, насколько пагубно было желаніе строить политическое зданіе на чисто раціональныхъ, отвлеченныхъ началахъ, и какъ мечта о равенствѣ и справедливости можетъ кончиться какимъ-то кошмаромъ преступленій и злодѣйствъ. Къ исторіи Тэнъ прилагаетъ теорію господствующей идеи, подобно тому какъ раньше, въ своихъ трудахъ, посвященныхъ исторіи литературы, онъ проводилъ теорію господствующей способности, и всѣ принципы революціи онъ сводитъ къ одному — къ идеѣ абсолютнаго равенства или нивеллировки. Принципы 89 г., декларацію правъ, конституцію 91 г. и т. п., Тэнъ лишаетъ того ореола, которымъ окружали ихъ прежніе историки. Вся дѣятельность учредительнаго собранія, не говоря уже о законодательномъ и о конвентѣ, подвергнута у него суровой, ѣдкой критикѣ. Въ тѣхъ 3 томахъ, которые посвящены собственно революціи, Тэнъ является ужъ не спокойнымъ наблюдателемъ-натуралистомъ, какимъ онъ желалъ быть, а страстнымъ и безпощад-

---

[1]) I, 522—4.

нымъ обличителемъ, впадающимъ часто въ крайность и даже въ противорѣчіе съ самимъ собой, какъ авторомъ I тома, посвященнаго „старому порядку“.

Вообще, при всѣхъ своихъ высокихъ и неоспоримыхъ достоинствахъ, трудъ Тэна не чуждъ и недостатковъ. Главный изъ нихъ это—по временамъ недостаточно критическое отношеніе къ источникамъ и односторонность. У Тэна мы видимъ мастерское изслѣдованіе, такъ сказать, патологическихъ явленій революціи; положительные же результаты и болѣе свѣтлыя стороны того переворота, который пережила Франція въ концѣ прошлаго столѣтія,—напр. то, что было дѣйствительно гуманнаго въ идеяхъ XVIII в., постановленія 4-го августа, судебная реформа учредительнаго собранія и т. п.—или игнорируются имъ или наравнѣ съ прочимъ не избѣгаютъ его строгаго суда. Поэтому можно сказать, что общій смыслъ и значеніе совершившагося во Франціи переворота и началъ, внесенныхъ имъ въ жизнь западно-европейскаго общества, Тэномъ не вполнѣ выяснены, а „просвѣтительная литература“ и самая революція изъ явленія всемірно-историческаго или, по меньшей мѣрѣ, европейскаго низведены имъ на степень явленія въ сущности мѣстнаго, собственно касающагося только Франціи и объясняемаго чисто мѣстными причинами и условіями.

Показавъ, что скрывалось подъ громкими словами, которыми украшала себя революція, произведеніе Тэна, казалось, должно было окончательно разрушить революціонную легенду, — черта, тѣмъ болѣе бросающаяся въ глаза, что самъ Тэнъ французъ; но насколько революціонная легенда была живуча во Франціи, показываютъ тѣ книги и брошюры, которыя въ такомъ числѣ появились по случаю столѣтняго юбилея революціи [1]) и въ которыхъ попрежнему воспроизводилась эта легенда.

Вслѣдъ за сочиненіями Тэна во Франціи явилось два труда, служащихъ ему какъ-бы противовѣсомъ и дополненіемъ и по своимъ научнымъ достоинствамъ вполнѣ заслуживающихъ вниманія. Это — „Паденіе стараго порядка“ Aimé Chérest [2]) и въ особенности — „Европа и французская революція“ Альберта Сореля.

---

[1]) Изъ сочиненій, появившихся по этому поводу въ 1889 г., слѣдуетъ отмѣтить P. Janet, „Histoire de la révolution française“. Обзоръ юбилейной литературы см. въ ст. Н. И. Карѣева, „Новѣйш. работы по исторіи франц. револ.“ („Историч. Обозр.“, т. I). Б.

[2]) „La chute de l'ancien régime (1787—1789)“. 1884—6. 3 v. Б.

Chérest. Въ своемъ обстоятельномъ и добросовѣстномъ трудѣ, за смертью автора оставшемся не совсѣмъ законченнымъ, Chérest излагаетъ факты, непосредственно предшествовавшіе революціи, начиная съ собранія нотаблей 1787 г., и тутъ расходится съ Тэномъ, возлагая значительную долю вины за послѣдующія событія на тогдашнее французское правительство и на привилегированныхъ, не желавшихъ искренно серьезныхъ реформъ и тѣмъ сдѣлавшихъ катастрофу неизбѣжною.

Сорель. Но несравненно важнѣе трудъ Сореля.

Альбертъ Сорель [1]) (род. въ 1842 г.), въ настоящее время едва ли не самый выдающійся французскій историкъ и преемникъ Тэна во Французской Академіи, сначала служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и на научное поприще выступилъ съ трудами по международному праву и дипломатической исторіи [2]). Его капитальное сочиненіе „L'Europe et la révolution française", состоящее изъ 8 т., стало выходить съ 1885 г. и теперь (1904) только что закончено [3]); началъ же Сорель работать надъ нимъ еще съ 1874 г. Такимъ образомъ, это—плодъ 30-лѣтней работы; эта книга, по выраженію самого Сореля,—„товарищъ его молодости, другъ его зрѣлаго возраста". Первоначально авторъ предполагалъ ограничиться 3—4 томами и довести изложеніе лишь до конца конвента; но потомъ рѣшилъ продолжить свой трудъ до самаго конца революціонной и Наполеоновской эпохи, т.-е. до 1815 г., и послѣ 10-лѣтняго промежутка быстро послѣдовали одинъ за другимъ остальные 4 т. (въ 1903 г.—V и VI, въ 1904—VII и VIII). Въ своемъ трудѣ Сорель даетъ характеристику Европы XVIII в., ея политическихъ нравовъ и традицій, углубляясь иногда и въ болѣе отдаленное прошлое, и съ широкой исторической точки зрѣнія обозрѣваетъ всю знаменательную эпоху 1789—1815 г.

Если Тэнъ изучалъ революцію, какъ событіе чисто французское, то Сорель, напротивъ, смотритъ на нее съ точки зрѣнія обще-европейской исторіи. Онъ слѣдитъ за взаимодѣйствіемъ революціонной Франціи и Европы и старается изобразить главнымъ образомъ значеніе революціи для всей Европы. Говоря

---

[1]) На русск. яз. см. о немъ ст. А. К. Джывелегова въ „Энциклоп. Словарѣ" Брокгауза-Ефрона и предисловіе Н. И. Карѣева къ русск. пер. „Евр. и франц. револ.". Б.

[2]) „Histoire diplomatique de la guerre franco-ellemande". 2 v.; „Precis du droit des gens" (въ сотрудничествѣ съ Funck-Brentano); „Le Traité de Paris du 20 nov. 1815". Подъ его-же редакціей изданъ одинъ изъ томовъ извѣстнаго сборника: „Recueil des instructions"... Б.

[3]) Первые 4 т. его переведены по-русски подъ ред. Н. И. Карѣева (Спб. 1892 сл.). Б.

его собственными словами, онъ собираетъ воедино главныя черты событій и отыскиваетъ въ нихъ то, чтò составляетъ самую сущность ихъ исторіи, отдаленныя причины тѣхъ „великихъ ударовъ, которые отражаются на столь далекомъ разстояніи". „Неожиданныя перипетіи этой долгой трагедіи, обширность театра, заключающаго въ себѣ всю Европу, множество дѣйствующихъ лицъ, рѣзкіе переходы отъ героическихъ сценъ къ ужасающимъ картинамъ, эпизоды, полные увлекательнаго интереса, наконецъ весь трескъ катастрофы смущаютъ душу зрителя и не позволяютъ ему уловить общую нить, связывающую отдѣльные факты". И вотъ Сорель задается цѣлью уловить именно эту общую нить, показать тѣ удивительныя соотношенія и послѣдовательную связь, которыя существовали между событіями и отдѣльными моментами.

Въ общемъ, связь эта представляется ему въ такомъ видѣ. Французская революція, говоритъ онъ, съ самаго начала ея и въ силу своего основнаго принципа, подрываетъ самыя основанія и все зданіе старой монархической Европы. Она провозглашаетъ верховенство народа, объявляетъ свои доктрины очевидными и міровыми истинами, угрожаетъ всѣмъ установленнымъ властямъ, приглашаетъ всѣ народы къ возстанію и освобожденію. Всего поразительнѣе здѣсь равнодушіе европейскихъ правительствъ: они не понимаютъ знаменательныхъ признаковъ приближающейся грозы; гроза разразилась—они смотрятъ на нее съ эгоистическимъ равнодушіемъ и пугаются лишь тогда, когда потокъ вышелъ изъ береговъ и грозилъ затопить ихъ собственныя владѣнія. Не съумѣвъ понять опасности, они не смогли и отвратить ее: они противопоставляютъ ей безсвязныя усилія, мѣры, полныя противорѣчій, неудачные планы. Все ниспровергнуто во Франціи, все уцѣлѣло въ Европѣ: у Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились кадры арміи; старыя монархіи располагаютъ всѣми рессурсами сильныхъ правительствъ. Казалось бы, что Франція должна была бы пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція не только побѣждаетъ коалицію, но и разъединяетъ ее. Крестовый походъ противъ революціи—для защиты установленнаго права—приводитъ къ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа кончаетъ полнымъ цинизма банкротствомъ.—Чтобы вступить въ соглашеніе съ революціею, Европа отрекается отъ своего принципа; чтобы поладить со старою Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ: она отказывалась отъ

завоеваній, приносила миръ вселенной, приглашала народы къ всеобщему союзу; но война разразилась, и побѣда внушила революціи воинственныя стремленія. Предпринявъ завоеванія съ освободительными цѣлями, Франція приняла участіе въ раздѣлахъ, чтобы ихъ сохранить.—Но, получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вложили въ армію духъ революціи; онъ остался въ ней, и какъ орудіе революціи передъ Франціей и Европой предсталъ Бонапартъ. Европа пыталась сопротивляться ему: онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Франція и Европа представили тогда одно и то же зрѣлище—въ томъ отношеніи, что и тѣ, кто создалъ революцію, и тѣ, кто боролся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ. Во Франціи изъ рядовъ самыхъ яростныхъ демократовъ возникаетъ цѣлая аристократія цареубійцъ; въ Европѣ государи, происходящіе изъ самыхъ древнихъ царственныхъ домовъ, принимаютъ корону изъ той самой руки, которая раздавала въ Парижѣ эти странныя инвеституры, и однимъ почеркомъ пера упраздняла цѣлыя династіи. Революція проникла даже въ семью этихъ королей: человѣкъ, въ которомъ Меттернихъ видѣлъ „воплощеніе революціи“, женился на правнучкѣ Маріи Терезіи; „едва минуло 17 лѣтъ съ той поры, какъ Марія Антуанетта погибла на эшафотѣ, и уже другая австрійская эрцгерцогиня возсѣла на ея мѣсто на французскомъ престолѣ, рядомъ съ Наполеономъ. Для старой Европы это было самое необыкновенное событіе въ исторіи революціи“.

Для Франціи результаты были еще болѣе удивительные. Въ 1792 г. она возвѣстила войну королямъ и миръ народамъ. Она восторжествовала надъ королями, но пала подъ напоромъ народовъ. Подъ формой завоеванія она распространяла въ средѣ народовъ свои принципы; подъ этой формой и именно въ силу этихъ самыхъ принциповъ народы возненавидѣли ее и возмутились противъ ея господства. Короли Европы были побѣждены націей, которая сражалась съ энтузіазмомъ. Когда европейскія націи начали войну, роли перемѣнились: теперь уже Франція была предоставлена исключительно рессурсамъ своего государства. Европа обратила противъ нее ея собственное оружіе. Послѣдствіемъ было то, что европейскія націи не устояли противъ дѣйствія тѣхъ самыхъ страстей, которыя ихъ подняли, и, вооружившись ради собственной независимости, остались вооруженными ради мщенія и завоеванія. Конецъ войнъ, вышедшихъ непосредственно изъ французской революціи, обозначаетъ начало революціи въ Европѣ, послѣд-

ствія которой слишкомъ тяжело легли на Францію. Это—выступленіе національнаго принципа.

„Эти необыкновенные перевороты, этотъ неожиданный ходъ вещей, связывающій такія повидимому противорѣчивыя событія, не могутъ однако быть объяснены случайными причинами. Если произвольно сближать отдаленные одинъ отъ другого факты, то кажется, что они совершенно не зависятъ другъ отъ друга; но разсматривая эти факты въ ихъ послѣдовательной связи, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ находится въ тѣсной зависимости съ предыдущимъ, и отъ одного къ другому устанавливается цѣлая ихъ цѣпь". Все идетъ съ правильною послѣдовательностью. Эту-то послѣдовательность Сорель и желаетъ оттѣнить въ исторіи Франціи и Европы во время французской революціи.

Но чтобы понять причины событій, ихъ результаты и основныя отношенія, онъ считаетъ необходимымъ разсмотрѣть, каковы были „политическіе нравы" стараго порядка и „традиціи", завѣщанныя прошлою исторіею европейскихъ народовъ. Ибо принципы французской революціи были отвлеченны и всеобщи, что̀ способствовало ихъ быстрому распространенію, но и было причиной того, что они принесли результаты различные, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Химикъ, говоритъ Сорель, анализируетъ воздухъ и переводитъ его въ формулы; народъ имъ дышетъ и, смотря по зародышамъ, которые содержитъ этотъ воздухъ, смотря по органамъ, въ которые проникаетъ, онъ приноситъ людямъ лихорадку или здоровье. Какъ для государства, такъ и для народовъ, существуютъ традиціи столь же древнія, какъ ихъ исторія, потому что онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Человѣкъ, захваченный кризисомъ, волей-неволей поддается вліянію упаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей; съ этими-то данными онъ принимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Французы и другіе европейскіе народы именно такимъ образомъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго.

Сорель изучаетъ прецеденты революціи и отмѣчаетъ тѣсную, преемственную связь между послѣднею и политическими нравами и традиціями старой Европы, гдѣ тоже всюду переживался кризисъ и гдѣ почва была вполнѣ подготовлена для революціонной пропаганды. Такою подготовкою Европы объясняетъ Сорель и ту легкость, съ которою революціонная Франція справлялась съ староевропейскими государствами. Гроза революціи по его мнѣнію, ви-

сѣла почти надъ всею Европою и только разразилась она во Франціи, такъ какъ тутъ были для этого наиболѣе благопріятныя условія: старый порядокъ въ этой странѣ болѣе обветшалъ и менѣе терпѣливо переносился, возбуждалъ большую ненависть и былъ легче устранимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; образъ правленія дѣлалъ необходимыми преобразованія, которыхъ не въ силахъ было выполнить правительство; власть, лишенная способности руководить общественнымъ мнѣніемъ, въ то же время неспособна была и дать ему отпоръ; банкротство правительственной власти сопровождалось банкротствомъ финансовымъ; перемѣны казались неизбѣжными, и всѣ пути были открыты для новаторовъ; наконецъ, философскія ученія, болѣе популярныя, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, глубже проникли въ народныя массы и болѣе отвѣчали ихъ духу.

Основная мысль Сореля та, что „французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ — возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе европейской исторіи“ и что „у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка“.

Слѣдя за взаимодѣйствіемъ революціонной Франціи и Европы, Сорель блистательно разрѣшилъ ту задачу, которую еще раньше его поставилъ себѣ извѣстный нѣмецкій историкъ Зибель (см. ниже), не съумѣвшій однако разрѣшить ее съ такимъ успѣхомъ. Доказывая, что французская революція есть естественное и необходимое слѣдствіе не одной только исторіи Франціи, но и исторія всей Европы, и что она не принесла собою ни одного такого послѣдствія, которое бы не вытекало изъ этой исторіи и не объяснялось прецедентами „стараго порядка“, Сорель въ сущности примѣняетъ ко всей Европѣ то, что Токвиль сдѣлалъ по отношенію къ Франціи. Вообще трудъ Сореля примыкаетъ къ произведеніямъ Токвиля и Тэна [1]), съ полнымъ правомъ занимая мѣсто на ряду съ ними, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходя ихъ [2]) и по тщательной обработкѣ обширнаго матеріала, между прочимъ и архивнаго, по глубинѣ и широтѣ взгляда, по научному безпристрастію, по ма-

---

[1]) „Tocqueville, Taine et Sorel in ihrer Stellung zur ancien régime“ („Baltische Monatsschrift“, VI). Б.

[2]) Въ особенности—Тэна, напр. по научному безпристрастію.

стерству изложенія, яркости характеристикъ, считаясь однимъ изъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нынѣшней французской исторіографіи [1]).

Сорель, по самой своей задачѣ и темѣ, не могъ подробно останавливаться на внутренней исторіи Франціи временъ революціи, на политическихъ учрежденіяхъ, партіяхъ и т. п. По внутренней исторіи французской революціи новѣйшій крупный научный трудъ принадлежитъ Олару.

Оларъ (Aulard)—одинъ изъ лучшихъ спеціалистовъ въ этой области, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ монографій [2]), „Этюдовъ и лекцій“ по исторіи революціи, профессоръ по каѳедрѣ „Исторіи французской революціи“, учрежденной въ Сорбоннѣ парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ, редакторъ журнала „La révolution française“, секретарь и дѣятельный членъ „Общества исторіи французской революціи“, издатель многочисленныхъ документовъ, касающихся комитета Общественнаго Спасенія, конвентскихъ коммиссаровъ, якобинцевъ и т. д. (см. выше) и быть можетъ, никто изъ современныхъ историковъ не знакомъ такъ съ документами революціи, какъ Оларъ. Въ 1901 г. появился его трудъ, который какъ бы объединяетъ его прежнія изслѣдованія, — документальная „Histoire politique de la Révolution française. Origines et développement de la Démocratie et la République (1789—1804)“ [3]), въ одномъ объемистомъ томѣ. Въ ней Оларъ задался цѣлью показать, какъ примѣнялись на практикѣ принципы декларацiи правъ въ періодъ съ 1789 г. по 1804 г., какъ осуществлялись они въ учрежденіяхъ, истолковывались въ рѣчахъ, въ печати, въ дѣйствіяхъ различныхъ партій, въ тѣхъ или другихъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія. Онъ излагаетъ внутреннюю политическую исторію французской революціи съ точки зрѣнія

---

[1]) Сорелю принадлежатъ еще слѣдующіе труды, касающіеся XVIII ст. и революціи: „La Question d'Orient au XVIII siècle“; „Essais d'histoire et de critique“; „Nouveaux Essais d'histoire et de critique“; „Lectures historiques“; „Etudes de litterature et d'histoire“, въ особенности же монографія—„Bonaparte et Hoche en 1797“ и превосходныя біографіи и характеристики „Montesquieu“ и „M-me de Staël“ (въ коллекціи „Les grands écrivains franç.“; обѣ книжки имѣются въ русск. перев.). Б.

[2]) „Éloquence parlementaire pendant la révolution franç. Les orateurs de l'assemblée constituante“. 1882. „Les orateurs de la Législative et de la Convention“. 1885—6. 2 v.; „Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être suprême“. 1892; „Etudes et leçons sur la révolution française“ (нѣсколько серій, изъ „Biblioth. de l'hist. contempor.“). Ему же принадлежатъ главы по исторіи (внутренней) французской революціи въ коллективной „Hist. générale“ par Lavisse et Rambaud. Б.

[3]) Есть русск. пер. М. 1902.

происхожденія и развитія демократіи и республики и сообразно этому дѣлитъ ее на 4 періода: 1) отъ 1789 до 1792 г., происхожденіе демократіи и республики, т.-е. возникновеніе демократической и республиканской партій при господствѣ избирательнаго ценза и конституціонной монархіи; 2) отъ 1792 до 1795 г., періодъ демократической республики, 3) отъ 1795 до 1799, періодъ буржуазной республики и 4) отъ 1799 до 1804 г., періодъ плебисцитарной республики.

Но это не есть полная внутренняя исторія французской революціи.

Оларъ, какъ самъ заявляетъ, старался выдѣлить и наиболѣе освѣтить лишь тѣ факты, которые оказали очевидное и прямое вліяніе на политическую эволюцію Франціи,—политическія учрежденія, систему избирательнаго ценза и монархическій режимъ, всеобщее избирательное право, конституцію 1793 г., революціонное правительство, конституцію III года, конституцію VIII года, идейное движеніе, подготовившее, установившее и видоизмѣнявшее всѣ эти учрежденія, политическія партіи, ихъ стремленія и ихъ распри, главнѣйшія теченія общественнаго мнѣнія, перевороты въ умахъ общества, выборы, плебисциты, борьбу новаго духа съ духомъ прошлаго, новыхъ силъ съ силами стараго порядка, свѣтскаго духа съ клерикальнымъ, раціональнаго принципа свободнаго изслѣдованія съ католическимъ принципомъ авторитета; но онъ оставляетъ въ сторонѣ не только военную и дипломатическую, но и напр. финансовую, соціально-экономическую исторію революціи. Самое изложеніе Олара—довольно сухое, не чуждое повтореній. Зато это трудъ, въ основаніи котораго лежатъ преимущественно документы, въ значительной мѣрѣ даже неизданные; мемуарами Оларъ пользуется лишь въ видѣ исключенія, скорѣе съ цѣлью подтвердить, нежели опровергнуть другія свидѣтельства. Вообще онъ ставитъ своею задачею исполнять обязанность историка, а не защищать какой-либо тезисъ; его трудъ, по собственнымъ словамъ Олара, „образчикъ примѣненія историческаго метода къ изученію эпохи, извращенной страстями и легендами“: онъ свободенъ отъ легендарной традиціи. Оларъ выдвигаетъ преимущественно положительную, а не разрушительную дѣятельность революціоннаго правительства и его органовъ; въ противоположность Тэну, онъ показываетъ, что тогдашнія учрежденія и самыя конституціи не столько были плодомъ отвлеченныхъ теорій, сколько возникали въ силу условій, въ силу необходимости, и являлись своего рода компромиссами. И у него, какъ у Мишле, революція является не

дѣломъ героевъ, отдѣльныхъ личностей, а дѣломъ въ сущности народной массы, націи [1]).

Новѣйшая исторія французской революціи — „Histoire socialiste de la révolution (1901 г.)“ [2]) Жореса (Jaurés), написанная съ соціалистической точки зрѣнія.

Наконецъ въ этомъ обзорѣ французской литературы по исторіи революціи мы должны упомянуть о Chuquet, который хотя и не написалъ общаго труда по этому предмету, но которому принадлежитъ рядъ прекрасныхъ монографій, въ томъ числѣ лучшая исторія революціонныхъ войнъ [3])].

Англійская литература о революціи.

Теперь обратимся къ тому, что сдѣлали и написали англичане по этому предмету. Такая практическая нація, какъ англійская, разумѣется, должна была отнестись къ перевороту, основанному на чисто теоретическихъ началахъ, крайне недовѣрчиво и даже враждебно. Американцы, какъ и англичане, высказали этотъ взглядъ на революцію съ самаго же начала, такъ какъ уже Джефферсонъ, одинъ изъ дальновиднѣйшихъ государственныхъ людей Америки, во время первыхъ революціонныхъ движеній во Франціи писалъ другу своему Лафайету, что, по его мнѣнію, затѣянная во Франціи революція не можетъ кончиться благопріятно и что вмѣсто того, чтобы предпринимать капитальную ломку всѣхъ государственныхъ учрежденій, было бы достаточно учредить правильное народное представительство, уничтожить рѣзкія привилегіи и облегчить экономическое положеніе страны, въ особенности крестьянъ. Другой же замѣчательный государственный человѣкъ, англичанинъ Боркъ, среди полнаго революціоннаго энтузіазма законодательнаго собранія предсказывалъ французамъ, что ихъ революціонныя ученія, не имѣя никакой исторической почвы, не принесутъ имъ свободы и что ихъ республика кончится военнымъ деспотизмомъ. Судъ англичанъ надъ революціей остался и впослѣдствіи такимъ же строгимъ и трезвымъ. Такъ въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка подобнымъ образомъ отнесся къ революціи шотландецъ Элисонъ въ своемъ многотомномъ сочиненіи: „Исторія Европы отъ начала французской революціи до реста-

Элисонъ.

---

[1]) См. ст. Seignobos въ „Revue Universitaire“, 1901, 15 Mai. Б.

[2]) 1 т. посвященъ конституантѣ, 2-й законодательному собранію, слѣдующіе два—конвенту.

[3]) „Les guerres de la révolution“, 11 т., изъ которыхъ каждый составляетъ особое цѣлое, напр. „La première invasion prussienne“, „Valmy“, „La retraite de Brunswick“ и т. д.; см. также его „Etudes d'histoire“; „Paris en 1790; voyage de Halem, traduction, introduction et notes“; „La jeunesse de Napoléon“. 3 v.; „Dugommier“. 1904. Б.

враціи Бурбоновъ“ [1]). Элисонъ—тори и провиденціалистъ, и эти качества даютъ достаточное понятіе, въ какомъ духѣ написано это весьма почтенное по объему и матеріаламъ сочиненіе [теперь, впрочемъ, совершенно ужъ устарѣлое]. Изъ другихъ английскихъ трудовъ должно упомянуть еще объ оригинальной книгѣ

Карлейль. Карлейля [2]), которая есть скорѣе героическій эпосъ о революціи, чѣмъ научная ея исторія, и имѣетъ значеніе лишь потому, что огромный литературный талантъ автора доставилъ ей широкую извѣстность; [болѣе новыми являются трудъ Stephens'а, „A history of the French Revolution“. 1886. 3 v., и Dickinson'а, „Revolution and Reaction in modern France 1789—1871“, 1892 [3])].

Нѣмецкая литература о революціи. Остаются нѣмецкія изслѣдованія о революціи. У нѣмцевъ только съ половины XIX ст. появились серьезные научные труды по этому вопросу. Таково прежде всего сочиненіе Зибеля „Исторія революціоннаго времени съ 1789 по 1800 г.“ [4]).

Зибель. Зибель, не говоря о необозримой массѣ относящихся къ революціи мемуаровъ [5]), пользовался записками и журналами, веденными въ разныхъ департаментахъ Франціи, рукописными документами, хранящимися въ библіотекахъ Парижа и Брюсселя, а также письмами и донесеніями английскихъ и нѣмецкихъ дипломатовъ, генераловъ и государственныхъ людей. Основанная на такомъ всеобъемлющемъ приготовительномъ трудѣ, книга рекомендуетъ себя также своимъ благороднымъ тономъ и умѣреннымъ, разумнымъ направленіемъ, далекимъ отъ тѣхъ крайностей, въ которыя такъ часто впадаютъ историки этой понынѣ еще живой и страстной эпохи. Не теряя изъ виду великаго соціальнаго и нравственнаго значенія французской революціи, авторъ въ то же время не увлекается романтическимъ пристрастіемъ къ террористамъ и другимъ передовымъ дѣятелямъ эпохи, безпощадно выводя на свѣтъ ихъ слабости, ихъ политическую и нравственную ничтожность.

---

[1]) Alison, „Hist. of Europe from the commenc. of the french revolut. to the restauration of the Burbons“. Edinb. 1833—42. 20 v.

[2]) Carlyle, „French Revolution“. Lond. 1837. 3 v. I-й т. перев. по-русски („Ист. франц. револ.“ М. 1866). Б.

[3]) VIII т. „The Cambridge modern history“ содержитъ въ себѣ исторію французской революціи („The French revolution“). Б.

[4]) Sybel, „Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800“. 5 Bde. 1853—1879 (нѣсколько изданій). Первые 3 тома перев. и на русск. яз. (Спб. 1863—7). Б.

[5]) Примѣчаніе. Оцѣнку труда Зибеля заимствуемъ изъ „Новѣйш. національной исторіографіи“ М. Н. Петрова, такъ какъ она здѣсь и точнѣе, и справедливѣе, нежели въ его лекціяхъ. Болѣе подробно о Зибелѣ—въ моихъ статьяхъ: „Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ“. Харьк. 1896 (отд. оттискъ изъ „Запис. Имп. Харьк. Унив.“) и въ „Вѣстн. Самообразов.“, 1904, № 40. Б.

Вмѣстѣ съ Барантомъ [1]), Зибель разсѣялъ тотъ нимбъ, которымъ Мишле, Луи Бланъ и другіе писатели соціально-гуманитарной школы окружили правленіе ужаса. Съ одинаковымъ безпристрастіемъ подвергаетъ онъ строгому суду преступныя страсти и фанатизмъ какъ народныхъ массъ, такъ и вождей движенія, наслѣдниковъ всей нравственной порчи стараго порядка вещей. [Онъ же доказывалъ, что не старая Европа была виновницей войны съ революціонной Франціей, а наоборотъ—послѣдняя сама употребила всѣ усилія, чтобы вызвать борьбу съ Европой. Трудъ Зибеля] имѣетъ еще то преимущество, что онъ не ограничивается изученіемъ одной Франціи въ политическомъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніи, какъ большая часть сочиненій о революціи, но слѣдитъ въ то же время и за другими однородными явленіями въ Европѣ,—за паденіемъ Польскаго государства и разрушеніемъ Римско-Нѣмецкой имперіи, открывая вездѣ слѣды одного и того же разрушительнаго духа времени, разлагавшаго повсюду старыя отжившія историческія формы, [и хотя въ послѣднее время задача эта удачнѣе разрѣшена французскимъ ученымъ Сорелемъ въ названномъ выше его трудѣ, тѣмъ не менѣе сочиненіе Зибеля остается однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій о періодѣ французской революціи].

Другое нѣмецкое сочиненіе объ исторіи революціи — Гейссера [2]), переведенное также и на русскій языкъ [3]), представляетъ едва-ли не лучшее изъ существующихъ руководствъ по этой части, такъ какъ, при систематичности, строго-научномъ и живомъ изложеніи, книга эта, по своему сравнительно небольшому объему, представляетъ всѣ удобства для подобнаго назначенія. Гейссеръ.

[Ученику Гейссера, Онкену, принадлежитъ 2-томный трудъ— „Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege" (1884, въ изданной имъ коллекціи „Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen")].

[Нельзя обойти молчаніемъ и русской литературы. Дѣло въ томъ, что русскія изслѣдованія, касающіяся стараго порядка и революціи, занимаютъ довольно видное мѣсто и по количеству, и по качеству [4]). Русская литература.

[1]) Трудъ Зибеля въ 1-мъ изданіи началъ выходить съ 1853 г. Б.

[2]) Häusser, „Gesch. der französischen Revolution 1789—99". 1867. Это—лекціи, записанныя и изданныя по смерти Гейссера его ученикомъ Онкеномъ. Б.

[3]) „Ист. французск. революціи". Перев. подъ редакц. А. С. Трачевскаго. М. 1870. Б.

[4]) Н. И. Карѣевъ, „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской

В. И. Герье. Прежде всего слѣдуетъ назвать многочисленныя статьи В. И. Герье о Тэнѣ [1]), о Мабли [2]), и о вліяніи идеи народовластія на исторію революціи. Среди послѣдней категоріи особенно выдается актовая рѣчь: „Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года" (М. 1884), представляющая цѣлое и очень цѣнное изслѣдованіе (143 стр.) о политическихъ теоріяхъ и воззрѣніяхъ того времени. Большая часть статей, касающихся вліянія идеи народовластія на исторію революціи, написана В. И. Герье въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ истекшаго вѣка. Недавно (1904) онъ собралъ ихъ и издалъ въ видѣ книги подъ общимъ заглавіемъ: „Введеніе въ исторію революціи 1789 г.—Идея народовластія и французская революція 1789 г." М. 1904 [3]). Статьи эти представляютъ внутреннюю, органическую связь между собою. Указать, чѣмъ обусловливается въ историческомъ прошломъ Франціи возникновеніе идеи народовластія, почему и въ чемъ она нашла тамъ благопріятную почву для своего развитія, какъ и кѣмъ она была облечена въ ту формулу, которая обезпечивала ей популярность, какъ само правительство содѣйствовало ея успѣху, какъ она получила всенародное признаніе и при какихъ условіяхъ она восторжествовала,—таковъ, по собственнымъ словамъ В. И. Герье, предметъ его книги. Въ первой главѣ („Историческая роль монархіи во Франціи и созданіе націи") [4]) объясняется историческое происхожденіе французскаго народа и объединеніе составныхъ частей его въ новомъ понятіи о французской націи. Вторая статья — „Зачатки революціи 1789 г. [5]) (по поводу книги Rocquain, „L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution")— показываетъ, какъ это новое понятіе послужило средствомъ для борьбы парламентовъ противъ монархіи стараго порядка. Минуя третью статью („Народность и прогрессъ"), не имѣющую прямаго отношенія къ исторіи Франціи, мы встрѣчаемъ обширную главу:

революціи". Спб. 1904 (отд. оттиски изъ „Извѣстій С.-Петербургск. Политехнич. Института", 1904, т. I). Б.

[1]) См. выше, стр. 143, прим. 2.

[2]) „Ученіе о нравственности и соціальныя утопіи Мабли" („Русск. Мысль", 1883), „Французскій этикъ и соціалистъ XVIII в." (ibid.), „Политич. теоріи аббата Мабли" („Вѣстн. Евр.", 1887). Ср. его-же книгу на франц. яз.: „L'abbé de Mably. moraliste et politique". P. 1886.

[3]) Объ этой книгѣ—ст. проф. кн. Е. Н Трубецкого въ „Научн. Словѣ", 1904, кн. VII.

[4]) Сначала напечатана въ „Сборн. Государствен. Знаній" В. П. Безобразова (1877, III т.) подъ заглав.: „Республика или монархія установится во Франціи?". Б.

[5]) Сперва—въ „Историч. Вѣстн.", 1879, т. II. Б.

„Понятіе о народѣ у Руссо“ [1]), которая показываетъ вліяніе этого писателя на представленіе о народѣ, и его роль въ популяризаціи идеи народовластія. Дальнѣйшая судьба этой идеи находилась въ зависимости отъ внутренней политики правительства Людовика XVI и отъ его отношеній къ вопросу о неотложныхъ реформахъ, что составляетъ предметъ статьи: „Народъ и правительство Франціи на исходѣ стараго порядка“. Затѣмъ слѣдуетъ упомянутое уже изслѣдованіе о наказахъ—„Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 г.“,—показывающее, какъ идея народовластія понималась въ тогдашнихъ политическихъ программахъ и требованіяхъ; а послѣдняя статья: „Торжество идеи народовластія“ излагаетъ, какъ эта идея восторжествовала 17 іюня, когда 491 депутатъ третьяго сословія, безъ согласія короля, провозгласили себя Національнымъ Собраніемъ, что̀ означало переходъ верховной власти отъ короля къ Собранію и начало революціи.

Наиболѣе общій и самый обширный трудъ въ русской литературѣ по исторіи французской революціи это — „Происхожденіе современной демократіи“ М. М. Ковалевскаго, въ 4 томахъ (М. 1895—7; есть 2-е изд.),—трудъ, объединяющій и завершающій рядъ предшествующихъ работъ автора, появлявшихся съ конца 80-хъ и въ теченіе 90-хъ годовъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Русскомъ Богатствѣ“, „Юридическомъ Вѣстникѣ“, „Историческомъ Обозрѣніи“ и „Сборникѣ Правовѣдѣнія и и Общественныхъ Наукъ“. Правда, М. М. Ковалевскій не задавался цѣлью написать новую полную исторію французской революціи и дать оцѣнку ея общихъ результатовъ; но все-же онъ изображаетъ старый порядокъ, общественный и политическій строй Франціи наканунѣ революціи, излагаетъ политическія и соціальныя доктрины XVIII в. (I т.); подробно разбираетъ соціальное и политическое законодательство конституанты, показывая, какъ была выработана конституція 1791 г. (т. II) и какъ она была принята націей и королемъ (т. III), а въ послѣднемъ IV т., собственно говоря, не имѣющемъ особенно тѣсной связи съ предъидущими, онъ останавливается на паденіи аристократической республики въ Венеціи. Въ противоположность Тэну, который за исторіей соціальныхъ и политическихъ неурядицъ, ознаменовавшихъ собою изображенную имъ эпоху, не увидѣлъ совершоннаго революціею дѣла, М. М. Ковалевскій останавливается именно на этомъ послѣднемъ, хотя и не во всемъ его объемѣ. Его интере-

М. М. Ковалевскій.

---

[1]) Сначала напеч. въ „Русск. Мысли“, 1882, № 5 и 8. Б.

суетъ преимущественно взаимодѣйствіе соціально-экономическаго и политическаго строя, т.-е. то, что до сихъ поръ не было еще достаточно выяснено въ предшествующихъ трудахъ ученыхъ, не исключая и западно-европейскихъ. Онъ избираетъ предметомъ своего изслѣдованія двѣ стороны—соціальную и политическую. Какъ онъ самъ заявляетъ, онъ задается мыслью изучить главнымъ образомъ процессъ развитія той демократической доктрины, того ученія о гражданскомъ равенствѣ и народномъ суверенитетѣ, которыя были положены въ основу законодательства, направленнаго къ рѣшенію экономическихъ и общественно-государственныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ революціею. Такимъ образомъ, трудъ М. М. Ковалевскаго, подобно труду Олара (см. выше), вышедшему позже, есть внутренняя исторія французской революціи съ точки зрѣнія развитія демократіи, но у русскаго изслѣдователя выдвинута та сторона, которая не затронута Оларомъ,—соціально-экономическая. У него не только охарактеризованъ сословный строй Франціи, но и подробно разсмотрѣны экономическое положеніе крестьянскаго и рабочаго класса, соціальныя и экономическія теоріи и законодательство по крестьянскому и рабочему вопросу. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить, что у М. М. Ковалевскаго подробнѣе, нежели у другихъ, характеризуется та англоманія и американофильство, то увлеченіе англійскими и американскими идеями и порядками, которыя оказали могущественное вліяніе на революцію. Нигдѣ, далѣе, такъ обстоятельно не излагается исторія выработки конституціи 1791 г., какъ у М. М. Ковалевскаго: по вопросамъ о системѣ двухъ или одной палаты, о королевскомъ veto, о компетенціи собранія, объ избирательномъ правѣ, объ исполнительной и судебной власти, министерской отвѣтственности, о правѣ войны и мира, онъ приводитъ подробно доводы, высказанные сторонами. Наконецъ, касаясь тогдашнихъ воззрѣній и законодательства, М. М. Ковалевскій нерѣдко сопоставляетъ ихъ съ современными намъ взглядами.

Напомнимъ, что въ „Исторіи Западной Европы“ (III т.) Н. И. Карѣева дается обстоятельная, всесторонняя характеристика „стараго порядка“ и революціи.

Что касается книги Н. А. Любимова, „Крушеніе монархіи во Франціи“ (1893), составившейся изъ статей, которыя печатались первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ „Противъ теченія“ (подъ псевдонимомъ В. Кочнева), то это не столько научное, сколько тенденціозное произведеніе; а въ „Лекціяхъ по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона

(1789—1815)“ проф. В. К. Надлера, читанныхъ имъ въ Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія и изданныхъ послѣ его смерти въ обработкѣ В. П. Бузескула (Харьк. 1898), отдѣлъ собственно о революціи слишкомъ кратокъ (110 стр. до директоріи) и вообще неудовлетворителенъ; вторая же половина лекцій, посвященная исторіи Наполеона и имперіи, представляетъ довольно живой и полезный очеркъ, въ которомъ отмѣчаются главные. наиболѣе выдающіеся моменты и ихъ значеніе.

Кромѣ трудовъ болѣе или менѣе общаго характера, русскимъ ученымъ принадлежитъ немало болѣе или менѣе цѣнныхъ монографій по разнымъ вопросамъ изъ исторіи стараго порядка и революціи,—монографій, изъ коихъ нѣкоторыя переведены и на французскій языкъ. Выше были уже отмѣчены главнѣйшія статьи В. И. Герье. Затѣмъ, проф. Н. И. Карѣевъ въ своей превосходной магистерской диссертаціи изслѣдовалъ крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. [1]); И. В. Лучицкій—вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до и во время революціи и о продажѣ національныхъ имуществъ [2]); Г. Е. Аѳанасьевъ—„Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго и ихъ значеніе“ [3]), а затѣмъ—„Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“ [4]); П. Н. Ардашевъ—„Провинціальную администрацію во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (провинціальные интенданты)“ [5]); А. М. Ону—„Наказы третьяго сословія“ [6]); В. Я. Хорошунъ—дворян-

---

[1]) „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ М. 1879; книга эта недавно переведена на франц. яз. (1899). Б.

[2]) „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“. Кіевъ. 1894 (и на франц. яз. въ „Revue historique“, LIX); „Крестьянск. позем. собствен. во Фр. и продажа нац. имущ.“. Кіевъ. 1895 (на нѣм. яз.—въ „Zeitschrift für Social-und Wirthschaftsgesch.“, 1895, и на франц.—брошюра, 1897); „Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в.“ Кіевъ. 1896; „По поводу одной изъ историч. легендъ“ („Сборн. въ пользу недостат. студ. унив. Св. Владиміра“. 1895); „Къ вопросу о состояніи мелкой собствен. во Фр. до и во время революціи“ („Новое Слово“, 1896, окт.); „Національн. имущества“ въ „Энциклоп. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона и въ особенности: „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи (преимущественно въ Лимузенѣ)“. Кіевъ. 1900. Б.

[3]) Подъ этимъ заглавіемъ—магист. дис. Одесса. 1884. Б.

[4]) Подъ этимъ заглавіемъ—докторск. дис. Одесса. 1892. Переведена на франц. яз. Б.

[5]) Т. I. Спб. 1900 (большая часть помѣщена была въ видѣ статей въ Ж. М. Н. Пр.). Краткое резюмэ напечатано на франц. яз. въ „Revue d’hist. moderne et contemporaine“, 1903—4, t. V. Томъ III—на франц. яз., „Les intendants de province sous Louis XVI“—содержитъ документы (Юрьевъ, изъ „Ученыхъ записокъ Имп. Юрьевск. Унив.“ за 1902—4 г.). Б.

[6]) Въ Ж. М. Нар. Просв. за послѣдніе годы (съ большими перерывами). Б.

скіе наказы [1]), И. И. Ивановъ — „Политическую роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII в.“ [2]); проф. Алексѣевъ—ученіе Руссо [3]). Но подробно останавливаться на этихъ изслѣдованіяхъ здѣсь не мѣсто [4])].

II. Причины революціи.

Теперь мы можемъ обратиться къ изложенію самой исторіи революціи и начнемъ съ разсмотрѣнія причинъ этого явленія.

Причины эти мы будемъ искать въ различныхъ сторонахъ и областяхъ исторической жизни новой Европы: въ общественной

---

[1]) „Дворянск. наказы во Франціи въ 1789 г.“. Т. I. „Соціальн. и экономич. программа наказовъ“. Одесса. 1899. **Б.**

[2]) М. 1895. **Б.**

[3]) „Этюды о Руссо“. М. 1887. **Б.**

[4]) Находящійся въ текстѣ обзоръ литературы, относящейся къ исторіи французской революціи и „стараго порядка“, дополнимъ еще нѣкоторыми указаніями: Raudot, „La France avant la révolution, son état politique et social“. 1841; Boiteau, „État de la France en 1789“. 1861 (лучшее сочиненіе по этому вопросу; имѣется новое изданіе его, хотя автора ужъ нѣтъ въ живыхъ); Vicomte de Broc, „La France sous l'ancien régime“ 1887—9. 2 v. „La France pendant la Révolution“ (въ русск перев. есть де-Брокъ, „Франц. revол. въ показаніяхъ современниковъ и мемуаровъ“. Спб. 1893); рядъ трудовъ Babeau („Le village sous l'ancien régime“. 1878; „La vie rurale dans l'ancienne France“. 1882 (1-е изд.). „La ville sous l'ancien régime“, „Les bourgeois sous l'ancien régime“. 1886, „La vie militaire sous l'ancien régime“. 1889, „Paris en 1789“. 1889, „La province sous l'ancien régime“. 1894. 2 v.; „Le Louvre et son histoire“. 1895. Pisard, „La France en 1789, la société, le gouvernement, l'administration“. 1882; Aubertin, „Esprit public au XVIII siècle“. 1873; Rocquain, „L'esprit révolutionnaire avant la révolution“. 1878; Janet, „Philosophie de la révolution française“. 1875; Champion. „Esprit de la révolution française“. 1886; Mortimer-Ternaux, „Hist. de la Terreur“. 1862—7, 6 v. (обширный и добросовѣстный трудъ, имѣющій значеніе и для исторіи революціи вообще); Faguet, „L'oeuvre sociale de la révolut. française“. 1901, „Questions politiques“. 1899; Карно, „Исторія франц. револ.“ 1893 (пер. съ франц.); Sainte-Beuve, „Causeries du lundi“; Lescure, „Rivarol et la société française pendant la révolution et l'émigration (1753—1801). Études et portraits historiques et litteraires, d'après des documents inédits“. 1883; исторіи же революціи французской посвящены и 13 — 15 томы извѣстнаго сочиненія Лорана (Laurent, „Etudes sur l'hist. de l'humanité“. Bursin et Challamel, „Dictionnaire de la Révolution française. Institutions, hommes et faits“. 1892 (см. ст. П. Н. Ардашева объ этомъ словарѣ—въ „Историч. Обозр.“, т. V); Robinet etc., „Dictionnaire historique et biographique de la Révolution et de l'Empire“. 1899. 2 v.; Warnkönig und Stein, „Französische Staats- und Rechtsgeschichte“. Basel. 1846—9; Richter, „Staats- und Gesellschafts-Recht der franz. Revolution“. 1865—6. 2 Bde: Adolf Schmidt, „Tableaux de la révolution franç., publiés sur des pap. inédits“. Leipz. 1867—70. 3 v.; „Pariser Zustände während der Revolutionszeit von 1787—1800“. Jena. 1875. 2 Bde; Oncken, „Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege“. Berlin. 1884. 2 Bde (въ издаваемомъ имъ сборникѣ); изображеніе стараго порядка можно найти и у Rambaud, „Hist. de la civilisation française“, т. 2-ой (1887).—Дальнѣйшія указанія см. въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Изъ справочныхъ библіографическихъ пособій можно отмѣтить: Tourneux, „Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolut. française“. 1890 сл., и Tuetay, „Répertoire général des sources de l'histoire de Paris pendant la révolut. française“. 1890—3. 3 v. **Б.**

сферѣ, въ области нравственныхъ понятій, въ литературномъ движеніи времени и экономическихъ отношеніяхъ,— и постараемся указать на главнѣйшія подготовительныя явленія со всѣхъ этихъ сторонъ. Начнемъ съ общественныхъ причинъ.

1. Причины общественныя.

Революція, какъ явленіе историческое, имѣла въ своемъ основаніи отвлеченныя идеи свободы и равенства,—отвлеченныя потому, что государственный строй старой Франціи очень мало подготовилъ для нихъ дѣйствительныхъ элементовъ, особенно для идеи свободы. Разсмотримъ это исторически.

Идея общественной свободы. Идея общественной свободы, хотя и не была совершенно чужда старой Франціи, однако мало имѣла для себя такихъ формъ и учрежденій, на которыхъ могла бы опереться и окрѣпнуть, ибо провинціальные сеймы, сеймы государственные или общесословные и парламенты, хотя и могутъ считаться зародышами представительныхъ началъ старинной Франціи, но представляютъ слишкомъ слабую почву для идеи общественной свободы.

Провинціальные сеймы. Провинціальные или областные сеймы (états provincials) въ теченіе XVI, XVII и XVIII в.в., болѣе и болѣе теряли свое значеніе въ виду того объединяющаго и нивеллирующаго процесса, который неудержимо совершался въ исторіи Франціи и проводникомъ котораго была монархическая власть, такъ что ко времени Людовика XIV сеймы эти почти уже совсѣмъ утратили свой прежній автономическій характеръ, уцѣлѣвъ лишь въ нѣсколькихъ провинціяхъ [1]). Но если даже они и сохранили бы его въ прежнемъ объемѣ, то уже одно то обстоятельство, что ихъ было сначала много, и самая разрозненность областныхъ или мѣстныхъ интересовъ, ими представляемыхъ, помѣшали бы образованію изъ нихъ общаго представительства страны.

Генеральные штаты. Такъ же мало значенія, какъ подготовительный либеральный элементъ, имѣли сеймы государственные или обще-сословные, входящіе въ употребленіе во Франціи съ XIV в., со времени Филиппа Красиваго, который по поводу спора съ папою Бонифаціемъ VIII въ первый разъ созвалъ представителей трехъ сословій королевства [2]). Сеймы эти, или такъ называемые États

---

[1]) Напр. въ Бретани и Лангедокѣ. Провинціи, гдѣ сохранились областные сеймы, назывались „pays d'état", остальныя—„pays d'élection". Б.

[2]) Лучшія сочиненія по вопросу объ „états généraux"—Picot и Desjardins (см. III т., стр. 96, прим.). Б.

générаux, отъ времени до времени созывались потомъ правительствомъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ; но значеніе ихъ, какъ и нашихъ земскихъ соборовъ, было вообще совѣщательное: законодательной же власти они не имѣли никакой, и король могъ принять или не принять высказанныя ими мнѣнія. Цѣль созванія подобныхъ сеймовъ короною, главнымъ образомъ, состояла въ улаженіи какихъ-нибудь экстренныхъ, особенно же финансовыхъ затрудненій, но контроль надъ государственнымъ бюджетомъ сеймамъ этимъ все-таки предоставленъ не былъ. Быть можетъ, впрочемъ, изъ этихъ États-généraux при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и могло бы современемъ развиться правильное народное представительство, если бы во второй половинѣ XIV и первой половинѣ XV вв. не возникли народныя войны съ англичанами, естественный результатъ которыхъ весь обратился въ пользу монархіи. Королю, который закончилъ это дѣло, именно Карлу VII, сама собою досталась въ руки такая неограниченная власть, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Государственный сеймъ, имъ созванный, предоставилъ ему право имѣть постоянное войско и собирать постоянныя подати, т.-е. далъ коронѣ всѣ средства обходиться на будущее время безъ содѣйствія сословій. Съ того времени общественные сеймы теряютъ во Франціи все болѣе и болѣе дѣйствительнаго значенія. Отъ времени до времени, правда, они еще созываются правительствомъ. Такъ, Людовикъ XI обращался къ содѣйствію подобнаго сейма во время борьбы своей съ „лигой общественнаго блага“; въ малолѣтство Карла VIII, регентша Де-Боже тоже искала въ États-généraux опоры противъ принцевъ королевскаго дома, оспаривавшихъ у нея власть. Но сеймы уже играютъ здѣсь роль орудія въ рукахъ правительства. Затѣмъ проходитъ 85 лѣтъ, въ теченіе которыхъ о государственныхъ сеймахъ нѣтъ и помину во Франціи. Выходятъ они снова на сцену только уже въ реформаціонное время, когда въ промежуткѣ времени между 1560 и 98 г. они созывались 5 разъ. Но сеймы этой эпохи, [обнаружившіе дѣйствительно стремленіе ограничить королевскую власть и подчинить ее своему контролю [1])], оказываются въ концѣ концевъ безсильными помочь внутреннимъ затрудненіямъ, съ которыми тогда боролась корона, и, напротивъ, сами являются орудіемъ фанатизма и игралищемъ религіозныхъ и политическихъ страстей. Съ Генриха IV, положившаго конецъ религіознымъ неурядицамъ въ странѣ, начинается

---

[1]) См. напр. III т., стр. 95.

и новое самодержавіе французской короны; такъ-что, по смерти его, одинъ только разъ еще, именно въ малолѣтство его преемника, Людовика XIII, созванъ былъ общесословный сеймъ. Но этотъ сеймъ 1614 г. также оказался безсильнымъ помочь финансовымъ и политическимъ затрудненіямъ правительства, потому что въ немъ обнаружилась непримиримая рознь сословій, именно ненависть привилегированныхъ классовъ къ tiers-état. Сеймъ этотъ яснѣе всего доказалъ несостоятельность и безсиліе этого учрежденія. Поэтому съ 1614 г., въ теченіе цѣлыхъ 175 лѣтъ во Франціи ни разу потомъ не созывались общесословные сеймы, но зато États-généraux, созванные послѣ столь долгаго промежутка въ 1789 г., и послужили исходной точкой революціи.

Парламенты.

Затѣмъ, третьимъ учрежденіемъ, которое могло бы послужить исторической подготовкой для идеи общественной свободы во Франціи, были парламенты. Но уже одно то, что ихъ сначала было 9, а потомъ 15 во всемъ королевствѣ, должно было воспрепятствовать этому учрежденію сыграть ту роль представительныхъ собраній, которую оно съ теченіемъ времени пыталось разыгрывать. Парламенты, въ особенности главный изъ нихъ, парижскій, послѣ того какъ États-généraux вышли изъ употребленія, правда, присвоили себѣ, какъ мы видѣли [1]), нѣкоторыя права народнаго представительства, напр. согласіе или несогласіе на новыя подати, регистровку новыхъ законовъ и т. под.; но права эти, какъ узурпація, постоянно оспаривались короною. Людовикъ же XIV отнялъ ихъ у парламентовъ, превративъ ихъ въ чисто судебныя учрежденія. По смерти Людовика XIV парижскій парламентъ снова, впрочемъ, поднялъ голову, и все правленіе Людовика XV наполнено борьбою парламентовъ съ короною,— борьбою, которая, какъ извѣстно, окончилась совершеннымъ закрытіемъ парламентовъ. Но мѣра эта въ глазахъ общества была до того ненавистна, что первымъ дѣломъ новаго правительства, по вступленіи Людовика XVI во власть, было возстановленіе парламентовъ въ ихъ прежнемъ видѣ и съ прежнимъ значеніемъ.

Рознь сословій

Изъ этого обзора легко усмотрѣть, какъ слабы были либеральныя или представительныя начала, выработанныя дореволюціонною Франціей. Кромѣ того, болѣе успѣшному развитію этихъ

---

[1]) См. выше, стр. 15, 63 сл.

началъ мѣшало еще одно капитальное обстоятельство; это — непримиримая, вѣковая рознь сословій. Во Франціи никогда не было такого тѣснаго союза между городскимъ сословіемъ и дворянскимъ противъ короны, какой былъ одною изъ главныхъ причинъ успѣшнаго развитія парламентскаго устройства въ Англіи. Здѣсь, напротивъ, съ самаго начала, т.-е. съ XII в., города соединились съ короною противъ дворянства; дворянство же это, будучи поглощено своими мѣстными интересами, никогда не могло составить тѣсно сплоченной и сильной корпораціи, какъ напр. англійская аристократія, успѣвшая своимъ вліяніемъ весьма рано ограничить королевскую власть. Такимъ образомъ, старая Франція очень мало успѣла подготовить почву для идеи общественной свободы.

Идея равенства.

За то идея политическаго и гражданскаго равенства, дѣйствительно, имѣла здѣсь для своего развитія всѣ благопріятныя условія: 1) крѣпкую монархическую власть съ ея уравнительными и объединительными стремленіями и характеромъ; 2) вѣковой процессъ административной централизаціи, которая все болѣе и болѣе сглаживала мѣстныя, областныя и сословныя права и особенности; Токвиль показываетъ, какъ все существенное въ этомъ отношеніи было сдѣлано уже старой Франціей, такъ-что ко времени революціи остались только формальныя различія между общественными классами; 3) но что особенно способствовало подготовкѣ Франціи къ безграничному осуществленію идеи равенства,

Ростъ третьяго сословія.

такъ это необыкновенно сильный ростъ средняго сословія въ этой странѣ, совершавшійся большею частію въ союзѣ его съ короною, а иногда, впрочемъ, и вопреки ей. Уже освобожденіе городскихъ общинъ подъ покровительствомъ монархіи въ XII в. положило прочное начало этому союзу, направленному противъ дворянства. Къ городскимъ общинамъ съ теченіемъ времени мало-по-малу примкнули по солидарности интересовъ и общины сельскія, такъ-что ко времени революціи во Франціи возникаетъ уже весьма многочисленный классъ мелкихъ свободныхъ землевладѣльцевъ, которымъ, по мнѣнію Зибеля [1]), принадлежала $^1/_3$ по-

---

[1]) Мнѣніе Зибеля основывается на свидѣтельствѣ англичанина Arthur'a Young'a, путешествовавшаго по Франціи въ теченіе 1797 – 90 г. Его „Путешествіе“ является вообще однимъ изъ главнѣйшихъ и интереснѣйшихъ источниковъ для знакомства съ положеніемъ страны какъ-разъ наканунѣ революціи. Вопросъ о размѣрахъ и распространенности крестьянскаго землевладѣнія до и во время революціи до сихъ поръ является однако спорнымъ. И. В. Лучицкій, спеціально изучающій этотъ вопросъ по архивнымъ даннымъ, и М. М. Ковалевскій держатся напр. противоположныхъ мнѣній. Первый (его труды указаны выше, стр. 161) до-

земельпой собственности въ странѣ. Такимъ образомъ къ исходу XVIII в., подъ именемъ средняго сословія — tiers-état — разумѣются уже во Франціи не только города, но и вся масса сельскаго населенія, т.-е. почти всѣ 26 мил. жителей тогдашней Франціи. Такому необыкновенному росту средняго сословія, кромѣ названныхъ обстоятельствъ, способствовало и много другихъ какъ преднамѣренныхъ, такъ и случайныхъ явленій во французской исторіи. Такъ, правительственная дѣятельность Ришелье и Мазарини, а также внутренняя политика Людовика XIV, направленныя противъ интересовъ дворянства, могутъ быть названы такими преднамѣренными явленіями. Но кромѣ того, Тьерри въ своей превосходной въ научномъ отношеніи „Исторіи третьяго сословія" [1]) указываетъ еще на цѣлый рядъ такихъ явленій, которыя нужно считать чисто случайными, но которыя однако же фатальнымъ образомъ клонились къ выгодамъ средняго сословія. Такими явленіями Тьерри считаетъ, напр., обычай продажи чиновничьихъ должностей, существовавшій въ старой Франціи, такъ какъ продаваемыя должности доставались обыкновенно людямъ средняго класса, какъ самаго зажиточнаго и богатаго, и, слѣдовательно, увеличивали его силу; создался особый классъ служилаго и судейскаго дворянства („noblesse de robe"), по характеру и убѣжденіямъ принадлежавшаго все-же къ среднему сословію и враждебнаго родовой знати. Затѣмъ, подобнымъ же явленіемъ считаетъ онъ и прекращеніе États-généraux, такъ какъ на этихъ сеймахъ господствующую роль играли обыкновенно привилегированные классы — дворянство и духовенство, а когда сеймы

казываетъ, что крестьянское землевладѣніе было весьма распространено и что покупщиками во время продажи національныхъ имуществъ были очень часто крестьяне. М. М. Ковалевскій отрицаетъ это; не отвергая возможности перехода земельной собственности въ руки крестьянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ или мѣстностяхъ, онъ доказываетъ, что перемѣщеніе собственности пошло на пользу преимущественно среднихъ и высшихъ слоевъ буржуазіи (кромѣ его „Происхожденія современ. демократіи", см. ст. „Крестьянское хозяйство во Франціи до революціи", въ „Русск. Богатствѣ", 1893, и „Вопросъ о крестьянской собственности до революціи и о томъ, въ чьи руки перешла масса конфискованныхъ у церкви земель"). Ср. М. М. Хвостовъ, „Нов. работы русск. изслѣдователей о земледѣліи и земледѣльч. классѣ во Франціи передъ революціей" (въ Сборн. Историч. Общ. при Моск. Унив., т. II, 1898; докладъ Gimel'я въ „Bulletin du Comité des travaux histor. et scientif.", 1884; Guyot, „Essai sur l'aisance relative du paysan lorrain à partir du XV siècle" (ibid., 1888); Brutails, „Note sur l'économie rurale de Roussillon à fin de l'ancien régime"; Beaurepaire, „Renseignements statistiques sur l'état de l'agriculture vers 1789"; изслѣдованіе Минцеса (бывшаго профессора въ Софіи) на нѣм. яз.: „Die Nationalgüterveräusserung während d. französisch. Revolution". 1892. Остальныя указанія на литературу о французскихъ крестьянахъ — ниже. Б.

[1]) Aug. Thierry, „Essai sur l'hist. de la formation et des progrès du tiers-état". 1853 (есть русск. пер.). Б.

вышли изъ употребленія, то привилегированные классы лишились въ нихъ законныхъ органовъ своего вліянія.

Наконецъ, на сторонѣ третьяго сословія оказывалось не только численное превосходство, но и богатство и интеллигенція. Что понятія о равенствѣ были уже сильны въ общественномъ мнѣніи, на это указываютъ многіе симптомы, хотя бы, напр., роль Франклина, этого представителя американской демократіи, въ парижскомъ обществѣ и значеніе клубовъ, какъ органовъ равенства, не говоря уже о литературѣ того времени.

Итакъ, для идеи политическаго и гражданскаго равенства ко времени революціи исторія Франціи подготовила гораздо болѣе элементовъ, чѣмъ для идеи свободы.

Не смотря однако же на такую сильную историческую подготовку, сословія Франціи все еще являются въ это время рѣзко отдѣленными и враждебно стоящими другъ противъ друга, такъ какъ множество мелкихъ формальныхъ и оскорбительныхъ отличій поддерживали еще между ними непримиримую рознь. Такъ,

Дворянство. дворянство, давно уже потерявшее всякое политическое значеніе, все еще продолжало пользоваться нѣкоторыми, оскорбительными для другихъ классовъ привилегіями: исключительнымъ правомъ офицерскихъ мѣстъ въ военной и нѣкоторыми преимуществами въ гражданской службѣ, правомъ перовъ судиться въ парижскомъ парламентѣ, изъятіемъ отъ многихъ податей, значительнымъ остаткомъ феодальныхъ правъ надъ крестьянами и даже отличнымъ отъ другихъ сословій костюмомъ.

Духовенство. Духовенство [1]), другой привилегированный классъ общества, составляло тоже особую корпорацію, напитанную клерикальными идеями, — корпорацію, которая обладала почти цѣлою четвертью поземельной собственности Франціи, пользовалась изъятіемъ отъ податей, давая государству только тѣ пособія, на которыя она сама изъявляла согласіе. Корпорація эта раздѣлялась на высшее и низшее духовенство. Первое утопало въ роскоши и развратѣ, чѣмъ особенно отличались такъ называемые „свѣтскіе аббаты“, т.-е. лица, носившія священническій костюмъ и принадлежавшія къ духовному сану лишь номинально, пользовавшіяся всѣми его выгодами, особенно доходами съ приписанныхъ

---

[1]) L'abbé Sicard, „L'ancien clergé de France“. 1893; Wallon, „Le clergé de quatre-vingt-neuf“. 1876. Б.

къ ихъ должности земель, но не несшія на себѣ никакихъ духовныхъ обязанностей. Напротивъ, низшее духовенство, т.-е. преимущественно сельскіе священники, обыкновенно были люди невѣжественные, фанатичные, на долю которыхъ доставались апостольскіе труды и бѣдность.

Tiers-état.

Въ виду этихъ привилегированныхъ классовъ стоялъ tiers-état [1]), обнимавшій собою почти всѣ 26 мил. тогдашняго населенія Франціи, такъ какъ дворянъ считалось 80,000 фамилій, а персоналъ духовенства состоялъ изъ 70,000 душъ, и, слѣдовательно, привилегированные классы составляли лишь ничтожное меньшинство общества, но меньшинство, пользовавшееся всѣми правами, привилегіями, почетомъ, богатствомъ; послѣднимъ — потому, что почти цѣлая половина поземельной собственности страны принадлежала имъ, и только другая половина раздѣлена была между народомъ, который въ это время обозначался слишкомъ спеціальнымъ для подобной массы терминомъ — tiers-état. Отсюда — ненависть средняго сословія къ привилегированнымъ классамъ [2]), — ненависть, находившая еще болѣе пищи въ томъ высокомѣрномъ презрѣніи, съ которымъ дворянство и духовенство смотрѣло на людей, коихъ оно клеймило именами буржуа (bourgeois) и roturiers. Этою ненавистью къ дворянству и духовенству наполнена вся тогдашняя литература. Она то-и-дѣло жалуется, что tiers-état, обнимающій собою почти весь французскій народъ, исключительно обремененъ налогами и податями, что автономія сельскихъ общинъ и городовъ убиты еще со времени Людовика XIV, что промышленность и торговля стѣснены на каждомъ шагу правительственнымъ контролемъ, безчисленными провинціальными привилегіями, отсутствіемъ въ судахъ справедливости и другими стѣсненіями. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ представителей tiers-état, аббатъ Сіэйсъ, игравшій потомъ видную роль и въ самой революціи, написалъ весьма распространенную брошюру подъ заглавіемъ: „Что такое среднее сословіе?“ [3]) гдѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что среднее сословіе есть весь французскій народъ и что привилегіи духовенства и дворянства суть вопіющая несправедливость и узурпація народныхъ правъ.

Такимъ образомъ Франція въ концѣ XVIII в. представляетъ

---

¹) Bardou, „La bourgeoisie française de 1789 à 1848“. 1886 Б.
²) Каутскій, „Классов. противорѣчія въ 1789 г.“ (пер. съ нѣм.). Б.
³) Sieyès, „Qu'est ce que le tiers-état?“ — Лучшее критическое изданіе — Champion'a (1888). Монографія о Сіэйсѣ — Bigeon'a. Б.

два враждебные лагеря: съ одной стороны—привилегированные классы, со своими родовыми и корпоративными предразсудками, съ своею гордостію и оскорбительными привилегіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ своимъ моральнымъ ничтожествомъ, такъ какъ сила интеллигенціи давно уже перешла къ среднему классу; съ другой стороны — tiers-état, съ выросшимъ образованіемъ и богатствомъ, съ сознаніемъ своей силы и правъ, съ неизмѣримымъ численнымъ и моральнымъ превосходствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ непримиримою ненавистью къ привилегированнымъ классамъ. Взаимная рознь и вражда эта между общественными классами никогда не достигала такого сильнаго напряженія, какъ именно въ концѣ XVIII вѣка.

2. Причины нравственныя: литература XVIII вѣка.

Пособія. Villemain, „Tableau de la littérature au XVIII siècle", лекціи, читанныя имъ въ „Collège de France" въ 1827—30 гг.; характеръ этого курса — „золотая середина" между матеріализмомъ XVIII вѣка и нѣмецкимъ идеализмомъ; соотвѣтствующіе отдѣлы у Шлоссера, въ его „Ист. XVIII стол.",—больше намеки и указанія, чѣмъ связное систематическое изложеніе; притомъ же слишкомъ ужъ личныя сужденія; Hettner, „Litteraturgesch. d. XVIII Jahrh." 3 Th. (нѣск. издан.; перев. по-русски А. Н. Пыпинымъ), превосходная во всѣхъ отношеніяхъ книга, которой главнымъ образомъ мы и будемъ придерживаться въ послѣдующемъ изложеніи; H. Taine, „Les origines de la France contemporaine" (3-я книга его „L'ancien régime" представляетъ замѣчательную характеристику французской литературы); Faguet, „Dix-huitième siècle. Études littéraires". 1890; Лансонъ, „Исторія франц. литерат. XVIII в." Спб. 1899 (пер. съ франц.); Brunetière, „Études critiques"; Saint-Beuve, „Causeries du lundi"; Schérer, „Études sur la littérature au XVIII siècle". 1892; Sakmann, „Anteil der französisch. Aufklärungslitteratur an der Revolution" („Beil. zur Allgem. Zeitung", 1902, № 144); G. Koch, „Beiträge zur Geschichte d. politischen Ideen und der Regierungspraxis". Berl. 2 Th. 1892—6; Lange, „Geschichte des Materialismus" (есть русск. переводъ); Геффдингъ, „Исторія новой философіи". 2 т.; Henne-Am-Rhyn, „Culturgeschichte der neueren Zeit". Leipz. 1871. 3 Bde; Barni, „Hist. des idées morales et politiques en France au XVIII siècle". **П.** и **Б.**

Значеніе «просвѣтительной» литературы.

Между тѣмъ какъ дѣйствительность представляла такія ненормальныя отношенія и условія, между тѣмъ какъ исторія подготовила во Франціи только весьма слабое развитіе идеи свободы и, напротивъ, дѣйствительно богатую почву для идеи равенства,— умственная атмосфера этого времени, отразившаяся въ тогдашней литературѣ, наполнена была самыми смѣлыми и широкими идеалами какъ равенства, такъ и свободы. Эта литература „просвѣщенія" (у нѣмцевъ Aufklärung) есть характе-

ристическое явленіе XVIII в. Не даромъ вѣкъ этотъ называется философскимъ, такъ какъ философія, т.-е. отвлеченныя ученія и теоріи, никогда не имѣла столько вліянія на жизнь и даже на государственную практику, какъ въ эту эпоху. Во время революціи, напр., государственныя теоріи мыслителей прямо воплощались въ жизнь: конституція 91 года была проникнута идеями Монтескье, а государственное устройство 93 года составлено было по ученію Жанъ-Жака Руссо. Но еще и прежде философія XVIII вѣка неоднократно находила примѣненіе въ дѣятельности замѣчательнѣйшихъ монарховъ и государственныхъ людей—Фридриха II, Іосифа II, Помбаля, Струэнзе, Кампонеса, Тануччи, Петра Леопольда Тосканскаго и др. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ революція разразилась своими разрушительными переворотами въ концѣ столѣтія, она уже исподоволь подкапывала старый порядокъ, исходя отъ престола могущественныхъ государей, дѣятельность которыхъ Шлоссеръ мѣтко характеризуетъ названіемъ „монархической революціи".

Поэтому философія и вообще литература XVIII в. имѣетъ въ исторіи человѣчества особенно важное значеніе. Историкъ, изучающій это время, долженъ прежде всего на нихъ сосредоточить свое вниманіе, ибо это — нервъ и душа тогдашней европейской жизни.

Первый толчекъ этому новому могучему движенію европейской мысли подали англичане; французы же только популяризировали открытія и идеи англійскихъ мыслителей, а нѣмцы уже впослѣдствіи, въ XIX только столѣтіи, развили ихъ глубже и основательнѣе. Поэтому предстоящій обзоръ просвѣтительной литературы мы начнемъ съ англійской [1]).

Англійская литература.

Исходными точками англійской просвѣтительной литературы были, во-первыхъ, Ньютонъ, потомъ Гоббсъ, далѣе Локкъ съ его опытной философіей и, наконецъ, такъ называемые деисты.

Ньютонъ.

Въ 1687 г. Ньютонъ издалъ свое знаменитое твореніе „Philosophiae naturalis principia mathematica", которымъ онъ положилъ твердое научное основаніе новѣйшей астрономіи и всему естествознанію, объяснивъ открытый имъ всеобщій законъ тяготѣнія. Научная важность этого труда слишкомъ

---

[1]) Stephen, „History of english thought in the eighteenth century". 1876; Patten, „The development of english thought". N. York. 1899; Taine, „Hist. de la littérature anglaise". 5 vol. (нѣск. изданій; пер. по-русски); Jusserand, „Исторія англійск. литературы" (русск. пер.). Б.

извѣстна; но едва-ли еще не важнѣе было культурно-историческое значеніе открытія. Здѣсь, говоритъ Геттнеръ, въ первый разъ изъ фантастическаго міра воображенія человѣкъ переносится въ дѣйствительность природы; передъ нимъ стоитъ міръ безъ чудесъ и произвола, безъ цѣли и намѣренія, покоющійся въ самомъ себѣ и самъ собою сохраняющійся, міръ разума и истины, міръ вѣчной мироправящей законности. Вотъ почему Ньютонъ стоитъ во главѣ той освободительной борьбы, которая сдѣлала XVIII ст. вѣкомъ новаго просвѣщенія [1]).

Гоббсъ. Какъ Ньютонъ явился отцомъ новѣйшаго естествознанія, такъ Гоббсъ можетъ считаться родоначальникомъ современныхъ государственныхъ теорій. Въ своихъ сочиненіяхъ и особенно въ главномъ изъ нихъ: „Левіаѳанъ“ [2]), философъ этотъ развилъ извѣстное ученіе о договорномъ происхожденіи человѣческихъ обществъ, ученіе, въ теченіе всего XVIII в. не только господствовавшее въ наукѣ, но проникшее и въ жизнь. Теорія, имъ развитая, важна поэтому не только въ исторіи политическихъ наукъ или государствовѣдѣнія вообще, но также и въ исторіи политической въ томъ смыслѣ, что она—конечно, противъ воли и намѣренія автора—сдѣлалась научнымъ оправданіемъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ, которыми такъ богатъ XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, если люди только вслѣдствіе взаимнаго соглашенія, договора, условились ввести у себя ту или другую форму правленія, тотъ или другой общественный порядокъ, то они имѣютъ полное право и отмѣнить его: стоитъ только снова условиться, заключить новый договоръ, а отсюда, какъ логическое послѣдствіе, возможность и право всякихъ насильственныхъ перемѣнъ!

Гоббса также считаютъ обыкновенно основателемъ теоріи государственнаго абсолютизма, но это не совсѣмъ справедливо. Истиннымъ родоначальникомъ такой теоріи былъ современ-

Фильмеръ. никъ Гоббса, другой англичанинъ—Робертъ Фильмеръ, сочиненіе котораго „Патріархъ или естественная власть королей“ [3]) и есть краеугольный камень этого ученія. Здѣсь, на основаніи библіи, монархія выводится изъ древняго патріархата и проповѣдуется идея неограниченной монархіи и ученіе о страдательномъ повиновеніи гражданъ. Но такъ какъ въ англійскомъ

---

1) „Ист. всеобщ. лит. XVIII в.“, I, 21—2. Б.

2) „Leviathan sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis“ (по-англ.—въ 1651, по-лат.—въ 1670 г.). Б.

3) „Patriarcha or the natural power of Kings“.

обществѣ господствовали въ то время два различныя политическія воззрѣнія—торизмъ и вигизмъ, то торійскій теоретикъ нашелъ себѣ достойнаго противника въ представителѣ государственнаго ученія виговъ—въ Альджернонѣ Сидни, отъ котораго и беретъ начало современное ученіе о народныхъ правахъ. „Разсужденія о правительствѣ“ [1]) есть главное сочиненіе Сидни, въ которомъ онъ шагъ за шагомъ опровергаетъ теорію Фильмера, стараясь разрушить его библейскія основанія. Альджернонъ Сидни.

Такимъ образомъ въ сферѣ государственныхъ понятій англичанъ мы видимъ ту же борьбу, какая шла тогда и въ области внутренней англійской политики, хотя исторія, т.-е. дѣйствительная жизнь, приняла, какъ извѣстно, сторону либеральныхъ теоретиковъ, и революція 1688 г. послужила блестящимъ оправданіемъ вигскихъ государственныхъ идей, такъ какъ вслѣдствіе этой революціи англійскій народъ по своей собственной волѣ и власти лишилъ Стюартовъ престола, предоставивъ его избраннику своему, Вильгельму Оранскому.

Затѣмъ слѣдуетъ Локкъ (1632—1704), иниціаторъ новѣйшей философіи, гдѣ ему принадлежитъ такая же заслуга, какъ Ньютону въ естествознаніи: какъ Ньютонъ основалъ науку о природѣ на опытѣ и наблюденіи, такъ и Локкъ на томъ же началѣ впервые построилъ науку о человѣческомъ духѣ. Ученіе свое Локкъ главнымъ образомъ изложилъ въ „Опытѣ о человѣческомъ разумѣ“, появившемся въ печати въ 1689 г. Онъ приходитъ въ немъ къ тому заключенію, что всякое познаніе происходитъ изъ впечатлѣній чувствъ; оттого и философія его получила свое техническое названіе сенсуализма. Такъ называемыхъ „врожденныхъ идей“, какъ учила схоластическая философія вслѣдъ за Аристотелемъ, по Локку, вовсе нѣтъ: понятія и идеи приходятъ къ намъ только посредствомъ опыта. Опытъ этотъ бываетъ, правда, двоякій—внѣшній и внутренній, впечатлѣнія внѣшняго міра и самонаблюденіе надъ движеніями и дѣйствіями нашего духа (sensation and reflection); но все-таки онъ есть единственное основаніе, на которомъ утверждается все зданіе человѣческой мысли и знанія; внѣ и помимо его человѣкъ ни откуда болѣе не можетъ получать познаній. Локкъ.

Вліяніе Локка было тѣмъ обширнѣе, что онъ не ограничился однимъ философскимъ ученіемъ о познаніи, а тотчасъ же примѣнилъ свои принципы и къ важнѣйшимъ вопросамъ религіи, мо-

---

[1]) „Discourses concerning government“.

рали, политики и воспитанія. Такъ между его сочиненіями, относящимися къ религіи, важны въ особенности его „Письма о терпимости“ [1]), а также книга „О разумномъ христіанствѣ“ [2]), гдѣ онъ библейскому откровенію даетъ цѣну только въ той степени, въ какой оно подтверждается знаніемъ естественнаго разума. Между политическими же сочиненіями Локка главную роль играетъ его „Трактатъ о правленіи“ [3]), состоящій весь изъ яснаго и обширнаго изложенія ученія о верховныхъ правахъ народа. Трактатъ этотъ появился тотчасъ за революціею 1688 г. и есть ея теоретическое оправданіе. Здѣсь, подобно Гоббсу, Локкъ также допускаетъ происхожденіе государства изъ обоюднаго договора между правительствомъ и народомъ, но онъ вовсе не думаетъ, что люди, отказываясь отъ своей свободы въ пользу одного, тѣмъ самымъ закрѣпощаютъ себя навѣки; напротивъ, правитель связанъ этимъ обоюднымъ договоромъ и, когда онъ нарушаетъ его, народъ вправѣ потребовать обратно свое верховное право. Такимъ образомъ, въ ученіи Локка лежали уже въ зародышѣ всѣ государственныя теоріи XVIII в.—Монтескье, Руссо и др. Такъ же точно несправедливо считали Руссо творцомъ новой теоріи воспитанія, такъ какъ и здѣсь починъ принадлежитъ Локку; по крайней мѣрѣ, онъ первый сталъ рекомендовать въ воспитаніи достиженіе только непосредственно полезныхъ знаній и думалъ, что юноши должны главнѣе всего изучать живую природу и живыхъ людей.

Деизмъ. Наконецъ слѣдуютъ такъ называемые деисты [4]), тѣ свободные мыслители, которые впервые распространили въ обществѣ раціоналистическіе взгляды на религію и религіозные вопросы. Деизмъ, какъ система религіозной философіи, весь выросъ и развился на почвѣ сенсуализма Локка. Впрочемъ, уже среди поколѣнія, непосредственно предшествовавшаго Локку, являются люди, подвергающіе критикѣ положенія религіи и даже самое откровеніе и христіанство. Такими были Гербертъ и Блонтъ.

Гербертъ. Гербертъ оставилъ два сочиненія: „De veritate“ и „De religione“, вышедшія въ свѣтъ въ 1633 и 55 гг. Въ первомъ онъ толкуетъ о врожденныхъ понятіяхъ, т.-е. такихъ, въ которыхъ всѣ народы согласны между собою и которыя могутъ быть названы фактами естественнаго инстинкта; во второмъ сочиненіи

[1]) „The letters of toleration“.
[2]) „The Reasonableness of Christianity“.
[3]) „The treatise on government“.
[4]) Lechler, „Gesch. d. englisch. Deismus“. 1841. Б.

Гербертъ излагаетъ общіе теоретическіе взгляды на цѣль и сущность религіи и хочетъ признать необходимыми, основными истинами въ религіозныхъ понятіяхъ только то, что̀ обще всѣмъ религіямъ и что поэтому можно разсматривать какъ религіозныя идеи, такъ сказать, врожденныя, присущія всѣмъ націямъ. Такими основными религіозными истинами Гербертъ выставляетъ слѣдующія 5 положеній: 1) есть Богъ; 2) Онъ долженъ быть почитаемъ; 3) добродѣтель и благочестіе—существенныя принадлежности этого богопочитанія; 4) человѣкъ обязанъ каяться въ своихъ грѣхахъ и оставлять ихъ; 5) добро и зло получаютъ воздаяніе въ здѣшней и будущей жизни. Эти 5 положеній въ сущности и составляютъ ту систему убѣжденій, которая стала извѣстна подъ именемъ деизма. Все, что выходитъ за предѣлы этой простой, естественной и разумной религіи, говоритъ далѣе Гербертъ, есть только пустая прибавка, выдумка властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ жрецовъ и правительствъ.

Современникъ Герберта, Блонтъ, въ сочиненіи „Anima mundi“ (1679 г.), совершенно раздѣляетъ мнѣнія Герберта и, подобно ему, думаетъ также, что всѣ формы положительной религіи составляютъ только себялюбивыя изобрѣтенія жрецовъ, духовенства вообще и правительствъ. Но разнится онъ отъ Герберта тѣмъ, что направляетъ свои нападки болѣе непосредственно противъ христіанства, останавливаясь съ особенными подробностями на чудесахъ Іисуса Христа. Блонтъ.

Таковы были первые дебюты деизма и религіознаго раціонализма. То же мы видимъ въ это время и въ Голландіи, гдѣ во второй половинѣ XVII в. жили и дѣйствовали два такіе вліятельные писателя, какими были Барухъ (т.-е. Бенедиктъ) Спиноза и Бэйль.

Первый, какъ философъ, извѣстенъ по своему пантеистическому ученію и по справедливости считается отцемъ новѣйшаго пантеизма. Но при его жизни его философская система имѣла еще мало вліянія и послѣдователей; зато тѣмъ большее впечатлѣніе произвелъ вышедшій въ 1679 г. его политико-богословскій трактатъ о свободѣ совѣсти, гдѣ онъ стремится доказать необходимость и законность полнѣйшей свободы религіознаго и философскаго мышленія, отвергая обязательную силу библіи и ученіе христіанской церкви о божественномъ вдохновеніи, а, значитъ, и пророчества и чудеса. Вообще, въ этомъ сочиненіи Спиноза сводитъ противъ этихъ ученій церкви всѣ тѣ аргументы, ко- Спиноза.

торыми столько разъ пользовался впослѣдствіи скептицизмъ XVIII в. въ своихъ нападкахъ на христіанство.

Но еще большею популярностію и вліяніемъ на умы пользовалась въ Голландіи литература французскихъ эмигрантовъ-гугенотовъ, которые бѣжали туда отъ преслѣдованій Людовика XIV. Бэйль. Между ними самымъ виднымъ лицомъ былъ Бэйль, дѣйствовавшій на современное ему общество посредствомъ изданнаго имъ въ 1696 г. „Словаря" („Dictionnaire historique et critique"). Это есть одна изъ самыхъ могущественныхъ по своему вліянію книгъ, какія когда-либо появлялись на свѣтѣ; подъ ея вліяніемъ воспитывались цѣлыя поколѣнія и въ рукахъ многихъ мыслителей была она долго настольною книгою: по ней образовалъ свои убѣжденія Фридрихъ Великій; Лейбницъ [1]) боролся съ нею въ послѣдніе годы своей жизни; Готтшедъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ; „Королевское общество" въ Лондонѣ вступило въ правильную переписку съ Бэйлемъ. Что касается направленія, въ которомъ составлена эта энциклопедія, то въ ней Бэйль, правда, никогда не шелъ далѣе противорѣчія между знаніемъ и вѣрою, далѣе безпокойнаго и нерѣшительнаго скептицизма, но Вольтеръ совершенно вѣрно опредѣлилъ его значеніе, сказавши, что хотя у Бэйля нѣтъ ни одной строки, которая бы прямо нападала на христіанство, но и нѣтъ ни одной, которая не вела бы къ сомнѣнію; что самъ Бэйль не невѣрующій, но что онъ дѣлаетъ невѣрующимъ.

Въ этихъ двухъ писателяхъ, Спинозѣ и Бэйлѣ, равно и въ философскомъ ученіи Локка, начавшійся съ первыхъ годовъ XVII в. англійскій деизмъ нашелъ себѣ могущественную опору, такъ-что уже въ поколѣніи младшихъ современниковъ Локка, въ концѣ XVII в. и началѣ XVIII в., въ Англіи мыслители этого направленія (Free-thinkers) пошли гораздо далѣе своихъ предшественниковъ. Коллинзъ. Таковыми были Коллинзъ и Толэндъ. Книга Коллинза „О свободномъ мышленіи" [2]), правда, все еще стоитъ на почвѣ Локка, но уже гораздо рѣшительнѣе его въ своихъ выводахъ. Локкъ все еще старался примирить знаніе съ вѣрою и желалъ только установить разумное пониманіе библіи; Коллинзъ, напротивъ, уже совершенно отрекается отъ откровенія и требуетъ мышленія, независимаго отъ всякаго авторитета. Но еще рѣшительнѣе Толэндъ. выступилъ съ своимъ религіознымъ скептицизмомъ Толэндъ. На-

[1]) О Лейбницѣ на русск. яз. см. изслѣдованіе В. И. Герье, „Лейбницъ и его вѣкъ". Б.

[2]) „A discourse of free thingking". 1713.

чалъ онъ, впрочемъ, свою философскую пропаганду въ духѣ своего учителя Локка, доказывая сообразность христіанства съ разумомъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ничего такого, что̀ бы противорѣчило разуму или стояло выше его; чудеса и откровеніе вообще онъ оставляетъ еще неприкосновенными, только таинства считаетъ остатками язычества. Таковы содержаніе и духъ главнаго философскаго изслѣдованія Толэнда, относящагося къ этому первому періоду его дѣятельности. Изслѣдованіе озаглавлено такъ: „Христіанство безъ тайнъ“ [1]). Но во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ Толэндъ становится уже отъявленнымъ атеистомъ и матеріалистомъ и разрываетъ всякую связь не только съ откровеніемъ, но и съ вѣрою въ личнаго Бога. Положительная религія, ученіе о безсмертіи души— провозглашаются обманомъ, выдуманнымъ жрецами для того, чтобы управлять массою; единственная разумная религія, по его мнѣнію, есть пантеизмъ. Онъ совершенно усвоилъ себѣ ученіе Спинозы, по которому міръ является вѣчнымъ и безконечно существующимъ самъ собою, такъ что выше его и внѣ его нѣтъ никакой руководящей или властвующей силы, и самъ Богъ есть ничто иное, какъ разлитая въ этомъ мірѣ живая, творческая сила. Что касается человѣческихъ способностей, мышленія и душевной дѣятельности, то и тутъ Толэндъ проводитъ чисто матеріалистическіе взгляды и кончилъ тѣмъ, что думалъ установить для своей „религіи будущаго“ особый внѣшній культъ: въ своемъ „Пантеистиконѣ“ онъ представляетъ будущую церковь въ формѣ собраній или сходокъ, на подобіе древнихъ симпозій, гдѣ члены послѣ обычныхъ привѣтствій будутъ разсуждать о философскихъ вопросахъ и о своихъ житейскихъ дѣлахъ и интересахъ.

Это была крайняя черта, до которой дошелъ англійскій деизмъ въ своемъ развитіи. Но на почвѣ его выросли и воспитались еще два чрезвычайно вліятельные писателя, значеніе которыхъ не ограничилось одною Англіей. Это—Шефтсбери и Болингброкъ.

Въ своихъ сочиненіяхъ [2]) Шефтсбери, главнымъ образомъ, развиваетъ ту мысль, что важнѣе всего въ человѣкѣ, ищущемъ нравственнаго и умственнаго совершенства, образовать его вкусъ, т.-е. сдѣлать его способнымъ цѣнить и любить изящное; тогда и добродѣтель, т.-е. нравственное развитіе, явится сама собою, ибо въ сущности доброе и прекрасное одно и то-же. Вотъ это тождество добра и красоты и есть отличительная главная мысль Шефтсбери.

[1]) „Christianity not mysterious“.

[2]) См. главн. образ. „Characteristicks of men, manners, opinions, times“. 1711. Б.

всѣхъ сочиненій Шефтсбери. Вообще этотъ мыслитель былъ совершенно оригинальнымъ, независимымъ какъ отъ Локка, такъ и отъ Спинозы и Гоббса. Съ Локкомъ онъ расходился въ томъ, что признавалъ врожденныя идеи, ибо въ противномъ случаѣ добродѣтель, красота и истина являются чѣмъ-то условнымъ и измѣняемымъ; у Гоббса онъ оспаривалъ его ученіе о первобытномъ, естественномъ состояніи; съ Спинозою расходился въ томъ, что былъ деистомъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова: оставляя въ сторонѣ догматическіе споры и церковную обрядность, онъ требовалъ отъ религіи прежде всего любви, а потомъ уже истины. А если мы прибавимъ къ этому высокую художественность, поэтическое воодушевленіе и легкость изложенія этого писателя, то для насъ станетъ понятнымъ его громадное вліяніе и его дѣйствіе во всѣхъ странахъ на литературу Европы, которое онъ долгое время производилъ.

Болингброкъ. Наконецъ, къ категоріи свободномыслящихъ англичанъ принадлежитъ и Сенъ-Джонъ или лордъ Болингброкъ, извѣстный политическій дѣятель начала XVIII в. Вліяніе его на общество англійское и даже французское было не менѣе сильно, чѣмъ вліяніе Шефтсбери, хотя онъ далеко уступалъ этому послѣднему, если не по уму и таланту, то во всякомъ случаѣ по нравственной чистотѣ своихъ убѣжденій и своимъ художественнымъ дарованіямъ. Тогда какъ Шефтсбери разрабатывалъ преимущественно вопросы религіозные, философскіе и литературно-эстетическіе, Болингброкъ является во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ преимущественно политикомъ. Изъ его сочиненій самымъ большимъ значеніемъ пользовался трактатъ „Образъ короля патріота“ [1]), гдѣ онъ развиваетъ свою знаменитую доктрину о такъ называемомъ просвѣщенномъ деспотизмѣ, т.-е. о той формѣ государственнаго абсолютизма, которая, сосредоточивая въ себѣ всѣ силы народа и всѣ его права, направляетъ ихъ ко благу самаго же народа. Девизомъ этой политической доктрины служило извѣстное выраженіе: „все для народа и ничего посредствомъ народа“. Такая доктрина находила, дѣйствительно, примѣненіе въ дѣятельности многихъ государственныхъ людей и монарховъ второй половины XVIII в., напр. Фридриха II, Іосифа II и др., такъ-что Болингброкъ только возвелъ въ теорію практиковавшуюся систему внутренней политики. Что касается религіозныхъ взглядовъ Болингброка, то онъ также принадлежалъ къ категоріи деистовъ и, хотя въ этомъ отношеніи

---

[1]) „The idea of a patriot King“.

не прибавилъ ничего новаго, тѣмъ не менѣе, благодаря своимъ связямъ въ высшемъ обществѣ, сдѣлалъ для распространенія деизма гораздо болѣе, чѣмъ другіе деисты. Ему же принадлежитъ извѣстная превратная мысль, что хотя всякая положительная религія есть обманъ, однако правительство должно ее поддерживать, чтобы съ помощью ея управлять народомъ; слѣдовательно, онъ смотритъ на религію, какъ на правительственное орудіе. Наконецъ, еще— одно сочиненіе Болингброка, имѣвшее въ свое время громадное значеніе и вліяніе и едва ли не самое полезное изъ всѣхъ его трудовъ; это—его „Письма объ изученіи и пользѣ исторіи", гдѣ онъ проводитъ новый для того времени взглядъ на эту науку, требуя отъ нея критики и желая сдѣлать ее практически полезною.

Общая характеристика англійской просвѣтительной литературы.

Изъ всего этого обозрѣнія англійской „просвѣтительной литературы" легко усмотрѣть нѣкоторыя общія черты, ее характеризующія. Это—во-первыхъ, совершенное игнорированіе силы исторіи, понятіе о государствѣ, какъ слѣдствіи соглашенія, договора между гражданами, условившимися о той или другой формѣ правленія; такъ же точно представленіе о положительной религіи, какъ объ обманѣ жрецовъ и правительствъ. Никому изъ представителей тогдашней литературы и въ голову не приходило, что учрежденія и явленія эти развились сами собою, въ силу естественно сложившихся условій и отношеній. Затѣмъ, второе стремленіе, которое мы должны отмѣтить въ этой литературѣ, — это рядъ попытокъ установить „раціональную вѣру и раціональную нравственность", т.-е. нравственность, оторванную, независимую отъ религіи. Въ такомъ духѣ училъ даже глубочайшій и умѣреннѣйшій изъ свободныхъ мыслителей, Шефтсбери, который полагалъ, что для того, чтобы быть нравственнымъ человѣкомъ, нѣтъ надобности принадлежать къ какой-нибудь положительной церкви, что нравственными правилами можетъ руководиться даже отъявленный атеистъ. Но направленіе это, разъ поставленное такъ рѣзко, должно было естественно привести къ самымъ печальнымъ крайностямъ, т.-е. къ уничтоженію и вѣры, и нравственности, чѣмъ открывался путь чувственности и матеріализму. Такъ уже шотландская философская школа, въ лицѣ Гютчисона, Фергюсона, Гартли, доказывала, что должно любить добро и слѣдовать внушеніямъ добродѣтели, потому что это полезно и что подобное уваженіе къ моральнымъ обязанностямъ ведетъ человѣка къ счастію, т.-е. къ довольству самимъ собою. Шефтсбери тоже рекомендовалъ нравственность, какъ необходимое условіе жизни, но потому только,

что добродѣтель прекрасна и дѣлаетъ жизнь художественнымъ произведеніемъ. Наконецъ, Честерфильдъ въ своихъ знаменитыхъ „Письмахъ къ сыну“ идетъ еще далѣе и доказываетъ, что добродѣтель и нравственность должны имѣть значеніе, потому что ими обусловливаются успѣхи въ свѣтѣ. Вотъ къ какимъ опаснымъ заключеніямъ пришла нравственная философія XVIII в., потерявъ свою первую основу—религію.

Французская просвѣтительная литература.

Теперь мы обратимся къ обозрѣнію французской просвѣтительной литературы [1]), гораздо болѣе распространенной, чѣмъ англійская.

Начало свободномыслящей литературы во Франціи относится еще къ послѣднимъ годамъ Людовика XIV, т.-е. къ исходу XVII и началу XVIII вв., когда представителями ея были Фенелонъ, Вобанъ и Буагильберъ, требовавшіе для Франціи политическаго и экономическаго обновленія, тогда какъ другіе, столь же вліятельные умы, стали распространять въ обществѣ англійскіе свободные взгляды на государство, религію и мораль, и едва умеръ Людовикъ XIV, какъ эти новые взгляды стали уже обнаруживаться еще положительнѣе и рѣшительнѣе. Такъ, знаменитый проповѣдникъ эпохи, Массильонъ, который и прежде иногда позволялъ себѣ говорить горькія истины въ глаза великому королю, теперь, въ эпоху регентства, сталъ гораздо смѣлѣе въ своихъ мнѣніяхъ и, напр., въ великопостныхъ проповѣдяхъ („Petit-Carême“), которыя онъ читалъ девятилѣтнему Людовику XV по порученію регента, онъ уже не стѣсняясь указывалъ ему на пагубное вліяніе внутренней и внѣшней политики его прадѣда, на его деспотизмъ и жажду военной славы и, относясь къ молодому королю, прямо говорилъ, что монархъ, обязанный своимъ избраніемъ и своею властію народу, есть только первый слуга и исполнитель закона. Такимъ образомъ политическое ученіе Сидни и Локка имѣло уже во Франціи довольно силы, чтобы заявить о себѣ у подножія трона. Такимъ же свободнымъ духомъ, совершенно напитаннымъ англійскими идеями, отличались и другіе писатели того времени; напр., аббатъ Сенъ-Пьеръ, который требовалъ уже отвѣтственности министровъ, равномѣрнаго распредѣленія налоговъ и уничтоженія привилегій дворянства; маркизъ д'Аржансонъ [2]), который въ „Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France“

Ея начало.

---

[1]) Grimm, „Correspondance littéraire“. Б.

[2]) „Mémoires du M d'Argenson“, publ. par la Société de l'hist. de France, 1859 сл.; „La France au milieu du XVIII siècle (1747–57), d'après le Journal du marquis d'Argenson“. Extraits publ....par Brette. 1899. Б.

проповѣдуетъ ограниченіе королевской власти и особенно дворянскихъ привилегій посредствомъ самостоятельныхъ провинціальныхъ конституцій и равномѣрнаго распредѣленія податей. И тогда какъ эти популярные писатели дѣйствовали на публику въ общественно-политическомъ смыслѣ, Мопертюи въ своемъ „Опытѣ космологіи“ [1]) распространялъ первыя правильныя представленія о міроустройствѣ согласно съ открытіями и воззрѣніями Ньютона.

Ея значеніе.

Таковъ былъ ходъ и первые начатки французской литературы просвѣщенія въ эпоху регентства и въ правленіе кардинала Флери. Съ половины же XVIII в. начинается собственно цвѣтущее время этой литературы и эпоха ея величайшаго господства надъ умами. Эта вторая половина и есть пресловутый „Le siècle philosophique“, вожди котораго носятъ гордое имя философовъ, а сочиненія ихъ воспитываютъ цѣлыя поколѣнія не только въ Западной Европѣ, но и у насъ въ Россіи. Задачи и интересы, пробужденные этою литературою, остаются важнымъ исходнымъ пунктомъ и для нынѣшняго научнаго, философскаго и политическаго развитія. Такъ, Дарвинъ XIX в. стоитъ на Ламаркѣ тѣхъ временъ; Ляйель опирается на Кювье; Фогтъ и Молешоттъ стоятъ на почвѣ французской энциклопедіи; Гербартъ и физіолого-психологическая школа могутъ считать своимъ исходнымъ пунктомъ опытную философію Локка и его французскихъ популяризаторовъ; такъ же точно нынѣшнія либеральныя идеи, нынѣшній конституціонализмъ берутъ свое начало, по крайней мѣрѣ теоретически, въ сочиненіяхъ Монтескье, Руссо и другихъ политическихъ писателей того времени. Это—одна черта или одна особенность, указывающая на необычайную міровую важность просвѣтительной литературы. Другая состоитъ въ томъ, что никогда, быть можетъ, литература не господствовала такъ безгранично надъ обществомъ, какъ въ эту эпоху: литераторы того времени являются истинными руководителями не только общественнаго мнѣнія, но даже и дѣйствій правительства; министры и сильные люди заискиваютъ ихъ вниманіе и гордятся ихъ дружбою; иностранные государи считаютъ предметомъ честолюбія переписываться съ корифеями тогдашней французской литературы. Салоны, гдѣ собираются эти знаменитости, дѣлаются руководителями общественнаго мнѣнія, школами, гдѣ воспитываются цѣлыя поколѣнія, и, такъ сказать, конторами общественнаго ума („les buraux d'esprit“). Главными изъ нихъ въ XVIII в. были

Салоны.

---

[1]) „Essai de cosmologie“.

салоны m-me Тансенъ (матери д'Аламбера), Жоффренъ, дю-Деффанъ, m-lle л'Эспинасъ (подруги д'Аламбера) и m-me Неккеръ [1]). Кромѣ этихъ дамскихъ салоновъ, существовали еще чисто мужскіе и, слѣдовательно, еще болѣе свободные и непринужденные кружки, напр. барона Гольбаха и Гельвеціуса, которые, будучи людьми богатыми, давали отличные еженедѣльные обѣды, такъ-что Гольбахъ между своими друзьями извѣстенъ былъ какъ „maitre d'hôtel de la philosophie“.—Здѣсь, въ салонахъ, собирались не только литераторы и ученые, но и знаменитѣйшіе иностранцы, военные, придворные, прелаты,—все, что было въ Парижѣ замѣчательнаго по уму и талантамъ. Трактовали о разныхъ вопросахъ науки, литературы и политики, обсуждали текущія событія и обмѣнивались новостями. Общее направленіе этихъ бесѣдъ и собраній было антиправительственное и антирелигіозное. Еще Шлоссеръ справедливо замѣтилъ, что салоны значительно содѣйствовали отдѣленію высшаго общества отъ двора, Парижа отъ Версаля. Они также очень много способствовали распространенію новыхъ идей въ большемъ кругу общества; но съ другой стороны, они же много способствовали развитію поверхностности и дилетантизма, какими отличается вся французская литература и наука XVIII вѣка.

Три ступени въ развитіи французской литературы XVIII в.

Развитіе этой собственно такъ называемой „просвѣтительной литературы“, начиная со второй половины прошлаго столѣтія, прошло три главныя ступени. Первую эпоху ея составляетъ развитіе перенесеннаго изъ Англіи деизма: знаменитѣйшій представитель этого направленія—Вольтеръ. Вторую эпоху составляетъ господство матеріализма у цѣлой категоріи ученыхъ и литераторовъ, извѣстныхъ подъ именемъ энциклопедистовъ; писатели эти группируются около двухъ руководящихъ личностей—Дидро и д'Аламбера. Третью эпоху составляетъ возвращеніе литературы къ вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души, если не вслѣдствіе доводовъ мысли, то вслѣдствіе потребности внутренняго чувства. Представителемъ этой послѣдней фазы развитія просвѣтительной литературы служитъ Ж. Ж. Руссо.

Вольтеръ.

Мы начнемъ предстоящее намъ обозрѣніе съ главнаго представителя первой эпохи этого развитія—Вольтера. Будетъ

[1]) Tallentyre, „The women of the salons and other French Portraits“. 1901; Ségur, „Le royaume de la rue Saint-Honoré. M-me Geoffrin et sa fille“. 1897; Othenin d'Haussonville, „Le salon de m-me Necker“ („Revue des Deux Mondes“. 1880—1); Lady Blennerhasset, „Frau von Staël, ihre Freunde und ihre Bedeutung in Politik und Literatur“. 1887—9. 3 Bde. Б.

небезъинтересно познакомиться съ самою личностью Вольтера, во-первыхъ — потому, что онъ былъ главою литературы просвѣщенія во Франціи; во-вторыхъ — потому, что ни у одного изъ представителей тогдашняго просвѣщенія такъ рѣзко не выступаетъ противорѣчіе между теоріей и идеями, которыя они проповѣдывали, и ихъ практическою жизнью, какъ у Вольтера.

Его жизнь.

Франсуа Мари Аруэ (1694—1778), сдѣлавшійся столь знаменитымъ подъ псевдонимомъ Вольтера [1]), былъ сынъ незначительнаго адвоката-буржуа и воспитывался въ іезуитской коллегіи въ Парижѣ. Въ юношѣ очень рано обнаружились его литературныя дарованія; онъ сталъ писать, особенно въ драматическомъ родѣ, что доставило ему извѣстность, открывшую ему доступъ въ высшій свѣтъ. Первое знакомство Вольтера съ этимъ свѣтомъ было очень грустно: его два раза сажали въ Бастилію, и оба раза несправедливо: первый разъ по подозрѣнію въ пасквилѣ, будто бы написанномъ имъ по случаю смерти Людовика XIV, а вторично по жалобѣ Рогана, который получилъ отъ Вольтера вызовъ за нанесенное личное оскорбленіе. Освободившись изъ этого заключенія, молодой Аруэ долженъ былъ оставить Францію и удалиться въ Англію, гдѣ прожилъ 3 года, изучая ревностно науку, литературу и учрежденія этой страны, особенно же Ньютона и Локка, объ ученіи которыхъ имъ написано было тутъ же нѣсколько сочиненій. Но своему энтузіазму къ Англіи Вольтеръ могъ дать полное выраженіе только въ своихъ „Англійскихъ письмахъ“, произведшихъ большое впечатлѣніе во Франціи. Это было первое сочиненіе, которое онъ издалъ подъ своимъ литературнымъ именемъ Вольтера.

Изъ Англіи Вольтеръ возвратился совершенно сложившимся человѣкомъ, съ готовымъ кругомъ идей и задачъ, которыя состояли въ томъ, чтобы распространять деистическую религію и либеральныя, конституціонныя идеи и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ массы. Вольтеръ въ сущности всю жизнь оставался только деистомъ и такъ сказать либераломъ; если же враги и приписывали ему

[1]) Морлей, „Вольтеръ“. Пер. съ англ. подъ ред. А. И. Кирпичникова. М. 1889; Desnoiresterres, „Voltaire et la société au XVIII siècle“. 1871. 4 v. (2-me éd.), „Voltaire et J. J. Rousseau“. 1875; Georges Bengesco, „Voltaire, bibliographie de ses œuvres“. 1882—9. 3 v.; Strauss, „Voltaire. Sechs Vorträge“. Leipz. 1870 (есть русск. пер. М. 1900); Schirmacher, „Voltaire“, 1898; Tallentyre, „Life of Voltaire“. Lond. 1903. 2 v.; Faguet, „La Politique comparée de Montesquieu, Rousseau et Voltaire“. 1902; Э. Л. Радловъ, „Отношенія Вольтера къ Руссо“ („Вопросы философіи и психологіи“, 1890, кн. 2 и 4-я); на русск. яз. популярныя біографіи Вольтера, равно какъ и Монтескье, и Руссо, — въ коллекціи г. Павленкова, „Жизнь замѣчат. людей“. Б.

матеріализмъ, атеизмъ и анархическія стремленія, то это объясняется тѣмъ, что между всѣми свободными мыслителями XVIII в. онъ произвелъ наибольшее впечатлѣніе и задѣлъ старое государство и церковь чувствительнѣе, чѣмъ кто-либо изъ болѣе крайнихъ писателей, благодаря своему несравненному желчному и ѣдкому остроумію. Тутъ, главнымъ образомъ, и заключается тайна громадной популярности Вольтера. Новаго и оригинальнаго въ идеяхъ и замыслахъ онъ не произвелъ ничего; онъ былъ только послѣдователемъ англичанъ Ньютона, Локка и Болингброка; но никто изъ болѣе оригинальныхъ и крайнихъ мыслителей не нанесъ такого сильнаго и разрушительнаго удара старому порядку, какъ Вольтеръ. Оттого-то въ памяти людей онъ остался какимъ-то олицетвореніемъ революціи, какимъ-то демономъ разрушенія. Отсюда та ненависть и страхъ, съ какимъ долго потомъ произносилось его имя въ Европѣ и у насъ. Особенно у насъ слово „вольтеріанецъ" означало самаго извращеннаго атеиста и анархиста, хотя Вольтеръ былъ только деистомъ и конституціоналистомъ и, слѣдовательно, гораздо умѣреннѣе по убѣжденіямъ и цѣлямъ, чѣмъ, напр., Дидро или Гольбахъ. „God and liberty" („Богъ и свобода")—благословеніе, сказанное имъ маленькому внуку Франклина,—можетъ служить и его собственной эмблемой, девизомъ всей его дѣятельности.

По возвращеніи изъ Англіи Вольтеръ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, занимаясь литературой и денежными операціями, которыми онъ и обогатился, причемъ нужно замѣтить, что пути его денежныхъ пріобрѣтеній далеко не отличались честностью, какъ и вообще вся нравственность Вольтера была довольно сомнительною. Это былъ человѣкъ желчно-самолюбивый и раздражительный, трусъ, льстецъ и скупецъ до скряжничества.

Въ 1733 г., уже почти въ 40 лѣтъ, довелось Вольтеру испытать счастье любви: въ это время онъ сошелся съ умною и ученою женщиною, маркизою Дю-Шатле, въ родовомъ замкѣ которой Сире провелъ онъ болѣе 10 лѣтъ довольно тихой и счастливой жизни. Къ этому времени относится значительная часть его лучшихъ литературныхъ произведеній. Послѣ разрыва съ маркизой и смерти ея, онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ жилъ съ блескомъ и роскошью, что дозволяли ему какъ его огромныя средства, такъ и высокое общественное положеніе, которое онъ уже занималъ тогда, какъ историографъ Франціи, академикъ и камергеръ. Но при своемъ непомѣрномъ и часто мелочномъ самолюбіи не могъ онъ долго ужиться съ Версальскимъ дворомъ и,

принявъ приглашеніе Фридриха Великаго, переселился въ Берлинъ. Исторія отношеній Вольтера къ Фридриху Великому такъ живо характеризуетъ обоихъ, что намъ нельзя обойти ее.

Знакомство Фридриха съ Вольтеромъ началось уже давно, но только въ 1750 г. къ неописанной радости перваго послѣдній пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ тотчасъ осыпанъ былъ милостями: здѣсь Вольтеръ жилъ и пользовался полнымъ содержаніемъ въ королевскомъ дворцѣ; ему дали огромное жалованье (20 т. ливровъ), санъ камергера и орденъ pour le mérite. Но не довольствуясь всѣмъ этимъ, Вольтеръ сталъ добиваться мѣста президента Берлинской академіи, которое занято было Мопертюи, и вмѣстѣ съ тѣмъ затѣялъ разныя непозволительныя денежныя спекуляціи. Кромѣ того, при своемъ ѣдкомъ остроуміи Вольтеръ успѣлъ очень скоро не только перессориться со всѣмъ интимнымъ обществомъ короля, но даже оскорбить и самого Фридриха, сказавъ однажды, по случаю присланныхъ ему для поправки королевскихъ стихотвореній (Фридрихъ, какъ извѣстно, имѣлъ слабость писать французскіе стихи): „Когда же наконецъ король перестанетъ заставлять меня перемывать его грязное бѣлье?“ Эта и другія продѣлки Вольтера, конечно, стали извѣстны Фридриху. Наступило взаимное охлажденіе, превратившееся скоро въ открытый разрывъ, когда Вольтеръ написалъ очень ѣдкій пасквиль противъ Мопертюи и когда этотъ пасквиль, по приказанію короля, былъ сожженъ рукою палача на всѣхъ площадяхъ Берлина. Съ этого времени прежніе друзья не могли уже сойтись снова, не смотря на старанія короля. Наконецъ, Вольтеръ покинулъ дворъ Фридриха, но когда онъ проѣздомъ остановился во Франкфуртѣ на Майнѣ, его внезапно арестовали и даже отобрали всѣ его бумаги, въ чемъ, впрочемъ, виноватъ былъ не столько Фридрихъ, сколько его чиновники, [слишкомъ далеко уже простершіе свое усердіе при исполненіи королевскаго приказа. Черезъ 5 недѣль Вольтера] освободили. За все это Вольтеръ зло отомстилъ, издавъ въ свѣтъ пасквиль на самого Фридриха, подъ заглавіемъ: „Vie privée du roi de Prusse“. Такъ кончилась эта восторженная дружба между первымъ писателемъ и первымъ монархомъ Западной Европы XVIII вѣка. Впрочемъ, Фридрихъ и послѣ того сохранилъ величайшее удивленіе къ уму и талантамъ Вольтера и впослѣдствіи даже возобновилъ съ нимъ переписку.

Постранствовавши потомъ по разнымъ странамъ, Вольтеръ поселился на постоянное жительство въ купленномъ имъ замкѣ Ферне, недалеко отъ Женевы, гдѣ прожилъ послѣднія 20 лѣтъ

своей жизни. Съ этого времени начинается послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый важный періодъ его литературной дѣятельности. Вольтеръ былъ тогда уже дряхлымъ, больнымъ старикомъ, но тѣмъ не менѣе къ этой эпохѣ относятся всѣ почти знаменитѣйшія его сочиненія, а именно: „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations", „Dictionaire philosophique", „La Bible commentée", „Exament important de mylord Bolingbroke", „L'etablissement du christianisme" и др. Главная цѣль всѣхъ этихъ произведеній — подкопать существующія основы католической религіи и христіанства, которыя онъ считалъ корнемъ всякаго зла, источникомъ суевѣрій, невѣжества, фанатизма и рабства. Въ это время Вольтеръ былъ уже могущественною силою въ Европѣ, знатнымъ и богатымъ человѣкомъ, окруженнымъ роскошною обстановкою, украшеннымъ всевозможными почестями, въ перепискѣ съ знаменитыми вѣнценосцами вѣка, ихъ вельможами и министрами, жадно добивавшимися его вниманія и одобренія; толпы иностранцевъ стекались посмотрѣть на первую знаменитость эпохи. Нравственный характеръ его въ эти преклонныя лѣта какъ бы просвѣтлѣлъ, а добрыя дѣла, которыя онъ дѣлалъ, еще болѣе увеличили его славу. Но и въ это время онъ не чуждъ былъ своихъ обычныхъ слабостей: трусости, жадности и скряжничества; только честолюбіе какъ будто угомонилось въ немъ: онъ достигъ всего; ему некому было завидовать. Ему при жизни воздвигли статую; имя его гремѣло по всему міру. Когда въ 1778 г., уже по смерти Людовика XV, получилъ онъ возможность пріѣхать въ Парижъ, то здѣсь ждалъ его цѣлый апоѳеозъ. Онъ умеръ въ томъ же 1778 году, на 84 году своей жизни. Прахъ его во время революціи былъ торжественно перенесенъ въ Пантеонъ.

Литературная дѣятельность Вольтера.

Мы познакомились съ жизнью Вольтера; теперь намъ предстоитъ охарактеризовать его литературную дѣятельность. Вольтеръ писалъ во всѣхъ возможныхъ родахъ поэзіи и прозы и въ своихъ сочиненіяхъ коснулся всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ религіи, морали, политики, волновавшихъ его время. Произведенія его въ полномъ изданіи состоятъ изъ 80 томовъ. Но мысль, руководящая этой громадной литературной дѣятельностью, вездѣ одна и та же: борьба противъ откровенной религіи и особенно противъ католицизма, а также борьба противъ деспотизма въ сферѣ общественной жизни.

Вольтеръ, какъ философъ.

Философскія сочиненія Вольтера весьма многочисленны и разнообразны, но всѣ они направлены большею частію противъ

христіанской религіи. Самостоятельнаго и новаго тутъ онъ не сказалъ, впрочемъ, ничего, а только популяризировалъ воззрѣнія англійскихъ деистовъ, заимствуя у нихъ же большую часть своихъ аргументовъ. Но ясное и легкое изложеніе, грація и игривость языка и особенно всесокрушающій сарказмъ доставили сочиненіямъ и взглядамъ Вольтера обширнѣйшій кругъ дѣйствій во всѣхъ странахъ Европы и во всѣхъ классахъ общества. Связнаго и систематичнаго изложенія своихъ мыслей о религіозныхъ вопросахъ Вольтеръ не далъ нигдѣ, но всѣ его сочиненія проникнуты вышесказанными идеями, особенно тѣ, которыя написаны имъ въ Ферне. Замѣчательно однако, что, какъ строгій деистъ, онъ нападалъ не только на церковь, христіанство и откровеніе, но ратовалъ также и противъ атеизма и матеріализма, писалъ, напр., даже опроверженіе противъ извѣстной „Système de la nature“ Гольбаха. Подобно всѣмъ деистамъ XVIII вѣка, Вольтеръ вѣрилъ въ личнаго Бога, но эта вѣра не была у него потребностью сердца, какою она необходимо является у Ж. Ж. Руссо, а скорѣе выводомъ его ума; потому и самыя представленія его о сущности и свойствахъ Божества были весьма шатки и неопредѣленны. Такъ же точно Вольтеръ признавалъ существованіе души, какъ самостоятельной силы, но думалъ, что сущность ея сокрыта отъ человѣческаго познанія. Отсюда — тѣ противорѣчія, которыя мы видимъ въ ученіи Вольтера о душевной жизни. Какъ послѣдователь Локка, источникомъ познанія онъ тоже считаетъ опытъ и внѣшнія чувства и, такимъ образомъ, приводятъ всю душевную жизнь въ еще большую зависимость отъ тѣла, такъ что сомнѣвается въ возможности личнаго безсмертія. Но съ другой стороны, онъ твердо вѣрилъ въ необходимость загробной жизни, а это вмѣстѣ съ вѣрою въ личнаго Бога, послѣдняго судью добродѣтели и порока, опять возвращало его къ мысли о безсмертіи. Вольтеръ никогда не выходилъ изъ этихъ противорѣчій и колебаній.

Ту же нерѣшительность встрѣчаемъ у него въ ученіи о свободѣ воли и нравственности: здѣсь опять, подобно Локку, Вольтеръ отрицаетъ существованіе врожденныхъ идей и считаетъ источникомъ всякой душевной жизни и мысли только внѣшнія чувства; но, отрицая врожденныя идеи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ логически долженъ былъ отвергнуть и свободную волю, ибо если единственнымъ источникомъ движеній нашей души служитъ внѣшнее впечатлѣніе, то это же впечатлѣніе должно быть источникомъ и нашихъ желаній, т.-е. обусловливать и опредѣлять нашу

волю. Идя далѣе по этому пути, Вольтеръ естественно долженъ былъ прійти къ ученію объ уничтоженіи различія отвѣтственности за наши поступки, объ уничтоженіи между добромъ и зломъ; но онъ самъ какъ бы пугается такого вывода и спѣшитъ оговориться, что преступленіе или зло есть нравственная болѣзнь и что преступникъ все-таки долженъ нести ея послѣдствія, какъ больной несетъ послѣдствія своего недуга. Такою то искусственною аргументаціею Вольтеръ старается спасти имъ же самимъ потрясенное зданіе человѣческой нравственности, пытаясь дополнить и поправить своего учителя Локка моральною философіей Шефтсбери. Вообще, въ ученіи о познаніи Вольтеръ почти безусловно слѣдовалъ Локку, въ нравственномъ же ученіи онъ былъ скорѣе ученикомъ Шефтсбери. — По философіи и религіи важны его сочиненія: „Traité de metaphysique", „Examen important de Myl. Bolingbroke", „La Bible commentée" и „L'établissement du christianisme". Наконецъ, какъ сводъ всѣхъ своихъ философскихъ выводовъ, издалъ онъ свой знаменитый „Философскій словарь".

Вольтеръ, какъ политикъ.

Какъ политическій писатель, Вольтеръ менѣе извѣстенъ, нежели какъ философъ и, особенно, какъ философъ религіи. Это, вѣроятно, оттого, что онъ никогда не излагалъ своихъ политическихъ убѣжденій систематически, подобно Монтескье или Руссо; но тѣмъ не менѣе высказывалъ ихъ разбросанно, въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій; въ отдѣльныхъ трактатахъ, во множествѣ брошюръ и памфлетовъ онъ имѣлъ случай высказаться обо всѣхъ общественныхъ вопросахъ своего времени и принять участіе въ ихъ рѣшеніи. По своимъ политическимъ взглядамъ онъ также занималъ средину, также былъ далекъ отъ крайностей, какъ и въ религіи и въ философіи. Прежде всего онъ требовалъ для человѣка его „естественныхъ правъ" — свободы и равенства, требовалъ свободы совѣсти, свободы труда, свободы народнаго образованія, равенства политическаго, гражданскаго и экономическаго, равенства въ податяхъ и повинностяхъ. Требованія эти онъ повторялъ вездѣ и на тысячу ладовъ. Что же касается формы правленія, то, повидимому, онъ не приписывалъ ей какого-либо особаго значенія, хотя и отдавалъ, подобно своему современнику Монтескье, преимущество англійскимъ конституціоннымъ учрежденіямъ, съ которыми имѣлъ случай познакомиться во время своего пребыванія въ Англіи. Осуществленія всѣхъ этихъ благъ онъ ждалъ не снизу, а сверху, не путемъ революціи, но посредствомъ реформъ, исходя-

щихъ отъ престола. Однимъ словомъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Вольтеръ — сторонникъ Болингброка, раздѣлявшій его идеалъ монархической власти, направленной къ счастію народа. Надеждами, которыя Вольтеръ возлагалъ на просвѣщенныхъ и благомыслящихъ государей, объясняются отчасти и его дѣятельныя личныя сношенія съ государями вѣка—Фридрихомъ II, Екатериною Великою, Густавомъ III и Христіаномъ VII и его радостныя надежды при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Замѣтивъ же нерѣшительность въ преобразованіяхъ, исходящихъ отъ самого правительства, и особенно упорство привилегированныхъ сословій, не желавшихъ поступиться ни однимъ изъ своихъ правъ, подъ конецъ уже жизни своей онъ предсказалъ революцію.

Вольтеръ, какъ историкъ.

Наконецъ, какъ историкъ, Вольтеръ важенъ для насъ не столько по достоинству своихъ трудовъ въ этомъ родѣ [1]), сколько по новой манерѣ писать исторію. Для него исторія — не разсказъ о внѣшнихъ и внутреннихъ событіяхъ, а философія этихъ событій и исторія человѣческаго духа. Въ этомъ отношеніи онъ опять-таки шелъ по слѣдамъ своихъ англійскихъ руководителей, особенно Болингброка, и подобно этому писателю прежде всего требовалъ отъ историческаго изложенія критики, т.-е. философскаго отношенія къ фактамъ. Самымъ самостоятельнымъ и серьезнымъ изъ историческихъ трудовъ Вольтера былъ его „Опытъ о духѣ и правахъ народовъ“.

Монтескье.

Какъ Вольтеръ представилъ средній, умѣренный взглядъ относительно религіи, такъ его знаменитый современникъ, Монтескье [2]), представилъ такой же взглядъ относительно политики. Монтескье — преимущественно политическій писатель, какъ Вольтеръ—религіозно-философскій, и хотя въ молодости онъ былъ поклонникомъ демократическо - республиканскаго принципа и считалъ идеаломъ государственнаго устройства Швейцарію и Голландію, но со времени своего личнаго знакомства съ

---

[1]) „Siècle de Louis XIV“, „Précis du siècle de Louis XV“, „Hist. du parlament de Paris“, „Hist de l'empire de Russie sous Pierre le Grand“, „Hist. de Charles XII“, „Annales de l'empire“. **И.** и **Б.**

[2]) Vian, „Histoire de Montesquieu“. Paris. 1879; Albert Sorel, „Montesquieu“, 1889 (въ коллекціи, издаваемой фирмою Hachette, подъ заглавіемъ: „Les grands écrivains français. Études sur la vie, les œuvres et l'influence des principaux auteurs de notre littérature“; книжка Сореля есть въ русск. пер.); Кортней Ильбертъ, „Монтескье“ Спб. 1904 (пер. съ англ.); Barckhausen, „Montesquieu, l'Esprit des lois et les archives de la Brède“. Bordeaux. 1904; В. Ѳ. Дерюжинскій, „Монтескье, какъ историкъ и публицистъ“ („Юрид. Вѣстн.“, 1889, III). Ср. Jullian, „Extraits de l'Esprit des lois et des œuvres diverses de Montesquieu“. 1896. **Б.**

англійскими учрежденіями, которыя онъ изучалъ на мѣстѣ, сдѣлался такимъ рѣшительнымъ конституціоналистомъ, что и понынѣ еще считается истиннымъ основателемъ конституціонной теоріи государственнаго права. Къ первой эпохѣ его убѣжденій и дѣятельности относятся „Персидскія письма“ („Lettres persannes“) [1]), представляющія ѣдкую сатиру на старый порядокъ Франціи, а ко второй—„Размышленія о причинахъ величія и упадка Римскаго государства“ [2]) и особенно капитальный его трудъ: „Духъ законовъ“ („Esprit des lois“) [3]), 1748 г. Въ первомъ сочиненіи, т.-е. въ „Considérations“, Монтескье ясно и положительно развиваетъ ту мысль, что счастіе, величіе и сила націй зависятъ не отъ одного случая, а отъ всеобщихъ нравственныхъ причинъ, естественныхъ условій страны, развившагося при этихъ условіяхъ народнаго характера и особенно отъ политическихъ учрежденій. „Есть“, говоритъ Монтескье, „общія причины, нравственныя и физическія, которыя дѣйствуютъ въ каждомъ государствѣ, возвышая, поддерживая или же разрушая его; всѣ событія находятся въ зависимости отъ такихъ общихъ причинъ и, если какая-нибудь частная неудача губитъ государство, то за нею непремѣнно скрывается причина общая, которая и производитъ то, что вслѣдствіе одного какого-нибудь проиграннаго сраженія гибнетъ цѣлое государство“. Однимъ словомъ, мысль та, что общій характеръ исторіи народа влечетъ за собою и всѣ частные случаи этой исторіи. Подобный взглядъ на исторію, столь обычный теперь, въ то время былъ однако цѣлымъ открытіемъ и, конечно, много способствовалъ здравому политическому воспитанію общества.

По мнѣнію Монтескье, одна изъ главнѣйшихъ причинъ силы, процвѣтанія и счастія государства есть свобода, и вотъ трактатъ объ основаніяхъ, условіяхъ и гарантіяхъ этой свободы и составляетъ содержаніе капитальнаго его труда „О духѣ законовъ“, гдѣ онъ развиваетъ ту мысль, что всѣ юридическія и государственныя учрежденія обусловливаются почвою, климатомъ, обычаями, образованіемъ и религіею народа. Вслѣдствіе такого тѣс-

---

[1]) Есть русск. пер. Спб. 1892.

[2]) „Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence“. См. изд. Jullian'a.

[3]) Есть русск. пер. — Спб. 1862, и новѣйшій — Спб. 1900, подъ ред. А. Г. Горнфельда со вступит. ст. М. М. Ковалевскаго.—Въ послѣднее время опубликованы нѣкоторыя неизданныя сочиненія Монтескье: „Deux opuscules de Montesquieu“ (1891), „Mélanges inédits de Montesquieu“ (1893), „Voyages de Montesquieu“ (1894). Б

наго взаимодѣйствія между законами и духомъ народа государство является у Монтескье не какъ нѣчто произвольное, составившееся вслѣдствіе взаимнаго соглашенія гражданъ между собою, но какъ нѣчто необходимое, естественно выросшее и развившееся. Взглядъ этотъ на происхожденіе и сущность человѣческихъ обществъ очень близко подходитъ уже къ современнымъ идеямъ исторической школы. Но цѣлью государства остается все-таки осуществленіе законной и разумной свободы и такъ какъ такая свобода, по Монтескье, успѣшнѣе всего достигается соединеніемъ народнаго представительства съ монархіей, то конституціонная форма и есть лучшая. Такимъ образомъ, англійскія государственныя учрежденія являются у Монтескье верхомъ государственной мудрости, идеаломъ.

Рядомъ съ Вольтеромъ и Монтескье дѣйствовалъ Кенэ и его школа, старавшаяся преобразовать экономическіе взгляды, подобно тому, какъ тѣ старались преобразовать идеи о религіи и политикѣ. Физіократы.

Уже Вобанъ и Буагильберъ въ началѣ XVIII ст. стали подкапывать и изобличать несостоятельность меркантилизма и, возвысивъ вообще значеніе поземельной собственности, открыли путь физіократамъ [1]), которые, съ Кенэ [2]) во главѣ, начали доказывать, что источникъ народнаго богатства заключается въ землѣ и что только земледѣльцы и земельные собственники—производительные классы, остальные же—непроизводительные. Теорія эта ложна, ибо здѣсь цѣлыя плодотворныя области народнаго богатства — дѣятельность торговая, промышленная, умственная — остаются незамѣченными и какъ бы считаются безплодными въ экономическомъ смыслѣ. Адамъ Смитъ [3]) вскорѣ послѣ того, въ 1776 г., и доказалъ это, провозгласивъ единственнымъ источникомъ народнаго богатства — человѣческій трудъ. Но ученіе физіократовъ все-таки принесло въ свое время громадную пользу, обративъ вниманіе правительствъ на нужды, интересы и судьбу сельскаго земледѣльческаго класса.

Перейдемъ теперь къ слѣдующей эпохѣ развитія просвѣтительной литературы во Франціи, къ эпохѣ господства мате- Матеріализмъ и Энциклопедія.

---

[1]) Daire, „Introduction sur les doctrines des physiocrates" („Collection des principaux économistes"); De-Lavergne, „Les économistes français du XVIII siècle". 1870; Kellner, „Zur Gesch. des Phisiokratismus"; Cossa, „Hist. des doctrines économiques" (пер. съ итал. 1899); Гиггсъ, „Физіократы, франц. экономисты XVIII в." (русск. пер. Спб. 1899); А. И. Чупровъ, „Исторія политич. экономіи". Б.

[2]) Главное сочиненіе Кенэ — „Tableau économique".

[3]) Walcker, „Adam Smith, der Begründer d. modernen Nationalökonomie, sein Leben und seine Schriften". Berl. 1890. Б.

ріалистическихъ идей, воплотившихся въ дѣятельности и трудахъ энциклопедистовъ.

Поколѣніе, непосредственно слѣдовавшее за Вольтеромъ, выходя изъ общихъ съ нимъ началъ Ньютона и Локка, зашло между тѣмъ уже въ своихъ выводахъ гораздо далѣе: деизмъ сталъ превращаться у него въ атеизмъ и матеріализмъ. Поколѣніе это видѣло уже причину движенія и жизни природы въ самой матеріи. „Нѣтъ матеріи безъ силы, нѣтъ силы безъ матеріи",—слова, выражающія основу и сущность нынѣшнихъ матеріалистическихъ ученій, были девизомъ также и матеріалистовъ XVIII вѣка.

Во главѣ этихъ матеріалистическихъ писателей стоитъ Дидро [1]) не только какъ самый даровитый, вліятельный и многообъемлющій умъ, но и какъ основатель и главный редакторъ энциклопедіи, вокругъ которой группировались въ то время главнѣйшіе дѣятели этого направленія и которая служила для нихъ главнымъ органомъ. Къ Дидро примкнули д'Аламберъ, Гельвеціусъ, Кондильякъ, Гольбахъ и др. Плодомъ ихъ общихъ усилій была „Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers par une société des gens des lettres publié par M. M. Diderot et d'Alambert", появившаяся въ 17 томахъ въ 1751—66 гг. [2]). Изданіе это стоило болѣе милліона ливровъ; книгопродавцы выручили отъ его продажи около полутора милліона барышей. Первое изданіе разошлось въ количествѣ 30.000 экземпляровъ и въ короткое время появилось нѣсколько переводовъ на иностранные языки. Эти факты достаточно свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи изданія и могущественномъ дѣйствіи его на умы. И дѣйствительно, послѣ словаря Бэйля, это была самая вліятельная книга XVIII стол. Сравненіе энциклопедіи съ словаремъ Бэйля и указываетъ на тотъ путь и успѣхъ, которые сдѣлалъ скептицизмъ въ теченіе столѣтія: чтó у Бэйля выражается еще въ видѣ робкаго сомнѣнія, то здѣсь облечено уже въ форму смѣлаго утвержденія, и повсюду сквозитъ матеріализмъ, хотя и прикрытый осторожной тактикой редакціи, которая, избѣгая открытыхъ объясненій въ видныхъ

---

[1]) Морлей, „Дидро и энциклопедисты". Пер. съ англ. М. 1882; Jos. Reinach, „Diderot". 1894 (въ кол. Hachette: „Les grands écriv. franç."); Ducros, „Les Encyclopédistes". 1901; Rosenkranz, „Diderots Leben und Werke". Leipz. 1866. 2 Bde; Pascal Duprat, „Les encyclopedistes". Paris. 1866; В. А. Бильбасовъ, „Дидро въ Петербургѣ". Спб. 1884; Tourneux, „Diderot et Cathérine II". 1900. Б.

[2]) Въ 1772 г. вышло еще 11 томовъ гравюръ,—всего, значитъ, 28 томовъ. Б.

статьяхъ своихъ, тѣмъ усерднѣе и беззастѣнчивѣе проводила свои идеи въ статьяхъ менѣе замѣтныхъ. Что касается научнаго достоинства энциклопедіи, то оно очень посредственно и книга отличается скорѣе дилеттантизмомъ, чѣмъ основательностью, хотя въ составленіи ея принимали участіе лучшіе спеціалисты эпохи. Вольтеръ тоже поддерживалъ это изданіе. Но что, въ особенности, доставило громадную популярность этому учено-литературному предпріятію, такъ это тѣ преслѣдованія, которымъ оно подверглось со стороны правительства и духовенства.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ энциклопедіи Дидро, безъ сомнѣнія,—самый замѣчательный, въ особенности какъ оригинальный и сильный философскій умъ. Хотя Дидро не пользовался въ свое время такою славою, какъ Вольтеръ, и дѣятельность его не была столь шумною, однако въ немъ было болѣе самостоятельности и творчества. Онъ не остановился, подобно Вольтеру, на Ньютонѣ и Локкѣ, но, слѣдуя далѣе, дошелъ до открытаго матеріализма и атеизма, которые считалъ естественнымъ, логическимъ выводомъ изъ положенныхъ ими началъ. Дидро.

Литературная дѣятельность Дидро была самая многосторонняя: писалъ онъ о метафизикѣ, психологіи, нравственномъ ученіи, политикѣ, искусствѣ, ремеслахъ, торговлѣ, исторіи и литературѣ, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ—въ видѣ философскихъ трактатовъ, повѣстей, драмъ, стихотвореній и историческихъ изслѣдованій. Вездѣ, впрочемъ, проводитъ онъ одну общую мысль,—мысль о самостоятельности и полновластіи природы, выводя отсюда всѣ свои убѣжденія о религіи, политикѣ и морали. Ученіе его поэтому является чѣмъ-то цѣльнымъ, законченнымъ и въ высшей степени послѣдовательнымъ. Оттого Дидро былъ однимъ изъ немногихъ корифеевъ литературы XVIII вѣка, который создалъ школу, цѣлое направленіе; это—направленіе матеріалистическое, котораго онъ былъ главою и истиннымъ представителемъ [1]). Въ отношеніи послѣдовательности, логичности, стройности цѣлой системы Дидро стоялъ выше Вольтера, хотя и не имѣлъ ни его всесокрушающаго остроумія, ни блестящаго литературнаго таланта.

Важнѣе всего—философскія сочиненія Дидро, такъ какъ ими положено начало матеріалистическому ученію о природѣ и жизни, стоящему и теперь на тѣхъ же основаніяхъ, какія положилъ въ XVIII в. Дидро. Онъ, впрочемъ, не вдругъ сталъ матеріалистомъ: сначала онъ былъ вѣрующимъ („Essai sur le mérite

[1]) Хотя начало ему положено было еще Мопертюи и Ла-Меттри. Б.

et sur la vertue"), потомъ деистомъ („Pensées philosophiques" — опроверженіе „Мыслей" Паскаля) и, наконецъ, дошелъ до своихъ крайнихъ взглядовъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи Дидро изложилъ свое ученіе самымъ полнымъ и смѣлымъ образомъ въ двухъ сочиненіяхъ: въ „Interprétation de la nature" и въ „Entretien entre d'Alambert et Diderot". Здѣсь уже вполнѣ развито ученіе о внутренней законности, самостоятельности и полновластіи природы, исключающихъ возможность и необходимость какой-либо внѣ ея стоящей силы, т.-е. божества; личное безсмертіе здѣсь, натурально, отвергается, а проповѣдуется ученіе о безсмертіи природы, т.-е. о вѣчномъ круговомъ движеніи жизни, объ измѣненіи и переходѣ силъ изъ однѣхъ формъ и явленій въ другія. Извѣстное сочиненіе представителя матеріализма XIX в., Молешота, „Kreislauf des Lebens", есть только болѣе научное развитіе тѣхъ же самыхъ положеній.

Совершенно послѣдовательно Дидро проводитъ этотъ взглядъ и въ своей психологіи: душа и ея жизнь, по этому ученію, являются только весьма сложнымъ и утонченнымъ матеріальнымъ процессомъ. Понятно, что при такомъ взглядѣ на душу человѣка свободы воли не существуетъ тоже, ибо воля въ этомъ случаѣ является только извѣстнымъ необходимымъ состояніемъ мозга, обусловленнаго какимъ-нибудь внѣшнимъ вліяніемъ. Геттнеръ сравниваетъ ученіе объ этомъ предметѣ Дидро и Молешота и находитъ въ нихъ почти буквальное сходство, — такъ консеквентенъ матеріализмъ въ своихъ выводахъ. Но отрицая свободу воли, надо логически отвергнуть и различіе между добромъ и зломъ, ибо они уже не зависятъ отъ человѣка, подчиненнаго совершенно внѣшнимъ вліяніямъ. Что̀ же тогда будетъ отвѣтственнымъ за наши поступки, что̀ будетъ нравственная вмѣняемость? Дидро отвѣчаетъ и на эти вопросы совершенно такъ же, какъ и новѣйшіе матеріалисты, т.-е. что зло все-таки остается зломъ, потому что оно есть ничто иное, какъ уклоненіе отъ извѣстныхъ нормъ, указанныхъ природой, и, какъ нѣчто противуестественное, должно быть преслѣдуемо и искореняемо. Вмѣняемость же и право наказанія преступленій Дидро выводитъ изъ права или закона самосохраненія рода, который можетъ и долженъ насильственно устранять то, что нарушаетъ его интересы и естественный ростъ. Однимъ словомъ, въ новѣйшемъ матеріализмѣ нѣтъ почти вопроса, который не былъ бы поднятъ и разрѣшаемъ Дидро. Опираясь на громадные успѣхи естествознанія, нынѣшніе матеріалисты сообщили этимъ

положеніямъ только больше основъ, но выводы ихъ тѣ же, что и въ XVIII вѣкѣ.

д'Аламберъ.

Вторымъ лицомъ въ кругу энциклопедистовъ, если не по таланту, то по своему вліянію и связямъ былъ д'Аламберъ [1]). Писатель этотъ въ свое время пользовался славою знаменитаго математика, былъ членомъ и секретаремъ академіи и состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ II и Екатериною II; послѣдняя предлагала ему даже на блестящихъ условіяхъ мѣсто воспитателя ея сына; Фридрихъ приглашалъ его въ президенты Берлинской академіи; но д'Аламберъ отказался отъ всѣхъ этихъ заманчивыхъ предложеній, предпочитая свободную и независимую жизнь литератора и ученаго. Самое знаменитое его философское сочиненіе есть „Elements de Philosophie“, родъ энциклопедическаго изложенія всѣхъ отраслей философіи и даже всей системы человѣческихъ знаній. Но самобытнаго тутъ очень немного, такъ какъ авторъ вездѣ опирается только на Бэкона и Локка и подобно послѣднему проповѣдуетъ сенсуализмъ, предъ всѣми же важнѣйшими вопросами, волновавшими его время,—о Богѣ, душѣ, свободѣ воли—онъ робко отступаетъ назадъ въ сознаніи своего безсилія. Въ исторіи „просвѣтительной литературы“ д'Аламберъ важенъ только по своимъ вліятельнымъ связямъ и, особенно, какъ одинъ изъ основателей и главныхъ редакторовъ энциклопедіи.

Гольбахъ.

Затѣмъ слѣдуетъ баронъ Гольбахъ, богатый банкиръ, произведшій одно время огромное впечатлѣніе своею „Système de la nature“, трактатомъ, составляющимъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ всего матеріализма XVIII в. По ученію, здѣсь изложенному, въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ вѣчной, само собою существующей матеріи и ея движенія: все отъ нея происходитъ и въ нее возвращается; вездѣ господствуетъ строгая необходимость и внѣшній механизмъ. Это, однимъ словомъ, сводъ всѣхъ матеріалистическихъ положеній, отдѣльно высказанныхъ въ XVIII в.; оригинальнаго тутъ почти ничего нѣтъ; Гольбахъ только привелъ къ одному общему итогу все сдѣланное другими писателями въ этомъ направленіи. Но итогъ этотъ вышелъ до такой степени безотраднымъ, что, за исключеніемъ Дидро и его кружка, все пришло въ изумленіе и ужасъ отъ этой книги: духовенство ее прокляло, парламентъ запретилъ ее, Вольтеръ и Фрид-

---

[1]) Joseph Bertrand, „D'Alambert“. 1889 (въ названной коллекціи: „Les grands écrivains français“). Б.

рихъ Великій писали противъ нея возраженія. И однако Гольбахъ не сказалъ въ ней ничего новаго; но такъ поразительна была общая сумма матеріалистическихъ воззрѣній, здѣсь представленныхъ, что вопль подняли даже и тѣ, кто легко мирился съ отдѣльными положеніями, здѣсь сгруппированными. — Гольбахъ былъ также сотрудникомъ энциклопедіи. За нимъ слѣдуетъ Кондильякъ.

Кондильякъ. Изъ всѣхъ писателей „просвѣтительной литературы" во Франціи, гордившихся именемъ философовъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова одного только Кондильяка можно назвать философомъ потому, что онъ одинъ только изслѣдовалъ основательно самый существенный вопросъ всякой философіи — ученіе о познаніи, тогда какъ всѣ другіе касались этого вопроса только слегка, опираясь притомъ преимущественно на Локка и занимаясь болѣе всего рѣшеніемъ вопросовъ о бытіи Бога, сущности человѣческой души, о жизни природы, о свойствахъ человѣческой воли и тому подобныхъ общихъ идеяхъ. Кондильякъ тоже выходитъ изъ ученія Локка, но ведетъ свою аргументацію далѣе и притомъ совершенно самостоятельно. Локкъ, какъ извѣстно, считалъ источникомъ познанія опытъ, т.-е. чувство воспріятія, и рефлексію, т.-е. самонаблюденіе. Духъ, по этому ученію, невольно и необходимо подчиняется внѣшнимъ воспріятіямъ, какъ зеркало невольно отражаетъ въ себѣ предметы. Но это только первая ступень дѣятельности человѣческаго духа; за нею слѣдуетъ другой, болѣе сложный процессъ — комбинація извнѣ полученныхъ впечатлѣній, и тутъ-то, въ образованіи такъ называемыхъ идей, духъ является самодѣятельнымъ, свободнымъ и творческимъ. Таково ученіе Локка о сущности нашего познанія. Кондильякъ отрѣшается отъ этого послѣдняго идеализма; онъ прямо признаетъ источникомъ познанія одно только чувственное воспріятіе („sensation"). Что же касается рефлексіи, то она не есть, по его мнѣнію, особый и самостоятельный источникъ идей, а только каналъ, которымъ идеи изъ чувствъ доходятъ до нашего сознанія. Всѣ духовныя отправленія и состоянія являются у него такимъ образомъ только результатомъ все-таки извнѣ приходящихъ чувственныхъ впечатлѣній и такъ называемая духовная жизнь есть въ сущности жизнь чувственная. Самодѣятельности мышленія, еще допускаемой Локкомъ, по ученію Кондильяка вовсе нѣтъ, такъ точно, какъ нѣтъ и свободы воли. — Вотъ сущность ученія Кондильяка. Оно основано исключительно на чувственномъ воспріятіи, „sensation", какъ единственномъ источ-

никѣ нашихъ познаній, и потому носитъ въ исторіи философіи спеціальное названіе сенсуализма. — Главное философское сочиненіе Кондильяка, посвященное изслѣдованію объ этомъ предметѣ, есть его „Traité des sensations“.

Отвергнувъ Бога и религію, матеріализмъ долженъ былъ отвергнуть и нравственность, которая основывается на религіи. Но признавая недѣйствительность морали, данной извнѣ, онъ сталъ пытаться замѣнить ее тою, которая заключается въ самомъ человѣкѣ, такъ сказать, присуща его природѣ. Эта попытка предпринята была двумя писателями—Ла-Меттри и Гельвеціусомъ. Ла-Меттри. Первый былъ однимъ изъ тѣхъ умныхъ французовъ, которые составляли любимое интимное общество Фридриха II, но въ частной жизни это былъ наглый развратникъ, видѣвшій въ матеріализмѣ прекрасное средство оправдать свою распущенность. Ла-Меттри написалъ два главныхъ сочиненія: „L'Histoire naturelle de l'âme“ и „L'Homme-machine“. Въ обоихъ проповѣдуется такой открытый неслыханный матеріализмъ, что автору даже въ Голландіи, куда онъ бѣжалъ было изъ Франціи, запретили дальнѣйшее жительство. Сумма всѣхъ взглядовъ Ла-Меттри состоитъ въ томъ, что все, чего можетъ человѣкъ достигнуть, есть только чувственное наслажденіе. И такъ какъ мнимая духовность есть въ сущности тѣлесность, то прежде всего мы должны стремиться къ достиженію тѣлеснаго счастія, а что касается наслажденій такъ называемыхъ умственныхъ, то они могутъ скорѣе отравлять жизнь, чѣмъ дѣлать ее счастливою; поэтому если мышленіе не приноситъ намъ дѣйствительнаго счастія, то выгоднѣе избѣгать его. Такимъ образомъ основою и цѣлью жизни является одно чувственное наслажденіе.

Почти таковъ и Гельвеціусъ въ своемъ нравственномъ ученіи, Гельвеціусъ. изложенномъ имъ въ трактатѣ „О духѣ“ („Sur l'esprit“), гдѣ онъ развиваетъ ту мысль, что единственное основаніе и цѣль человѣческихъ дѣйствій есть себялюбіе и личный интересъ; искать удовольствія и избѣгать неудовольствія — наши единственныя побужденія; каждый самъ для себя составляетъ свой міръ, другіе для него—только орудіе и средство достигнуть личной выгоды; и въ другихъ мы въ сущности любимъ только самихъ себя.

Къ такимъ источникамъ свелась человѣческая мораль, оторванная отъ своей естественной почвы—религіи.

Но когда матеріализмъ въ лицѣ Дидро, д'Аламбера, Гольбаха, Ла-Меттри и Гельвеціуса достигъ своихъ крайнихъ предѣ-

ловъ, то неминуемо долженъ былъ вызвать реакцію; она явилась въ лицѣ Жанъ-Жака Руссо.

Ж. Ж. Руссо.

Руссо [1])—наслѣдникъ просвѣщенія XVIII в. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый ранній его противникъ. Вмѣстѣ съ другими онъ также ведетъ борьбу противъ старой церкви и стараго государства, но на мѣстѣ этихъ разрушенныхъ формъ жизни строитъ новые идеалы, далеко не похожіе на тѣ, какіе имѣлись въ виду другими писателями. Другіе воевали противъ откровенія и существующей церкви, чтобы на ихъ развалинахъ основать „естественную религію", религію разума; Руссо бичуетъ также старую церковь съ ея предразсудками и злоупотребленіями, но возвращается къ вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души и притомъ не на основаніи доводовъ ума, какъ деисты, но вслѣдствіе потребности сердца. Другіе клеймили старый государственный порядокъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто его выставить идеалъ англійской конституціи; Руссо и Англію считаетъ страной угнетенія и рабства и видитъ идеалъ общественнаго устройства въ полновластіи и самодержавіи народа. Другіе превозносили образованіе, какъ единственный источникъ счастія; Руссо провозглашаетъ это образованіе вреднымъ и взамѣнъ того проповѣдуетъ простоту природы и величіе простой буржуазной добродѣтели. Это былъ въ высшей степени оригинальный мыслитель, выходившій изъ общаго направленія своего вѣка, но смѣло прокладывавшій пути для будущаго.

Четыре главныхъ сочиненія Руссо находятся между собою въ самой тѣсной связи и соотвѣтствіи. Въ „Discours sur les sciences et les arts" Руссо отрицаетъ пользу наукъ и образованія, въ „Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes"—отрицаетъ старый общественный порядокъ. Въ этихъ двухъ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ, стало быть, только разрушаетъ старыя формы; въ двухъ же затѣмъ слѣдующихъ — строитъ на мѣсто разрушеннаго новое; именно, его „Эмиль" представляетъ идеалъ правильнаго и естественнаго воспитанія, а „Общественный дого-

---

[1]) Морлей, „Руссо". Пер. съ англ. М. 1882; Chuquet, „Rousseau" (въ кол. „Les grands écrivains franç."; есть русск. пер. М. 1897); Texte, „J.-J. Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire". 1895; Алексѣевъ, „Этюды о Ж. Ж. Руссо". М. 1887, 2 т.; Грехемъ, „Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда". 1889 (пер.); Геффдингъ, „Ж. Ж. Руссо" (пер.) 1898; Alb. Jansen, „Jean-Jacques Rousseau. Fragments inédits", 1882; Brockerhoff, „Jean Jacques Rousseau. Sein Leben und seine Werke". Leipz. 1863. 3 Bde; Haymann, „Rousseau's Sozialphilosophie". Leipz.; Landmann, „Der Souveränetätsbegriff bei den französischen Theoretikern von Jean Bodin bis auf Jean Jacques Rousseau". Leipz. 1896. Б.

воръ“ („Contrat social“) — идеалъ правильнаго и естественнаго государства, которое обезпечивало бы за человѣкомъ его неотъемлемыя природныя права. Но не смотря на такой рѣшительный разрывъ съ современнымъ ему обществомъ, Руссо все-же его воспитанникъ и дитя, ибо и онъ, подобно всѣмъ другимъ представителямъ XVIII вѣка, не имѣлъ никакого понятія о силѣ исторіи и думалъ, что людей и общество можно передѣлать по произволу. Оттого и его ученіе страдаетъ этимъ общимъ недостаткомъ тогдашняго времени.

Посмотримъ теперь ближе на каждое изъ четырехъ названныхъ сочиненій Руссо.

„Discours sur les sciences et les arts“ написано было на тему, предложенную Дижонской академіей; но вмѣсто того, чтобы доказывать пользу науки, какъ этого ожидала академія, Руссо доказываетъ ея вредъ. Положеніе это онъ основываетъ главнымъ образомъ на томъ, что образованіе убило естественную свободу и равенство людей и испортило ихъ характеръ. Къ такому выводу авторъ былъ, очевидно, приведенъ наблюденіемъ надъ современною ему наукою. Аристократическій тонъ просвѣтительной литературы съ содержаніемъ, далекимъ отъ насущныхъ нуждъ массы, педантизмъ и исключительность тогдашнихъ цеховыхъ ученыхъ—все это давало широкій просторъ личному негодованію автора, и, основываясь на этомъ личномъ негодованіи, онъ обвинилъ заурядъ всякую науку и образованіе, называя ихъ порожденіями праздности и роскоши. Въ особенности онъ сильно возставалъ противъ науки за то, что образованіе ведетъ къ возвеличенію таланта и уничтоженію будто-бы добродѣтели.

„Discours sur l'inégalité“ [1]) написано было тоже на тему той же академіи и есть какъ-бы продолженіе перваго трактата. Сочиненіе раздѣляется на двѣ части: первая изображаетъ естественное, первобытное состояніе людей до основанія гражданскихъ обществъ; здѣсь изображается въ самыхъ идеальныхъ чертахъ первобытное равенство, свобода и счастіе; вторая часть собственно и есть отвѣтъ на вопросъ академіи. Причину неравенства между людьми Руссо находитъ главнымъ образомъ въ появленіи государства: съ основанія его пошло все зло между людьми. Вслѣдъ за Гоббсомъ Руссо признаетъ договорное происхожденіе государствъ, но думаетъ, что люди, заключивши общественный дого-

---

[1]) См. между проч. Greifenhagen, „Analyse und Kritik der Abhandlung über den Ursprung der Ungleichheit unter den Menschen von J. J. Rousseau“ Götting. 1876. **Б.**

воръ, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и, вмѣсто ожидаемаго спокойствія, испытали тысячу бѣдствій: явилось право собственности, а съ нимъ различіе между богатыми и бѣдными; явилось начальство, а съ нимъ различіе между сильными и богатыми; явилась государственная власть, а съ нею различіе между господиномъ и рабомъ.

Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ тѣми сочиненіями Руссо, въ которыхъ онъ на мѣсто разрушеннаго стараго порядка предлагаетъ идеалъ новаго общественнаго устройства и новыхъ общественныхъ отношеній. Къ этимъ сочиненіямъ принадлежитъ два его труда: „Эмиль“ или „О воспитаніи“ („Émile ou de l'éducation“) и „Общественный договоръ“. „Эмиль“ [1]) по формѣ есть полуроманъ, полуучебникъ, гдѣ авторъ излагаетъ условія человѣчески свободнаго воспитанія. Основная мысль та, что если воспитаніе не можетъ ужъ сдѣлать человѣка совершенно „естественнымъ“, то оно, по крайней мѣрѣ, должно стремиться къ тому, чтобы сдѣлать его какъ можно естественнѣе, какъ можно ближе къ природѣ, развить въ немъ всѣ добрые, естественные инстинкты сердца. Самую важную часть воспитанія составляетъ, по мнѣнію Руссо, правильное образованіе религіозныхъ понятій, и это даетъ ему случай изложить въ этомъ сочиненіи свои глубочайшія религіозныя убѣжденія, чему онъ посвятилъ особый отдѣлъ — „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“ („Profession de foi du vicaire savoyard“). Между тѣмъ какъ философы его времени препирались по вопросу объ отношеніи между знаніемъ и вѣрою и на основаніи только умственныхъ соображеній рѣшали вопросъ о Богѣ и безсмертіи души, Руссо исповѣдуетъ самую теплую вѣру въ Бога и безсмертіе единственно на основаніи внутренняго чувства. Онъ страстно возстаетъ поэтому противъ деистовъ и матеріалистовъ, на борьбу съ которыми посвящена большая часть этого „Исповѣданія“. Но въ то же время Руссо не слишкомъ высоко ставитъ и откровеніе и вообще всякую положительную религію. „Никто“, говоритъ онъ, „не уважаетъ Евангелія больше меня. Это самая возвышенная изъ всѣхъ книгъ, какія только появлялись на свѣтѣ. Но все-таки это — только книга, и притомъ неизвѣстная тремъ четвертямъ человѣчества. Нѣтъ, Законъ Божій должно искать не въ нѣсколькихъ разбросанныхъ листахъ, а въ сердцѣ“. Понятно, что подобное исповѣданіе вѣры

---

[1]) Есть русскій пер. М. 1896 (въ „Педагогич. Библіотекѣ“, изд. К. Тихомировымъ и А. В. Адольфомъ). **Б.**

должно было возбудить одинаковое негодованіе какъ вѣрующихъ, такъ и раціоналистовъ. Первые осудили Руссо, какъ безбожника, а вторые осмѣяли его, какъ вѣрующаго.

„Contrat Social“ [1]), вмѣстѣ съ „Духомъ законовъ“ Монтескье, — самое вліятельное политическое сочиненіе XVIII вѣка; вліяніе его особенно сказалось во время революціи въ эпоху террора. Книга эта, вышедшая въ 1762 г., есть не только протестъ противъ существующаго общественнаго порядка, но и опроверженіе конституціонной теоріи Монтескье. Послѣдній, какъ извѣстно, избралъ своимъ образцомъ Англію. Руссо даже Англію считаетъ страной угнетенія и рабства и постоянно имѣетъ въ виду Женевское государственное устройство и республиканско-демократическій принципъ [2]). Все сочиненіе посвящено ученію о верховныхъ правахъ народа. Ученіе это Руссо заимствовалъ большею частію у Локка, но ведетъ его гораздо далѣе и приходитъ къ болѣе крайнимъ выводамъ. Трактатъ состоитъ изъ 4 книгъ. Въ первой говорится о сущности и происхожденіи государства, причемъ вслѣдъ за Гоббсомъ основою государственнаго союза Руссо считаетъ „общественный договоръ“, но думаетъ, что граждане, вступая въ союзъ, отказываются только отъ своего произвола, но никакъ не отъ своей естественной свободы и равенства; только это равенство и свобода регламентируются теперь закономъ, какъ выраженіемъ общаго согласія. Вторая книга трактуетъ о верховномъ правѣ и законодательной власти, которыя естественно принадлежатъ народу, такъ какъ онъ по своей доброй волѣ, свободно вступилъ въ общественный договоръ и притомъ съ тѣмъ, чтобы и здѣсь удержать неприкосновеннымъ свое естественное право располагать собою. Поэтому, по самой природѣ своей и по происхожденію, верховная власть неотчуждаема и недѣлима; народъ не можетъ, если бы даже и хотѣлъ, ни отказаться отъ своей верховной власти, ни раздѣлить ее съ кѣмъ-нибудь, ибо этимъ нарушалась бы первоначальная основа общественнаго договора. Такимъ образомъ и законодательная власть, какъ высшее выраженіе верховнаго права, должна всецѣло принадлежать народу и, естественно, должна быть направлена къ поддержанію его свободы и равенства. Третья книга трактуетъ о сущности правленія. Народъ, какъ обладатель вер-

---

[1]) Новѣйшее изд. — Dreyfus-Brisach'a, съ критическимъ аппаратомъ и указаніемъ источниковъ (1896). Б.

[2]) Gottfried Koch, „Die Verfassung von Genf und Rousseau's Contrat social“ („Hist. Zeitschr.“, 1886, 2-tes Heft). Б.

ховной власти, есть государь, суверенъ, а какъ обязанный исполнять имъ же самимъ установленные законы—подданный. Исполнительная власть является только посредникомъ между народомъ, какъ государемъ, и народомъ, какъ подданнымъ. Въ этомъ только посредничествѣ и состоитъ роль правительства. Самая простая форма правленія есть, конечно, демократія, но такъ какъ люди уже испорчены и, слѣдовательно, мало способны къ этой чистой демократіи, то лучшею формою общественной жизни является избирательная аристократія, предполагая при этомъ, что аристократами будутъ не самые богатые, а самые лучшіе люди. Но какую бы форму ни имѣло правленіе, оно всегда исходитъ только изъ полномочія народа; лица, облеченныя исполнительной властью, суть, такимъ образомъ, не господа народа, а лишь его чиновники. Наконецъ, четвертая книга толкуетъ о средствахъ укрѣпить государство и тутъ, какъ главное, рекомендуется обязательная сила государственной религіи, которая ограничивалась бы вѣрою въ Бога и будущую жизнь.

Что касается „Исповѣди“ („Confessions“) [1]) Руссо, то, хотя авторъ обѣщаетъ раскрыть въ ней передъ читателемъ всего себя, т.-е. весь свой внутренній міръ, и дѣйствительно дѣлаетъ такую попытку, но на всякомъ шагу мы встрѣчаемся здѣсь съ худо скрываемымъ тщеславіемъ и эгоизмомъ. Вообще болѣзненная раздражительность, недовѣріе и презрѣніе къ людямъ и чрезмѣрное самолюбіе составляютъ темныя стороны личнаго характера Руссо, какъ человѣка. А между тѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ онъ преслѣдовалъ идеалъ человѣчности. Такое противорѣчіе свойственно всему этому вѣку.

Начало соціализма.

Въ заключеніе нашего обзора просвѣтительной литературы во Франціи намъ остается указать на тѣ первыя попытки или зародыши соціалистическаго ученія, которые проявились въ ней [2]). Такъ, аббатъ Морелли въ 1755 г. издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Кодексъ природы“ („Code de la nature“), гдѣ ясно и опредѣленно изложилъ ученіе, стремящееся къ ниспроверженію не только существующаго государственнаго, но и экономическаго

---

[1]) Есть и русск. переводъ. Б.

[2]) Villegardelle, „Hist. des idées sociales avant la révolution française“. 1845; Sudre, „Hist. du communisme“. 1850; Thonissen, „Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la constitution française du 14 janv. 1852“. Louvian. 1852; Le Faure, „Les socialistes pendant la révolution française“. 1863; L. Stein, „Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich“. Leipz. 1850; Dühring, „Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus“. Berlin. 1875; г. Щегловъ, „Исторія соціальныхъ системъ“. Т. I. Б.

порядка. Главное нападеніе свое авторъ устремляетъ на личную собственность, какъ на источникъ, по его мнѣнію, всего зла, и основою новаго общества, руководящагося естественными законами природы, должны быть, по его убѣжденію, общность имуществъ, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безразличное равенство всѣхъ. Почти такое же ученіе встрѣчаемъ мы и въ политико-философскомъ трактатѣ „О законодательствѣ“ („Traité de législation“. 1776), принадлежащемъ другому ученому—аббату Мабли [1]). Явленія эти тоже, не смотря на ихъ внутреннюю несостоятельность, были симптомами того общаго духа ненависти къ существующимъ порядкамъ, который мы встрѣчали во всей просвѣтительной литературѣ XVIII вѣка.

Общій характеръ литературы просвѣщенія.

Такова была пресловутая „литература просвѣщенія“. Что касается общихъ характерныхъ чертъ ея, имѣвшихъ практическое вліяніе, т. е. отразившихся на самомъ характерѣ подготовленной ею революціи, то Токвиль указываетъ на слѣдующія главныя ея особенности. Первая черта—духъ отрицанія и ненависти къ существующему порядку вещей. О чемъ бы кто ни писалъ—объ индійской ли торговлѣ, какъ Рейналь, о торговлѣ хлѣбомъ, какъ аббатъ Галіани—, всѣ такъ или иначе сворачиваютъ на эту любимую тему: всѣ современныя сочиненія, какъ ни различны они по формѣ и по содержанію, напр. хотя бы прославленная идиллія Бернардена де Сенъ-Пьера „Paul et Virginie“, знаменитыя политическія комедіи Бомаршэ, одинаково напитаны этимъ духомъ отрицанія и ненависти къ существующимъ порядкамъ, который и составляетъ господствующій тонъ всей тогдашней литературы [2]). Вторая черта—антиисторическое ея направленіе: она не признавала правъ исторіи, не понимала, что исторія есть сила, которую не въ состояніи измѣнить воля нѣсколькихъ лицъ или даже воля цѣлаго поколѣнія. Напротивъ, по понятіямъ тогдашней литературы, религія есть выдумка жрецовъ, государство—плодъ общественнаго договора, феодальный строй—узурпація привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только захотѣть и можно все это передѣлать разомъ и навсегда. Единственнымъ же масштабомъ для подобной передѣлки считается право разума; право историческое игнорируется вовсе. Третья черта—матеріализмъ, про-

---

[1]) См. указанныя выше (стр. 158, прим.) ст. В. И. Герье и въ особенности его книгу: „L'abbé de Mably, moraliste et politique. Étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIII siècle“. Paris. 1886.

[2]) И. И. Ивановъ, „Политич. роль французск. театра въ связи съ философіей XVIII в.“. М. 1895. Б.

повѣдуемый не только дилеттантами, но и настоящими философами, подобными Дидро, Кондильяку и многими другими. Но на подобной почвѣ не могла успѣшно развиться общественная свобода. Это доказывается и многими примѣрами изъ европейской исторіи и вытекаетъ логически; ибо матеріализмъ, какъ принципъ, неизбѣжно влечетъ за собою и общественное рабство, такъ какъ тотъ, кто отрицаетъ въ человѣкѣ свободу воли, естественно, долженъ отвергнуть также и его общественную свободу. Четвертая черта литературы XVIII в.—глубокая ея нерелигіозность. Писатели съ какою-то страстною злобою нападаютъ на христіанство и церковь не потому, чтобы церковь во Франціи была въ то время хуже, нежели въ другихъ мѣстахъ, но потому, что она наиболѣе стѣсняла писателей своимъ контролемъ, сама будучи въ то же время безоружной, т.-е. открытой для нападенія. Послѣдствія этого были самыя печальныя. Во время революціи были уничтожены не только законы гражданскіе, но также и религіозные, и нравственные. Отсюда—дерзкій, безжалостный, разрушительный и страшный характеръ революціи. Наконецъ, пятая черта—слишкомъ авторитетная роль литераторовъ и ихъ теорій въ обществѣ. Это чрезмѣрное увлеченіе теоріями и сообщали революціи характеръ абстрактный, непрактичный, возбудивъ страсть къ новизнѣ и оригинальности, желаніе разомъ передѣлать весь общественный строй, а между тѣмъ общество и его руководители-литераторы не имѣли вовсе того практическаго такта, который пріобрѣтается только самоуправленіемъ.

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ нравственныхъ причинъ, подготовившихъ революцію и обусловившихъ ея характеръ. Обратимся теперь къ экономическимъ условіямъ [1]) тогдашней Франціи.

3. Экономическія причины.

Въ то время, какъ передовые мыслящіе классы общества вели такую ярую борьбу противъ всего стараго порядка, масса населенія, т.-е. тѣ 25 мил., которыхъ современники-философы называли общимъ именемъ tiers-état, имѣла свои поводы вражды къ этому общественному порядку. Изъ 51 мил. гектаровъ государственной территоріи тогдашней Франціи, обрабатывалось въ то время только 35 мил.; изъ нихъ $^2/_3$ принадлежало высшему дво-

Земледѣльческое населеніе.

[1]) Bloch, „Études sur l'histoire économique de la France (1760—1789)". 1901. Б.

рянству и духовенству, а также богатымъ капиталистамъ изъ третьяго сословія; остальная треть—мелкимъ земельнымъ собственникамъ; средняго зажиточнаго сельскаго класса тогда почти не существовало: находившіеся въ рукахъ сельскихъ собственниковъ участки были крайне раздроблены, а собственники такъ угнетены разными поборами, государственными и церковными, что влачили самое бѣдственное существованіе [1]). Такимъ образомъ, около 20 мил. сельскаго населенія питалось фермерствомъ и половничествомъ, уплачивая крупнымъ владѣльцамъ за пользованіе землею половину валоваго сбора. Все бремя налоговъ (казенные поборы, церковная десятина, натуральныя повинности, феодальная) ложилось на крестьянъ и разоряло ихъ въ конецъ, тѣмъ болѣе, что сами помѣщики рѣдко жили на своихъ земляхъ, а сборы оброковъ поручали своимъ повѣреннымъ, нотаріусамъ и адвокатамъ, поступавшимъ съ крестьянами крайне жестоко. Съ другой стороны, и земледѣліе было въ большомъ упадкѣ, такъ какъ сами помѣщики, живя въ Парижѣ и Версалѣ, о немъ не заботились; а крестьяне работали кое-какъ, лишь-бы не умереть съ голоду, ибо знали, что все равно всѣ выгоды ихъ труда пойдутъ не имъ, а казнѣ, духовенству (высшему) или помѣщикамъ. Только на сѣверѣ Франціи замѣтно было благосостояніе; остальная же масса насе-

---

[1]) Кромѣ трудовъ И. В Лучицкаго и другихъ, упомянутыхъ на стр. 161, 166 – 7, прим., см.: Vaissière, „Gentilshommes campagnards de l'ancienne France. Étude sur la condition, l'état social et les mœurs de la noblesse de province du XVI et XVIII siècle“. 1903; Maine, „Des causes de la décadence de la propriété féodale en France et en Angleterre“. 1877; Lagrèze, „Essai sur le droit du seigneur“. 1855; Lanéry d'Arc, „Du franc-aleu“. 1888; Doniol, „La révolution française et la féodalité“. 1874, „Hist. des classes rurales en France“. 1857; Combes, „Les paysans français“. 1853; Benoit, „Histoire des paysans“. Genève. 1854; Bonnemère, „Hist. des paysans depuis la fin du moyen-âge jusqu'à nos jours“. 1856. 2 v.; Leymarie. „Hist. des paysans en France“. 1856; Dareste de la Chavanne, „Hist. des classes agricoles en France“. 1858; Du Cellier, „Hist. des classes laborieuses en France“. 1860; de-Lavergne, „Économie rurale de la France depuis 1789“. 1860; Baudrillart, „Les populations agricoles de la France“; Tourmagne, „Hist. du servage ancien et moderne“. 1879; Sugenheim, „Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa“. Petersb. 1861; Chassin, „L'église et les derniers serfs“. 1880; труды Alb. Babeau (стр. 162, прим. 4).—По вопросу о французскихъ крестьянахъ XVIII в. есть и на русск. яз. упомянутое выше (стр. 161) самостоятельное обширное изслѣдованіе Н. И. Карѣева, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ М. 1879 (см. его-же, „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.“. Варш. 1881), гдѣ можно найти и болѣе подробныя указанія на литературу предмета. Затѣмъ см. еще: Legoyt, „Du morcellement de la propriété en France et dans les principaux états de l'Europe“. Marseille. 1866; Mauguin, „Etudes historiques sur l'administration de l'agriculture en France“. 1876—7; Baudrillart, „Les populations agricoles du Poitou“ („Acad. des sciences morales et politiques, Compte rendu“. 1866, aoû̂t-sept.); Biollez, „Etudes économiques sur le XVIII siècle“. 1885. Б.

ленія томилась въ рабствѣ, нищетѣ и невѣжествѣ, руководимая своимъ фанатичнымъ сельскимъ духовенствомъ, такимъ же голоднымъ пролетаріатомъ, какъ и она сама. Страна, однимъ словомъ, въ это время представляла слѣдующее зрѣлище: съ одной стороны—ничтожное меньшинство, наслаждавшееся всѣми преимуществами, богатствами и почестями; съ другой—20 мил. голодныхъ крестьянъ, проникнутыхъ ненавистью къ высшимъ классамъ.

Городское. Въ городахъ тоже было не лучше. Городское самоуправленіе стало исчезать во Франціи еще съ XVII в. Кромѣ того, правительство, часто нуждаясь въ деньгахъ, стало продавать городскія должности, и мѣста эти доставались денежной знати—банкирамъ, капиталистамъ, разбогатѣвшимъ чиновникамъ, откупщикамъ и проч., которые и составляли городскую аристократію, управлявшую городами въ своихъ финансовыхъ и сословныхъ интересахъ. Естественно, что вся остальная масса городского населенія стояла враждебно противъ этой аристократіи, проникнутая къ своимъ угнетателямъ ненавистью, злобой и завистью, тѣмъ болѣе, что и мелкая промышленность стѣснена была въ городахъ строгимъ цеховымъ устройствомъ: внѣ цеховой корпораціи и ея ступеней и правъ никто не могъ свободно заниматься своимъ ремесломъ. Цеховое же право также продавалось правительствомъ; такимъ образомъ крестьянинъ, пришедшій въ городъ для заработковъ, могъ снискивать себѣ пропитаніе только однимъ поденнымъ трудомъ. Усовершенствованія въ ремеслахъ при такой строгости цеховыхъ правилъ и правительственной регламентаціи тоже быть никоимъ образомъ не могло [1]). Крупная или фабричная промышленность, созданная Кольберомъ и развивавшаяся во Франціи благодаря правительству или искусственнымъ путемъ, также при строгой опекѣ сверху и регламентаціи, при отсутствіи конкурренціи со стороны иностранныхъ товаровъ, не могла процвѣтать. Наконецъ, торговля [2]) внутренняя была стѣснена областными привилегіями, множествомъ пошлинъ, городскихъ, заставныхъ, плохими путями сообщенія, внѣшняя же—высокимъ тарифомъ на

---

[1]) Levasseur, „Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant 1789“ (нов. изд. въ 2 т. 1901); Martin-Saint-Léon, „Histoire des corporations de metiers depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791“. 1897; Гозе, „Ouvriers du temps passé“; труды Babeau (см. стр. 162, прим. 4); Boissonade, „Esssai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI siècle jusqu'à la Révolution“. 2 v.; М. М. Ковалевскій, „Рабочій вопросъ во Франціи накапунѣ революціи“ („Русск. Мысль“, 1893, № 11) и „Происхожд. соврем. демокр.“. Б.

[2]) Pigeonneau, „Histoire du commerce de la France“; объ условіяхъ хлѣбной торговли диссертація Г. Е. Аѳанасьева (см. выше, стр. 161); ср. его-же, „Общество голодовки“ („Историч. Обозр.“, II). Б.

иностранные фабрикаты и монополией и разными привилегіями правительственныхъ торговыхъ компаній.

Въ общемъ итогѣ торговля тогдашней Франціи была вдвое слабѣе нынѣшней, сельская производительность втрое, а издѣльная промышленность—даже вчетверо, между тѣмъ какъ народонаселеніе страны увеличилось съ того времени только на одну треть. Такимъ образомъ, можно предположить, что предъ наступленіемъ революціи Франція въ экономическомъ отношеніи была вдвое бѣднѣе нынѣшней, а распредѣленіе ея богатствъ несправедливѣе, по крайней мѣрѣ, вдесятеро. Отсюда—плачевное состояніе ея финансовъ, къ изложенію краткой исторіи которыхъ мы теперь и перейдемъ, останавливаясь на этомъ пунктѣ особенно внимательно потому, что финансовыя затрудненія и были исходной точкой всей революціи.

4. Финансы.

Necker, „De l'administration des finances de la France" 1784; Bailly, „Histoire financière de la France depuis l'origine de la monarchie jusqu'à la fin de 1786". 1830; Bresson, „Hist. financière de la France". 1858; по особенно важны: Stourm, „Les finances de l'ancien régime et de la révolution" 1855. 2 v., и Vuitry, „Études sur le régime financier de la France avant la révolution de 1789". 3 v., „Etudes sur le régime financier de la Fr. sous la révolution"; см. затѣмъ Gomel, „Les causes financières de la révolution française". 1892; Bouchard, „Système financier de l'ancienne monarchie". 1892; Clamageran, „Hist. de l'impôt en France". 1867—76. 3 v.; Fournier de Flaix, „La réforme de l'impôt en France". 1855; Duval, „L'impôt du sel et la contrebande sous l'ancien régime"; Cochois, „L'impôt sur le sel en France. Son histoire, sa législation". 1903; Auburtin, „Etude sur l'histoire de l'impôt foncier en France jusqu'en 1789" („Annales de l'école libre des sciences politiques". 1886); г. Бржескій, „Податная реформа. — Французскія теоріи XVIII ст.". Спб. 1888; В. А. Гольцевъ, „Государствен. хозяйство Франціи въ XVIII в."; А. Н. Стояновъ, „Финансов. администрація во Франціи отъ средн. вѣковъ до 1789 г." („Юр. Вѣстн.", 1877, кн. VII—VIII); Brosch, „Die Gemeinde und ihr Finanzwesen in Frankreich". Leipz. 1874. **В.**

Плохое состояніе французскихъ финансовъ началось еще съ Людовика XIV. Все слѣдующее царствованіе есть безплодная борьба съ финансовыми затрудненіями. Искусственная система Джона Ло въ началѣ регентства, мѣры герцога Бурбона и его преемника по управленію финансами, Машо, вызвавшія ожесточенную борьбу съ парламентомъ, который потребовалъ себѣ контроля надъ финансами,—все это явленія печальной финансовой исторіи при Людовикѣ XV. Въ началѣ правленія Людовика XVI состояніе государственнаго бюджета было слѣдующее: текущіе доходы казны Положеніе финансовъ.

исчислены были въ 500 милл., да кромѣ того, въ видѣ десятины духовенству, оброчныхъ статей и мѣстныхъ налоговъ, народъ платилъ еще 380 мил., итого — 880 мил., сумма, равняющаяся по теперешней цѣнности денегъ приблизительно 2400 мил. Распредѣленіе же этого бремени по сословіямъ и классамъ общества было крайне неравномѣрно. Такъ, всѣ главныя финансовыя тяжести въ видѣ поземельныхъ налоговъ (la taille, la vingtième), поголовщины (capitation) и косвенныхъ сборовъ, особенно солянаго (la gabelle), табачнаго, штемпельнаго и проч., падали большею частью на простой, бѣдный народъ, такъ какъ привилегированные классы, [хотя по закону и не совсѣмъ были изъяты отъ платежа по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. la vingtième, capitation, фактически платили обыкновенно гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало; да и изъ третьяго сословія людямъ богатымъ представлялась возможность избавляться отъ платежей, и значитъ, платили въ сущности тѣ, кто менѣе всего былъ состоятеленъ. Натуральныя же повинности, въ родѣ, напр. дорожной (corvée), всецѣло лежали на низшемъ классѣ]. Отсюда—вѣчныя недоимки, жестокія мѣры при ихъ взысканіи и ежегодный дефицитъ въ 100 мил., а предъ самою революціей по случаю дорого стоившей американской войны дефицитъ этотъ возросъ почти до 200 мил.

Попытки реформъ.

Все правленіе Людовика XVI [1]) до самаго начала революціи, т.-е. время съ 1774 г. по 89 г., прошло въ самыхъ разнообразныхъ финансовыхъ экспериментахъ для поправленія затруднительнаго положенія государственной казны. Самая удачная попытка такого рода была предпринята въ началѣ царствованія Людовика тогдашними министрами Малербомъ и особенно физіо-

---

[1]) О царствованіи Людовика XVI см. между проч.: Soulavie, „Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI". 1801; Droz, „Histoire du règne de Louis XVI, pendant les années, où l'on pouvait prévenir ou diriger la révolution française". 1838—42. 3 v.; Amédée Renée, „Louis XVI et sa cour". 1858 (2 éd.); Semichon, „Les réformes sous Louis XVI". 1876; Jobez, „La France sous Louis XVI". 3 v. 1877 sq.; Sauriau, „Louis XVI et la révolution", 1893; А. С. Трачевскій, „La France et l'Allemagne sous Louis XVI" („Revue historique". 1880—1, и отдѣльно). О Маріи Антуанетѣ, кромѣ раньше упомянутыхъ изданій (на стр. 132), см. еще: Goncourt, „Hist. de Marie Antoinette". 1863; Lescure, „La vraie Marie Antoinette" (4-е изд. 1878); Huard, „Mémoires sur Marie Antoinette". 1865; De Vyré, „Marie Antoinette.—Sa vie et sa mort. 1755—1793". 1889; de Nolhac, „La reine Marie-Antoinette". 1890; Tourneux, „Marie Antoinette devant l'histoire". 1895 (тутъ—библіографія); Campardon, „Marie Antoinette et les procès du collier". 1863; Funck-Brentano, „L'affaire du collier", 1901, и „La mort de la reine". 1901; M. Lenz, „Marie Antoinette im Kampf mit der Revolution" („Preuss. Jahrb.", LXXVIII); Francklin, „Vie privée d'autrefois.—La vie de Paris sous Louis XVI". 1902; Могра, „Послѣдн. дни одного общества. Герцогъ Лозенъ и внутрен. жизнь двора Людов. XVI и Маріи Антуанетты". Спб. 1897 (пер. съ франц.). Б.

кратомъ Тюрго [1]), который [раньше обратилъ на себя вниманіе благотворною дѣятельностью въ качествѣ интенданта Лимузена и который, будучи призванъ королемъ къ министерскому посту], предложилъ слѣдующія мѣры: отмѣну произвольныхъ арестовъ по такъ называемымъ lettres de cachet [2]), уничтоженіе пытки при судебныхъ допросахъ, свободу совѣсти, свободу печати, отмѣну цехового устройства, свободную торговлю хлѣбомъ, возстановленіе провинціальнаго самоуправленія, отмѣну дорожней повинности и привлеченіе привилегированныхъ классовъ къ большему участію въ государственныхъ повинностяхъ. Но противъ нововводителя возсталъ весь дворъ и черезъ полтора съ небольшимъ года Тюрго былъ удаленъ (1776) [3]). Тюрго.

Мѣсто его занялъ одинъ частный женевскій банкиръ и протестантъ Неккеръ. Этотъ старался поддержать равновѣсіе бюджета посредствомъ займовъ, для погашенія которыхъ однако же не предпринялъ никакихъ мѣръ; будущее страны, такимъ образомъ, приносилось въ жертву настоящему. Для поддержанія кредита Неккеръ обнародовалъ знаменитый свой отчетъ („Compte rendu“) о состояніи государственныхъ финансовъ и совѣтовалъ двору бережливость. Какъ то, такъ и другое возбудило противъ него придворныхъ и онъ тоже былъ удаленъ въ 1781 году. [Онъ Неккеръ.

---

[1]) „Oeuvres du Turgot“. Par Daire. 1844 („Collect. de principaux économistes“). Лучшее изслѣдованіе о Тюрго—Foncin, „Essai sur le ministère de Turgot“. 1877. Вообще литература о Тюрго довольно богата. См., напр., Dupont de Nemours, „Mémoires sur la vie et les ouvrages de Turgot“. Philadel. 1782; Condorcet, „La vie de M. Turgot“. 1786; Batbie, „Turgot philosophe, économiste et administrateur“. 1861; Tissot, „Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages“. 1862; Mastier, „Turgot, sa vie et sa doctrine“. 1862; Larcy, „Louis XVI et Turgot d'après des documents inédits“. 1866; Alfr. Neymarck, „Turgot et ses doctrines“. Paris. 1885. 2 v.; Léon Say, „Turgot“. 1887; Feilbogen, „Smith und Turgot“. Wien. 1893; D'Hugues, „Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges“. 1859; Gerlier, „Voltaire, Turgot et les franchises du pays de Gex“. Genève. 1883. На русск. яз. — Муравьевъ, „Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII в.“. М. 1858 (по поводу этой книги—ст. Чернышевскаго въ „Соврем.“); ст. Благосвѣтлова въ „Русск. Словѣ“. 1860; важнѣе — диссертація Г. Е. Аѳанасьева: „Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго“. Одесса. 1884. Б.

[2]) О lettres de cachet ст. Funck-Brentano въ „Rev. d. deux Mondes“, 1892, 15 oct. и въ „Rev. des études histor.“, 1899, 1 févr., и его-же, „Les lettres de cachet à Paris. Etude suivie d'une liste des prisonniers de la Bastille (1659—1789)“. 1904; Cassaigne, „Lettres de cachet sous l'ancien régime“. 1904. Б.

[3]) Въ виду готовившейся ему отставки Тюрго обратился къ королю съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его не уступать настоянію придворной партіи и въ которомъ между прочимъ находятся слѣдующія замѣчательныя, какъ-бы пророческія слова: „N'oubliez jamais, Sire, que c'est la faiblesse qui a mis la tête de Charles I“ (англійскаго) „sur un billot; c'est la faiblesse qui a rendu Charles IX cruel, c'est elle qui a formé la ligue sous Henri III, qui a fait de Louis XIII, qui fait aujourd'hui du roi de Portugal des esclaves couronnés“. Письмо это найдено Леономъ Сэ и помѣщено въ его монографіи о Тюрго. Б.

успѣлъ осуществить однако мысль Тюрго о возстановленіи провинціальнаго самоуправленія: съ 1778 г. во Франціи были открыты

Калонъ.

„провинціальныя собранія“ [1])]. Заступившій мѣсто Неккера Калонъ, напротивъ, совѣтовалъ двору роскошь и расточительность, какъ лучшее средство поддерживать кредитъ и поощрять промышленность. [Но наконецъ и онъ увидѣлъ, что дальше идти по этому пути невозможно и что для предотвращенія полнаго государственнаго банкротства необходимо отыскать новые источники дохода посредствомъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ и привлеченія привилегированныхъ къ бо̀льшему участію въ государственныхъ повинностяхъ. Съ этою цѣлью въ 1787 г. созваны были

Нотабли.

„нотабли“, „именитые люди“, т.-е. назначенные отъ правительства депутаты отъ сословій и учрежденій [2]). Но вмѣсто ожидаемой поддержки Калонъ встрѣтилъ оппозицію и со стороны нотаблей, осуждавшихъ его финансовую политику и злоупотребленія. Вообще собраніе это проникнуто было глубокимъ недовѣріемъ къ личности министра и къ представляемымъ имъ отчетамъ, что̀ и выразилось въ спорѣ о размѣрѣ ежегоднаго дефицита, сумма котораго по разсчету нотаблей опредѣлена была, по крайней мѣрѣ, въ 140 мил. Отъ проведенія же коренныхъ мѣръ нотабли уклонились, ссылаясь на то, что они—не представители націи, а Лафайетъ уже тогда указывалъ на созваніе „генеральныхъ штатовъ“, какъ на единственное средство для проведенія радикальныхъ реформъ и выходъ изъ кризиса.

Борьба съ парламентомъ.

Въ виду такой полной неудачи] Калонъ былъ удаленъ и мѣсто его по управленію финансами занялъ архіепископъ тулузскій, Ломени де Бріенъ. Новое министерство опять увидѣло необходимость прибѣгнуть къ новому займу, но парламентъ, [возстановленный въ прежнемъ своемъ видѣ въ самомъ началѣ царствованія Людовика XVI], отказался занести его въ протоколъ, находя, что заемъ этотъ, предположенный въ 440 мил., не подъ силу и безъ того исто-

---

[1]) De Lavergne, „Les assemblées provinciales sous Louis XVI“. 1863; De Luçay, „Les assemblées provinciales sous Louis XVI et les divisions administratives de 1789“. 1871 (2 éd.); И. В. Лучицкій, „Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль“ („Кіевск. Унив. Изв.“, 1879); Rives, „Étude sur les attributions financières des états provinciaux et en particulier des états de Languedoc au XVIII siècle“. 1885; Golléty, „Tentatives d'organisation provinciale en Dauphiné: l'assemblée provinciale de 1787“. 1885. См. также Laboulaye, „De l'administration française sous Louis XVI“ („Revue des cours litéraires“. IV); Monnet, „Histoire de l'administrations provinciale, départementale et commerciale en France“. 1885. Б.

[2]) Wahl, „Die Notabelnversammlung von 1787“. Freib. i. Br. 1899; его-же, „Studien zur Vorgeschichte d. französisch. Revolution“. Tübing. 1901. Б.

щенной націи. Его заставили сдѣлать это посредствомъ lit de justice, но онъ протестовалъ. Тогда Де-Бріенъ составилъ планъ отнять у непокорнаго парламента право соглашаться или не соглашаться на новыя подати или займы и предоставить это право особому учрежденію, которое называлось „cour plenière“, „верховный судъ“, а функціи провинціальныхъ парламентовъ должны были перейти къ судамъ, называемымъ „grands bailliages“. Но парижскій парламентъ провѣдалъ объ этомъ планѣ и представилъ правительству такое рѣзкое remontrance, которое по своему тону и притязаніямъ напоминаетъ знаменитую „Просьбу о правахъ“ англійскаго парламента. Здѣсь между прочимъ требовался постоянный контроль надъ финансами посредствомъ представителей націи, требовалась также независимость и гарантія личныхъ правъ граданъ. Не смотря однако на этотъ протестъ, новая палата была открыта; но это возбудило такое общее неудовольствіе, что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мѣра эта была отмѣнена, и де-Бріенъ удаленъ.

На мѣсто его опять призванъ Неккеръ (1788) [1]. Но теперь уже и онъ ничего не могъ сдѣлать, такъ какъ ни новыхъ податей, ни новыхъ займовъ добиться было нельзя: для того и другого требовалось содѣйствіе всей націи. Казалось, оставалось такимъ образомъ одно: прибѣгнуть къ старинному, экстренному средству, къ которому прибѣгали въ чрезвычайныхъ случаяхъ прежнія правительства,—къ созванію общесословнаго сейма или états-généraux [2]). Сейма этого желали теперь всѣ: и министры, и король, и сословія, каждый съ своими цѣлями и нуждами. И вотъ на 27 апрѣля 1789 года Людовикъ XVI, по настоянію Неккера, повелѣлъ представителямъ націи собраться въ Версалѣ, при чемъ, подъ вліяніемъ духа времени и по совѣту того же Неккера, третьему сословію предоставлялось двойное число голосовъ (600, дворянству же и духовенству—по 300). Созваніе états-généraux.

Начались повсемѣстно во Франціи выборы; на нихъ ясно отразилось вліяніе господствующаго тогда демократическаго духа, развитаго и прежней исторіею Франціи, и философіею эпохи, и недавнею американскою войною, въ которой Франція принимала участіе. „Cahiers“, т.-е. наказы или инструкціи, данные тогда избирателями своимъ депутатамъ, ясно свидѣтельствуютъ о господство- Cahiers 1789.

---

[1]) Flammermont, „Le second ministère de Necker“ („Rev. histor.“, 1891, mai-juin). Б.
[2]) Brette, „Recueil de documents relatifs à la convocation des États généraux de 1789“. 1894 сл. (вышло 3 т.). Б.

вавшемъ настроеніи умовъ [1]). Инструкціи эти интересны для историка потому, что представляютъ длинный списокъ нестроеній тогдаш-

[1]) Наказы представляютъ огромный и чрезвычайно важный матеріалъ, изданный въ настоящее время въ названномъ выше (стр. 131) сборникѣ „Archives Parlamentaires". Première Série. par Laurent et Mavidal, 1867 sq., гдѣ имъ посвящено цѣлыхъ 7 объемистыхъ томовъ. Тутъ напечатаны всѣ cahiers дворянства и духовенства. Что же касается cahiers третьяго сословія, то по избирательному регламенту 24 января 1789 г. приходскіе и такъ называемые „первичные" наказы подлежали (иногда даже двукратной) сводкѣ и переработкѣ въ одинъ общій наказъ отъ цѣлаго города или бальяжа (судебнаго округа), наказъ, который ужъ и служилъ инструкціей для избраннаго въ генеральные штаты депутата отъ третьяго сословія. Такіе именно cahiers и изданы въ „Archives Parlamentaires"; приходскіе же или первичные наказы, легшіе въ ихъ основу, не всѣ вошли сюда. Многіе изъ нихъ потеряны, другіе частью хранятся еще неизданными въ разныхъ архивахъ, частью помѣщены въ такихъ изданіяхъ, какъ, напр., Hippeau, „Le Gouvernement de Normandie au XVII et au XVIII siècle". Paris. 1869—70 (3-me série, t. II—IV); Proust, „Archives de l'Ouest". Paris. 1867 (Série A. „Opérations électorales de 1789"); Cauna, „Armorial des Landes, précédé des cahiers du tiers-état et de la noblesse des Landes en 1789". Bordeaux. 1863—9; Labot, „Convocation des états généraux et législation électarale de 1789". Nevers. 1866 и друг., упоминаемыя въ концѣ примѣчанія. Нужно имѣть также въ виду, что въ сборникѣ Laurent'a и Mavidal'я наказы изданы неисправно. На это указываетъ и Brette (см. выше, стр. 131), предпринявшій поэтому новое, вполнѣ научное, изданіе ихъ. Еще въ 1789 г. появилось нѣсколько „резюме" выраженныхъ въ наказахъ нуждъ и желаній тогдашней Франціи: (Dupont de Nemours), „Tableau comparatif des demandes contenues dans les cahiers des trois ordres à MM. les députés aux états généraux"; Prudhomme, „Résumé général ou extrait des cahiers de pouvoirs, instructions, demandes et doléances remis aux députés à l'Assemblée des États généraux". 3 v.; (Ab. Torné), „Esprit des cahiers, présentés aux États généraux de l'an 1789". Затѣмъ — Grille, „Introduction aux mémoires sur la révolution française ou tableau comparatif des mandats et pouvoirs donnés par les provinces à leur députés aux États généraux de 1789". 1825. 2 v.; краткое резюме помѣщено и въ 1-мъ томѣ Buchez et Roux, „Hist. parlem. de la révol. fr.". — Однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе на наказы, какъ на чрезвычайно важный источникъ, и подвергшихъ ихъ анализу, былъ Токвиль („L'ancien régime et la révolution", p. 421—435). Спеціальныя изслѣдованія о наказахъ и подробный анализъ ихъ даютъ Poncins („Les cahiers de 89". Paris. 1866) и Chassin („Le génie de la révolution". 1863, „Les cahiers des curés". 1882), приступившій къ изданію и сборника подъ заглавіемъ: „Recueil de documents relatifs aux élections et aux cahiers de Paris en 1789"; подробно разсматриваетъ cahiers также Chérest во 2-мъ томѣ своего труда: „La chute de l'ancien régime" (стр. 395 сл.), Wahl — въ „Studien zur Vorgeschichte der Revolution" (ст. 1-я). Новѣйшій общій обзоръ наказовъ — Champion, „La France d'après les cahiers de 1789". 1897. Есть работы и болѣе частнаго характера, какъ, напр., Bonassieux, „Cahiers de 89 au point de vue industriel et commercial". 1884; Abbé Allain, „Les questions d'enseignement dans les cahiers de 1789" („Revue des questions historiques". 1885, 1-er oct.), „Cahiers des états généraux relatifs à l'instruction publique". 1886; Буриль и, „Les cahiers de l'instruction publique en 1789". 1902; Menusier, „Les cahiers de l'Eglise de France". 1891. Наконецъ относительно наказовъ и выборовъ 1789 г. по отдѣльнымъ провинціямъ можно указать на слѣдующія изданія и работы: Fleury, „Elections aux États généraux de 1789. Procès verbaux, doléances, cahiers et documents divers publiés par la société academique de Laon". 1872; De Casteras, „Histoire de la révolution française dans le pays de Foix et dans l'Ariège". 1876; Duval, „Cahiers de la Marche et assemblée de département de Guéret". 1873, „Archives révolutionnaires du département de la Creuse (1789 - 94)". Guéret. 1875, „Cahiers des doléances des paroisses du bailliage d'Alençon en 1789". 1886. 2 v.; Tholin, „Cahiers des doléances du tiers état du pays d'Agenais aux états généraux (1588, 1614, 1649, 1789)". 1885; Loth, „L'assemblée du clergé de Rouen pour les états généraux de 1789". Rouen. 1884; Bécourt, „Les cahiers de

няго французскаго государства [и показываютъ, чего желала старая Франція какъ-разъ накапунѣ своего паденія]. Каждое сословіе выразило здѣсь свои цѣли, желанія и надежды. Всѣ согласны были только въ одномъ—въ сохраненіи монархіи, во всемъ же остальномъ расходились совершенно: дворянство, [требуя даже либеральныхъ политическихъ реформъ, періодическаго созванія генеральныхъ штатовъ и т. под., большею частью] не думало вовсе отказываться отъ своихъ сословныхъ привилегій, высшее духовенство—тоже, да кромѣ того требовало строгой цензуры и наказанія безбожныхъ философовъ; [впрочемъ, что касается участія въ государственныхъ повинностяхъ, то даже въ cahiers привилегированныхъ сословій нерѣдко выражается согласіе на это]. Но самыми замѣчательными были наказы третьяго сословія, такъ какъ они представляютъ не только изложеніе видовъ и притязаній этого класса, но и служатъ какъ-бы предуказаніемъ всѣхъ тѣхъ событій, которыя совершились въ началѣ революціи. Избиратели tiers-état поручали своимъ депутатамъ требовать привлеченія привилегированныхъ классовъ къ государственнымъ повинностямъ, уничтоженія феодальныхъ правъ, отмѣны lettres de cachet, удаленія иностраннаго наемнаго войска, разрушенія Бастиліи, и уполномочивали ихъ въ случаѣ несогласія на эти требованія со стороны привилегированныхъ классовъ объявить себя единственнымъ законнымъ собраніемъ французской націи. [Нужно замѣтить однако, что желанія, выраженныя и въ cahiers третьяго сословія, чрезвычайно разнообразны по своему характеру

Tremont et de Neuville-sur-Orne aux états généraux de 1789". Bar-le-Duc. 1885; Bussière, „Etudes historiques sur la révolution en Périgord". 2-ème partie („Le mouvement électoral de 1789"). Bordeaux. 1885; Demay, „Cahiers des paroisses du bailliage d'Auxerre pour les états généraux de 1789" (Société de sciences historiques et naturelles de l'Yonne. Bulletin. 1884); „Cahiers des paroisses et communautés du bailliage d'Autun aux états gén. de 1789" („Mémoires de société éduenne". 1885; Bellée, Duchemin et Brindeau, „Cahiers de plaintes et doléances des paroisses de la province du Maine pour les états généraux de 1789"; Ardouin Dumazet, „Le Nord de la France en 1789". 1889; Thenard, „Bailliages de Versailles et de Meudon. Les cahiers de paroisse, avec commentaires, accompagnés de quelques cahiers de curés". 1889; Mireur, États généraux de 1789. — Cahiers des doléances des communautés de la sénéchaussée de Draguignan.—Voeux du clergé et de la noblesse". Draguignan. 1889. Библіографію наказовъ издалъ Alfred Richard („La bibliographie des cahiers de doléances de 1789". 1889).

Слѣдуетъ отмѣтить, что на cahiers 1789 г. обращено большое вниманіе со стороны русскихъ изслѣдователей. См. В. И. Герье, „Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789" (выше, стр. 158); его-же болѣе популярная, краткая статья на ту же тему въ „Истор. Вѣстн.", 1884, кн. 2, и его-же ст. „Наказы" въ „Энциклоп. Слов." Брокгауза-Ефрона; VII гл. кн. Н. И. Карѣева, „Крестьяне и крестьянск. вопр. во Фр."; т. I. „Происх. совр. демократіи" М. М. Ковалевскаго; А. М. Ону, „Наказы третьяго сосл." (Ж. М. Н. Пр. за посл. годы) и В. Я. Хорошунъ, „Дворянск. наказы во Фр. 1789 г.". Б.

и что на ряду съ требованіями крайне умѣренными [1]) здѣсь встрѣчаются программы въ духѣ радикальномъ и чисто демократическомъ].

III. Эпоха учредительнаго собранія.

Открытіе государственнаго сейма 1789 г.

Подъ вліяніемъ такихъ настроеній собрались депутаты сословій въ Версалѣ, и знаменитый государственный сеймъ 1789 г., послужившій исходнымъ пунктомъ революціи, 5-го мая былъ, такимъ образомъ, открытъ. При открытіи были произнесены какъ самимъ королемъ, такъ и хранителемъ большой печати, Барантеномъ, вступительныя рѣчи. Первый высказалъ много доброжелательства, но обнаружилъ совершенный недостатокъ политическаго пониманія; второй же хотя и представилъ программу будущихъ занятій собранія, но весьма неопредѣленную. Наконецъ Неккеръ представилъ финансовый отчетъ, далеко не вѣрный, по которому дефицитъ показанъ былъ всего въ 56 милл., что̀ должно было произвести крайне невыгодное впечатлѣніе. Но никто не коснулся самаго существеннаго вопроса: чрезвычайно важно было рѣшить, долженъ ли сеймъ по примѣру прежнихъ подавать голоса по-сословно — и при такомъ порядкѣ ясно, что два голоса привилегированныхъ классовъ всегда имѣли бы перевѣсъ надъ голосомъ tiers état— или же, какъ того требовали инструкціи средняго сословія, подача голосовъ должна была происходить поголовно, и въ такомъ случаѣ перевѣсъ обнаружился бы на сторонѣ tiers état, ибо послѣднее сословіе выслало на сеймъ 600 депутатовъ, между тѣмъ какъ дворянство и духовенство имѣли ихъ только по 300, и такъ какъ можно было ожидать, что нѣкоторые члены изъ привилегированныхъ классовъ окажутся единомыслящими съ депутатами средняго сословія, то выходило, что при подобномъ порядкѣ совѣщаній перевѣсъ обнаружился бы на сторонѣ tiers état. Вся будущность совѣщаній и тѣхъ реформъ, которыя должны были теперь совершиться, зависѣла, такимъ образомъ, отъ рѣшенія этого существеннаго вопроса. Но правительство упустило изъ своихъ рукъ возможность рѣшить его въ желанномъ для себя смыслѣ: вмѣсто того, чтобы взять въ свои руки инниціативу въ этомъ рѣшеніи, оно предоставило его на долю случайностей парламентской борьбы, которая должна была по этому поводу открыться между сословіями, и такимъ образомъ само лишило себя руководящей роли. Величайшій

Вопросъ о способѣ подачи голосовъ.

[1]) Guglia, „Die konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution. Zustände und Personen“. Gotha. 1890. Б.

изъ государственныхъ людей національнаго собранія, Мирабо, служившій такъ долго главнымъ вождемъ и руководителемъ его, говорилъ впослѣдствіи, что если бы Неккеръ имѣлъ хоть тѣнь таланта и энергіи, то при тогдашнемъ настроеніи умовъ, онъ могъ бы въ 8 дней получить отъ собранія 60 милл. новыхъ податей, 150 милл. новаго займа и на девятый день распустить собраніе. Всего этого можно было достигнуть въ виду преобладавшаго еще тогда среди депутатовъ монархическаго настроенія. Собраніе тогдашнее еще чуждо было мысли о какой-нибудь борьбѣ съ правительствомъ, и послѣднему надо было еще много надѣлать ошибокъ, чтобы окончательно утерять свой авторитетъ.

Такимъ образомъ съ самаго начала между представителями сословій, собравшимися въ Версалѣ, обнаружилась глубокая рознь по поводу вопроса о способѣ подачи голосовъ. Переговоры, начавшіеся по этому поводу между ними не повели ни къ чему; дворянство и духовенство, не смотря на протестъ tiers-état, образовали отдѣльныя палаты. Тогда и третьему сословію оставалось составить изъ себя также отдѣльную камеру и пригласить къ участію въ своихъ совѣщаніяхъ представителей привилегированныхъ классовъ. Впрочемъ, въ кругу депутатовъ средняго сословія господствовали въ этомъ отношеніи два взгляда: Мирабо совѣтовалъ не разрывать связи съ королемъ, который въ это время мечталъ объ установленіи конституціоннаго правленія, на подобіе англійскаго, причемъ депутаты привилегированныхъ классовъ могли бы составить верхнюю палату парламента, а tiers-état—нижнюю. Но другой вліятельный вождь собранія былъ аббатъ Сіэйсъ. Онъ совѣтовалъ представителямъ средняго сословія объявить себя, согласно полученнымъ инструкціямъ, единственнымъ законнымъ представительнымъ собраніемъ Франціи на томъ основаніи, что они представляютъ собою интересы 96% всего населенія страны. Мнѣніе это взяло верхъ, и 17 іюня депутаты третьяго сословія объявили себя единственнымъ законнымъ національнымъ собраніемъ („assemblée nationale") [1], пригласивъ еще за нѣсколько дней до того депутатовъ дворянства и духовенства присоединиться къ нимъ для общихъ совѣщаній. Но сначала только нѣкоторые изъ этихъ депутатовъ послѣдовали такому приглашенію; большинство же представителей привилегированныхъ классовъ осталось попрежнему въ видѣ отдѣльныхъ камеръ.

Положеніе правительства въ виду этой борьбы между сосло-

---

[1]) О значеніи этого момента — см. названную раньше (стр. 159) ст. В. И. Герье. Б.

віями было чрезвычайно затруднительно, особенно при обычной нерѣшительности и колебаніяхъ Людовика XVI и при безхарактерности его министровъ съ Неккеромъ во главѣ. Король сначала настаивалъ на отдѣльности камеръ, т.-е. на древнемъ способѣ голосованія, и, послѣ рѣшительнаго шага 17 іюня со стороны tiers-état, по настоянію феодальной партіи, прибѣгнулъ къ энергической мѣрѣ: залъ засѣданія депутатовъ третьяго сословія вдругъ оказался закрытымъ по распоряженію двора, но депутаты tiers-état собрались въ сосѣднемъ помѣщеніи, предназначенномъ для игры въ мячъ (la salle du jeu de paume), гдѣ и поклялись дѣйствовать единодушно и не расходиться до тѣхъ поръ, пока не дадутъ Франціи новаго устройства [1]). Сцена эта далеко, впрочемъ, не была такъ восторженна, какъ это часто изображали французскіе историки, и многимъ депутатамъ жутко было подумать, что они вступаютъ въ борьбу съ правнукомъ Людовика XIV. Тогда король назначилъ Lit de justice и, явившись въ собраніе лично (23 іюня), обѣщалъ военныя и гражданскія реформы, улучшеніе судопроизводства и финансовъ и свободу печати; но затѣмъ рѣшительно велѣлъ депутатамъ совѣщаться по-сословно, чѣмъ и показалъ, что обѣщанныя реформы никогда не будутъ приведены въ исполненіе, такъ какъ можно было предвидѣть, что привилегированные классы никогда на это не согласятся. Затѣмъ король приказалъ депутатамъ разойтись, но никто и не думалъ исполнять этотъ приказъ. Когда же, по удаленіи короля изъ собранія, явился туда его оберъ-церемоніймейстеръ, маркизъ де Брезе, и снова повторилъ королевское повелѣніе, то Мирабо отъ имени всего собранія отвѣчалъ ему, что депутаты собрались здѣсь по волѣ народа и уступятъ только силѣ штыковъ [2]). Тогда король потерялся и видя, что депутаты привилегированныхъ продолжаютъ переходить къ tiers-état, самъ велѣлъ дворянству и духовенству соединится съ депутатами третьяго сословія въ одно собраніе. Такъ tiers-état одержало свою первую побѣду надъ монархіей и привилегированными классами.

Всѣ вышеизложенныя событія въ Версалѣ совершились подъ давленіемъ безпорядковъ и волненій, происходившихъ въ это время въ Парижѣ [3]). Здѣсь умы были уже до крайности раздражены

---

[1]) Brette, „Le serment du jeu de paume". 1893. Б.

[2]) По распространенному преданію, Мирабо выразился будто бы: „Allez dire à votre maitre", но въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что такая фраза не была въ дѣйствительности произнесена. Н.

[3]) Н. А. Любимовъ, „Первые дни французской революціи 1789 г. По неизданнымъ запискамъ очевидца". 1886. Б.

народными журналами, революціонными клубами, демагогами и агентами герцога Филиппа Орлеанскаго, мечтавшаго о коронѣ или, по крайней мѣрѣ, о регентствѣ. Дворъ, понимая главную причину послѣднихъ своихъ неудачъ, составилъ теперь планъ устранить демократовъ, волновавшихъ народъ въ Парижѣ, и самое Версальское собраніе; Неккеру дана отставка, а къ окрестностямъ столицы стянута 30-тысячная армія. Подъ вліяніемъ паники, распространившейся при слухахъ объ этой мѣрѣ, собраніе потребовало отъ короля удаленія этихъ войскъ, но получило уклончивый отвѣтъ. Тогда въ Парижѣ вспыхнуло открытое возстаніе: 14-го іюля чернь взяла штурмомъ и затѣмъ разрушила государственную тюрьму Бастилію [1]); начался грабежъ хлѣбныхъ запасовъ, магазиновъ и даже частныхъ домовъ. Разсвирѣпѣвшій народъ растерзалъ нѣсколько подозрительныхъ для него лицъ. Само собраніе потерялось и не знало, что дѣлать. Но еще наканунѣ взятія Бастиліи Мирабо подалъ ему самый благоразумный совѣтъ—учредить обывательское ополченіе (Garde nationale). Этою мѣрою онъ желалъ изъ среды самихъ гражданъ составить надежную охранительную силу, ибо ненавидѣлъ анархію столько же, сколько и деспотизмъ. Въ теченіе первыхъ же дней Парижъ выставилъ до 50 тыс. „національной гвардіи“, начальство надъ которою было ввѣрено Лафайету, а еще чрезъ недѣлю и въ остальной Франціи организовано было ея 80 тыс. Вслѣдъ затѣмъ король велѣлъ регулярнымъ войскамъ удалиться, снова призвалъ Неккера, и самъ лично посѣтилъ Парижъ, хотя, собираясь туда, счелъ нелишнимъ пріобщиться Св. Тайнъ, сдѣлать завѣщаніе и проститься съ своимъ семействомъ. Въ Парижѣ, впрочемъ. Людовикъ былъ встрѣченъ съ неописаннымъ восторгомъ, особенно въ ту минуту, когда принялъ изъ рукъ Лафайета трехцвѣтную кокарду національной гвардіи. Тогда уже началась эмиграція, и въ числѣ бѣжавшихъ за границу былъ графъ Артуа, братъ короля.

Взятіе Бастиліи.

Національная гвардія.

Между тѣмъ въ провинціяхъ тоже начались грабежи и рѣзня помѣщиковъ, пожары замковъ и монастырей, насилія. Посреди общаго смятенія старыя учрежденія и суды исчезли сами собою. Феодальное иго вездѣ было свергнуто народомъ. Собраніе опять

[1]) Funck-Brentano, „La Bastille, d'après ses archives“ („Revue historique“, 1890, janv.-févr. sq.) и „Légendes et Archives de la Bastille“. 1898; Lecocq, „La prise de la Bastille et ses anniversaires. Etude historique d'après des documents inédits“; Flammermont, „Relations inédites de la prise de la Bastille, par le duc de Dorset et par le comte de Mercy-Argenteau“. 1885, и его-же, „La journée du 14 juillet 1789“. 1892. Б.

потерялось и не знало, на что рѣшиться, и опять Мирабо указалъ ему на настоящій практическій путь, посовѣтовавъ формально уничтожить феодальное государство, фактически уже несуществовавшее. Тогда въ одну ночь 4-го августа собраніе отмѣнило крѣпостное право, помѣщичьи суды, титулы и привилегіи дворянства, церковную десятину и всѣ провинціальныя отличія, чѣмъ и разрушило весь старый порядокъ, который, впрочемъ, какъ доказалъ Токвиль, и безъ того уже подкопанъ былъ еще задолго до революціи. Часто обвиняютъ собраніе 89 года въ поспѣшности и необдуманности этой мѣры. Но надо взять во вниманіе крайность минуты, требовавшей рѣшительныхъ мѣръ, а затѣмъ не надо забывать, что посреди этого общаго крушенія Франція и Западная Европа взамѣнъ разрушеннаго пріобрѣтала все-таки три вѣчныя блага, на которыхъ зиждется и нынѣшній экономическій и общественный строй Европы; это—свободу труда, равенство всѣхъ предъ закономъ и единство государства.

Постановленія 4 августа.

Теперь, по разрушеніи стараго, собраніе могло приступить къ составленію новаго государственнаго уложенія. Но чтобы понять ходъ совѣщаній, открывшихся объ этомъ предметѣ, надо составить понятіе о партіяхъ и вождяхъ ихъ [1]). Главныхъ партій въ собраніи было три. Правая, т.-е. феодальная или аристократическая, большею частію состояла изъ дворянъ и высшаго духовенства. Она, разумѣется, стояла за старый порядокъ съ незначительнымъ измѣненіемъ и сильна была своими тѣсными связями съ дворомъ; но сила ея постепенно ослабѣвала отъ начавшейся эмиграціи. Вождями этой партіи были Мори и Казалесъ. Затѣмъ слѣдуетъ центръ съ нерѣшительнымъ Неккеромъ во главѣ; рядомъ съ нимъ выдающіеся политическіе дѣятели: Лалли-Толлендаль, Малуэ, Мунье. Идеаломъ этой партіи была англійская конституція съ двумя палатами. Но время страстей и волненій, какимъ была именно та минута, мало благопріятствовало развитію и успѣху подобной умѣренной партіи. Наконецъ,—лѣвая сторона, состоявшая вся почти изъ энтузіастовъ широкой теоретической свободы и даже демократической республики. Вожди ея: Сіэйсъ, Талейранъ, Дюпоръ, Ламетъ, Барнавъ. Къ этой же партіи примыкали приверженцы и агенты герцога Орлеанскаго. Наконецъ, примыкавшая тоже къ ней крайняя лѣвая состояла изъ красныхъ республиканцевъ,—тогда еще не многочисленныхъ

Партіи и ихъ вожди.

[1]) Объ ораторахъ національнаго собранія см. Aulard, „L'éloquence parlémentaire pendant la révolution française. Les orateurs de l'assemblée constituante". 1882. Б.

съ Петіономъ и Робеспьеромъ [1]) во главѣ; роль этихъ людей была еще впереди.

Но единственнымъ практическимъ государственнымъ человѣкомъ собранія, возвышавшимся надъ всѣми партіями, былъ Мирабо. Прежде многіе видѣли въ немъ только эгоиста и честолюбца, тайнаго измѣнника народному дѣлу, хотя и признавали въ немъ геніальнаго человѣка. Но обнародованные затѣмъ памятники, въ особенности интимная переписка самого Мирабо съ друзьями, пролили на эту личность иной свѣтъ [2]). Впрочемъ, еще въ 1837 г. одинъ изъ французскихъ изслѣдователей, Дрозъ, смотрѣлъ на Мирабо уже совершенно правильно, видя въ немъ величайшаго государственнаго мужа революціи, единственнаго ея дѣятеля, который могъ управлять ея ходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ человѣкъ честныхъ и искреннихъ либеральныхъ убѣжденій, но только не теоретикъ и не энтузіастъ. Его программа была вполнѣ оригинальна и практична. Вопросу о формѣ правленія,— вопросу, которымъ въ то время увлекались многіе, Мирабо не придавалъ особеннаго значенія. Главное для него было достиженіе существенныхъ реформъ государственной жизни, освобожденіе общества отъ всѣхъ старыхъ стѣсненій: совѣсти — отъ контроля церкви, мысли — отъ цензуры, капитала — отъ монополіи биржи, промышленнаго труда—отъ опеки цеховъ и корпорацій, администраціи—отъ продажи должностей, юстиціи—отъ произвола и отъ феодальныхъ помѣщичьихъ судовъ, финансовъ—отъ эгоизма при- Мирабо.

---

[1]) Спеціальная монографія о Робеспьерѣ—Hamel'я (1865—7. 3 т.). Б.

[2]) „Mémoires de Mirabeau". 1834 sq.; Bacourt, „Correspondance des comtes de Mirabeau et de la Marck". 3 v. 1851 sq. (ср. Stockmar, „Zur Kritik von Bacourts Korrespondenz zwischen Mirabeau et la Marck", „Hist. Zeitschr.", 39 B.); „Lettres du comte de Mirabeau à un de ses amis en Allemagne, écrites durant les années 1786—90". 1792; „La mission secrète de Mirabeau à Berlin" (1786—7). D'après les documents originaux des archives des affaires étrangères, par Welchinger. 1900; Dumont, „Souvenirs sur Mirabeau et sur les deux premières assemblées législatives, publiés par Duval". 1832. Затѣмъ біографіи Мирабо—Pipitz'a („Leben Mirabeaus". Leipz. 1850. 2 Bde), Levitz'a („Mirabeau". 1852), Vermorel'я (Paris. 1864—5. 5 v.), Laboulaye, („Revue des cours litéraires". V), и болѣе новыя—Louis и Charles de Loménie („Les Mirabeau". 1889—91. 5 v.), A. Stern („Das Leben Mirabeaus". Berl. 1889. 2 Bde), Edm. Rousse (1891, біографія обоихъ Мирабо, отца и сына, въ коллекціи „Les grands écrivains franç."), Mezières (1892), Willert (1898, на англ. яз., въ коллекціи „Foreign Statesmen"), Erdmannsdörffer (1900, въ кол. „Monographien zur Weltgeschichte"); на русск. яз.— г. Васильева (Спб. 1893, въ кол. Павленкова). См. еще „Mirabeau, Lettres à Julie, écrites du donjon de Vincennes", publ. par Meunier. 1903; Cottin, „Sophie de Monnier et Mirabeau d'après leur correspondance secrète inédite (1775—1789)". 1903; Wild, „Mirabeau's geheime diplomatische Sendung nach Berlin". Heidelberg. 1901.—О старшемъ Мирабо, „другѣ людей", новѣйшія монографіи — Kipert, „Le Marquis de Mirabeau (l'Ami des hommes), ses théories politiques et économiques". 1901; Brocard. „Les doctrines économiques et sociales du marquis de Mirabeau dans l'Ami des Hommes". 1902. Б.

вилегированныхъ классовъ. Когда все это, думалъ онъ, будетъ достигнуто, представительное устройство и общественная свобода явятся сами собою. Для достиженія этой главной и единственной цѣли своей, онъ опирался, смотря по требованію обстоятельствъ, на разныя партіи, не принадлежа исключительно ни къ одной изъ нихъ. Сознавая возвышенность своихъ цѣлей и смотря на себя какъ на единственнаго человѣка во Франціи, который былъ достоинъ власти и способенъ ею распоряжаться, Мирабо пренебрегалъ клеветою и подозрѣніями, дѣлавшими сомнительною его личную честность. Политическая же дальновидность Мирабо открывается изъ того, что онъ задолго предсказалъ революцію и еще за мѣсяцъ предвидѣлъ бунтъ 5-го октября. Наконецъ, людей и ихъ дѣйствія оцѣнивалъ онъ тоже чрезвычайно вѣрно: жестоко порицалъ Неккера, когда всѣ считали его великимъ финансистомъ и государственнымъ человѣкомъ, былъ отъявленнымъ врагомъ Лафайетовской „déclaration“, возбуждавшей тогда почти общій энтузіазмъ, постоянно совѣтовалъ королю отстать отъ дворянъ, эмигрантовъ и иностранныхъ кабинетовъ, чистосердечно соединившись съ народомъ, и вездѣ противодѣйствовалъ якобинцамъ, даже въ ихъ собственномъ клубѣ. Все это потому, что ненавидя старый порядокъ, онъ еще болѣе ненавидѣлъ анархію и недовѣрялъ парижскимъ демагогамъ. Страстнымъ желаніемъ установить прочный общественный порядокъ на началахъ разумной свободы и равенства и добиться отъ Людовика XVI разумныхъ уступокъ требованіямъ времени объясняются между прочимъ и тайныя связи Мирабо съ дворомъ, интимныя свиданія съ королевой, значительныя суммы, которыя онъ получалъ отъ двора, хотя на-ряду со всѣмъ этимъ слѣдуетъ, однако, прибавить, что онъ не былъ чуждъ тутъ и эгоистическихъ побужденій, что вообще пороки Мирабо были столь же поразительны, какъ его дарованія, и что въ своей частной и общественной жизни человѣкъ этотъ отличался тою же беззастѣнчивою безнравственностью, какою отмѣчена большая часть передовыхъ дѣятелей XVIII столѣтія.

Лафайетъ. Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ Лафайетъ [1]. Богатый маркизъ по положенію, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ теоретиковъ-философовъ изъ дворянъ, которые искали популярности ѳиміамами тогда модной демократической идеѣ. Въ этомъ смыслѣ надо понимать его рыцарскій походъ въ Америку во главѣ фран-

[1]) Charavay, „Le général Lafayette, 1757—1834“. 1898: Glagau, „General Lafayette und der Sturz der Monarchie in Frankreich“ („Hist. Zeitschr.“, 1899, XLVI); Tower, „Le Marquis de la Fayette et la révolution d'Amérique“. 1903. Б.

цузскихъ волонтеровъ для участія въ войнѣ за освобожденіе штатовъ и ту вліятельную роль, которую игралъ онъ во время выборовъ въ états-généraux. Благодаря этой извѣстности, онъ попалъ въ депутаты отъ средняго сословія, сдѣлался вице-президентомъ національнаго собранія, а потомъ и главнымъ начальникомъ національной гвардіи, при первомъ смотрѣ которой, раздавая кокарды (синяго, краснаго, бѣлаго цвѣта) ея членамъ, сказалъ знаменитую фразу: „эта кокарда обойдетъ весь свѣтъ". Но самую широкую популярность пріобрѣлъ онъ, предложивъ собранію свой знаменитый революціонный манифестъ — „Déclaration des droits de l'homme"[1]); и хотя идеи, здѣсь развитыя, заимствованы были большею частью изъ введенія къ „Объявленію независимости" сѣверо-американцевъ, а отчасти изъ англійской политической литературы и изъ cahiers избирателей, но Лафайетъ приписывалъ его авторство всецѣло себѣ. Какъ всѣ почти революціонныя ученія, это былъ теоретическій актъ, не только предназначенный служить программой и какъ бы сводомъ руководящихъ принциповъ для собранія, занявшагося послѣ 4-го августа, т.-е. послѣ разрушенія феодальнаго государства, составленіемъ новаго уложенія, но и универсальнымъ манифестомъ, гдѣ излагалось ученіе объ исконныхъ, естественныхъ правахъ всѣхъ людей. Содержаніе его сводится къ тремъ главнымъ положеніямъ: 1) всѣ люди свободны и равны; 2) каждый имѣетъ право противодѣйствовать тиранніи, и 3) нѣтъ власти не изъ народа. Принципы эти несостоятельны по своей отвлеченности и неопредѣленности, по своему крайнему презрѣнію къ исторической почвѣ. Они требуютъ немедленнаго и абсолютнаго равенства и свободы; но опытъ показываетъ, что расширеніе политическихъ правъ возможно только дѣйствіемъ времени. Правительство не можетъ, хотя бы и желало, сдѣлать своихъ подданныхъ вдругъ свободными, не подготовивъ ихъ къ тому путемъ образованія и постепеннаго самоуправленія; Франція же того времени была совершенно неспособна и неподготовлена къ политической свободѣ. Высшіе классы были глубоко безнравственны, низшіе — глубоко невѣжественны; тѣ и другіе — одинаково отучены отъ автономіи долгимъ періодомъ государственнаго абсолютизма и теоретическо-философскимъ образованіемъ

«Декларація правъ человѣка».

---

[1]) Blum, „La Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen" (текстъ съ коммептар.), 1902; Jellineck, „Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrechte". 1895 (есть русск. пер.); ср. Boutmy, „La déclaration des droits de l'homme et du citoyen et M. Jellinek" („Annales des sciences politiques, 1902. 15 juillet); ст. М. М. Ковалевскаго, въ „Юрид. Вѣстн.", 1889. Б.

вѣка. Призвать такой народъ къ самоуправленію значило прямо вести его къ анархіи, а потомъ и къ деспотизму. Еще неблагоразумнѣе было навязывать эту теоретическую свободу другимъ народамъ, что было уже прямымъ посягательствомъ на ихъ собственную свободу. Но еще гибельнѣе было по своимъ послѣдствіямъ проповѣданное здѣсь ученіе о противодѣйствіи тиранніи, такъ какъ каждый могъ подъ тиранномъ понимать все, что ему угодно: пролетарій—богача, работникъ—капиталиста, солдатъ—офицера и т. д. Съ такими началами становились невозможными какой бы то ни былъ порядокъ и общежитіе, разрушались законы личной безопасности и личной собственности, т.-е. всѣ существенныя опоры благоустроеннаго общества и настежь отворялись ворота полной анархіи. Наконецъ, декларація предоставляла каждому лично или посредствомъ своего уполномоченнаго участвовать въ законодательствѣ и распредѣленіи финансовыхъ тягостей. Но этимъ опять открывался широкій путь самой необузданной охлократіи, ибо масса уполномочивалась дѣйствовать и помимо или съ устраненіемъ ею же законно-избранныхъ представителей. Несмотря на все это, несмотря на предостереженіе благомыслящихъ людей, особенно Мирабо, собраніе, напитанное своими теоретико-философскими идеями и увлеченное демократическимъ энтузіазмомъ, не хотѣло ничего этого видѣть и, принявъ декларацію въ основаніе новаго государственнаго уложенія, стало домогаться у короля утвержденія этого акта. И Людовикъ XVI, уступая давленію собранія и страху парижскихъ смутъ, утвердилъ его.

Пренія о новомъ уложеніи.

Тогда въ собраніи начались пренія о новомъ уложеніи. Сначала была мысль объ англійскомъ устройствѣ, т.-е. о представительной монархіи съ двумя палатами и съ участіемъ короля въ законодательной власти посредствомъ veto. Но парижскія смуты и тутъ дали перевѣсъ энтузіастамъ лѣвой стороны, которые настояли на одномъ общемъ представительномъ собраніи съ предоставленіемъ королю только отлагательнаго на 6 лѣтъ veto.

Вообще весь ходъ совѣщаній въ Версальскомъ собраніи постоянно находился подъ давленіемъ демократическихъ волненій Парижа.

Демагогія въ Парижѣ.

Въ Парижѣ въ это время, по разрушеніи старыхъ учрежденій, было только двѣ дѣйствительныя власти, созданныя самою революціею: городская дума изъ 300 членовъ, съ мэромъ Бальи во главѣ, и національная гвардія подъ главнымъ нaначальствомъ Лафайета. При ненадежности и деморализаціи

тогдашнихъ войскъ, послѣдняя была единственной военной силой въ государствѣ. Эти два учрежденія, дума и гвардія, и были охранительными силами столицы, представляя собою законный порядокъ. Въ противоположность имъ стояла демократическо-революціонная масса простаго народа, возраставшая все болѣе и болѣе отъ наплыва пролетаріевъ изъ провинцій, вслѣдствіе повсемѣстной пріостановки работъ, вслѣдствіе неурожая и голода. Одной этой иногородной черни скопилось въ Парижѣ 40 т., а съ парижскими рабочими масса эта простиралась до 100 тысячъ. Центромъ ея сборищъ былъ Пале-Рояль, гдѣ демагоги — Камиллъ Демуленъ, Лустало, Маратъ, Сенъ-Хюрюжъ — волновали ее своими внушеніями и рѣчами; множество появившихся въ это время демократическихъ листковъ: „L'ami du peuple", „Courieur de Brabant", и другихъ политическихъ брошюръ и памфлетовъ, разжигали умы, а революціонные клубы — бретонскій, якобинскій, кордельеровъ — руководили всѣми волненіями и демонстраціями; особенно якобинцы, считавшіе въ одномъ Парижѣ до 4000 членовъ и имѣвшіе около 200 развѣтвленій въ провинціяхъ. Якобинцы льстили черни, потворствуя ея грубымъ инстинктамъ и разжигая въ ней ненависть противъ короля, аристократовъ и имущихъ классовъ общества. Грозная масса эта была, такимъ образомъ, готовымъ матеріаломъ для всякихъ насильственныхъ переворотовъ. Лафайетъ хитрилъ съ ней и подъ-часъ въ ней заискивалъ. Дума ея боялась. Это была, однимъ словомъ, темная сила столицы, состоявшая изъ нищихъ, бродягъ, голодныхъ энтузіастовъ, разныхъ искателей приключеній, но нерѣдко и изъ искреннихъ патріотовъ.

Эта-то сила и произвела движеніе 5 октября [1]). Уже давно пале-рояльскіе ораторы внушали народу мысль о необходимости перевести короля въ Парижъ, прогнать отъ него предателей и окружить друзьями народа, однимъ словомъ — сдѣлать изъ него монарха-гражданина. Но привести такой замыселъ въ исполненіе можно было только съ участіемъ Лафайета, ибо національная гвардія одна только могла помѣшать движенію. Поэтому, если Лафайетъ и не былъ прямымъ виновникомъ этого мятежа, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ ему благопріятствовалъ, такъ какъ съ переселеніемъ короля и собранія въ Парижъ сила и роль его должна была возрости еще 5 октября.

---

[1]) Mathiez, „Étude critique sur les journées des 5 et 6 octobre 1789" („Rev. histor.", 1898, juill.-août.). Б.

болѣе. И дѣйствительно, всѣ плоды мятежа на первыхъ порахъ достались ему. Но прямымъ виновникомъ и зачинщикомъ его былъ все-таки не Лафайетъ, а герцогъ Орлеанскій — Филиппъ-Egalité, родственникъ королевскаго дома, надѣявшійся этимъ путемъ добиться своей цѣли, т.-е. сверженія Людовика XVI съ престола и захвата регентства. И такъ, 5-го октября съ утра собрались несмѣтныя толпы черни на Гревской площади, передъ ратушей и въ другихъ мѣстахъ, и стали требовать у думы похода на Версаль. Національная гвардія сначала спокойно смотрѣла на эти скопища, а потомъ мало-по-малу присоединила и свои требованія къ народнымъ. Дума уступила; Лафайетъ согласился какъ-бы противъ воли, и тогда вся эта масса, въ томъ числѣ толпы женщинъ, двинулась на Версаль и прибыла туда къ 3 часамъ пополудни. Во дворецъ тотчасъ отправлена была депутація, которая именемъ народа потребовала отъ короля замѣны королевской стражи караулами отъ національной гвардіи, безусловнаго принятія деклараціи о человѣческихъ правахъ и переѣзда въ Парижъ. Людовикъ согласился на все, но на послѣднее требованіе далъ уклончивый отвѣтъ. Лишь къ 11 часамъ вечера прибылъ и Лафайетъ во главѣ національной гвардіи. Между тѣмъ толпы черни ночью ворвались во дворецъ съ цѣлью убить королеву Марію Антуанетту, наущеніямъ которой приписывали отказъ короля переѣхать въ Парижъ. Ее однако же удалось спасти. Лафайетъ, допустившій это насиліе, только черезъ полтора часа явился съ національной гвардіей во дворецъ и очистилъ его отъ народныхъ массъ. Король на другой день долженъ былъ переѣхать въ Парижъ, а 14 дней спустя переселилось туда за нимъ и національное собраніе. Такимъ образомъ, и король, и собраніе подпали теперь совершенно вліянію революціонныхъ силъ столицы.

Напрасно Мирабо пытался положить предѣлъ анархіи, предложивъ цѣлый рядъ законовъ объ ограниченіи права сходокъ и свободы печати, о гарантіяхъ общественной и личной безопасности, объ объявленіи Парижа въ осадномъ положеніи, объ образованіи сильнаго и популярнаго министерства изъ членовъ національнаго собранія, о строгомъ подчиненіи всѣхъ правительственныхъ учрежденій министрамъ, наконецъ, о реорганизаціи арміи въ смыслѣ возстановленія упавшей дисциплины. Законы эти не прошли въ собраніи, которое, подозрѣвая самого Мирабо въ честолюбивыхъ замыслахъ, постановило, напротивъ, что никто изъ народныхъ представителей не можетъ быть министромъ.

Демократія и ея пале-рояльскіе вожди, якобинцы и пролетаріи, торжествовали въ этомъ свою побѣду. Подъ ихъ моральнымъ давленіемъ и угрозами національное собраніе принялось теперь продолжать начатыя въ Версалѣ работы по составленію новаго государственнаго уложенія [1]).

Уложеніе 1791 г., многія черты котораго уцѣлѣли и въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ Франціи, касалось: Конституція 91 г.

a) Административной реформы. Вмѣсто древнихъ историческихъ провинцій, Франція теперь раздѣлена была на 83 департамента, большею частію по географическимъ условіямъ. Каждый департаментъ дѣлился на округи или дистрикты (574), а дистрикты—на кантоны или волости. Наконецъ, каждый кантонъ состоялъ еще изъ нѣсколькихъ сельскихъ общинъ (всѣхъ 44,000). Всѣмъ этимъ административнымъ единицамъ предоставлена была полная внутренняя автономія съ правомъ вѣдать мѣстные интересы и распоряжаться мѣстными суммами, съ обывательскимъ ополченіемъ, выборными властями и проч. Зависимость отъ центральной власти въ Парижѣ чувствительна была только въ департаментскихъ управленіяхъ; чѣмъ далѣе внизъ по этой административной лѣстницѣ,—тѣмъ она была слабѣе и слабѣе. Новымъ административнымъ дѣленіемъ вводилось однообразіе въ управленіе. Установлена была одинаковость мѣры, вѣса и монеты.

b) На этомъ же новомъ административномъ дѣленіи основано было и распредѣленіе политическихъ правъ между гражданами и самая организація народнаго представительства. На каждыя 100 тыс. жителей положено было имѣть по одному депутату въ будущемъ законодательномъ собраніи. Такимъ образомъ, собраніе это должно было состоять изъ 747 депутатовъ, которые и составляютъ одну представительную палату. Что же касается права избирать депутатовъ, то оно предоставлено было только активнымъ или дѣйствительнымъ гражданамъ, т.-е. такимъ, которые были совершеннолѣтни, жили, по крайней мѣрѣ, одинъ годъ въ извѣстной мѣстности, не находились въ услуженіи, не были банкротами и участвовали въ прямыхъ налогахъ, хотя бы и въ самомъ меньшемъ размѣрѣ, т.-е. платили прямую подать, равную трехдневной заработной платѣ. Такихъ гражданъ оказалось тогда во Франціи отъ 4 до 5 милл. Имъ же предоста-

[1]) См. преимущественно „Происхожд. соврем. демократіи" М. М. Ковалевскаго (ср. его-же ст. „Соціальн. законодательство конституанты", въ „Сборн. правовѣд. и обществ. наукъ". 1893). Б.

влены были и всѣ преимущества мѣстнаго самоуправленія. Остальные затѣмъ граждане, т.-е. пролетаріатъ, составляли классъ гражданъ пассивныхъ, т.-е. не имѣющихъ политическихъ правъ. Какъ ни широкъ и либераленъ былъ подобный цензъ, все же онъ противорѣчилъ „деклараціи правъ", а демагогамъ Пале-Рояля казался тиранніею и они поклялись, во что бы ни стало, доставить владычество пролетаріату, на силѣ котораго опиралось ихъ собственное могущество.

c) Судебная реформа, введенная этою конституціею, состояла въ гласномъ судопроизводствѣ, участіи присяжныхъ въ уголовныхъ процессахъ, во введеніи адвокатуры, въ уничтоженіи пытки при слѣдствіяхъ, въ уменьшеніи судебныхъ пошлинъ и въ правильномъ и законномъ порядкѣ обвиненія посредствомъ королевскихъ прокуроровъ. Судебная реформа эта вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ и вообще промышленнаго труда отъ феодальнаго и корпоративнаго гнета, едва ли не самая благодѣтельная и прочная сторона всей конституціи 91 года [1]).

d) Церковь и духовенство [2]), по новому уложенію, получили тоже иное устройство. Въ каждомъ департаментѣ долженъ быть епископъ, въ каждомъ дистриктѣ — викарій или благочинный, въ каждомъ приходѣ—священникъ. Всѣ эти лица избирались гражданами и, какъ обыкновенные чиновники, состояли подъ контролемъ общихъ административныхъ властей, судились гражданскимъ судомъ и должны были давать присягу на вѣрность королю, конституціи и народу. Избраніе же посредствомъ капитуловъ, назначеніе отъ двора и рукоположеніе папою этимъ самымъ были отмѣнены. Это было, однимъ словомъ,—присяжное духовенство, clergé assermenté, съ жалованіемъ отъ правительства, причемъ сельское духовенство было теперь болѣе обезпечено. На содержаніе этого духовенства и расходы богослуженія государство ассигновало 77 милл. ежегодно; долгъ духовенства нація принимала на себя. Затѣмъ, всѣ церковныя и монастырскія имущества, по предложенію Мирабо, отобраны въ казну и объявлены собственностью народа. Конфискаціей этихъ имуществъ Мирабо надѣялся разомъ поправить разстроенные финансы государства, т.-е. и покрыть ежегодный дефицитъ въ 220 милл., и погасить громадный государственный долгъ страны, завѣщанный ей

---

[1]) Sagnac, „La législation civile de la révolution française (1789—1804). Essai d'histoire sociale". 1898 (очень важное изслѣдованіе). Б.

[2]) Callier, „L'assemblée constituante et l'église française". Gand. 1885; Delarc, „L'Église de Paris pendant la révolution". 1895—7. 3 v. Б.

старой монархіей и еще болѣе увеличенный революціей, такъ какъ сумма отъ продажи этихъ громадныхъ имуществъ разсчитана была болѣе нежели въ 2,000 мил.

e) Съ этимъ связаны были новая финансовая система и новое распредѣленіе податей [1]). Если вообще все уложеніе 91 года составлялось подъ сильнымъ давленіемъ демократическаго пролетаріата, то нигдѣ это такъ не замѣтно, какъ здѣсь, на этой сторонѣ конституціи. Тутъ уже прямо, до извѣстной степени, проведены были соціалистическіе принципы, и ученія пале-рояльскихъ демагоговъ, съ Маратомъ во главѣ, нашли здѣсь отголосокъ. Поэтому едва-ли справедливо прежнее мнѣніе, что революція 89 года была только политическою. Луи-Бланъ и потомъ Зибель [, а особенно Тэнъ,] основательно доказали, что вмѣстѣ она была и соціальною. Обыкновенно полагали, что коммунизмъ впервые заявилъ себя во Франціи фактами только въ 1796 г., когда Бабефъ составилъ коммунистическій заговоръ противъ Директоріальнаго правительства съ цѣлью ниспроверженія всего тогдашняго общественнаго и экономическаго порядка и основанія на его развалинахъ демократической и соціальной республики. Но Зибель доказываетъ [2]), что соціалистическіе принципы вліяли уже и на конституцію 91 г. и отразились особенно на введенной ею новой финансовой системѣ. Вотъ факты. Бюджетъ будущаго государства исчисленъ былъ въ 640 милл. и долженъ былъ состоять изъ трехъ главныхъ источниковъ дохода—косвенныхъ налоговъ, прямыхъ налоговъ и государственныхъ имуществъ. Но косвенные налоги были почти вовсе отмѣнены, съ очевидною цѣлью освободить бѣдные классы, не участвовавшіе также и въ несеніи прямыхъ налоговъ, падавшихъ на землю и вообще на недвижимое имущество, отъ всякаго участія въ государственныхъ повинностяхъ. Доходъ съ государственныхъ имуществъ исчисленъ былъ въ 150 милл.; вмѣсто почти уничтоженныхъ косвенныхъ сборовъ установлена была новая прямая подать въ 60 милл., да около 100 милл. ожидалось разныхъ побочныхъ сборовъ (таможенныхъ, судныхъ, гербовыхъ и т. д.). Остальные затѣмъ слишкомъ 300 милл. должны были падать на земельную собственность, чего послѣдняя не въ состояніи была вынести. Отсюда—постоянные недоборы, тѣмъ болѣе, что и государственныя имущества дали гораздо менѣе предположеннаго, а

Соціалистическіе принципы.

[1]) Minoret, „Contribution personelle et mobilière pendant la révolution". 1900. Б.

[2]) См. главнымъ образомъ I, 211 sq. (4 Aufl.). Б.

новая подать въ 60 милл. не поступила и вовсе. Такимъ образомъ уже въ 1790 г. дефицитъ простирался до 220 милл. Большія надежды возлагались, правда, на тѣ 2.000 милл., которые ожидались отъ продажи церковныхъ имуществъ. Но такъ какъ поземельная собственность сильно упала въ цѣнѣ, то отъ продажи этой могло быть выручено только 1.200 милл., которые и должны были обезпечить выпущенные ассигнаты, сумма коихъ мало-по-малу дошла до 1.800 милл., и вмѣстѣ погасить часть государственнаго долга. Но значительная часть этой суммы пошла на продовольствіе бѣднаго народа въ Парижѣ и провинціяхъ. Въ одномъ 1790 г. въ департаментахъ издержано на покупку хлѣба для бѣдныхъ 1,600 милліоновъ, а прокормленіе Парижа въ теченіе 20 мѣсяцевъ отъ начала революціи стало казнѣ еще 75 милл. Да огромныя суммы издержаны были, тоже непроизводительно, на подавленіе безпрестанныхъ мятежей и волненій. Такъ что и ассигнаты скоро пали въ цѣнѣ на 10 и 15%, и финансы опять до того разстроились, что для избѣжанія банкротства демагоги потребовали конфискаціи имуществъ эмигрантовъ. Такъ, одна насильственная мѣра фатально влекла за собой и другую. Что же выходило изъ всего этого? что богатые кормили бѣдныхъ, хотя бы тѣ и не работали. Но кромѣ этихъ крупныхъ соціалистическихъ явленій, такъ сказать освященныхъ самимъ государствомъ, мы встрѣчаемъ еще множество мелкихъ, гдѣ высказывалось тоже коммунистическое настроеніе черно-народной массы: стачки рабочихъ противъ хозяевъ съ цѣлью вынудить повышеніе задѣльной платы, общественныя мастерскія, гдѣ работало или—правильнѣе — получало плату сначала 12 т. въ одномъ Парижѣ, а потомъ къ концу 1790 г.— до 20 т., грабежъ хлѣбныхъ обозовъ и магазиновъ, продажа бѣднымъ хлѣба по пониженнымъ цѣнамъ въ убытокъ казнѣ. Собраніе хотя и понимало это гибельное вторженіе разрушительныхъ началъ въ общественный строй, но изъ страха новыхъ мятежей, соглашалось на всѣ требованія пролетаріата.

Такъ, позади совершавшейся политической революціи, выростала во Франціи еще болѣе грозная революція соціальная, т.-е. походъ неимущихъ классовъ общества на имущіе.

Главными проповѣдниками этой второй — соціальной — революціи были пале-рояльскіе демагоги и издаваемыя ими газеты [1]). Маратъ, напр., въ своемъ „Ami du peuple“ прямо

---

[1]) Alma Soederhjelm, „Le régime de la presse pendant la révolution française“. Paris. 1900. Б.

требовалъ „аграрныхъ законовъ“, т.-е. дѣлежа государственныхъ земель между бѣдными во временное пользованіе, и отнятіе всѣхъ денегъ и имуществъ у богатыхъ съ цѣлью раздачи ихъ бѣднякамъ. Вообще между парижскимъ черно-народьемъ, съ голоса ихъ вождей, стало распространяться убѣжденіе, что они, т.-е. масса, пролетаріатъ, — настоящій властитель государства, что государство должно всячески заботиться о ихъ довольствѣ, что общество какъ-бы въ долгу у нихъ за прежнія несправедливости и что революція должна кончиться не прежде, какъ по достиженіи пролетаріатомъ обезпеченнаго состоянія. Къ неурядицамъ этимъ, внесеннымъ въ общество вторженіемъ коммунистическихъ началъ, присоединился еще цѣлый рядъ и другихъ нестроеній — бунты солдатъ, совершенно деморализованныхъ и зараженныхъ анархическимъ духомъ, крестьянскіе грабежи, буйства, религіозно-церковныя смуты, порожденныя декретомъ о гражданскомъ устройствѣ духовенства.

Тогда само учредительное собраніе, испугавшись открывавшейся безотрадной будущности, рѣшилось принять болѣе энергическіе мѣры противъ анархіи. Воспользовавшись охранительнымъ стремленіемъ, которое обнаружилось въ средѣ владѣющихъ классовъ (активныхъ гражданъ) и національной гвардіи, въ разныхъ мѣстностяхъ Франціи начавшихъ сами собой составлять братства или союзы для защиты законнаго порядка, личной безопасности и личной собственности, оно рѣшилось организовать и соединить въ одинъ союзъ эту охранительную силу и, съ этою цѣлью, назначило великое національное празднество свободы или федераціи въ годовщину взятія Бастиліи, т.-е. на 14 іюля 1790 г. Къ этому дню созваны были въ Парижъ представители всѣхъ охранительныхъ братствъ и національныхъ гвардій Франціи,—и здѣсь, на Марсовомъ полѣ, депутаты эти торжественно поклялись въ вѣрности королю, Франціи и новому государственному уложенію. Самъ король далъ присягу странѣ и еще неоконченный тогда конституціи. Но при этомъ обнаружился уже и тотъ духъ пропаганды, которымъ проникнута была революція. Такъ сюда явились также подъ предводительствомъ нѣмецкаго барона Клоотца и депутаціи отъ иностранцевъ, одѣтыя въ національные костюмы, и требовали — освободить вселенную отъ тиранновъ, подъ которыми разумѣли тогда законное правительство.

Праздникъ свободы и братства.

Укрѣпивъ себя такимъ явнымъ актомъ единодушія всей благомыслящей части общества, собраніе рѣшилось дѣйствовать противъ

Мѣры противъ демагогіи.

парижскихъ демагоговъ энергически. Оно запретило стачки рабочихъ, ограничило право сходокъ и необузданную свободу печати, закрыло національныя мастерскія и пригласило иногороднихъ рабочихъ, собравшихся въ столицѣ и служившихъ готовымъ матеріаломъ для всѣхъ волненій, разойтись по домамъ. Затѣмъ прекращена была также раздача дароваго хлѣба бѣднымъ гражданамъ, и только для обезпеченія участи пролетаріата на первое время отпущено единовременно Парижу 1 мил. и каждому департаменту—по $1^1/_2$ милл. Демагоги поняли, что это—прямое покушеніе на ихъ существованіе и попробовали было поднять новую смуту. Но собраніе, сильное теперь сочувствіемъ всѣхъ лучшихъ гражданъ и содѣйствіемъ національной гвардіи, энергически подавило волненіе. Царству пролетаріата, повидимому, наступалъ конецъ, какъ вдругъ случившееся между тѣмъ неожиданное событіе оживило снова его надежды: то было бѣгство короля изъ Парижа въ ночь на 20 іюня 1791 г.

Бѣгство короля.

Положеніе короля по новой конституціи было самое незавидное; ему предоставлено было только отлагательное veto, да высшая администрація (министерства); по ни на муниципальное управленіе, ни на войско, ни на правосудіе не имѣлъ онъ почти никакого вліянія. Даже кантональныя власти были отъ него совершенно независимы, и онъ не имѣлъ, напр., права смѣстить какого-нибудь приходскаго учителя. Но Людовикъ XVI, при своемъ апатичномъ характерѣ и бездарности, переносилъ это положеніе довольно благодушно, со времени своего переселенія въ Парижъ соглашаясь на всѣ уступки, исполняя всѣ требованія собранія и утверждая его рѣшенія. Ему отчасти даже нравилось это новое положеніе, снимавшее съ него всякую отвѣтственность. Онъ повидимому оставилъ теперь всякую мысль о насильственномъ противодѣйствіи революціи, о чемъ нѣсколько разъ думалъ въ Версалѣ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ феодальной партіи и своихъ придворныхъ. Но въ этой апатичной натурѣ замѣтно выдавались однако же двѣ черты—привязанность къ семьѣ и преданность католической религіи. Пока не затрогивали этихъ струнъ, онъ мирился съ своимъ положеніемъ. Но въ ночь на 6 октября чернь сдѣлала покушеніе на его семейство, а декретъ о присяжномъ духовенствѣ оскорбилъ его набожность и религіозное чувство. И съ этой минуты у него уже не могло ничего быть общаго съ революціей. Тогда-то у него и особенно у королевы возникла мысль о бѣгствѣ изъ Франціи. Но теперь благопріятное для этого время было уже упущено. Бѣгство возможно было сейчасъ же послѣ

штурма Бастиліи, какъ предлагала тогда придворная партія; оно возможно было даже тотчасъ послѣ событій 6 октября, какъ совѣтовалъ тогда Мирабо; ибо тогда можно было сколько-нибудь разсчитыватъ на содѣйствіе регулярнаго войска. Теперь же войска были до того деморализованы и заражены демократическимъ духомъ, что даже самъ Мирабо не рѣшался совѣтовать королю такой шагъ. Онъ думалъ напротивъ, что королю лучше всего удалиться въ Компьенъ, подъ защиту корпуса генерала Буле, преданнаго двору, а оттуда призвать націю къ пересмотру конституціи посредствомъ новыхъ представителей. У этого же новаго собранія Мирабо предполагалъ непремѣнно вытребовать двѣ палаты, абсолютное veto, строгое подчиненіе всѣхъ административныхъ учрежденій министрамъ, окончательное уничтоженіе всего стараго феодальнаго порядка и конфискацію 1/3 церковныхъ имуществъ для нуждъ государства. На этихъ основаніяхъ Мирабо надѣялся создать сильное правительство и водворить во Франціи законный порядокъ и разумную свободу. Онъ думалъ, что въ такомъ случаѣ большая часть департаментовъ и всѣ благомыслящіе граждане станутъ за короля и помогутъ ему подавить анархію и распустить учредительное собраніе. Особенно онъ разсчитывалъ много на неудовольствіе сельскаго населенія по поводу гражданскаго устройства духовенства. Но Людовикъ не довѣрялъ уже теперь и Мирабо, видя въ немъ виновника ненавистнаго ему декрета о присяжномъ духовенствѣ. Тогда Мирабо, оставленный дворомъ и собраніемъ, подозрѣваемый народомъ, ненавидимый демагогами, заболѣлъ и умеръ въ началѣ апрѣля 1791 г. Со смертію этого человѣка исчезла и послѣдняя опора престола и законнаго порядка, и анархія не видѣла уже передъ собою никакихъ преградъ.

Что касается Людовика, то относительно задуманнаго бѣгства рѣшился онъ слѣдовать тому плану, который въ тайныхъ сношеніяхъ предлагали ему эмигранты и Вѣнскій дворъ,—именно бѣжать къ Люксембургскимъ предѣламъ, въ крѣпость Монмеди, и оттуда уже перебраться за границу. Напрасно Буле увѣдомлялъ его о ненадежномъ настроеніи своихъ солдатъ и совѣтовалъ выждать болѣе благопріятное время. Людовикъ, въ надеждѣ на вѣрность наемныхъ нѣмецкихъ отрядовъ, приготовленныхъ Буле, въ ночь на 20 іюня бѣжалъ изъ Парижа съ королевой, дофиномъ и братомъ Людовикомъ Прованскимъ (будущій король Людовикъ XVIII), который одинъ только, направивъ путь къ бельгійской границѣ, успѣлъ счастливо перебраться за французскіе предѣлы. Что же касается самого короля, то на пути къ Монмеди,

въ Вареннѣ, онъ былъ узнанъ и задержанъ тамошними муниципальными властями и національной гвардіей и подъ конвоемъ, какъ плѣнникъ, отправленъ обратно въ Парижъ, при чемъ отряды Буйе, находившіеся по близости, вели себя чрезвычайно двусмысленно, не сдѣлавъ ничего, чтобы отбить короля силою.

Вліяніе бѣгства короля.

Между тѣмъ въ Парижѣ вѣсть о бѣгствѣ короля произвела величайшее смятеніе. Собраніе сначала потерялось и не знало, что дѣлать. Якобинцы, кордельеры и пале-рояльскіе демагоги требовали низложенія Людовика и суда надъ нимъ. Маратъ предлагалъ просто убить все королевское семейство при въѣздѣ его въ Парижъ, а Дантонъ, кромѣ того, требовалъ казни всѣхъ измѣнниковъ дѣлу революціи, къ которымъ причислялъ Балъи, Лафайета и всѣхъ конституціонистовъ. Но собраніе гдѣ господствовали именно эти конституціонисты, рѣшилось сохранить неприкосновенно королевскую власть, съ которою связано было существованіе только-что созданнаго государственнаго уложенія, какъ и вообще существованіе какого-нибудь законнаго порядка. Положено было только сдѣлать пересмотръ конституціи и установить какія-нибудь новыя гарантіи для обезпеченія вѣрности короля уложенію. Собраніе стояло на этомъ такъ твердо, что когда демагоги вздумали взбунтовать парижскую чернь и собрать скопища ея на Марсовомъ полѣ для подписанія адреса Бриссо о низложеніи и судѣ надъ Людовикомъ и о введеніи республики, то оно не задумалось призвать къ содѣйствію совѣтъ городской думы, національную гвардію и всѣхъ благомыслящихъ гражданъ. По этому призыву, Лафайетъ, получивши надлежащія полномочія, усмирилъ мятежъ залпомъ выстрѣловъ и штыками. Этотъ энергическій актъ повиновенія закону произвелъ чрезвычайное впечатлѣніе на всю крайнюю партію: якобинцы и кордельеры замолкли со своими криками о республикѣ, демагоги попрятались, а клубы думали уже прекратить свою пропаганду. Но конституціонная партія не съумѣла воспользоваться своею побѣдою. Вмѣсто того, чтобы продолжать и далѣе дѣйствовать столь же энергически—закрыть клубы и ограничить свободу печати и сходокъ, разогнать изъ Парижа скопища иногородней черни—оно ограничилось учрежденіемъ новаго конституціоннаго клуба фейльяновъ, а при пересмотрѣ конституціи сдѣлало даже демагогамъ уступку, уничтоживъ избирательный цензъ для депутатовъ и введши въ уложеніе весьма опасный законъ, по которому король за всякое нарушеніе своей клятвы, за всякую новую попытку къ побѣгу, а также за употребленіе противъ гражданъ оружія, долженъ считаться низложеннымъ съ престола, и тогда

онъ можетъ быть судимъ, какъ и всякій обыкновенный гражданинъ. Разумѣется, что подобнымъ постановленіемъ для демагоговъ открывалось безконечное поприще для новыхъ нападеній на королевскую власть.

Въ такомъ видѣ новая конституція была разсмотрѣна и принята королемъ, и учредительное собраніе, считая свою задачу оконченной, 30 сентября 1791 года разошлось.

Положеніе Европы въ эпоху учредительнаго собранія и ея отношеніе къ революціи.

Это были послѣдніе годы царствованія Екатерины II въ Россіи [1]), Леопольда II въ Австріи, Фридриха-Вильгельма II въ Пруссіи, Георга III въ Англіи и Густава III въ Швеціи. Насущные вопросы, занимавшіе тогда европейскіе кабинеты, были: во-первыхъ—окончаніе турецкой войны и во-вторыхъ—окончательный раздѣлъ Польши. Занятыя столь важными задачами державы не могли дѣятельно вмѣшаться во внутреннія дѣла Франціи, хотя эмигранты, съ графомъ Артуа (будущій король Карлъ X) во главѣ, и хлопотали объ этомъ ревностно при всѣхъ дворахъ, хотя сама революція съ первыхъ же своихъ дебютовъ начала обнаруживать агрессивный характеръ и духъ пропаганды [и хотя реформы учредительнаго собранія затрогивали права имперскихъ князей въ Лотарингіи, Эльзасѣ и т. д.]. Только послѣ того, какъ Польша патріотическимъ переворотомъ 3 мая [2]) подала нѣкоторую надежду на успокоеніе, и по заключеніи въ Систовѣ мира между Австріей и Портой, императоръ Леопольдъ II подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на всѣ дворы бѣгствомъ и плѣномъ Людовика XVI, а также въ виду революціонной пропаганды, угрожавшей спокойствію сосѣднихъ державъ, рѣшился сблизиться съ Пруссіей, съ которой Вѣнскій дворъ состоялъ въ холодныхъ отношеніяхъ еще со времени Силезскихъ войнъ. Между монархами обѣихъ нѣмецкихъ державъ назначено было съ этою цѣлью [3]) свиданіе въ Пильницѣ (замокъ близъ Дрездена), куда явился также со своими просьбами и предложеніями и графъ Артуа (авг. 1791 г.). Но эти предложенія такъ явно были направлены къ исключительнымъ выгодамъ эмигрантовъ и къ униженію Людовика XVI и Франціи, что императоръ и король отклонили ихъ отъ себя и ограничились изданіемъ деклараціи ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ, гдѣ Леопольдъ развивалъ свою любимую

---

[1]) A. Sorel, „Catherine II et la révol. franç.“ (въ „Essais d'histoire et de critique“. 1883); De Larivière, „„Catherine la Grande d'après sa correspondance. Catherine II et la révolution française“. 1895. Б.

[2]) Указанія на литературу см. выше, стр. 111—112, прим.

[3]) Примиреніе Австріи и Пруссіи произошло за годъ до того, по Рейхенбахскому договору. Б.

мысль, что борьба съ революціей возможна только при общихъ усиліяхъ всѣхъ державъ, и потому для принятія мѣръ противъ революціоннаго духа, грозившаго изъ-за Рейна, приглашалъ къ соглашенію всѣ кабинеты. Но этотъ циркуляръ не имѣлъ ни серьезной цѣли, ни серьезныхъ результатовъ, ибо желаемое соглашеніе всѣхъ державъ, при упорномъ нейтралитетѣ Англіи, утомленной недавней войной со своими американскими колоніями, было немыслимо. Да и декларація Леопольда издана была больше для того, чтобы напугать якобинцевъ и вождей анархіи въ Парижѣ. Когда же вслѣдъ затѣмъ получено было извѣстіе, что Людовикъ XVI добровольно принялъ предложенную ему конституцію, то исчезъ и законный предлогъ къ какому-либо вмѣшательству Европы,—и миръ на этотъ разъ не былъ еще нарушенъ.

IV. Эпоха законодательнаго собранія.

Согласно конституціи 91 года, новое представительное собраніе Франціи называлось законодательнымъ (l'assemblée législative), тогда какъ прежнее, созванное въ 1789 г., извѣстно подъ именемъ національнаго или учредительнаго (l'assemblée nationale, constituante).

Характеръ законодательнаго собранія и его партіи.

Законодательное собраніе открыло свои дѣйствія 1 октября 1791 г. По своему характеру и направленію оно совершенно отличалось отъ учредительнаго. Оно было еще болѣе непрактично, т.-е. еще болѣе напитано тѣми отвлеченными ученіями о государствѣ и гражданской свободѣ, которыя съ голоса Руссо и др. вождей просвѣтительной литературы господствовали въ тогдашнемъ обществѣ. Сущность свободы оно полагало въ республиканскомъ устройствѣ [1]) и думало, что безъ этой формы правленія истинная свобода невозможна. Идеаломъ же республиканскаго устройства считало Аѳины и вообще древне-классическія республики. Таковы, по крайней мѣрѣ, были убѣжденія самой вліятельной партіи собранія — жирондистовъ, главными ораторами которой были: Верніо, Дюко, Гваде́ и Жансонне, хотя истинными руководителями были: литераторъ Бриссо, m-me Роланъ [2]) и аббатъ Сіэйсъ. Первый строилъ планы внѣшней политики Франціи и мечталъ о пропагандѣ революціонныхъ идей на весь

[1]) М. М. Ковалевскій, „Зарожд. республик. партіи во Франціи“ („Истор. Обозр.“, V). Б.

[2]) Шлоссеръ, „Женщины французск. революціи. — Сталь и Роланъ“ (пер. съ нѣм.). Б.

міръ; вторая своимъ античпо-республиканскимъ энтузіазмомъ и фанатическимъ патріотизмомъ увлекала жиронду при рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ внутренней политики; третій былъ, хотя и незамѣтнымъ, но весьма дѣятельнымъ организаторомъ и душею всей партіи. Наконецъ. Кондорсе [1]) проводилъ идеи жиронды посредствомъ своего журнала въ большой публикѣ, воспитывая въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе. Хотя жиронда была тоже отраслью якобинцевъ, но отъ крайнихъ оттѣнковъ этой партіи она отличалась большею умѣренностью, своимъ безкорыстнымъ патріотизмомъ, честностью и искренностью своихъ убѣжденій. Напротивъ, якобинская партія или, какъ она называлась въ собраніи, „гора“ (la Montagne), съ своимъ демагогомъ—ораторомъ Дантономъ [2]) раздѣляя съ жирондой ея республиканскій энтузіазмъ, открыто преслѣдовала коммунистическія мечты и, за немногими исключеніями, состояла изъ грубыхъ, грязныхъ и своекорыстныхъ агитаторовъ парижской черни [3]). Цѣлью обѣихъ этихъ партій было низверженіе монархіи и учрежденіе республики, отъ которой они ожидали какого-то золотаго вѣка благоденствія и счастія для Франціи; лучшимъ же средствомъ для достиженія этой цѣли считали они европейскую войну, чтобы держать умы въ безпрерывномъ напряженіи, мутить чернонародіе и найти поводъ обвинить короля въ измѣнѣ и ниспровергнуть престолъ. Такимъ образомъ истинными виновниками 22-лѣтней революціонной войны съ Европою были не союзъ и заговоръ „старыхъ дворовъ“ и эмигрантовъ противъ французской свободы, какъ это доказывала большая часть французскихъ историковъ, а интриги и фанатизмъ жиронды и якобинцевъ.

Въ сравненіи съ могуществомъ этихъ партій, конституціонисты или фельяны, составлявшіе правую сторону собранія, съ самаго же начала являлись въ весьма жалкомъ, разрозненномъ и почти оборонительномъ положеніи, безъ даровитыхъ вождей, безъ

---

[1]) M. Frayssinet, „La République des Girordins“. Toulouse. 1903; Cahen, „Condorcet et la révolution française“. 1904. Б.

[2]) О немъ монографія — Robinet (1889). Б.

[3]) Жирондисты стояли больше за индивидуальную свободу, за децентрализацію и федеральныя начала; якобинцы же, среди которыхъ тоже было немало убѣжденныхъ фанатиковъ, жертвовали индивидуальной свободой; это были величайшіе деспоты, государственники и централизаторы; во всемъ этомъ они скорѣе преемники и послѣдователи „стараго порядка“. Причина послѣдующаго могущества и торжества ихъ заключалась не только въ безразборчивости ихъ средствъ, но и въ томъ, что тогда, среди крайней опасности, Франція нуждалась въ сильной власти и въ единствѣ, а такую власть могли дать ей якобинцы, но не жирондисты. Б.

энергической поддержки правительства и общественнаго мнѣнія, хотя они и представляли собой интересы всѣхъ благомыслящихъ гражданъ. Но такъ какъ единственно дѣятельною и энергическою силою государства были якобинцы, которыхъ въ это время насчитывалось уже во всей Франціи до 400 тысячъ, составлявшихъ тѣсно организованный союзъ, опиравшійся на голодный и буйный пролетаріатъ, то и всѣ выборы въ законодательное собраніе состоялись почти исключительно подъ ихъ вліяніемъ, между тѣмъ, какъ благомыслящіе граждане большею частію уклонялись отъ выборовъ и вообще отъ всякой общественной дѣятельности. Этимъ и объясняется, почему это новое представительное собраніе, по степени своихъ политическихъ способностей и талантамъ своихъ вождей вообще стоявшее ниже учредительнаго, наполнилось большею частію людьми молодыми, бѣдными, безпокойными и мало приготовленными къ практической дѣятельности—адвокатами, медиками, юристами, присяжными священниками и разночинцами всякаго званія, [тѣмъ болѣе, что, по предложенію Робеспьера, учредительное собраніе, въ порывѣ безкорыстія, постановило, что никто изъ его членовъ не можетъ быть избранъ въ собраніе законодательное; этимъ заранѣе устранялись, значитъ, люди, успѣвшіе пріобрѣсти уже нѣкоторую политическую опытность]. Были между членами законодательнаго собранія и нѣсколько десятковъ запуганныхъ представителей прежняго дворянства, но вообще интересы собственниковъ и капиталистовъ, этихъ всегдашнихъ опоръ консерватизма, представлены были здѣсь чрезвычайно слабо.

Столкновеніе собранія съ королемъ.

Оттого законодательное собраніе, съ первыхъ же дебютовъ своихъ, обнаружило демократическій и преобразовательный духъ и поставило себя въ недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ королевской власти, которая, при всѣхъ своихъ ограниченіяхъ, все еще казалась ему слишковъ сильною и опасною. Такъ, собраніе начало свою дѣятельность съ уничтоженія титуловъ и почестей, подобающихъ королевскому сану, и затѣмъ предложило Людовику XVI два декрета, разомъ задѣвшіе его самыя чувствительныя струны: о восьмидневномъ срокѣ неприсяжныхъ священниковъ, послѣ котораго они должны быть изгнаны изъ своихъ приходовъ, и о назначеніи всѣмъ эмигрантамъ, не исключая и братьевъ короля, срока для возвращенія во Францію къ 1 января 1792 г., послѣ чего имѣнія ихъ должны быть конфискованы и сами они объявлены измѣнниками отечества. Людовикъ XVI, въ силу своего конституціоннаго veto, отказался утвердить эти поста-

новленія, и тогда-то между нимъ и собраніемъ начался формальный разрывъ.

Начало революціонной войны.

Довершенію разрыва, начавшагося между королемъ и законодательнымъ собраніемъ, способствовали также и обстоятельства внѣшней политики [1]). Императоръ Леопольдъ II попрежнему разсчитывалъ на нравственное впечатлѣніе монархической коалиціи, разсчитывалъ на то, что европейскій конгрессъ, о которомъ тогда хлопотали, устрашитъ французскихъ демократовъ и внушитъ болѣе твердости фельянамъ или умѣренной партіи; но отъ прямаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи попрежнему былъ очень далекъ. А между тѣмъ жирондѣ, во что бы ни стало, нужно было ускорить разрывъ, чтобы, какъ сказано, найти случай обвинить короля въ измѣнѣ и ниспровергнуть монархію. Для этого она всякаго рода интригами успѣла во-первыхъ низвергнуть тогдашнее министерство Людовика (Нарбонъ, Делессаръ, Бертранъ де Мольвиль) и поставило его въ необходимость, чтобы имѣть какую-нибудь поддержку въ собраніи, окружить себя министрами-жирондистами, во главѣ которыхъ стоялъ Роланъ, мужъ знаменитой патріотки и республиканки, отъявленный врагъ короля. Новое министерство (Роланъ, Серванъ, Клавьеръ, Дюмурье, Дюрантонъ), какъ и можно было ожидать, рѣшило прежде всего ускорить разрывъ съ Австріей и принудить ее къ войнѣ. Спачала оно попробовало изолировать эту державу, отвлекши отъ нея Пруссію и обезпечивъ за собою нейтралитетъ Англіи. Но отъ Пруссіи оно не только ничего не добилось, но, напротивъ, его интриги только ускорили заключеніе формальнаго союза между этими двумя государствами, подтвержденнаго потомъ, по смерти Леопольда, и преемникомъ его Францомъ II. Англія же и Швеція, на содѣйствіе которой жиронда тоже разсчитывала, остались нейтральными.

Напрасно Вѣнскій кабинетъ въ открывшейся теперь рѣзкой дипломатической перепискѣ увѣрялъ законодательное собраніе, что онъ не имѣетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ противъ Франціи и ея новаго государственнаго устройства, а желалъ только

---

[1]) Главнымъ образомъ см. уже названные труды Зибеля и Сореля. Затѣмъ—Ranke, „Ursprung und Beginn der Revolutionskriege". 1872. 2 Bde.; Hüffer, „Oesterreich und Preussen gegenüber der französischen Revolution". Bonn. 1868; Heigel, „Deutsche Geschichte vom Tode Friedr. d. Gross. bis zur Auflösung des alten Reiches" (доказываетъ, что отвѣтственность падаетъ не на однихъ жирондистовъ и такимъ образомъ ограничиваетъ утвержденіе Зибеля); Clapham, „The causes of the war of 1792". Cambridge. 1899 (тоже); Ludwig, „Die deutschen Reichsstände im Elsass und der Ausbruch d. Revolutionskriege". Strassb. 1898; E. Denis, „Allemagne de 1789 à 1810". 1896. Б.

союзомъ монарховъ оградить собственную безопасность, спокойствіе Германіи и Европы, и увѣрялъ совершенно искренно; ибо боялся и за Бельгію, принадлежавшую въ то время къ Габсбургскимъ владѣніямъ, и за Польшу, гдѣ русскіе и пруссаки могли тѣмъ временемъ управиться безъ участія Австріи, и за рейнскія курфюршества (Майнцъ, Триръ, Кельнъ), сосѣднія съ Франціей. Собраніе категорически потребовало отъ императора расторженія прусскаго союза, распущенія арміи эмигрантовъ, собравшейся въ Кобленцѣ, и прекращенія вообще всякихъ враждебныхъ демонстрацій противъ Франціи и, получивъ уклончивый отвѣтъ, заставило короля 20 апрѣля 1792 года объявить Австріи войну, которая всѣми партіями во Франціи принята была съ величайшей радостію, ибо каждая надѣялась достигнуть въ ней своихъ завѣтныхъ желаній: якобинцы и жирондисты— низвергнуть монархію, фельяны и король—упрочить свое положеніе. Въ изданномъ отъ имени собранія, по этому случаю, манифестѣ развивалась та мысль, что Франція начинаетъ теперь войну не съ народами, въ которыхъ видитъ друзей, ищущихъ, какъ и она, свободы, а только съ притѣснителями ихъ—монархами.

Такимъ образомъ, объявленная въ 1792 г. революціонная война была чисто дѣломъ жиронды и якобинцевъ, и разсказы французскихъ историковъ о какомъ-то крестовомъ походѣ монарховъ на Францію, о мнимомъ заговорѣ европейскихъ дворовъ противъ революціи, не имѣютъ никакого основанія. Интимная переписка Маріи-Антуанетты съ Вѣнскимъ дворомъ, изданная Арнетомъ, окончательно не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія, такъ какъ изъ нея совершенно ясно видно, что Австрія желала только оградить себя и перспективой иноземнаго заступничества въ пользу Людовика XVI запугать революціонеровъ и поддержать умѣренныхъ.

Однако первыя дѣйствія французскихъ войскъ въ Бельгіи, подъ начальствомъ генерала Рошамбо, Люкнера и Лафайета, были очень неудачны. Подъ Турнэ и Монсомъ они потерпѣли уронъ и должны были воротиться во-свояси. Мечты патріотовъ о побѣдномъ шествіи революціонныхъ армій до Рейна и Альпъ, о пріобрѣтеніи для Франціи этихъ „естественныхъ границъ“, о революціонномъ возстаніи населеній въ Бельгіи и прирейнскихъ земляхъ, такъ и оказались одними мечтами. Генералы обвиняли въ неудачѣ другъ друга; Лафайетъ ссорился съ приверженнымъ къ королю военнымъ министромъ Дюмурье, въ которомъ видѣлъ опаснаго соперника своему вліянію; военныхъ запасовъ не было;

денегъ—тоже. Напротивъ, сама Францiя очутилась теперь въ опасности, тѣмъ болѣе, что и Пруссiя, въ силу союзнаго австрiйскаго трактата, объявила ей войну. А толки объ измѣнѣ, объ австрiйскомъ заговорѣ въ Тюльери, о тайныхъ сношенiяхъ короля съ эмигрантами, усиливали еще болѣе ярость якобинцевъ и демократовъ. Но что въ особенности давало постоянную тему общему неудовольствiю и ропоту, такъ это неисправимое разстройство финансовъ [1]) и вообще бѣдственное экономическое положенiе страны.

Финансовое и экономическое положенiе Францiи.

Не смотря на новый выпускъ ассигнатовъ, количество которыхъ теперь возросло уже до 2 съ лишнимъ миллiардовъ, на продолжавшуюся продажу церковныхъ имуществъ и конфискацiю имѣнiй эмигрантовъ, не смотря даже на родъ открытаго банкротства, объявленнаго правительствомъ, такъ какъ оно отказывалось платить по нѣкоторымъ государственнымъ долговымъ обязательствамъ,—состоянiе финансовъ и при законодательномъ собранiи было такъ-же плохо, какъ и при учредительномъ. Въ первые три мѣсяца своего управленiя оно сдѣлало противъ бюджета передержку въ 46 милл., да военныя дѣйствiя въ Бельгiи стоили болѣе 50 милл. Можно было предвидѣть, что при такомъ финансовомъ хозяйствѣ къ концу года будетъ издержанъ миллiардъ, между тѣмъ какъ нормальные доходы казны по бюджету опредѣлены были только въ 600 милл., но и изъ тѣхъ около половины вовсе не поступало въ казну по причинѣ безпрестанныхъ смутъ и вѣчныхъ недоимокъ. Да и брать было не изъ чего. Общее разоренiе и бѣдность чувствовались на каждомъ шагу. Промышленная дѣятельность и торговля упали; а мѣры правительства, въ родѣ запрещенiя вывоза шерсти и хлопка, только ухудшали положенiе дѣлъ; народъ все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ труда, такъ какъ коммунисты-демагоги внушали ему безпрестанно, что государство должно заботиться о бѣдныхъ и кормить ихъ, а Маратъ открыто проповѣдовалъ, что богачи—воры, составившiе себѣ состоянiе изъ долей, принадлежащихъ бѣднякамъ. Дошло то того, что государство подъ разными видами (таксы на хлѣбъ и товары, на сахаръ и другiе колонiальные продукты, раздача хлѣба бѣднымъ по пониженной цѣнѣ) принуждено было кормить около 2 милл. рабочаго народа. Не довольствуясь этой помощью отъ государства, пролетарiатъ въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ часто расправлялся и самъ съ купцами и капиталистами, грабилъ обозы и магазины

---

[1]) Gomel, „Histoire financière de la Législative et de la Convention“. 1902. Б.

и нападалъ на денежныя кассы по городамъ. Война, разомъ убившая искусственную французскую промышленность, насажденную Кольберомъ, еще болѣе, разумѣется, усиливала эти замѣшательства. Курсъ ассигнатовъ палъ на 10 и 15%, а потомъ еще ниже. Звонкая монета почти совершенно исчезла изъ обращенія. А рядомъ съ этими экономическими неустройствами шла своимъ чередомъ соціальная революція, т.-е. борьба пролетаріата съ имущими гражданами, и во многихъ мѣстахъ, въ Авиньонѣ, Марселѣ, Арлѣ и вообще на югѣ, дѣло доходило до образованія цѣлыхъ вооруженныхъ федерацій активныхъ гражданъ съ цѣлью защищать свою безопасность и собственность отъ покушенія пролетаріата. Въ особенности Марсель сдѣлался притономъ самыхъ отчаянныхъ демократовъ, которые овладѣли городомъ и національной гвардіей, распоряжались всѣми окрестными департаментами, а противъ Авиньона и Арля, гдѣ господствовали болѣе умѣренные граждане, снарядили формальную экспедицію. Затѣмъ, не нужно забывать, что, къ довершенію всѣхъ бѣдствій, церковныя смуты продолжались попрежнему, и во многихъ мѣстахъ народъ яростно защищалъ неприсяжныхъ священниковъ, гонимыхъ якобинцами и правительствомъ. Наконецъ, ко всему этому присоединились еще неурожай и голодъ, такъ что правительству приходилось иногда вынуждать у крестьянъ продажу спрятаннаго ими хлѣба вооруженною силою.

Вотъ элементы общественнаго броженія, которыми жиронда рѣшилась воспользоваться для достиженія своей цѣли, т.-е. ниспроверженія монархіи, а якобинцы и кордельеры—для возбужденія второй, соціальной революціи.

Подготовительныя мѣры къ ниспроверженію королевской власти.

Прелюдіей къ открытому нападенію на престолъ были слѣдующія распоряженія жиронды, которыя она успѣла провести въ законодательномъ собраніи:

a) Уничтоженіе 6-тысячнаго корпуса тѣлохранителей короля (garde constitutionnelle), подъ тѣмъ предлогомъ, что эта сила можетъ сдѣлаться орудіемъ королевскаго деспотизма и что въ рядахъ этой гвардіи будто бы находится много эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ. Король попробовалъ не согласиться, но долженъ былъ уступить угрозамъ министровъ.

b) Преобразованіе національной гвардіи, которая, состоя большею частію изъ имущихъ и составляя охранительную силу, казалась жирондѣ и якобинцамъ ненадежною въ дѣлѣ замысленной уже второй, соціальной революціи. Гвардія эта, по отбытіи Лафайета къ арміи, лишена была теперь общаго вождя

и разъединенною предоставлена въ распоряженіе муниципальныхъ властей Парижа.

и с) Учрежденіе арміи санкюлотовъ изъ 20 тыс. человѣкъ, снабженныхъ копьями и сосредоточенныхъ въ одномъ общемъ лагерѣ подъ Парижемъ. Это была чисто революціонная армія, состоявшая изъ самой низкой черни и навербованная тайными агентами городской думы и мэра Петіона. Національная гвардія, чуя въ санкюлотахъ враждебную ей разрушительную силу, напрасно протестовала противъ этого нововведенія.

Когда король лишенъ былъ, такимъ образомъ, всякой защиты, жиронда на-время соединилась съ якобинцами и кордельерами для общаго нападенія на престолъ. Поводомъ къ нему послужило празднованіе трехлѣтней годовщины дня объявленія независимости средняго сословія, празднованіе, назначенное на 20 іюня 1792 года.

Къ тому же, незадолго передъ тѣмъ, король увидѣлъ себя вынужденнымъ уволить свое жирондистское министерство, и вотъ по какому случаю. Когда Людовикъ рѣшился противопоставить свое veto декрету объ арміи санкюлотовъ, то Роланъ подалъ ему очень дерзкое письмо, составленное его женою, въ которомъ короля упрекали въ реакціонныхъ намѣреніяхъ. Оскорбленный Людовикъ далъ отставку Ролану и его товарищамъ, тѣмъ болѣе, что письмо получило гласность, было торжественно прочитано въ собраніи и разослано въ безчисленныхъ экземплярахъ по департаментамъ. Событіе это, въ свою очередь, тоже ускорило взрывъ подготовлявшейся новой революціи. Напрасно Дюмурье предлагалъ королю, довѣрившись ему вполнѣ, утвердить временно всѣ требованія собранія и затѣмъ обѣщалъ ему опору и содѣйствіе арміи. Людовикъ не довѣрялъ уже никому и не согласился на предложеніе Дюмурье. Тогда Дюмурье подалъ въ отставку и уѣхалъ къ сѣверной арміи, а черезъ два дня послѣ его отъѣзда произошло новое революціонное движеніе въ Парижѣ.

Нападеніе на тронъ. 20 іюня.

20 іюня, по тайному подстрекательству жиронды и съ содѣйствія Петіона, съ утра собрались передъ ратушей толпы вооруженной черни и въ числѣ 40 тыс., подъ предводительствомъ Дантонова друга, Сантерра, направились къ собранію съ адресомъ, въ которомъ требовали низложенія короля, какъ измѣнника отечеству, или, по крайней мѣрѣ,—отмѣны ненавистнаго veto. Національная гвардія, вслѣдствіе разныхъ хитрыхъ распоряженій Петіона, не препятствовала этой манифестаціи. Толпы черни вломились въ собраніе и открыли по заламъ его фантастическое

шествіе, продолжавшееся три часа. А затѣмъ все сборище съ угрозами направилось къ Тюльери, куда, по предательскому распоряженію муниципальныхъ властей, облегченъ былъ ей доступъ. Явившись во дворецъ, чернь, съ Сантерромъ во главѣ, дошла безпрепятственно до внутреннихъ покоевъ короля. Людовикъ спасся только необыкновеннымъ, хотя и страдательнымъ присутствіемъ духа. Онъ смѣло вышелъ къ толпѣ, кричавшей: „à bas le veto! Vivent les sansculottes!“ и въ теченіе двухъ часовъ, безмолвный и неподвижный, оставался среди черни, позволяя ей дѣлать съ собой все, что угодно—кричать, бранить, пить за его здоровье и, наконецъ, надѣть ему на голову красную шапку. Только въ 7 часовъ вечера явился Петіонъ и, извинившись передъ королемъ въ промедленіи, благодарилъ народъ за патріотизмъ и умѣренность, обѣщая ему все, чего онъ требовалъ; затѣмъ незамѣтно онъ ускользнулъ изъ дворца, а съ нимъ мало-по-малу разошлась и чернь.

Такимъ образомъ, цѣль мятежа 20 іюня не была достигнута. Жирондисты, впрочемъ, не желали еще въ то время ни смерти, ни низложенія короля, такъ какъ подобная развязка казалась имъ тогда преждевременной, но они все-таки хотѣли сдѣлать къ ней новый шагъ и, запугавши дворъ, вынудить у него отмѣну veto и назначеніе впредь министровъ не королемъ, а собраніемъ, въ надеждѣ этимъ путемъ овладѣть опять министерствомъ. Но якобинцы и кордельеры не ограничивались, конечно, этими желаніями и, дѣйствуя въ послѣднемъ движеніи заодно съ жирондой, разсчитывали, быть можетъ, на убіеніе короля во время какой-нибудь свалки. Однако страдательное мужество Людовика, а, можетъ быть, и трусость бунтовщиковъ спасли на этотъ разъ отъ опасности королевское семейство.

Плоды 20 іюня были пока не только потеряны для жиронды, но напротивъ—насилія и буйства парижской черни вызвали негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей Франціи и болѣе всего національной гвардіи и Лафайета. Этотъ послѣдній легко могъ бы теперь повести свои войска на Парижъ и, соединившись тамъ съ національной гвардіей, подавить анархію и уничтожить якобинцевъ. Якобинцы, дѣйствительно и боялись этого чрезвычайно. Но, вмѣсто того, Лафайетъ, въ своемъ вѣчномъ лавированіи между престоломъ и анархіей не могшій никогда прійти къ какому-либо твердому рѣшенію, прибылъ въ Парижъ одинъ и, осыпавъ жиронду безплодными упреками, опять предлагалъ королю послѣдовать плану Мирабо и Дюмурье, т.-е. стать подъ защиту арміи, и тогда онъ, Ла-

фаиетъ, берется подавить якобинцевъ. Но Людовикъ и особенно королева недовѣряли Лафайету, сдѣлавшему имъ уже столько зла, и остались въ Парижѣ; генералъ же со стыдомъ уѣхалъ обратно къ арміи.

Когда удобная минута реакціи была пропущена, жиронда опять стала работать вмѣстѣ съ якобинцами и кордельерами надъ ниспроверженіемъ монархіи; но только каждая партія дѣйствовала теперь въ своемъ смыслѣ: жиронда боялась якобинцевъ; якобинцы недовѣряли и презирали жиронду. Общаго между ними, дѣйствительно, было только то, что тѣ и другіе одинаково желали республики. Но жиронда хотѣла при свободѣ порядка, безопасности и закона; между тѣмъ какъ якобинцы подъ именемъ республиканской свободы разумѣли именно отсутствіе всякаго порядка, господство черни и грабежъ богатыхъ въ пользу пролетаріевъ [1]). Каждая партія, начиная съ 20 іюня, стала поэтому принимать свои мѣры къ огражденію своихъ интересовъ, хотя обѣ стремились пока къ одной общей ближайшей цѣли.

Жиронда, желая упрочить за собою вліяніе, облекла законодательное собраніе диктаторскою властью, вручила ему непосредственное управленіе государствомъ и подъ тѣмъ предлогомъ, что „отечество въ опасности" (la patrie est en danger) какъ отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и отъ внутреннихъ крамольниковъ, призвала къ оружію всѣ національныя гвардіи Франціи, надѣясь опереться на эту силу въ случаѣ какого-нибудь кризиса. Якобинцы же, съ своей стороны, стали устраивать въ Парижѣ формальную и правильную революціонную организацію. Такъ, при городской думѣ учрежденъ былъ ими „революціонный комитетъ" (comité insurrectionnel), который посредствомъ своихъ агентовъ (до 5 т. человѣкъ) возбуждалъ народъ къ возстанію, раздавая ему патроны, оружіе и напитки; для того, чтобы усилить революціонную чернь столицы, призваны въ столицу такъ называемые федераты, т.-е. единомышленные съ ними отряды національной гвардіи и провинціальный пролетаріатъ, которые, по случаю предполагавшагося празднованія годовщины взятія Бастиліи, 14 іюля 1792 г., должны были собраться въ Парижѣ. Между этими прибывшими федератами въ особенности страшны были своимъ революціоннымъ фанатизмомъ марсельцы, принесшіе съ собою также и свою революціонную пѣсню, марсельезу, сочиненную Руже-де-Лилемъ и сдѣлавшуюся вскорѣ національнымъ гимномъ революціи.

---

[1]) Ср. прим. 3 на стр. 235. Б.

Посреди такихъ-то грозныхъ приготовленій всѣхъ партій для окончательной борьбы съ монархіей, въ концѣ іюля появился знаменитый манифестъ герцога Брауншвейгскаго [1]), главнокомандующаго союзною прусско-австрійскою арміею, который, готовясь вступить въ предѣлы Франціи, изъ Кобленца грозилъ Парижу разрушеніемъ и пожаромъ за всякое покушеніе противъ короля, а законодательное собраніе и городскія власти должны были отвѣчать своими головами за его безопасность. Прокламація эта, изданная по настоянію эмигрантовъ, со стороны союзниковъ, австрійцевъ и пруссаковъ, была большою политическою ошибкою. Она еще болѣе возбудила фанатизмъ революціонеровъ и якобинцевъ, ухудшила положеніе короля, въ которомъ видѣли теперь явнаго заговорщика, стоявшаго въ связи съ иностранными врагами Франціи, и дала революціи какъ-бы законный поводъ ниспровергнуть престолъ.

10 августа. Подъ вліяніемъ фанатическихъ возбужденій якобинцевъ, всѣ 48 муниципальныхъ секцій, на которыя былъ раздѣленъ Парижъ [2]), посредствомъ особыхъ депутацій, съ Петіономъ во главѣ, потребовали отрѣшенія короля и созванія конвента. Собраніе назначило обсужденіе этого вопроса на 9 августа. Но обсужденіе было безполезно, такъ какъ демагоги рѣшили его уже заранѣе: къ требованію было прибавлено, что въ случаѣ, если къ 11 часамъ вечера 9 августа собраніе не удовлетворитъ этому желанію народа, то народъ воспользуется своею верховною властью и управится посвоему. Но къ назначенному времени жиронда, какъ-бы чувствуя, что отмѣна монархіи и ее самоё предастъ въ руки якобинцевъ, колебалась и не могла ни на что рѣшиться. Тогда якобинскіе вожди, съ Дантономъ во главѣ, въ полночь съ 9 на 10 августа, велѣли ударить въ набатъ и къ утру несмѣтныя толпы вооруженной черни и федератовъ подъ предводительствомъ Сантерра двинулись на Тюльери. А между тѣмъ совѣтъ городской думы свергнутъ былъ инсургентами и весь замѣщенъ якобинцами, представителями секцій, составившими „революціонную коммуну"; мэръ Петіонъ по собственному настоянію для вида подвергнутъ былъ аресту, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ оказался, съ одной стороны сочувствуя возстанію, а съ другой—считая для себя, какъ главы городскаго управленія, неудобнымъ открыто примкнуть къ нему и принять отвѣтственность за послѣдствія.

---

[1]) О немъ — ст. Heigel'я въ Sitzungsberichte d. philos.-philol. und histor. Kl. d. Bayer. Akad. d. Wissensch., 1896, IV. Б.

[2]) Mellié, „Les sections de Paris pendant la révolution française". 1898. Б.

Посредствомъ вывода регулярныхъ войскъ, уничтоженія конституціонной гвардіи и реорганизаціи гвардіи національной, дворъ давно уже поставленъ былъ въ беззащитное положеніе, такъ-что теперь, въ минуту крайней опасности, могъ выставить только около 1000 человѣкъ наемныхъ швейцарцевъ, около 3000 оставшихся вѣрными національныхъ гвардейцевъ, да сотню или двѣ роялистовъ—дворянъ и офицеровъ бывшей королевской арміи, собравшихся во дворцѣ защищать престолъ. Начальство надъ этими силами имѣлъ въ тотъ день генералъ Мандатъ. Но еще на разсвѣтѣ генералъ этотъ былъ потребованъ для личныхъ объясненій въ городскую думу и, ничего не подозрѣвая, отправился на это приглашеніе. При своемъ появленіи онъ былъ тотчасъ схваченъ, а затѣмъ и умерщвленъ.

Королевское семейство въ храбромъ генералѣ лишилось и своей послѣдней опоры. Не смотря однако на все это, не смотря на очевидное ничтожество силъ, бывшихъ въ распоряженіи двора, даже и тогда Людовикъ XVI, быть можетъ, могъ бы избѣжать опасности, еслибы дѣйствовалъ съ большею твердостью. Ему стоило бы только смѣло стать во главѣ оставшагося ему вѣрнымъ войска,—и тогда, по всей вѣроятности, къ нему присоединилась бы большая часть національной гвардіи, не участвовавшая въ движеніи, присоединились бы, вѣроятно, всѣ благомыслящіе граждане столицы, позапиравшіеся въ своихъ домахъ,—можетъ быть, многіе изъ жирондистовъ и ужъ, конечно, всѣ фельяны, и тогда, ему удалось бы даже подавить въ этотъ день якобинцевъ, которые, не смотря на грозныя приготовленія, дѣйствовали все-таки чрезвычайно робко, а Робеспьеръ и Маратъ даже вовсе не показывались на улицахъ. Но вмѣсто этого изъ всѣхъ предложенныхъ совѣтовъ Людовикъ выбралъ самый дурной. Онъ послушался жирондиста Редерера, бывшаго всю эту ночь во дворцѣ, подъ предлогомъ преданности, но, конечно, не безъ предательскихъ и шпіонскихъ намѣреній, и, запуганный имъ, согласился искать убѣжища и защиты въ законодательномъ собраніи. Въ 9 часовъ утра 10 августа вмѣстѣ съ королевой и дофиномъ Людовикъ явился въ залѣ собранія и отдался подъ его покровительство. Конституція запрещала ему присутствовать при преніяхъ, и потому ему отвели для помѣщенія ложу стенографовъ. А между тѣмъ вооруженная чернь уже подступила къ Тюльери. Защитники его, можетъ быть, и тутъ еще успѣли бы отстоять свое дѣло, если бы при первыхъ выстрѣлахъ король не прислалъ приказа — прекратить всякое сопротивленіе. Не смотря однако на это, [когда швейцарцы выступили изъ дворца, на нихъ про-

изведено было нападеніе, началось безпощадное ихъ избіеніе] и почти всѣ они, числомъ до 800 человѣкъ, погибли при этой свалкѣ. Народъ же потерялъ всего около [полутораста убитыми и тяжело ранеными][1]).

Подъ вліяніемъ такихъ-то внѣшнихъ впечатлѣній, при напорѣ безпрестанныхъ вооруженныхъ депутацій, требовавшихъ немедленнаго низложенія короля, начались въ законодательномъ собраніи пренія объ участи монархіи, пренія, въ которыхъ изъ 747 депутатовъ участвовали только 284. Остальные попрятались въ минуту крайней опасности. Засѣданіе продолжалось до 3 часовъ утра слѣдующаго дня, и въ теченіе его постановлены были слѣдующія рѣшенія: временная отмѣна королевской власти и арестъ короля, смѣна министровъ, уничтоженіе veto, назначеніе новыхъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ собраніемъ, и, наконецъ, созваніе національнаго конвента для окончательнаго рѣшенія участи короля и составленія новаго государственнаго уложенія. Королевское же семейство положено было отправить подъ стражею въ Люксамбургскій дворецъ [2]).

Жиронда, безъ сомнѣнія, разсчитывала попасть также въ члены и новаго представительнаго собранія — національнаго конвента—и этимъ путемъ удержать за собою власть, но горько ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Вскорѣ она должна была убѣдиться, что вся дѣйствительная сила, а слѣдовательно и вся дѣйствительная власть принадлежитъ „Парижской городской коммунѣ“ (la Commune révolutionnaire), образовавшейся въ ночь 10 августа и руководившей всѣмъ движеніемъ. Коммуна эта одержала теперь побѣду надъ королевскою властью и не думала кому бы то ни было уступать ея плоды. Само законодательное собраніе должно было вскорѣ почувствовать ея силу. И дѣйствительно, вслѣдъ за 10 августа, коммуна тотчасъ же присвоила себѣ не только роль высшаго правительственнаго учрежденія столицы, но и общегосударственное значеніе,—значеніе верховнаго органа народнаго представительства. Въ этой двойной роли она и приняла теперь мѣры къ обезпеченію похищеннаго положенія. Мѣры эти были слѣдующія:

а) Новое преобразованіе національной гвардіи. Ея прежніе 60 баталіоновъ были теперь раскассированы и перемѣшаны

---

[1]) Фактъ, что Тюльери былъ оставленъ почти безъ всякаго сопротивленія, что отчаяннаго штурма при этомъ никакого не было и что потери инсургентовъ были крайне незначительны, доказанъ Mortimer-Ternaux на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ. Его выводы приняты Зибелемъ (въ послѣднемъ изданіи) и Тэномъ. Б.

[2]) „Captivité et derniers moments de Louis XVI. Récits originaux et documents officials, recueillis et publiés... par de Beaucourt. 1892. 2 v. Б.

съ санкюлотами и якобинцами. У законодательнаго собранія отнята была, такимъ образомъ, военная сила, на которую оно до сихъ поръ опиралось.

b) Учрежденіе наблюдательнаго комитета (Comité de surveillance—зерно будущаго Comité du salut public временъ террора), обязанность котораго состояла въ наблюденіи за врагами революціи и въ принятіи противъ нихъ своевременныхъ мѣръ. Мѣры же эти состояли въ домашнихъ обыскахъ и въ арестованіи подозрѣваемыхъ въ роялизмѣ лицъ, число которыхъ въ концѣ августа доходило до 2000, и затѣмъ въ казни, или правильнѣе — въ избіеніи этихъ жертвъ по тюрьмамъ посредствомъ фанатической черни и свирѣпыхъ якобинцевъ. Предлогомъ къ этимъ „сентябрьскимъ убійствамъ" послужило вторженіе и затѣмъ нѣкоторые успѣхи союзныхъ нѣмецкихъ войскъ при Лонгви и Верденѣ, когда Дантонъ въ первый разъ высказалъ въ собраніи мысль, что, „въ виду внутреннихъ крамолъ роялистовъ правленіе должно быть основано на ужасѣ". Дума и ея комитетъ, не принимая на себя прямой отвѣтственности за совершившееся, допустили, однако, эти убійства, якобы справедливую месть ожесточеннаго народа.

c) Образованіе новаго министерства, на половину изъ якобинцевъ (Дантонъ, Монжъ, Лебренъ) и на половину изъ жирондистовъ (Роланъ, Серванъ, Клавьеръ). Но въ совѣтѣ министровъ господствовалъ Дантонъ, опираясь на связи свои съ думой, гдѣ властвовали Робеспьеръ и Маратъ.

d) Переводъ королевскаго семейства въ крѣпкій замокъ Тампль, гдѣ оно находилось совершенно во власти думы.

e) Рядъ коммунистическихъ законовъ [1]), изданныхъ съ тѣмъ, чтобы задобрить чернь и съ помощью ея утвердить свое владычество въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи: конфискація имущества эмигрантовъ, аукціонъ имущества сентябрьскихъ жертвъ, выпускъ новыхъ ассигнатовъ съ обязательнымъ курсомъ (ассигнаты пали тогда на 60%), насильственная замѣна найденной при домовыхъ обыскахъ звонкой монеты ассигнатами, правительственная такса на хлѣбъ и понудительный вывозъ его на рынокъ, и т. п.

Жиронда рѣшилась было протестовать противъ этого самоуправства, какъ и противъ всей узурпаціи городской думы, объявивъ всѣ ея распоряженія уничтоженными и самую думу распущенною; но, не имѣя въ рукахъ никакой матеріальной силы, должна

---

[1]) Неточно. См. Н. И. Карѣевъ, „Ист. Зап. Евр.", III, 586 (1-е изд.). — О соціализмѣ во время французской революціи — одна изъ новѣйшихъ работъ - Lichtenberger'a, „Le socialisme et la révolution française". 1899. Б.

была смириться; и напротивъ того, сама коммуна обвинила теперь жиронду въ измѣнѣ отечеству и въ тайномъ доброхотствѣ къ пруссакамъ и эмигрантамъ и потребовала суда надъ главнѣйшими лицами этой партіи.

Съ другой стороны, не удалась также и попытка Лафайета возстановить конституцію и королевскую власть посредствомъ регулярной арміи. Его прокламація къ войскамъ въ этомъ смыслѣ не была ими поддержана, и самъ онъ долженъ былъ бѣжать за границу. Главнокомандующимъ же на его мѣсто назначенъ Дюмурье.

Послѣ этого и во всей Франціи переворотъ 10 августа былъ признанъ, и коммиссары, разосланные собраніемъ, повсюду получили присягу на вѣрность народному правленію.

Подъ вліяніемъ этихъ событій и отношеній начались выборы въ національный конвентъ, выборы, въ которыхъ, по настоянію Робеспьера и якобинцевъ, должны были принять участіе всѣ безъ различія граждане. Къ половинѣ сентября 1792 г. выборы эти были окончены, а 20 числа этого мѣсяца „національный конвентъ“ открылъ свои засѣданія.

NB. Этимъ заканчиваются лекціи проф. М. Н. Петрова. **Б.**

2007041358